

**ОЧЕРКИ
КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
НАРОДОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О Ч Е Р К И
КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
Н А Р О Д О В
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Под общей редакцией д. и. н. Н. В. Лукиной

Редколлегия издания: академик РАН В. П. Алексеев,
к. и. н. В. А. Дремов, д. и. н. В. М. Кулемзин, д. и. н.
Н. В. Лукина, д. и. н. В. И. Матющенко, чл.-корр. РАН
В. И. Молодин, к. и. н. Л. М. Плетнева, д. и. н.
Н. А. Томилов

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О Ч Е Р К И
КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
Н А Р О Д О В
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Том 1. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Книга II

Редколлегия тома: к. и. н. Л. М. Плетнева (ответственный редактор), чл.-корр. РАН В. И. Молодин, д. и. н. В. И. Матющенко, к. и. н. В. А. Борзунов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1994

52(2P0C5)

УДК 930.26

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. II. Поселения и жилища. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 286 с. 1000 экз. 0504000000.

В монографии впервые рассмотрены поселения и жилища всей исторической эпохи: от палеолита до современности. В книге собран огромный фактический материал, дана его систематизация, показана история поселений и жилищ, выявлены закономерности развития городищ.

Для археологов, этнографов, историков, краеведов и всех интересующихся историей культурных явлений Западной Сибири.

Рецензент: д. и. н. Т. Н. Троицкая

1/1000, 3/1000
4/1000

ISBN 5—7511—0287-8

О $\frac{0504000000}{177(012)-94}$ 8—92

© Томский государственный университет, 1994

Часть третья

ПОСЕЛЕНИЯ И ПОСТРОЙКИ
ПЕРИОДА XVIII—XX ВВ.

Глава 8. ПОСЕЛЕНИЯ И ПОСТРОЙКИ ДОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В этнографической части рассматриваются поселения и постройки начиная с XVIII в., то есть со времени, о котором есть письменные сведения очевидцев, и кончая последними десятилетиями XX в. В поле нашего зрения главным образом сельская архитектура, которая до середины XX в. была почти исключительно индивидуальным творением народных умельцев. Степень ее изученности у дорусского и русского населения Западной Сибири различна. По дорусским поселениям и постройкам имеются обстоятельные описания и исследования в литературе (хотя ситуация по отдельным народам различается), поэтому мы лишь кратко излагаем их, дополняя новыми сведениями, а основное внимание уделяем собственному анализу. С изученностью домостроительных традиций русских сибиряков дело обстоит иначе. Здесь нет обобщающих работ и даже описания имеются далеко не по всей интересующей нас территории. В нашей работе много новых данных, описания более подробны и по более широкому кругу вопросов. Классификацию жилищ мы даем несколько иначе, чем в литературе, — в соответствии с положениями, изложенными во введении. Ее принципы приведены перед описанием построек отдельно по дорусскому и русскому населению.

8.1. Краткая история изучения

Сведения о поселениях и жилищах народов Западной Сибири имеются с начала XVIII в., их стало значительно больше в XIX в., однако публикации нередко относятся к более поздним временам. Имеются в виду работы А. В. Адрианова, В. И. Вербицкого, И. Г. Георги, И. Г. Гмелина, В. Ф. Зуева, Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, Гр. Новицкого, П. С. Палласа, В. В. Радлова,

И. П. Фалька, И. Э. Фишера, Н. М. Ядринцева и многих других. Их упоминания либо описания основаны на личных наблюдениях. На них и другие источники опирался Н. Харузин (1895, 1896) в первом специальном труде по жилищу финно-угорских, тюркских и монгольских народов. Он излагает свою типологию жилищ и исследует их эволюцию.

В самом начале XX в. вышло солидное сочинение У. Т. Сирелиуса о финских и обско-угорских жилищах [Sirelius U. T., 1906—1911]. Описание и иллюстрации по обским уграм даются в нем из полевых материалов автора, который развивает также собственную концепцию эволюции жилищ. Эту работу позднее широко использовали многие исследователи, в том числе и мы. Далее следует упомянуть книгу М. Б. Шатилова (1931) об остяках реки Вах. В том же году вышла статья Г. М. Василевич с краткими сведениями о жилище эвенков Тыма и Кети. В 1936 г. В. Н. Чернецов опубликовал наиболее подробное описание чума тундровых ненцев. Затем появилась статья Е. Д. Прокофьевой (1947) с анализом древних жилищ нарымских селькупов.

В 1956 г. увидел свет большой том «Народы Сибири», где характеризуются основные типы жилищ этого региона. Более обстоятельное их описание, собственные типология и взгляд на историю жилища народов Сибири изложены А. А. Поповым (1961) в «Историко-этнографическом атласе Сибири». Это издание отличается многообразным и прекрасным иллюстративным материалом. Оно служит фундаментом для всех последующих изысканий по данной теме. По литературным и собственным полевым материалам целый ряд статей о жилище и селениях обских угров написала З. П. Соколова (1957, 1959, 1960, 1960 а, 1962, 1963, 1964). В отношении типологии она следует частично за А. А. Поповым. Особенность ее работ — в сочетании данных этнографии и археологии. Это первый серьезный опыт комплексного исследования жилищ Западной Сибири. В 1962 г. вышла статья З. П. Соколовой со сведениями о постройках эвенков Кети. Монография Л. В. Хомич «Ненцы» (1966) содержит всестороннее описание чума и стойбища. Затем вышли монографии Е. А. Алексеенко «Кеты» (1967) и Г. М. Василевич «Эвенки» (1969) с конкретными сведениями о постройках и поселениях и сравнительно-историческим анализом некоторых типов, относящихся к Западной Сибири.

В 1971 г. вышла статья Т. Б. Долгих с наиболее полными данными по чуму лесных ненцев. Описание стационарных жилищ нарымских селькупов и их анализ в плане выделения этнических компонентов даны в книге Г. И. Пелих «Происхождение селькупов» (1972). Е. М. Тоцакова (1973, 1978) характеризует основные типы традиционных жилищ алтайцев. Описание построек содержится

в книге В. Ф. Сатлаева «Кумандинцы» (1974). В ряде статей З. Д. Титовой (1975, 1976, 1978, 1979 и др.) публикуются архивные источники XVIII в. (в переводе на русский язык) с краткими, но ценными сведениями по интересующему нас вопросу. Специальную статью по истории юрты написал С. И. Вайнштейн (1976). Анализ ненецкого чума в этногенетическом плане дан в новой монографии Л. В. Хомич (1976). В таком же аспекте исследованы разные типы жилищ аборигенов циркумполярной зоны в монографии Ю. Б. Симченко (1976). Описание поселений и построек трех групп хантов дано в книге В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной (1977).

В 1980 г. вышли монографии В. Т. Валеева и Н.-А. Томилова, где впервые приведены обстоятельные данные по исследуемым элементам культуры у западносибирских татар. В 1983 г. в Финляндии увидели свет дневники экспедиции У. Т. Сирелиуса к хантам Васюгана и Ваха, значительная часть которых посвящена интересующему нас вопросу [Sirelius U. T., 1983]. Некоторые традиционные жилища южных алтайцев подробно описаны в статье С. Н. Тихонова (1984). Вскоре были опубликованы этнографические дневники В. Н. Чернецова (1987) с ценной информацией о поселениях и постройках манси. Краткое описание и анализ жилищ северных селькупов дает С. В. Лезова (1988). Дневники В. В. Радлова (1989), переведенные на русский язык, содержат важные сведения по традиционным жилищам тюрков Сибири. Одновременно вышла монография В. Кимеева о шорцах (1989), где дано краткое описание селений и построек. И, наконец, в качестве подготовительного этапа к нашей коллективной монографии издан сборник «Жилище народов Западной Сибири» (1991) со статьями В. М. Кимеева, А. В. Притчина о постройках шорцев, А. Г. Селезнева — о землянках барабинцев, В. Д. Славнина — о жилищах кумандинцев и Э. Саара — о чуме хантов.

Кроме того, при решении вопросов классификации и типологии мы учитывали следующие работы: «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы» (1968); «Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии» (1979); статью Т. А. Нечаевой (1987) и др.

Использованы также неопубликованные источники, главным образом материалы этнографических экспедиций и практик Томского университета к шорцам, чулымским тюркам, так называемым карагасам, нарымским селькупам, хантам. О жилище заболотных татар нам известно из дипломного сочинения А. С. Петренко (1989), по ненцам получена консультация у Л. В. Хомич.

Источники и исследования по фольклористике, относящиеся к поселениям, рассмотрены отдельно в следующем разделе.

8. 2. Поселения северо-западной Сибири по фольклорным источникам

Обращение к фольклорным данным в исторических исследованиях случается чаще всего тогда, когда другие виды источников исчерпывают себя. Это не распространяется в полной мере на процесс изучения древних западносибирских поселений, где достижения археологии и этнографии наиболее результативны и значимы. Но и в этой области исторического знания фольклору как сумме во многом уникальных данных принадлежит свое определенное и важное место.

До сих пор была предпринята лишь единственная попытка реконструкции древних поселений, военного дела и социальных отношений на основе фольклорных данных — это в значительной мере дублирующие друг друга работы С. Патканова, где использовано устное творчество почти исключительно иртышских хантов [Патканов С., 1891, 1891 а]. Исследования эти, бесспорно, интересны, не потеряли своего значения до сих пор и многократно привлекались учеными смежных дисциплин в качестве индикатора своих выводов. Однако трудность в их использовании состоит в недифференцированном подходе автора к своим источникам — нет указаний на их этническую принадлежность, собственные наблюдения (например, над топографией и планиграфией городищ) в изложении никак не отделяются от информации из «былин и сказаний».

Фольклор западносибирских этносов включает в себя обильную, но весьма распыленную информацию по характеристике поселений его носителей. Большая ее часть относится к укрепленным поселениям — городищам — и содержится в героическом эпосе: «военной сказке» по Е. Д. Прокофьевой у селькупов [Куприянова З. Н., 1969, с. 47], «*тэрнинг эры'* — героической песне» по И. И. Авдееву (1936, с. 15) или «*тэрнын эрыг* — военной песне» по В. Н. Чернецову [Источники..., 1987, с. 190] у манси, «*сюдбац* и *ярабц* — героических эпических песнях» по З. Н. Куприяновой у ненцев [Эпические песни ненцев..., с. 19, 21, 27]. Все эти источники включают в себя многообразный и интересный материал по фортификации поселений, организации военного дела, вооружению и тактическим приемам коренных западносибирских этносов. Однако сейчас в литературе оформились два взгляда на объективность информации из сибирского героического эпоса. По мнению И. С. Гурвича, все вышеперечисленные разновидности жанра образуют западносибирскую провинцию ранних форм героического эпоса, которая «испытала сильное влияние южных тюрко-монгольских эпических традиций, принесенных на Север предками тунгусо-

язычных народов, а также кетов, обских угров, самодийцев» [Гурвич И. С., 1983, с. 168]. Такие элементы сказаний манси и селькупов, как богатырские кольчуги, шлемы, мечи, укрепленные городища, являются заимствованиями из южносибирского эпического творчества, поскольку «... все эти черты не характерны для примитивного патриархального бытового уклада обских угров» и южных самодийцев (Там же, с. 163). Вряд ли с этим можно согласиться. Если откинуть известную гиперболизацию угро-самодийского фольклора, то все эти элементы вполне положительно коррелируются с археологическими источниками. Неспроста поэтому большинство специалистов исключительно высоко оценивают устное творчество народностей Севера как историко-этнографический источник [Воскобойников М. Г., 1960, с. 53, 175; Легенды и сказки хантов ..., 1973, с. 7; Вдовин И. С., 1970, с. 16; Чистов К. В., 1970, с. 5; Алексеев Е. А., 1970, с. 47 и др.].

Кроме героического эпоса использовались и другие жанры фольклора, в первую очередь, исторические предания⁴⁶. Происходило это не только в силу их большей информативности, насыщенности необходимым для поднятой темы материалом, но и по причине присущего им историзма, близости к объективному отражению реальных событий [Васильев В. И., 1984, с. 138]. Часть данных по описанию поселений обнаруживается в сказках — «произведениях развлекательного характера, основанного на вымысле», в которых, однако же, «содержатся реалистические картины жизни народа» [Хомич Л. В., 1984, с. 144].

Привлекался фольклор этносов, проживающих как в лесной полосе Западной Сибири — нарымских селькупов, хантов, манси, лесных эвенков, так и обитателей тундры — ненцев. В некоторых случаях использованы художественные памятники северных селькупов, кетов, энцев, иганасан, тундровых эвенков. Обусловлено это, в первую очередь, сходством поселенческих структур этих народов по этнографическим данным, а также их устойчивыми культурно-экономическими связями, отразившимися не только в параллелях быта и мировоззрения, но и сформировавшими многочисленные и прочные аналогии в фольклоре. Например, сходства устного народного творчества северных самодийцев и кетов «так велики и практически повсеместны..., что с известным основанием можно говорить о единой мифологической структуре...» [Топоров В. Н., 1969, с. 126].

⁴⁶ Вопрос классификации жанров в фольклористике народов Сибири остается до сих пор открытым. Поэтому для обозначения жанра источника использована терминология текста авторов публикаций.

Несколько замечаний к хронологии. Существуют реальные трудности при датировке возникновения явлений культуры вообще. Они определяют трудность в датировке фольклорных событий. Поэтому очень часто имеет место «произвол авторов в датировании времени зарождения фактов фольклора» [Анфертьев А. Н., 1984, с. 246]. Пока, по мнению специалистов, налицо общая тенденция к удревнению этих фактов (там же). Например, В. И. Васильев определяет возраст исторических преданий и сказов в 50—70 лет [Васильев В. И., 1984, с. 138]; С. Патканов считает, что былины и сказания имеют не меньшую чем 300-летнюю давность [Патканов С., 1891, вып. 3, с. 91]. Данные, собранные последним исследователем, используются в качестве иллюстрации археологических источников то эпохи железа в целом [Косарев М. Ф., 1984, с. 150], то раннего железа [Там же, с. 154], то раннего [Соловьев А. И., 1987, с. 111; Финно-угры и балты..., с. 234] или развитого [Финно-угры и балты..., с. 175, 208] средневековья. Общее теоретическое положение, что эпос возникает в период разложения первобытнообщинного строя и продолжает развиваться на ранних ступенях классового общества [Мелетинский Е. М., 1963, с. 424], пока мало применимо к эпическому наследию Сибири из-за неравномерности развития и слабой изученности социальной истории населяющих ее этносов. Вопрос о датировке фактов сибирского фольклора остается открытым.

О типах заселения, т. е. «расположении поселений на местности в зависимости от физико-географических условий» [Витов М. В., 1953, с. 33—34], информация в фольклоре очень расплывчата. В лесной зоне повсеместно доминировал речной тип заселения: поселения, особенно городища, приурочивались к террасам рек. С. Патканов (1891, вып. 3, с. 98) объяснял это коммуникативной ролью рек. К этому можно добавить их весьма важное производственное значение в условиях охотничье-рыболовческого хозяйства древнего приобского населения и положительные тактические характеристики этой части рельефа. Сведения о расположении поселений «на материке», «на высокой горе» есть в устных памятниках хантов, манси, селькупов. Иногда об этом говорится прямо, иногда в форме поэтической метафоры («В крепости, режущей бегущие облака, странствующие облака...» [Kannisto A., 1958, с. 160]), в некоторых случаях можно догадаться по деталям повествования, когда, например, герою для входа в город приходится подниматься на гору [Пухначев В., 1972, с. 31—32]. Неоднократно подчеркивается тактическая важность высотного расположения городища. Так, в мансийском эпосе есть сюжет, по которому находящаяся на холме крепость в момент военной опасности еще более увеличивает свою недоступность, самопроизвольно поднявшись «на вы-

соту семи древков копий» [Богатырь двух горных хребтов..., с. 80].

Очень часто в фольклорных источниках оговаривается, что поселение находится на мысу террасы. Относительно иртышских хантов это отмечал еще С. Патканов: «Значительная часть городков... занимает преимущественно мыски... Особенно удобны для этой цели места впадения в большую реку притоков» [Патканов С., 1891, вып. 3, с. 98]. Для подобной категории городищ у северных хантов даже существует специальный термин, переводимый на русский язык как «мыс-хата» [Хлобыстин Л. П., 1967]. Мысовое расположение поселений отмечено в сказках селькупов, манси, кетов.

Другой тип заселения, отчетливо прослеживаемый в художественных памятниках отмеченных этносов, — озерный. Как правило, упоминаются берега озера, если речь идет о селище, и остров среди водоема — в случае описания городища. Вал крепости богатырей тымских селькупов проходил «край воды», по самому берегу острова [Пелих Г. И., 1972, с. 90—91], дух-покровитель сосвинских манси «Старик Святого города» жил в городке на острове «на большой высоте» [Kannisto A., 1958, с. 102]. Тактические преимущества, вытекающие из изолированности островных поселений, их естественных защитных средств, стирали в данном случае резкую грань между городищем и селищем. Недаром кеты, согласно одной из их сказок, скрываясь от нападения юраков, образовали селище именно на острове [Дульзон А. П., 1962, с. 179].

В фольклоре народностей тундры и лесотундры прослеживаются уже отмеченные типы заселения — речной и озерный и иные — приморский и тундровый. Например, в ненецком эпосе встречаемость речного, озерного, приморского и тундрового типов заселений в количественном отношении выражается как 14:3:3:6. Чумы на реке чаще располагались в устье, чем в вершине. Мысовое расположение стойбищ на речном берегу удалось выявить в каждом седьмом случае, на морском — в каждом отдельном. В мифологических сказках и исторических преданиях энцев и нганасан (1961, 1976) часто отмечается приурочивание поселений к озерам, в том числе указывается их месторасположение именно «по яру». В тундре чумы преимущественно старались поставить на возвышенности — холме, хребте.

Нередко поселения лесной зоны распадаются на две части: защищенное городище и неукрепленное селище рядом с ним. Об этом, например, сообщается в образцах фольклора, собранных С. Паткановым (1891, вып. 3, с. 101—102), В. Н. Чернецовым (1935, с. 116). В лексике мансийских сказаний распространен подтверждающий это наблюдение оборот «сисынг ус сис — приго-

родье города с пригородом» [Баландин А. Н., 1939, с. 71]. Но эта планиграфическая деталь в источниках отмечается нечасто и как бы попутно; действия, как правило, разворачиваются в городище. Это свидетельствует, очевидно, об определенном приоритетном положении укрепленной части поселка в сознании сказителей. Интересна в этой связи такая параллель. Общеизвестно особо почтительное отношение многих сибирских народов к голове человека, медведя и других животных как местообитанию душ. Так, у хантов по отношению к медвежьей голове зафиксировано красноречивое подставное название — «вош-город» [Кулемзин В. М., 1984, с. 85]. Археология дает многочисленные примеры сосуществования укрепленных и открытых частей поселения.

Планиграфические характеристики поселков во многом обусловлены их типом заселения. В частности, приуроченность к водоемам и коммуникативная роль последних предопределяли наличие специальных площадок-пристаней на берегу. Так, «жердяные пристани... и подмостки для причаливания лодок» зафиксированы в эпосе южных хантов [Патканов С., 1891, вып. 3, с. 100], «бревенчатые настилы и подмостки для причаливания лодок» — у нарыньских селькупов [Пелих Г. И., 1981, с. 135], тавтологическую фразу «пристань города с пристанью» можно отнести к числу наиболее устоявшихся штампов мансийского фольклора [Авдеев И. И., 1936, с. 46]. Эта особенность поселенческой планиграфии отражена даже в топонимике — одно из городищ ханты называли «Ус-Толт — городская пристань» [Чернецов В. Н., 1957, с. 138]. Очевидно, именно крепость с пристанью подразумевается под поэтической формулой эпоса лозьвинских манси: «Город из жердей с водяными жердями, город из балок с водными балками» [Kapnist A., 1958, с. 159].

Поскольку в летний период реки служили основными путями передвижения, жители старались всячески уменьшить уязвимость береговой части поселения. В легендах восточных и южных хантов, манси неоднократно упоминается натянутая через водоем веревка с подвешенными на ней бубенчиками и шумящими женскими украшениями, конец которой находился на поселении. Неожиданно натолкнувшись: на это препятствие или даже перерезав его, противник тем самым уже предупреждал о своем прибытии и лишался фактора неожиданности при нападении. Рядом с пристанью в дно водоема втыкались заостренные, слегка затопленные и направленные в сторону ожидаемого нападения колья. «Особенно гибельны были подобные засады для берестяных лодок. Они при этом неминуемо тонули, а люди, сидевшие в них, часто изувечивались», — писал С. Патканов (1891, вып. 4, с. 102).

Данная деталь фортификации не только препятствовала высад-

ке противника на берег, но и позволяла обороняющимся расстреливать его с близкого расстояния прямо в лодках. Эти события нашли свое отражение в фольклоре селькупов, южных и восточных хантов. В мансийской эпической сказке есть эпизод, из которого следует, что преграды из заостренных кольев могли устраиваться не только у поселения, но и у засады лучников на пути отступающего противника [Богатырь двух горных хребтов..., с. 83].

С напольной стороны подступы к поселению защищались засеками с настороженными самострелами.

Основную фортификационную нагрузку на укрепленных поселениях нес вал с бревенчатым забором поверху; в то время как эти элементы оборонительных линий упомянуты в фольклоре всех западносибирских этносов, защитная роль рва не отмечена никак. При сооружении крепости валу уделялось основное внимание. Например, для городища селькупского богатыря сто человек носили землю, отсыпали ее по краю острова и утрамбовывали [Пелих Г. И., 1972, с. 90—91]. Но, очевидно, вал являлся более основанием для надвального укрепления, нежели отдельным препятствием для наступающих. Во всех источниках вслед за возведением вала обязательно повествуется о сооружении забора на нем, и нет данных о его самостоятельных защитных функциях. Важность изгороди определяется и тем фактом, что ее наличие почти обязательно отмечалось даже в кратком описании городища: «Живет старик—городской богатырь в крепости, окруженной железными стенами, окруженной деревянным частоколом» [Авдеев И. И., 1936, с. 45, 47, 49]. В некоторых мансийских источниках понятия «городище» и «укрепление из лиственниц» даже выступают в синонимических отношениях [Kannisto A., 1958, с. 182]. Иногда в эпосе эта деталь фортификации получает сакрально-гипертрофированную окраску, и речь идет о семирядном заборе [Kannisto A., 1958, с. 135; Чернецов В. Н., 1935, с. 131]. В таких случаях реальная основа, конечно же, потеснена фантазией, но в массе других указываются 2—3-линейные фортификации, что хорошо подкрепляется археологическими источниками. Сохранились и другие детали, дающие основания для частичной реконструкции бревенчатых надвальных заграждений. Бревна были заострены сверху—об этом, к примеру, свидетельствует лексика мансийского фольклора, где имеется устойчивый термин «кераль ив—остроконечный частокол, защищающий городок» [Баладин А. Н., 1939, с. 36]. Использовалось, судя по всему, не любое дерево, а долговечное—лиственница, это отмечено чуть выше. С внутренней стороны забора или частокола устраивались специальные настилы для лучников [Чернецов В. Н., 1935, с. 131]. Сооруженный в оборонительном поясе

проход с воротами, возможно, ориентировался в противоположную от реки сторону, поскольку с пристанью жители городка вынуждены были сообщаться посредством опускаемых с бревенчатой стены по обрыву берега длинных лестниц, втягиваемых наверх в минуты военной опасности [Григоровский Н. П., 1884, с. 31]. Скорее всего, деревянное укрепление было довольно серьезным препятствием для наступающих; сначала они вынуждены были перебрасывать свои послания через высокие стены [Дульзон А. П., 1966, с. 96—158], а затем взламывать их, неся при этом неизбежные и ощутимые потери [Пелих Г. И., 1972, с. 331—332 и др.]. Вот как неприступность крепости отложила в сознании одного из сказителей-манси: «Палисады в небо уперлись. Бревна их вершинами за темные тучи задевают, нижними концами в подземный мир высунулись. Нигде щелочки не найти, внутрь ограды не пролезть» [Чернецов В. Н., 1935, с. 131].

В отличие от народностей лесной полосы Западной Сибири, в устных источниках которых отражен долговременный характер укрепленных поселений, кочевники-оленьеводы тундры и лесотундры возводили укрепления вокруг своих стойбищ лишь в момент надвигающейся опасности. Очевидно, можно говорить о сравнительно позднем и заимствованном от своих южных соседей характере фортификации в культуре эвенков, ненцев, энцев, нганасан. Оборонительные сооружения у этих народностей исчезли, не успев самостоятельно и широко распространиться и получить фиксацию и необходимое осмысление в художественном творчестве. Так, в нганасанских преданиях иногда упоминается забор между сражающимися — *фа-морю*, *фаморюда*, *фэ-морю* или *фэ-морузо* [Мифологические сказки... нганасан..., 1976, с. 172]. Но в интерпретации рассказчика его функции приобретают далекий от фортификационного характер. Во-первых, этот забор ставили не по периметру стойбища, а лишь со стороны противника; во-вторых, он выдвигался на 100—150 саж. (213—320 м) от крайних чумов; в-третьих, обороняющиеся сражались не за забором, а перед ним, поскольку «этот забор делали не столько для укрытия от стрел, сколько для того, чтобы за него уносить своих убитых, чтобы юраки их не вспарывали и не мочили свои стрелы в их крови... Но иногда за забором ложились и стреляли» (там же). Вряд ли такое трудоемкое и дорогостоящее занятие, как возведение бревенчатого забора в условиях тундровой безлесности проводилось лишь с целью предохранения от надругательства над убитыми сородичами. Скорее всего, мы имеем здесь дело с недостаточно оформившейся в фольклоре культурной инновацией. В художественных памятниках энцев забор интерпретируется уже именно в качестве фортификационного

препятствия вокруг поселения: «Когда стрелять будут, чтобы в чумы к бабам и ребятишкам стрелы не пролетали» [Мифологические сказки... энцев..., 1961 с. 90; Сказки народов Севера..., 1959, с.126]. В легенде «Колё-биом» в описании забора отмечен «маяк» — наблюдательная башня с приставной лестницей [Мифологические сказки... энцев..., с. 90]. Очевидно, в условиях тундровой равнины этот простейший оборонительный элемент был еще более неприступным, чем в тайге, — недаром в финале только что упоминаемой энецкой легенды юраки, убоявшись крепкого забора, отказались от намерения штурмовать стойбище. Возведение лёгких укреплений в условиях предстоящего сражения было характерно и для эвенкийской военной тактики: «Потом, встав утром, устроили изгородь, чтобы через изгородь стрелять друг в друга стрелами» [Исторический фольклор эвенков..., 1966, с. 317]. Иногда у эвенков встречаются сведения о «семи оградах» или о «семи двойных оградах» вокруг крепостей, но, как и в вышеприведенном случае, это не более чем результат мифотворческой деятельности. В целом художественные памятники народов севера Западной Сибири информации об укрепленных поселениях и элементах фортификации несут несравнимо меньше, чем фольклор обитателей лесной полосы.

О количестве жилищ на поселении по устным источникам судить весьма сложно. Гиперболизация, характерная для сибирского фольклора и неоднократно подчеркнутая исследователями [Эпические песни ненцев..., 1965, с. 35, 55, 56; Гурвич И. С., 1983, с. 164; Мифологические сказки... энцев..., 1961, с. 167; Хомич Л. В., 1984, с. 145 и др.], выражается прежде всего в количественных характеристиках: числе жилищ, оленей, воинов, единицах времени и пространства и т. д. К примеру, отрывок из мансийского героического эпоса: «В городке его людей столько, сколько муравьев на муравьище в жаркий день. Птица городок его из конца в конец пролететь не может, от усталости падает. Взор человеческий через весь городок хватить не может, на половине обрывается» [Чернецов В. Н., 1935, с. 129].

Объективному отражению размеров поселений в устном творчестве препятствует и сакрализация некоторых популярных в мифологии чисел — слишком часто сумма жилищ определяется в 7, 70 или 700. Поэтому верхняя граница количества жилищ, как правило, нереальна — до 100 [Мифологические сказки... нганасан..., 1976] или даже до 700 [Эпические песни ненцев..., 1965]. С другой стороны, минимальный предел числа землянок и чумов, донесенный в фольклоре, достаточно правдоподобен и убедителен. Чаще речь идет об однодворном поселении — укрепленном или неукрепленном жилище: «Шествую по берегу и ви-

жу, что показался жердяной поселок с одним домиком. Подхожу я к однодворному поселку с одним двором» [Авдеев И. И., 1936, с. 84—85]. Встречаются и другие вполне реальные числа построек на поселениях: 3; 5; 7; 30 и т. д.

Для обозначения укрепленного жилища в героическом эпосе имеются специальные термины: «военная землянка» [Дульзон А. П., 1966 а, с. 79] или «военный чум» [Дульзон А. П., 1962, с. 161] у кетов, «*мюты-мате* — военный дом» у южных [Пелих Г. И., 1981, с. 136] и «крепость-землянка» у северных [Ошаров М., 1936, с. 111] селькупов. Вот как передает устройство такого жилища один из нарымских селькупов: «Раньше выкопают подземную яму, туда чум деревянный ставят, чтобы ночью не пришли, не расстреляли... Землянки с подземными ходами были... В землянке вверху отверстие было, туда бревно с зарубкой ставили... Жили в этих крепостях. Окошки ставили узкие». Некоторые такие жилища были двухэтажными: вверху устраивался помост со стенами, имеющими узкие бойницы для стрельбы [Пелих Г. И., 1981, с. 135]. Очевидно, схожее устройство имели крепости-жилища и у соседних этносов. По крайней мере, сведения о подземных ходах от берега реки к укрепленным землянкам есть не только в южноселькупском, но и в восточнохантыйском фольклоре [Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977, с. 194—195]. Кетская «военная землянка» засыпалась сверху полусаженным слоем земли [Дульзон А. П., 1966 а, с. 79]. Возможно, кроме функции жилища богатыря-предводителя или группы воинов укрепленная постройка выполняла и другие. Например, некоторые из них могли быть складами оружия. В пользу этого предположения косвенно свидетельствует описание «военного чума» в кетской «Сказке про Тогуна», где в качестве жердей-олатин основы чума и жердей-придавок для тиски снаружи использованы рога тины воинов [Дульзон А. П., 1964, с. 163]. Скорее всего, примененный здесь художественный прием есть не что иное, как аллегория. Заметим, что информация об одиночных укрепленных жилищах положительно коррелируется с археологическими данными, где городища подобного типа известны с эпохи поздней бронзы [Борзунов В. А., Липский В. И., 1984].

Одной из важных характеристик поселения является его форма (застройка, планировка) — способ организации построек относительно друг друга. На основании фольклорных источников можно выделить два типа застройки. Первый — замкнутый (кольцевой). Так, например, организовывались поселки манси [Авдеев И. И., 1936, с. 59, 64]. По кругу устанавливались чумы на стойбище лесных эвенков, на безопасной площадке центра возводились жилища богатырей-предводителей [Мифологические

сказки... нганасан..., с. 235]. Второй способ планировки поселений — линейный или дуговой. При нем чаще всего постройки вытягивались в цепочку вдоль основного ландшафтного ориентира — берега водоема. Об этом свидетельствуют исторические предания восточных хантов [Материалы по фольклору хантов..., с. 27—28], рисунки энца-сказителя Р. А. Силкина, опубликованные Б. О. Долгих. Интересно, что в последнем случае прямая линия поселения свободным пространством разбита на два отрезка, каждый из которых составляют жилища одного рода [Мифологические сказки... энцев..., с. 41, 64]. У манси тоже существовала линейно-дуговая или какая-то иная (но отличная от кольцевой) форма поселения. Именно она послужила причиной появления некоторых штампов в лексике мансийского фольклора: «*Овлынг ус овыл* — конец города с концами, *овлынг павыл овыл* — конец поселка с концами» [Баладин А. Н., 1939, с. 71].

Кольцевой тип застройки предполагает наличие организующего центра. Им была, как правило, площадка в середине поселения. Поскольку городки были полифункциональны и играли роль религиозных центров (а богатырь и шаман почти всегда в фольклоре выступают в одном лице), то нетрудно предположить культовое предназначение центральной зоны поселения. Это подкрепляется некоторыми образцами фольклора. «И шагаю... на середину поселка со серединою. Входу в веселый дом лесного зверя, входу в веселый дом лугового зверя», — повествуется в одной из мансийских «медвежьих песен». Из дальнейшего явствует, что в центре поселка стояло строение с медвежьей шкурой внутри, куда жители обращались при необходимости свершения клятвы, гадания и пр. [Авдеев И. И., 1936, с. 64]. В другой песне описывается «жертвенная площадка... с заплевневелой головой священного зверя» (то есть медведя), также расположенная в середине поселка [Там же, с. 59]. Многие источники несут информацию о стоявших на городищах столбах. По С. Патканову, они выполняли сугубо прозаическую фортификационную функцию, являясь опорами для помостов наблюдателей [Патканов С., 1891, вып. 4, с. 102]. Но другие фольклорные источники приписывают им иную роль. Так, согласно селькупскому сказанию, железный столб спас обитателей городка, послужив богатырю в трудную минуту грозным оружием. Скорее всего, в записанном варианте информатор интерпретировал покровительствующую роль столба слишком буквально, на самом деле она мыслилась более опосредованно. Из собранных воедино разных редакций этого сказания культово-охранительная роль столба (идола?) вытекает довольно определенно. Во-первых, он был не простым а железным и не сгорал даже после

разорения и уничтожения городища [Пелих Г. И., 1972, с. 91]. Во-вторых, этот столб передавался по мужской линии; при матриликальном браке богатырь приносил его на городище жены от своего отца. В-третьих, он должен был постоянно находиться в центре поселка; после окончания боя богатырь приносил и ставил его на место [Там же, с. 331—332; Бабушкин Н., Кошелев Я., 1961, с. 28—29].

Здесь будут уместны некоторые параллели из этнографии и археологии. С XVIII в. на поселениях обских угров исследователями отмечались жертвенные столбы для привязывания животных и подношений духам, скальпов побежденных врагов и пр. Показательно, что у хантов и манси они носили название «городские столбы». К. Ф. Карьялайнен совершенно справедливо считал их элементом древней угорской культуры [Karjalainen K. F., 1922, с. 43—54, 136, рис. 17]. Название и функции этих столбов заставляют видеть в них реликты отраженных в фольклоре элементов планиграфии древних городищ. Археологические источники подтверждают эти данные: замкнутая планировка на западносибирских поселениях прослеживается с эпохи бронзы; наличие культовых столбов, оформленных, возможно, в виде идолов, отмечено при раскопках раннесредневековых городищ [Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 113—114; Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 161]. Помимо культовых построек или столбов возможно и иное оформление центра замкнутого укрепленного поселка, например антропоморфным или зооморфным изображением. Тогда становится понятной имеющаяся в мансийском эпосе метафора: «*Миннэ лув, хайтнэ лув хуринг ус* — город с фигурой идущей лошади, бегущей лошади» [Баландин А. Н., 1939, с. 34, 48].

Данных по другим элементам планиграфии поселений в фольклорных источниках почти нет. Как исключение можно привести информацию С. Патканова о наличии рядом с городищем специальной площадки для состязаний и занятий физическими упражнениями воинов [Патканов С., 1891, вып. 4, с. 77].

В целом информация из сибирского фольклора при корректировке ее данными смежных исторических наук является ценным источником по изучению древних поселений, определению их топографических, фортификационных, планиграфических характеристик.

8.3. Поселения Западной Сибири по этнографическим данным

У томских татар, барабинцев, чулымских тюрков существовали параллельно зимние и летние поселения с соответствующими сезонам постройкими. Эта традиция зафиксирована ко времени прихода русских и сохранялась местами в XIX в. Летние поселения располагались, как правило, на низменных берегах рек или на озерах и предназначались для периода интенсивного рыболовства. Эти поселения, по-видимому, не имели четко фиксируемого места, так как постройки были каркасные, переносные и возобновлялись каждый сезон. Зимние стационарные поселения основывали подальше от берега, на высоких незатопляемых местах, и они служили много лет. Так, барабинские татары почти до середины XIX в. вели полукочевой образ жизни, в соответствии с чем весной вся семья вместе со скотом перекочевывала из зимних жилищ в летние, на берег какого-либо озера [Титова З. Д., 1976, с. 121—123]. Кумандинцы, живущие по р. Иша (правый приток р. Катунь) и ее притокам в первой четверти XIX в. летом переселялись в горы, к вершине р. Маймы, чтобы не потратить посевы скотом. Осенью, ко времени уборки урожая, возвращались в «зимовые юрты» [Сатлаев Ф., 1974, с. 117].

С переходом к оседлости возникли постоянные населенные пункты, в основном малочисленные. У северных алтайцев, по сообщению В. В. Радлова, поселения состояли из 5—10 домов, к концу XIX в.— до 50 дворов. Н. Б. Шерр (1903, с. 89) пишет, что кумандинцы «избегают» жить в одиночку вне айлов, но айлы немногочисленны, в самых крупных— 50—60 хозяйств. Айл— это небольшое поселение, состоящее из родственных семей, если же несколько родов жило в одном месте— «то это уже улус» [Вербицкий В. И., 1893, с. 13].

Историю расселения и административного управления рассмотрим на примере шорцев (описание дано по: [Кимеев В. М., 1989, с. 43—75]). Ко времени прихода русских в южных, таежных районах Кузнецкой тайги основной социально-экономической единицей населения были роды—сеоки, а у лесостепных северных групп—большие семьи—тёли (части расколовшихся сеоков). Все члены одного сеока селились в одном районе, образуя систему мелких (не более 10 хозяйств) айлов, называвшихся по имени старшего в роду, например аил Санабая, и больших улусов из семей родственных сеоков. Улусы назывались чаще всего по какому-либо топониму: например, Сосновая Гора, Томазак и др. Каждый сеок в прошлом владел по обычному праву промысловыми угодьями и участками обработанной земли. К концу XIX— началу XX в. родовое землепользование сменилось территориаль-

но-соседским. Родовые охотничьи угодья были разделены между большими семьями.

С XVII в. все население Кузнецкой тайги, как и в других местах, было разделено на административные единицы — волости по родовому признаку. Каждая волость официально называлась по сеоку, входящему в нее. В начале XVIII в. волости были преобразованы в управы, совпадавшие в основном с прежними волостями, но количество их уменьшилось. Например, в состав Карачерской управы вошла Карачерская и соседняя Сарачерская волости. К управе приписывалось по родовому признаку население во главе с паштыком, через которого сородичи, где бы они ни проживали, платили ясак в управу. Если в управу входило несколько сеоков, то паштык выбирался из самого многочисленного сеока. В своей управе паштык решал и судебные дела. В 1912—1913 гг. в Кузнецком округе была проведена очередная административно-земельная реформа, которая заменила родовые формы управления административно-территориальными, как и в русских волостях. Однако расселение по родовому признаку сохранялось и в дальнейшем.

Поселения тюркоязычных народов Западной Сибири располагались по берегам рек, в долинах. В прошлом была характерна свободная застройка с отсутствием улиц, что часто воспринималось наблюдателями как беспорядочность, разбросанность [Шерр Н. Б., 1903, с. 88—89 и др.]. Местами выдерживалась определенная планировка, к которой вынуждали обстоятельства. Так, у барабинских татар Д. Г. Мессершмидт описал расположение домов по кругу и соединение их между собой бревнами с отверстиями для стрельбы. Это было сделано в целях защиты от набегов южных кочевников [Титова З. Д., 1976, с. 122]. Нередко поселения располагали на высоких мысах рек, используя естественные преграды местности. Как и в глубокой древности (см. археологическую часть), нападений ожидали с рек даже зимой. Так, у чулымских тюрков нами была записана история, передаваемая от предков: «До русских на нас нападали такие же мелкие люди, у нас крупных людей не было... Наши пойдут на реку, посмотрят в прорубь: если вода подпрыгивает, значит идут нас убивать. Сделают на горе бревна, когда подойдут враги, подружат их и всех поубивают».

У эуштинцев и калмаков в середине XIX в. в самом крупном селении — Эуштинских юртах — насчитывалось 23 двора с численностью населения в 216 человек. Более крупными были деревни чатов, с 2—3 десятками дворов и численностью населения в 100—300 человек. В конце XIX в. размеры многих поселений увеличились: в Больше-Искитимских юртах насчитывалось

56 домов, а в д. Зимник — 79 [Томилов Н. А., 1980, с. 76—77].

У томских татар поселения назывались *юртами*, в соответствии с чем в документах XVII в. эти татары назывались «юртовскими». У чатов поселения назывались *аулами*, а у калмаков — *улусами* и *аймаками*. Некоторые селения наряду с официальными имели свои, татарские названия: например, Тигильдеево — *Цуртанлы*, Барабинские — *Ум айыл* и др. [Томилов Н. А., 1980, с. 77].

Термин «юрта» в настоящее время применяется чаще для названия жилищ. Было предложено использовать его только для обозначения цилиндрических построек с решетчатым разборным каркасом [Вайнштейн С. И., 1976, с. 42]. В то же время Е. М. Тошачова (1978, с. 81) отмечает, что слово «юрта» не обозначало изначально именно жилище, а происходит от термина «*дьурт*» — «место, где живет семья, ее поселение». Однако сама исследовательница использует термин для обозначения именно жилищ, не только цилиндрических, но и других. Этому же придерживаются и многие другие авторы.

Поселения томских татар в конце XIX — начале XX в. располагались по берегам рек с некоторым (от 0,5 до 1,5 км) удалением от пойменного берега, что, возможно, связано с традицией расположения зимних поселений в стороне от берега [Томилов Н. А., 1980, с. 77—80]. Многие томско-татарские деревни имели притрактный характер расселения, что сказывалось как на хозяйственной деятельности, так и на внешнем облике поселений. В селениях распространена была уличная планировка, с домами по линии улицы, реже — в глубине двора, за забором. Сформировалась такая планировка под влиянием русских и татар, переселившихся сюда из Поволжья. В некоторых селениях сохранялись элементы традиционного расположения усадеб: свободное, с криволинейными улицами, поворотами, закоулками и тупиками, без огораживания.

Не отмечается каких-либо ориентаций в расположении жилищ по отношению к сторонам света, к ветрам, солнцу и пр. В некоторых селениях томских татар со смешанным населением (из пришлых татар или русских) появилось деление села на концы, или края, в зависимости от состава жителей. Такому делению нередко способствовали природные условия местности — границы в виде речки, возвышенности или ложбины. Между жителями различных концов складывались нередко натянутые отношения. Подобные же традиции существовали в соседних русских селениях.

Центрообразующей постройкой в томско-татарских селениях была мечеть, обычно в виде высокого пятистенного дома,

обшитого досками, с орнаментированными наличниками окон и карнизом, с острым шпилем на крыше. В крупных селениях были здания волостного правления, почтовой станции, училища и пр., которые располагались в центре.

В селениях с уличной планировкой усадьбы огораживались различными заборами. Старинные горизонтальные плетни — *цитан*, *цетан* — были как местного происхождения, так и занесенные татарами-переселенцами из южных районов Татари. От русских был заимствован дощатый забор — заплот со столбами. Перед домами в прошлом не было палисадников, только с приездом татар появилась эта традиция.

Рыболовы, охотники, оленеводы северо-западной Сибири при круглогодичном проживании на одном месте не могли обеспечить пропитанием ни себя, ни своих домашних животных. Хозяйственный уклад определял разную степень мобильности тех или иных групп населения, а соответственно и их селений, жилищ. Наибольшее число вариантов отмечено у хантов и манси [Соколова З. П., 1960, с. 11]. К этому перечню можно отнести и типы расселения других народов северо-западной Сибири. У обских угров (кроме тундровых групп), селькупов и лесных ненцев существовали следующие типы: круглогодичное стационарное поселение + сезонные для промысловиков без семей, стационарное зимнее + переносные для других сезонов, стационарное зимнее + стационарные для других сезонов; стационарное зимнее + переносное летнее. Они отражают полуоседлый характер расселения. Кочевое население — тундровые ненцы и ханты, а также эвенки — переносили свои стойбища в течение всего года.

Изложенная схема дает лишь самое общее представление о степени подвижности и привязанности поселений к определенным местам. Этот вопрос требует специального исследования, где были бы рассмотрены разнообразные ситуации и вскрыт механизм подвижек тех или иных социальных ячеек. Отметим лишь некоторые моменты. У восточных хантов избушки стационарного зимнего поселения переносились на несколько километров приблизительно раз в десять лет, когда в округе был вырублен сухой ствол на дрова. Разборные жилища перемещались на несколько метров в границах поселения, когда под ними сильно вытаптывалась земля, скапливалась грязь или просто хозяев тянуло к перемене места. В то же время при сезонных переездах или круглогодичном кочевании люди могли из года в год селиться или делать краткие остановки на одних и тех же местах. При наличии сезонных поселений имущество одной и той же семьи хранилось в разных местах: зимний промысловый инвентарь и одежда — в одном пункте, летнее имущество — в другом. Све-

дения такого рода могут быть полезны археологам при определении рода занятий, социального состава и демографии древнего населения.

Приведем для примера традиционный годовой цикл смены поселений у хантов р. Аган, живущих невдалеке от пос. Ларьеган [Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Титаренко Е. М., 1975]. Три семьи родственников жили летом в одном, а зимой в другом селении, на обоих было по два стационарных жилища. Летом жили на берегу урьи, по которой называлось и селение — *Сынк уры лугол*. Зимнее селение располагалось в нескольких километрах от летнего, в глубине бора. Кроме этих основных поселений их жители имели еще несколько временных — как в теплое, так и в холодное время года. В апреле происходил переезд из зимнего стационарного селения в летнее, а из него часть жителей или все делали временные выезды разной продолжительности и удаленности. Кто-то на все лето селился в чуме у летних пастбищ оленьей, кто-то переезжал весной в чумы на противоположный берег Агана, а вторую половину лета и начало осени проводил на рыболовных песках в переносных жилищах. При первых снегопадах все переезжали в стационарное зимнее селение. Из него делали выезды на охотничьи угодья, где возникали временные поселения из переносных жилищ.

Это пример относительно компактного расположения сезонных поселений. Известны и другие ситуации, когда зимние стационарные селения находились в верховьях притоков Оби, а летние — на рыболовных песках Оби, то есть на расстоянии в несколько сот километров. Столь же далеко от постоянного дома встречались и зимние стоянки охотников. Стойбища оленеводов располагались на маршрутах протяженностью в 500—700 км, а иногда и 1000 км.

О плотности расселения хантов и манси в начале XX в. можно судить по данным А. А. Дунина-Горкавича (1910, с. 101, 209, 257, 267 и приложение), например, по бассейну притоков Оби — Пиму, Сосьве — и участку Оби от устья Казыма до Обдорска. Река Пим длиной 300 км принимает в себя 14 притоков. Здесь было 27 населенных пунктов с расстоянием по зимнику в 25—45 км. Каждое селение имело одно хозяйство и только в одном случае — два; итак, хозяйств было 28. Река Сосьва длиной 750 км принимает в себя 37 притоков. На берегах самой Сосьвы — 31 населенный пункт с расстоянием между ними по зимнику от 3 до 40 км. Здесь, в отличие от Пима, существовали не только юрты, но и два села, три выселка, а также город Березов. Мансийских хозяйств было 139, в каждом селении от двух до девяти хозяев. (Кроме того, на Сосьве жили зыряне, самоеды, русские). Боль-

шая Обь ниже впадения в нее Казыма имеет множество проток и принимает в себя до Обдорска пять притоков. Длина этого участка Оби — 330 км, на нем располагалось 14 населенных пунктов, из них два села. Расстояние между селениями по воде — от 3 до 30 км. Таков же характер расселения селькупов.

По данным В. Тарасова (1915) о ямальских ненцах, летом 1913 г. в бассейне р. Юрибей (по длине он близок р. Пим) кочевало девять домохозяев. Их стойбища состояли из одного чума, а в одном случае — из двух. Расстояние между стойбищами — от 20 до 50 км. Немногочисленные группы эвенков кочевали в бассейнах некоторых рек, заселенных иными этносами. Так, в 1928 г. на Чижапке — небольшом притоке Васюгана — кочевало 20 семей, составлявших четыре стойбища [Туголуков В. А., 1985, с. 260]. По сведениям о кетских эвенках они ставили на стойбище один — три чума, расстояние между стойбищами при перекочевках — от 5 до 10 км [Соколова З. П., 1962, с. 167].

Из сказанного ясно, что для народов северо-западной Сибири характерны одиночные селения, удаленные друг от друга. По классификации М. В. Витова (1953), это разбросанный тип расселения. Типы заселения определялись местными физико-географическими условиями и родом занятий населения. Преобладал речной тип, реже встречались озерный и приморский. В тундре стойбище не всегда «привязывали» к водоему, а учитывали другие факторы. Летом для него выбирали возвышенное место, а зимой — укрытое от ветра.

Основной тип поселения народов северо-западной Сибири в официальной документации и среди местных русских жителей было принято называть юртами (юртой называли и бревенчатое жилище). Кроме того, существовали укрепленные городки, зафиксированные письменными источниками. Это нашло отражение и в терминологии. Так, у нарымских селькупов деревня называется *кара*, *тереме* [Castren M. A., 1855, с. 212], а город — *квадж* (устное сообщение Э. Г. Беккер); у восточных хантов — соответственно *пугол* и *вач*, у северных хантов — *курт* и *вош*; у северных манси — *пауль* и *ус*. В качестве определения к ним добавлялись имена основателей селения, его географическое положение, социальная значимость и т. п. Примеры: *Кяна-пугол*, *Вут-вош* — Верхний городок (то есть в верховьях реки), *Ялп-ус* — Священный город. Иногда населенный пункт имел двойное название на одном и том же языке. Например, хантыйское название *Элле-Ларьях-пугол* — Большое селение Лугового народа — существовало с *Торум-кат* — Божий дом (то есть церковь). Естественно, что на разных языках название звучало по-разному. Одно и то же селение манси называли *Ялп-ус*, ханты — *Пем-вош*, коми —

Бежакоры. Соответствующая русская огласовка была придана названиям при нанесении на карты.

Многие из традиционных поселений у народов северо-западной Сибири имели свободную планировку. Некоторые авторы называют ее беспорядочной. Поселение любого народа организуется по собственному порядку, но он не всегда улавливается посторонним взглядом. Известна была также рядовая форма селений, обычно вдоль реки. Уличные формы возникали позднее в сравнительно крупных селениях со смешанным этническим составом и новыми функциями.

Планировка селения включала в себя расположение не только жилых, но и хозяйственных, общественных сооружений. В околожилищном пространстве они создавали определенный комплекс, называемый у русских усадьбой, но в отличие от нее не всегда огороживаемый.

Для примера даем описание однодворного летнего поселения хаитов р. Казым (ПМ. Н. В. Лукиной, 1990). Жилая избушка ориентирована входом на юг. Дневная жизнь семьи проходит почти полностью на улице, на площадке более 300 кв. м, прилегающей к избушке с востока и обозреваемой из окна. Площадку отделяют от окружающего леса несколько построек. Они располагаются по широкой дуге, начинающейся у юго-восточного и заканчивающейся у северо-восточного угла дома. На самом юго-востоке расположен навес для продуктов, одежды и других вещей повседневного употребления. Под углом к навесу находится открытый очаг (костер) и сушилка для рыбы. Здесь стоят столик и скамеечки. На столике женщины завершают обработку продуктов, из которых готовится горячая пища, здесь же семья обедает в теплые дни. Восточнее очага — поленница дров и столбик с умывальником. Далее дугу пересекает тропинка, ведущая от дома к отдаленному (в 50 м) складу сушеной рыбы и далее — к рыболовным запорам и слопцам. Сразу за тропинкой — печь для хлеба, а от нее в глубину леса — постройки для собак. Следующие сооружения находятся уже к востоку от дома. Это навес для сушки рыбы и вешала для просушки одежды, рядом с которыми — место стирки. Ближе к дому — участок для разделки свежей рыбы. Названные выше сооружения и участки составляют женский сектор околожилищной площадки.

Далее идет участок, не занятый стационарными сооружениями, здесь стоят только олени нарты. На северо-восточном участке дуги находится второй навес с продуктами, одеждой и другими вещами, которыми пользуются редко или вообще не пользуются летом. Они уложены на олени нарты. Здесь же хранятся священные предметы, которые вынимают по определенным

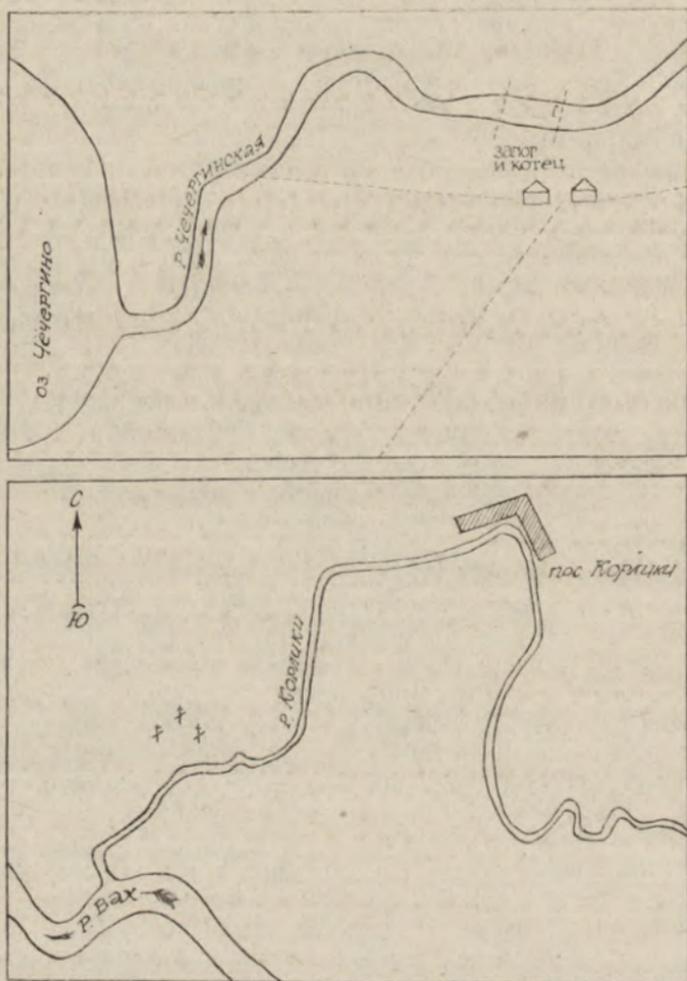

Рис. 56. Расположение хантыйских поселений. Реки Васюган, Вах (МЭЭ Н. В. Лукиной, 1970-е годы)

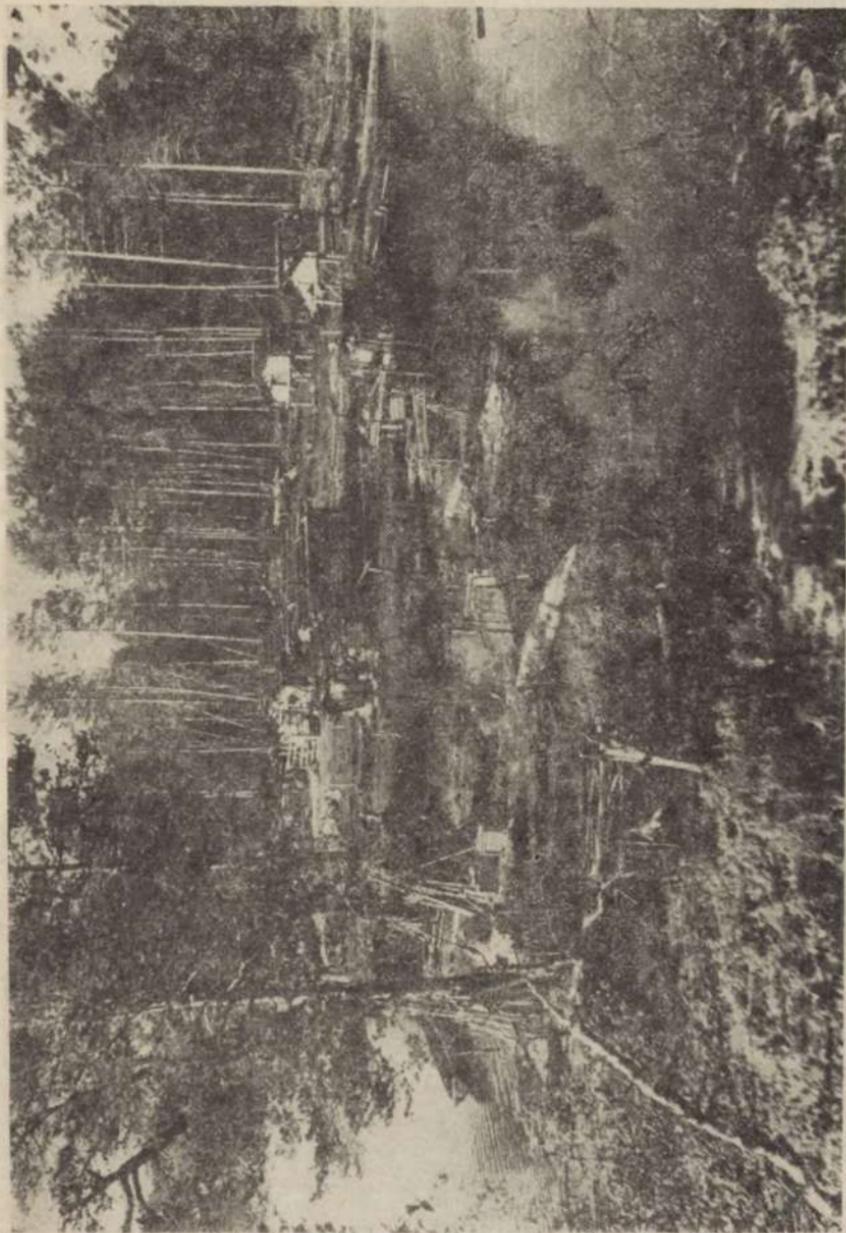

Рис. 57. Поселение аганских хантов. Фот. Н. В. Лукиной, 1972 г.

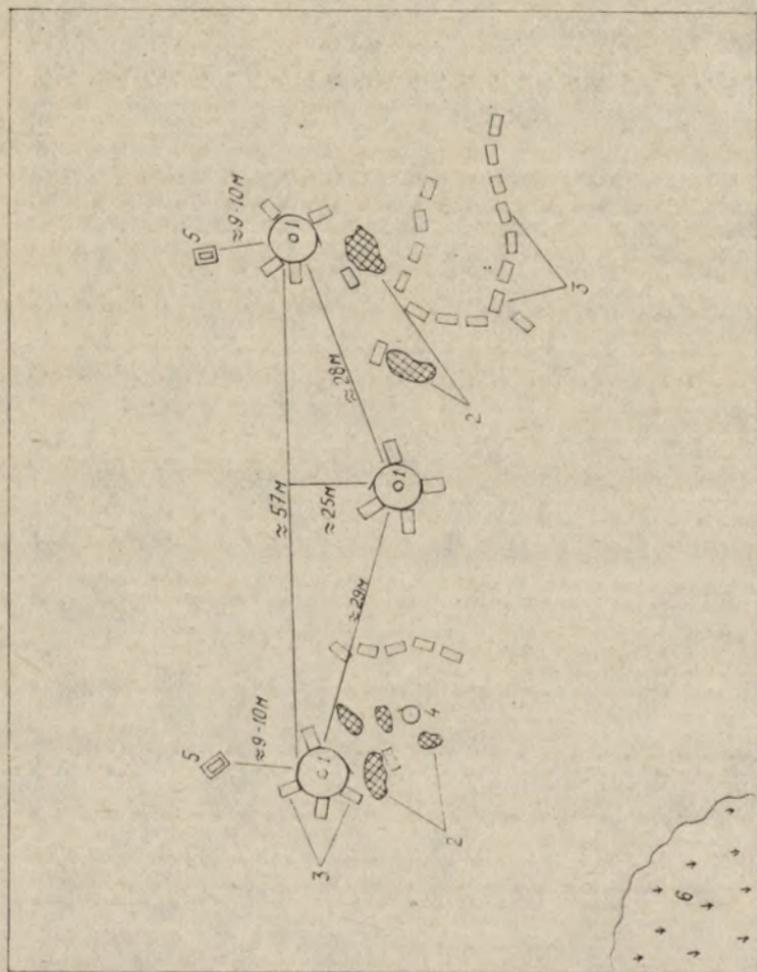

Рис. 58. План стойбища хантов-оленьеводов Полярного Урала: 1 — чумы, 2 — хвост-топливо, 3 — нарты с грузом, 4 — чумик для олененка, 5 — нарты со святынями, 6 — отхожее место в кустарнике, МЭЭ Н. В. Лукиной, с зарисовки А. Сюзюмова, 1988 г.

случаям. Этот навес относится в равной мере к женской и мужской сферам. Чаще вместо него строят амбарчик на высоких опорах, под ним хранятся летом нарты. За навесом пролегает тропинка к ягодным местам. На расстоянии около 100 м от границы поселения находится небольшая площадка, выжженная хозяином. (Вновь выросший на этом месте брусничник будет более целебным).

Между навесом и северо-восточным углом дома находится мужской сектор, по размерам он меньше, чем женский. Здесь одно стационарное сооружение — небольшая будочка на высоких опорах. Хозяин хранит в ней орудия труда и другой инвентарь, но прежде в такое сооружение помещали голову со шкурой медведя после медвежьего праздника. На мужском участке имеется свой костер для обогрева, обжигания или нагревания изделий, сжигания отходов. Толстое бревно с выемками и иными приспособлениями служит опорой и своего рода станком.

У северной стены дома мужчина использует участок для того, чтобы ставить незаконченные изделия — нарты, лук. Женщины избегают этого участка в силу запрета на огибание дома с северной стороны (на этой стене располагаются святыни — внутри или снаружи). К западной стене дома примыкает кораль для загона оленей. От него идут тропы к большим озерам, где ведется охота на водоплавающую дичь. Планы других поселений даны на рис. 56—58.

Расселение, типы и формы поселений связаны с традиционной социальной организацией, а после включения Сибири в состав Русского государства и с его системой административного деления. В XIX в. территория селькупов, хантов и манси была поделена на уезды, а внутри них на волости. Жители одного селения — стационарного или переносного — были родственниками. Вопрос о сущности социальных групп, определяющих состав жителей селения, до конца не ясен.

В многочисленной литературе отмечаются большие семьи, братские семьи, патронимии, роды, генеалогические группы, фратрии, территориальные общины. Относительно ненцев определенно указывается, что их стойбища объединяли представителей одного рода, а для сбора ясака были введены административные единицы «ватаги», обозначающие подразделения крупных родов [Хомич Л. В., 1966, с. 144]. Со временем некоторые традиционные юрты превратились в селения иного типа — административные, торговые, церковно-приходские центры. В них увеличивалось число домов, появились постройки с новыми функциями, изменялась форма поселений, происходило смешение национального состава жителей.

8.4. Постройки

При изложении материала мы придерживались классификации по несущей системе конструкции и форме основной части той или иной постройки. По первому признаку выделены три группы сооружений: 1 — каркасные; 2 — смешанные, комбинированные (сочетание признаков первой и второй групп); 3 — с самонесущими стенами, или самонесущие. По внешней форме постройки различаются так: 1 — сводчатые; 2 — цилиндрические (с вертикальной осью); 3 — конические; 4 — из скатов; 5 — пирамидальные; 6 — призматические. Признак формы имеет еще один уровень деления, что отражено в цифровой индексации третьим знаком: при отсутствии такого деления ставится знак 0. На этом уровне у сводчатых построек выделяются следующие формы: 1 — купола; 2 — полуцилиндрического свода (с горизонтальной осью сечения). Пирамидальные сооружения известны в виде 1 — усеченной и 2 — полной пирамиды. Призматические формы представлены 1 — четырехгранной и 2 — многогранной.

Поясним на примерах: 1.1.1 — каркасная, сводчатая, купольная постройка; 3.6.2 — постройка с самонесущими стенами в форме многогранной призмы. Остальные признаки — назначение построек (жилые, хозяйственные, общественные), срок использования (временные, сезонные, круглогодичные), степень мобильности (стационарные, передвижные), техника, материал, горизонтальная структура (планировка и ориентация) — указываются в описаниях.

Анализируемые нами типы построек являются основными, ключевыми для Западной Сибири, но не отражают всего их многообразия. Общее представление об этом можно получить из перечня жилых построек по народам. Порядок нашего описания — с юга на север.

Тубалары. Каркасная, коническая, из жердей, крытых берестой или корой, летняя; каркасная, двускатная, крыта берестой, летняя; каркасная пирамидальная, из деревянных опор, крыта берестой, зимняя, стационарная; каркасная, в форме усеченной пирамиды, из жердей и палок, наземная, стационарная; каркасная, цилиндрическая с конической крышей, из деревянных опор, крыта корой; с самонесущими стенами, в форме четырехгранной призмы (сруб из бревен), с конической крышей, круглогодичная; с самонесущими стенами (сруб из бревен), в форме многогранной призмы, с конической крышей, круглогодичная.

Челканцы. Жилые постройки те же, что у тубаларов, кроме многоугольного сруба.

Кумандинцы. С комбинированной несущей системой (столбы + самонесущие стены из жердей), в форме четырехгранной призмы, с двускатной крышей, полуподземная, стационарная, зимняя; с комбинированной несущей системой (столбы + двойные стены из плетня с засыпкой и обмазкой из земли), в форме четырехгранной призмы, с плоской или двускатной крышей, стационарная, круглогодичная; с самонесущими стенами из саманного кирпича, в форме четырехгранной призмы, со сводчатой крышей, круглогодичная, стационарная; с самонесущими стенами (сруб из бревен), в форме четырехгранной призмы, с двускатной крышей, стационарная, зимняя, круглогодичная.

Шорцы. Каркасная, коническая, из жердей, крыта берестой; каркасная, двускатная, летняя; каркасная, в форме усеченной пирамиды, из жердей и досок, бересты и веток, летняя и зимняя, стационарная; каркасная, призматическая (столбы, плетень + обмазка), с четырехскатной или конической крышей, полуподземная; с самонесущими стенами (сруб из бревен), в форме четырехгранной призмы, с двускатной крышей, круглогодичная, стационарная.

Телеуты. Каркасная, конусовидная, летняя; с комбинированной несущей системой (столбы + плетень), в форме четырехгранной призмы; с самонесущими стенами, из дерна, стационарная; с самонесущими стенами (сруб из бревен), призматическая, с двускатной крышей, стационарная круглогодичная.

Чулымцы. Каркасная, коническая; с комбинированной несущей системой (столбы + самонесущие стены из бревен), призматическая, с полого-двускатной крышей, зимняя, стационарная; с самонесущими стенами (сруб из бревен), призматическая, круглогодичная.

Татары. Каркасная (бревна + ветви, сено), коническая, летняя, стационарная; каркасная (прутья и сено); сферическая, летняя; каркасная (столбы + земляные стены), призматическая, с плоской крышей, подземная; с комбинированной несущей системой (столбы + плетень с обмазкой), цилиндрическая, с плоской крышей, углубленная; с комбинированной несущей системой (столбы + плетень с обмазкой), призматическая, с плоской крышей, стационарная, круглогодичная; с комбинированной несущей системой (столбы + самонесущие стены из бревен), призматическая, с плоской либо двускатной крышей, полуподземная; с самонесущими стенами из дерна или саманных кирпичей, призматическая, с плоской крышей; с самонесущими стенами (сруб из бревен), призматическая, стационарная.

Манси. Каркасная, из жердей и сезонного покрытия (береста,

шкур), коническая, переносная⁴⁷, круглогодичная; каркасная (столбики, прутья, берестяное покрытие), в форме полуцилиндрического свода, наземная, летняя, переносная; то же, но установлено на лодке, летнее подвижное жилище; каркасная постройка (опоры + покрытие из бересты, веток, сена), односкатная, переносная, временная; каркасная (жерди + береста, кора), двускатная, переносная, для теплых сезонов; каркасная (опоры + покрытие из досок), двускатная, зимняя, стационарная; каркасная (опоры + покрытие из бересты), прямоугольная в основании, с односкатной крышей, переносная, для теплых сезонов; каркасная (жерди, прутья + покрытие из бересты), призматическая, с двух-четырёхскатной, округлой, усеченно-двускатной крышей, сезонная, переносная; каркасная (столбы, жерди + хвоя, мох), пирамидообразная, углубленная, летняя, стационарная; с самонесущими стенами (сруб из бревен), четырехгранная, с плоской, одно-двускатной крышей, наземная, круглогодичная, стационарная.

Ханты. Каркасная (столбики, прутья + берестяное покрытие), в форме полуцилиндрического свода, наземная, летняя, переносная; то же (либо из досок), но установлено на лодке, летнее подвижное жилище; каркасная (путья + берестяное покрытие), купольная и полукупольная, летняя, временная, переносная; каркасная (жерди, сук дерева + покрытие из бересты), полуконическая, временная, переносная; каркасная, из жердей и сезонного покрытия (береста, шкур), коническая, переносная, круглогодичная; каркасная (опоры + береста, ветки, сено), односкатная, переносная, временная; каркасная (жерди + береста), с несомкнутыми скатами, летняя, переносная; то же, но с сомкнутыми скатами, для теплых сезонов; каркасная (опоры + покрытие из досок), двускатная, зимняя, стационарная; каркасная (жерди + береста, кора), прямоугольная в плане, с односкатной крышей, переносная, для теплых сезонов; то же в двояном варианте с несомкнутыми скатами; каркасная (жерди, прутья + покрытие из бересты), призматическая, с двух-четырёхскатной, округлой, усеченно-двускатной крышей, сезонная, переносная; каркасная (столбы + покрытие из разных материалов), пирамидальная, углубленная, зимняя, стационарная; то же, но в форме усеченной пирамиды; с комбинированной несущей системой: столбы + самонесущие боковые стены из бревен, передняя стена из стоек, задняя углублена в холм; стационарная построй-

⁴⁷ Здесь и далее переносным является обычно покрытие, лишь в безлесной зоне перевозят и каркас.

ка для теплых сезонов; с комбинированной несущей системой (столбы + самонесущие стены из бревен, досок), призматическая, с одно-двускатной крышей, наземная и полуподземная, зимняя, стационарная; с комбинированной несущей системой (столбы + самонесущие стены), призматическая, с четырехскатной крышей, полуподземная, зимняя, стационарная; призматическая, с комбинированной несущей системой: низкие самонесущие стены (сруб) и высокая каркасная кровля в виде двух скатов, для теплых сезонов, стационарная; с самонесущими стенами (сруб из бревен), призматическая, с плоской односкатной либо двускатной (вариант — с неравными скатами) крышей, углубленная или наземная, круглогодичная, стационарная; с самонесущими стенами (сруб из досок), призматическая, с двускатной крышей, летняя, стационарная.

Селькупы. Каркасная (прутья + береста), полукупольная, временная, переносная; каркасная (столбики, прутья + береста), в форме полуцилиндрического свода, летняя, наземная, переносная: то же, установленное на лодке, летнее подвижное жилище; каркасная постройка (жерди + покрытие из бересты, шкур), коническая, переносная, круглогодичная; каркасная (стойки + покрытие из разных материалов), в форме усеченной пирамиды, полуподземная, зимняя, стационарная; с комбинированной несущей системой (столбы + самонесущие стены), призматическая, с плоской, полого-двускатной либо четырехскатной крышей, частично углубленная либо полуподземная, зимняя, стационарная; с самонесущими стенами (сруб из бревен), призматическая, с плоской крышей, полуподземная, круглогодичная, стационарная; с самонесущими стенами (сруб из бревен), прямоугольная в основании и с закругляющимися кверху углами, полого-двускатной крышей, зимняя, стационарная.

Эвенки. Каркасная, из жердей и сезонного покрытия (береста, овдуга), коническая, круглогодичная, переносная; каркасная (прутья + береста), в форме полукупола, временная летняя, переносная.

Ненцы: каркасная из жердей и сезонного покрытия (береста, шкуры), коническая, круглогодичная, переносная постройка.

Переходим к описанию жилищ согласно нашей классификации.

1. Каркасные строения.

1.1.1. Сводчатое, купольное, временное либо сезонно-

летнее жилище⁴⁸. Наземное однокамерное сооружение с круглым основанием. Конструкция: несущая система — каркас из воткнутых в землю березок либо гибких прутьев, переплетенных верхушками. Заполнение — берестяные полотнища либо брезент, накинутые на каркас и привязанные к нему, сверху прижаты дугами. Пол земляной, подстилки из сена, веток. Очаг в центре либо снаружи. Ставят рыболовы на берегах водоемов, переносится только покрытие.

Распространено в XIX—XX вв. у васюганско-ваховских хантов (*тон-тох-кат*, *къртă-кат*), туруханских селькупов (*кумар*), кетских и туруханских эвенков (*марма*), шорцев (*пуух-па*). В XVIII в. у барабинских татар упоминается летнее жилище в форме «разрезанного яйца» с каркасом из жердей и покрытием из камышовых циновок (*тамак угли*). Вариант — полукупол с открытой передней стеной (см. табл. 1, 1); очаг перед входом; ваховские ханты, селькупы.

У других народов: купол, полукупол и два полукупола, обращенные открытыми сторонами друг к другу — елогуйские и туруханские кеты; сымские, туруханские, нижнеленские, забайкальские эвенки; отдельные группы якутов, нанайцев, башкир.

Куполообразные жилища, по предположению А. А. Попова (1961, с. 154), происходят от укрытий, сделанных из связанных верхушками кустов, растущих по кругу. Е. А. Алексеенко считает вероятным, что такой вид жилища мог возникнуть в условиях умеренно теплого климата (1967, с. 111). Наиболее ранним указанием на его существование является рисунок, найденный С. И. Вайнштейном в кургане скифского времени в Туве (1976, с. 45); в данной работе куполообразная постройка рассматривается как один из истоков войлочной юрты древних тюрков. О подобном жилище упомянул у шорцев Л. П. Потапов, и, опираясь на это, Г. М. Василевич (1969, с. 114) склонна была объяснять существование куполообразных построек у ангарских эвенков связями с Саяно-Алтайским нагорьем. Не исключено, что Южная Сибирь действительно была очагом зарождения анализируемой постройки. Об этом кроме приведенных данных говорит явная склонность народов Саяно-Алтайского нагорья создавать округлые крыши у четырех- и многоугольных жилищ.

Встав на такую точку зрения, можно проследить цепочку продвижения шалаша в виде (полу) купола на север: с Васюга-

⁴⁸ При анализе использованы описания из следующих работ и источников, кроме цитируемых: Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977; Максимова И. Е., устное сообщение 1990 г.; Попов А. А., 1961; Селезнев А. Г., 1984; Титова З. Д., 1976; Sirelius U. T., 1983.

на в левобережье Оби на Вах в правобережье. Характерно, что в Приобье он не зафиксирован севернее Ваха. Отсюда его путь ведет к тазовско-туруханским селькупам и на притоки Енисея — к елогуйским кетам⁴⁹. В. А. Туголуков (1985, с. 260) считает, что туруханские эвенки заимствовали этот тип жилища у селькупов. Вероятно, однако, что он был принесен эвенками при движении их из Восточной Сибири в Западную. Более уверенно такой путь передвижения можно предполагать для эвенков Кети—переселенцев с р. Сым.

Но у нас нет оснований отрицать возможность и северосибирского происхождения куполообразного жилища ввиду его простоты и сходства в принципах устройства с полуцилиндрическим сводом. Купольную форму восточные ханты придавали сооружениям для содержания птиц, а северные манси — для хранения на помосте атрибутов медвежьего праздника.

1.1.2. Постройка в виде полуцилиндрического свода (рассеченный цилиндр с горизонтальной осью) с каркасом из дуг и берестяным покрытием известна с XIX в. у ваховских хантов (кёммер), ляпинских манси и селькупов (см. табл. 1, 2; рис. 59, 1)⁵⁰. Мы остановимся на варианте подвижного временного жилища, устраиваемого в лодке (по ПМ Н. В. Лукиной). Его несущая система — каркас из вставленных в борта прутьев, соединенных верхушками в дуги, которые образуют свод-полуцилиндр. Заполнение (покрытие) из берестяных полотнищ, привязанных к каркасу. Вход в торце, с носовой части лодки, служит световым и дымовым проемом, завешивается полотнищем. Пол — настил из досок с подстилками из циновки и оленьих шкур. Очаг — дымокур внутри либо вне жилой части.

Вариант: свод на лодке, но из горизонтально уложенных досок (рис. 59, 3). Был распространен в начале XX в. почти повсеместно у обских угров, а также у нарымских селькупов; сейчас встречается изредка у хантов. Название только по лодке: *корэкирив*, *каюк* (вост. ханты).

У других народов: наземная постройка енисейских кетов, негидальцев, нанайцев, ульчей, нивхов; жилище—лодка кетов.

В литературе высказывалось мнение о заимствовании от русских большой дощатой лодки с интересующим нас сооружением для жилья. Анализ хантыйской лодки показал, однако, что есть

⁴⁹ По предположению З. П. Соколовой, васюганские ханты заимствовали его у селькупов, а ваховские — у кетов (1962, с. 187—188).

⁵⁰ При анализе использованы описания из следующих работ и источников: Алексеев Е. А., 1967; Антропова В. В., 1961; Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977; МЭЭ ТГУ разных лет; Попов А. А., 1961; Титова З. Д., 1976; Sirelius U. T., 1983.

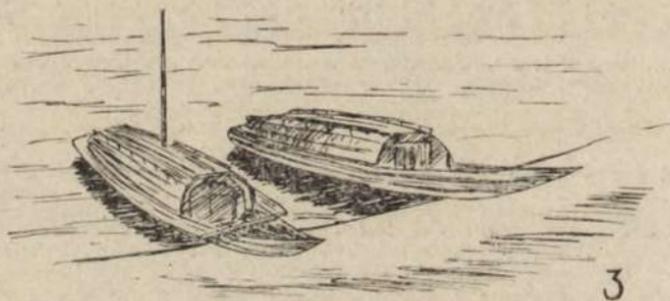
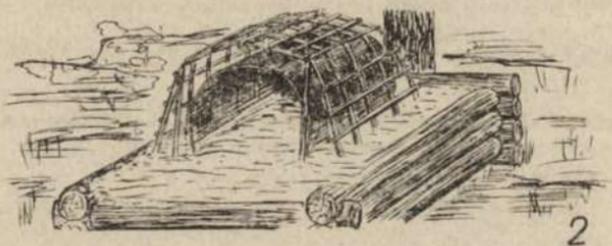
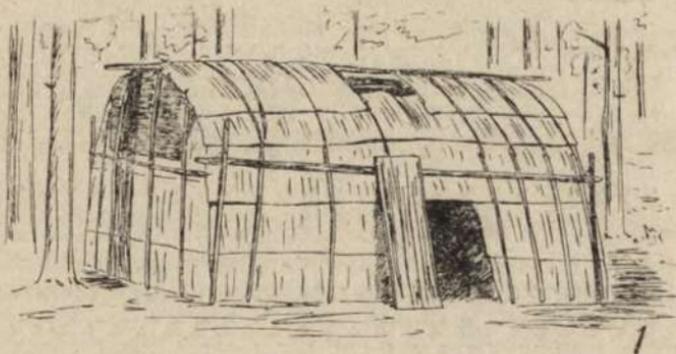

Рис. 59. Сводчатые постройки: 1 — полуцилиндрическое жилище хантов р. Вах [по: Sirelius U. T., 1983, с. 187]; 2 — каркас хлебной печи с железной бочкой у хантов р. Пим (с фот. В. М. Кулемзина, 1973 г.); 3 — сводчатое жилище в лодке хантов р. Васюган [по: Sirelius U. T., 1983, с. 121]

основания говорить о ее местном происхождении. Она хорошо приспособлена для передвижения целых семей при освоении водных пространств Западной Сибири [Лукина Н. В., 1985, с. 97]. Устройство жилой части, сходной с наземными сводчатыми по-

стройками, подтверждает исконный характер лодки-жилища в обско-угорской культуре.

1.2.0. Для народов Южной Сибири характерно жилище в виде цилиндра с вертикальной осью сечения. Классический его представитель — войлочная юрта. На интересующей нас территории у северных алтайцев юрта не зафиксирована, а известны лишь близкие к ней по форме жилища⁵¹. Реконструкция цилиндрической постройки у томских татар для конца XIX — начала XX в. приведена в работе Н. А. Томилова (1980, с. 84—85). Жилище представляло собой плетеную круглую в плане мазанку, углубленную в землю на 25—30 см, с плоской крышей и с предвходовым тамбуром из двух боковых стенок и крыши. Внутри жилища, с правой стороны недалеко от входа, размещалась печь и за ней деревянные нары.

Круглые в плане плетеные хозяйственные постройки с плоской крышей — *оран* и загоны, чаще всего открытые, из плетня, расположенного по кругу, бытовали у калмаков. Нерешетчатые, переносные цилиндрические постройки с конической крышей были известны у тубаларов и телеутов. Каркас построек состоял из вертикальных шестов, размещенных по кругу и соединенных наверху обручем. На цилиндрический каркас основной части крепился конический каркас крыши. В XVIII в. П. С. Паллас описал у чулымских тюрков круглое в плане летнее жилище из березовых кольев, надломленных на определенной высоте, то есть цилиндрическое жилище с конической крышей. Н. Н. Харузин рассматривал эту постройку как переходную форму от конического жилища к цилиндрическому.

Наиболее развитую форму цилиндрическое жилище приобрело в решетчатой переносной юрте с войлочным покрытием. Такая юрта известна на огромной территории кочевого степного мира у тюркоязычных и монгольязычных народов, в том числе у южных алтайцев. Основу каркаса юрты составляли складывающиеся решетки из легких планок или прутьев, которые можно было легко и быстро собрать, разобрать и перевезти с места на место. Среди этих юрт выделяются «тюркские» — с округлым сферическим верхом, а также «монгольские» — с коническим верхом.

Итак, идея полуцилиндрического жилища реализована в тюркско-монгольском мире кочевых скотоводов по вертикальной оси, а в угро-самодийском мире рыболовов — по горизонталь-

⁵¹ При анализе построек использованы описания из следующих работ, кроме цитируемых: Вайнштейн С. И., 1976; Викторова Л. Л., 1980; Паллас П. С., 1786; Попов А. А., 1961; Потапов Л. П., 1953; Пюрвеев Д. Б., 1972; Радлов В., 1989; Тошакова Е. М., 1973, 1978; Харузин Н. Н., 1896; Шибаява Ю. А., 1950.

ной оси. Кроме того, сходство проявляется в соединении жилища со средством передвижения, создании подвижного неразборного жилища. У речных жителей Западной Сибири это крытая лодка, у степняков — войлочная юрта на телеге или арбе. Эта идея находит новые способы выражения вплоть до наших дней. Так, у самых северных хантов-оленьеводов, кочующих по Полярному Уралу, в последние годы стали устраивать сводчатое покрытие над оленьей нартой, в которой ездит женщина с детьми.

1.3.0. Коническое каркасное наземное жилище (чум), широко известное в XIX—XX вв.⁵² Даем краткое описание ненецкого чума по работе Л. В. Хомич (1966). Он используется круглогодично и перевозится целиком. Основание постройки округлое, размер его различен, конкретный пример — 5×6 м. Конструкция: несущая система — каркас из 20—40 шестов, воткнутых в землю и сходящихся верхушками. Заполнение летом снаружи каркаса, зимой изнутри и снаружи, в виде двух или четырех полотнищ из оленьих шкур, реже — бересты или сукна. Вход не имеет единой ориентации. Дымовое отверстие одновременно и световое, в теплые дни дополнительный свет через вход. Последний летом закрывается берестяной дверью, зимой краем мехового полотнища; дымовой проем прикрыт с наветренной стороны куском бересты или шкуры. От входа к дальней стенке проходит разделительная полоса, на ней в центре очаг, летом немного углубленный. За очагом — наклонный шест *сымзы*, к нему от входа идут над очагом два горизонтальных шеста, на них поперечный стержень, продеваемый в отверстия крюка для подвешивания котла. Слева и справа от разделительной полосы — съемные доски пола, далее по бокам — подстилки из циновки и оленьих шкур. Участок около входа — для дров, напротив входа — священный, на разделительной полосе — кухонный, на досках — обеденный, на подстилках — спальня. Наиболее почетная часть — в середине левой половины (супруги-хозяева), затем — в середине правой половины (другая брачная пара, женатые гости). От середины к *сымзы* — место неженатых мужчин или стариков-родителей, ближе к входу — незамужних женщин. Ремесленные работы — на индивидуальном месте для сидения и сна.

⁵² При анализе использованы описания из следующих работ, кроме цитируемых: Адрианов А. В., 1881; Вайнштейн С. И., 1961; Гемуев И. Н., 1987; Георги И. Г., 1776; Долгих Б. О., 1949; Источники по этнографии, 1987; Кимев В. М., 1989; Пелих Г. И., 1972; Потапов Л. П., 1953; Радлов В., 1989; Сатлаев Ф., 1974; Титова З. Д., 1976, 1989; Тихонов С. Н., 1984; Харузин Н. Н., 1896; Хомич Л. В., 1981; Шатилов М. Б., 1927; Sirelius U. T., 1906.

В северо-западной Сибири коническое жилище кроме ненцев широко использовали селькупы, ханты (рис. 60, 1, 5), манси⁵³, эвенки, лесные энцы. Южнее, у тюркоязычных народов, в настоящее время их нет. В XVIII—XIX вв. они отмечены без подробных

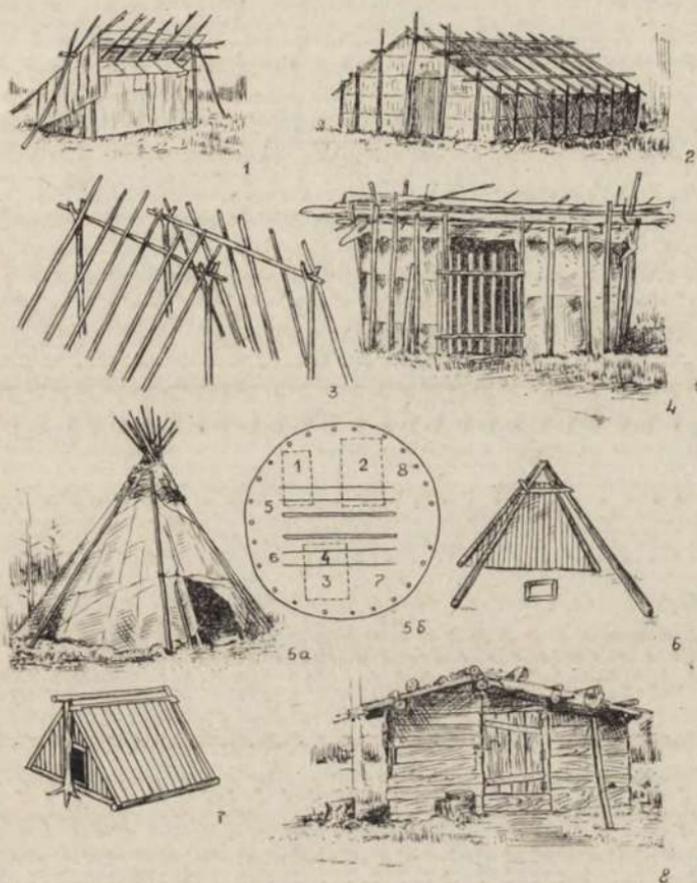

Рис. 60. Жилые постройки хантов: 1—4 — берестяные шалаши, р. Юган; 5 — чум, р. Аган; 6 — каркас пирамидальной постройки, р. Обь; 7, 8 — дощатые постройки, рр. Салым и Аган (1, 2—по: Martin F. R., 1897; 3, 4, 5, 8—по фот. Н. В. Лукиной, 1970-е гг.; 6, 7—по: Sirelius U. T., 1906—1908)

⁵³ По сведениям современных манси, в чумах жили люди Мось, которые постоянно кочевали; люди Пор жили в бревенчатых жилищах и больше занимались рыболовством (ПМ Е. Г. Федоровой).

описаний у тубаларов, кумандинцев, шорцев, челканцев, телеутов, барабинских татар и на Чулыме. По мнению Е. М. Тошаковой (1978, с. 108), у северных алтайцев коническое жилище не имело широкого распространения и бытовало в качестве ритуальной, свадебной постройки. Чум хорошо известен у многих других народов Средней, Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В литературе отмечены отличительные черты чумов у разных народов, а также его внутриэтнические особенности. Они касаются основных шестов, надочажного сооружения, ориентации, внутренней планировки, названия чума и других признаков, по которым восстанавливаются происхождение и история конических построек. Этим вопросом занимались многие исследователи, их выводы мы частично принимаем; однако некоторые, казалось бы, утвердившиеся суждения можно рассмотреть с иной точки зрения.

Обратимся вначале к названиям. Установлена общность для чума всех самодийских народов — *мя, ма, мат*. Это служит основанием для вывода: чум можно считать самодийским компонентом в культуре ненцев [Хомич Л. В., 1976, с. 43, 84]. Однако указанные термины означают не только коническое жилище, но и постройки других типов. В селькупском языке компонент *мат* присутствует в названиях землянок разных видов, ненцы Ямала называют землянки *сиртяма*. У северных обских угров чум называется *ёрхот, урхот, ёрнкол* — ненецкий дом (*урхот* означает также лесной дом). На этом основании считается, что чум заимствован обскими уграми у ненцев [Чернецов В. Н., 1937]. Но у тех же групп известны и другие названия чума, объясняющиеся из их языка: *тонтихат* — берестяной дом, *нугихат* — ровдужный дом (ханты сев.), *щумкол* (манси лозв.). У восточных хантов в название чума вообще не включается ненецкий компонент, здесь бытуют определения *пурркат* — острый дом, *тунтохкат, нюркат, нюкикот*. Название чума эвенков Кети-дю, селькупское — *чуй-мот*, шорское — *одаг*, тубаларское — *сёёлто*; свадебный чум кумандинцев — *шалыг-одог*, челканцев — *селте*.

Летом чум у всех народов Западной Сибири и на сопредельных территориях ставили на землю без углубления. Зимой же природной поверхностью служил снег, поэтому есть различия в вертикальной структуре. Ненцы и ханты ставили чум на утрамбованный снег, а энцы, нганасаны и кеты — на землю, для чего выкапывали в снегу яму. Очевидно, у первых чум формировался изначально как самостоятельный тип постройки без углубления в природную поверхность, а у вторых — как углубленное в землю жилище.

Требуется уточнения такой признак, как форма основания. Принято считать, что оно круглое. Такое впечатление действительно

создается при взгляде на чум извне. Однако когда мы сделали план чума у хантов Полярного Урала, то основание оказалось подпрямоугольным, с закругленными углами. На вопрос об этом было получено разъяснение, что жерди специально ставили «уголком» для увеличения полезной площади.

Строгой ориентации по странам света у ненцев и хантов не существовало: те и другие чум ставили входом к реке либо в направлении кочевания (ненцы), в подветренную сторону (ханты). Например, шурышкарские ханты-оленоводы в ходе летних перекочевок на Полярный Урал, находясь на азиатской стороне Урала, направляют дверь чума в одну сторону, а на европейской — в противоположную, так как ветер меняет основное направление с западного на восточное. Кстати, по направлению ветра они называют страны света: например, запад — это «каменный (уральский) ветер» (хант. — *кев-ват*; нен. — *пэ мерця*). Учитывается и изменение в направлении ветра, даже предугадываемое, на отдельных участках Полярного Урала. В поселке чум ставят входом к дороге. Свободное направление входа присуще и южным оленеводам тувинцам-тоджинцам. В отличие от них энцы и нганасаны ориентировали вход на восток или юго-восток. Строгая ориентация по странам света была и у южных скотоводов: у тюрков — на восток, у монголов — на юг.

В конструкции чума у всех народов выделяются основные шесты. Их название у ненцев тундры — *макода*, у лесных — *хащльва*, у северных хантов — *кутол-юх*. Энцы называли их *чаа*, нганасаны — *симка*.

По способу скрепления верхушек основных шестов выделяют следующие разновидности чума: ненецкий, селькупский, нганасанский, кетский, южно-тюркский (саяно-алтайский), тувинский и тунгусский [Попов А. А., 1961, с. 155]. Однако из данной работы и последующих публикаций очевидно, что этническая привязка чума по этому признаку затруднительна. Мы остановимся лишь на способах, известных народам Западной Сибири, и укажем на параллели в других регионах. Один шест вкладывали в развилку другого восточные ханты, эвенки Кети, а также кеты; у тувинцев-тоджинцев в жердь с развилкой вкладывали две жерди, а у южных алтайцев два основных шеста были с развилками, и еще два — без них. Связывание верхушек шестов известно у хантов (от восточных до самых северных), у ненцев (лесных и тундровых), у нарымских эвенков, а также у тувинцев-тоджинцев. Эвенки Кети делали на верхушке шеста отверстие и вставляли в него другой шест; такой же прием известен у энцев и нганасан. Селькупы продевали в отверстие одного шеста петлю и в нее вставляли другой шест. Тундровые ненцы делали отверстия в обоих

шестах, продевали в них веревку и завязывали ее, создавая кольцо.

Такой несложный прием, как опора на развилку, мог возникнуть самостоятельно в разных районах. Предшественником специально изготовленного шеста с развилкой являлось естественное разветвление на растущем дереве. Именно такой вариант зафиксирован у хантов Ваха в полуконической постройке, известной также у кетов (см. табл. 1, 12). Следующим шагом было прислонение шестов к верхушкам связанных опорных деревьев в конической постройке хантов Ваха и Казыма.

Широко распространено связывание верхушек шестов. Более специальный технический прием — просверливание отверстий в шестах — отмечен у самодийцев и, очевидно, изобретен ими. Ненецко-селькупский вариант с веревочным кольцом напоминает деревянный круг для шестов в крыше войлочной юрты южных скотоводов. Энецко-нганасанский вариант с продеванием одного шеста в отверстие другого, вероятно, был заимствован эвенками и принесен на Кеть.

Анализ такого признака, как количество основных шестов, затруднителен из-за неполноты данных и разного понимания самого этого термина. По имеющимся сведениям, у одного и того же народа количество основных шестов могло различаться. Другие категории шестов устанавливались в определенном порядке, но он тоже известен не в полной мере. По этому признаку выявлено отличие ненецкого чума от энецкого и нганасанского [Долгих Б. О., 1971, с. 102]; северо-хантыйский порядок частично совпадает с ненецким, с кетским чумом сходства нет. Чум с обручем З. П. Соколова (1962, с. 194) считает у ваховских хантов кетским вариантом. Однако он имеется также у аганских, сынско-куноватских хантов и северных селькупов. Обручи — типичный признак конических жилищ южных тюрков, известны они и у башкир. И если считать, что в хантыйском чуме этот элемент является следствием чуждого влияния, то более вероятны его тюркские, а не кетские истоки.

Этнический аспект может найти выражение в направлении оси, по которой устанавливаются основные жерди. У обских угров и ненцев они стоят слева и справа от очага (то есть ось проходит поперек чума), а у энцев и нганасан — один у входа, другой — напротив него (по продольной оси). Первый вариант восходит, очевидно, к упомянутой полуконической постройке, у которой основные шесты стоят слева и справа от открытой передней стены, а второй совпадает с традицией установки основных шестов в чуме тувинцев-тоджинцев и южных алтайцев.

В структуре ограждения имеются варианты по числу покры-

шек, их расположению относительно каркаса и материалу. У хантов и ненцев покрытие летнего чума было однослойным и состояло из двух частей. Его делали из бересты, ровдуги или покупных материалов — сукна, брезента — и натягивали поверх каркаса. Интересно, что обские угры, будучи поставщиками берестяных покрышек для тундровых ненцев, называли их *ёрн-сас* — ненецкая береста. Это заставляет задуматься над тем, всегда ли включение этнонима в наименование предмета указывает на заимствование от посетителя этнонима. Может быть *ёрн-сас* — это не «береста от ненцев», а «береста для ненцев»? Зимой северные обские угры и самодийцы использовали покрышки из оленьих шкур; слой мехом наружу — поверх каркаса, мехом внутрь — с внутренней стороны каркаса; восточные ханты делали покрытие из шкур оленя только снаружи. У эвенков Кети зимних и летних покрышек из ровдуги было четыре, а летних из бересты больше. Кеты делали берестяное покрытие летом из семи—восьми частей, зимой из девяти; у энцев и нганасан преобладали меховые нюки: летом четыре, зимой восемь. В последние десятилетия все чаще летние и даже зимние покрытия делают из брезента. У хантов Полярного Урала мы наблюдали летом использование двух внутренних покрышек из брезента и двух наружных из прорезиненной ткани. Очевидно, что выбор материала определяется природными и экономическими факторами, но количество покрышек отражает какие-то этнические традиции.

В устройстве двери мы не обнаруживаем четких различий этнического плана, он проступает лишь в такой детали, как украшение. В Западной Сибири оно отмечено у северных селькупов. Это особенно интересно потому, что орнаментация бересты у них развита намного слабее, чем у обских угров, которые, однако, не украшали берестяную дверь. Техника орнаментации — аппликация по бересте с подкладным фоном и узоры из треугольников и четырехугольников — совпадает с орнаментом на двери кетского чума. Предположение о заимствовании сдерживается тем фактом, что селькупы воспринимали рисунок как «глаза двери». Кожаными кисточками украшали дверь чума тувинцы-тоджинцы.

В западносибирском чуме подстилками на местах для сидения и сна служили пихтовые ветки и циновки, а поверх них оленьи шкуры. Интересно, что при широчайшем использовании бересты в быту обские угры почти не делали подстилок из нее⁵⁴

⁵⁴ Это относится и к другим типам построек. Сообщение З. П. Соколовой (1960, с. 16) о берестяных матах на полу землянки сделано со ссылкой на С. Патканова (1891, с. 31), но там берестяные маты не упоминаются.

и этим отличались от кетов и шорцев. Берестяные тиски рассти-
лали на пол обычно лишь при ворожке — для «приземляющих-
ся» духов.

В структуре внутреннего пространства определяющим явля-
ется очаг (рис. 61). В традиционном чуме очагом служил костер,

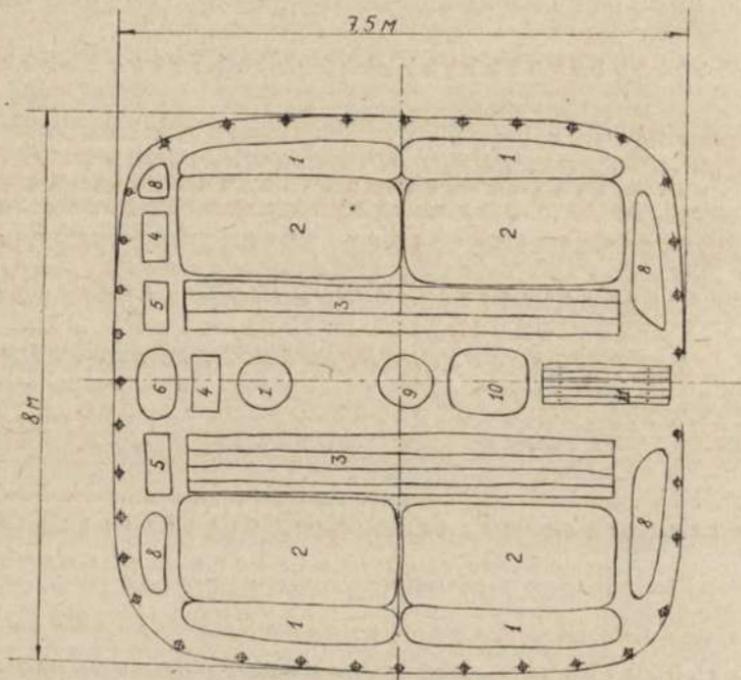

Рис. 61. План чума для четырех семей хантов Полярного
Урала: 1 — подголовники и закатанные на день полога; 2 —
место для сидения и сна; 3 — доски; 4 — сундуки с посудой;
5 — столики; 6 — продукты; 7 — емкости с водой; 8 — ве-
щи; 9 — очаг; 10 — дрова; 11 — настил из досок (МЭЭ
Н. В. Лукиной, рис. С. Бардина, 1989 г.)

располагавшийся точно в центре под дымовым отверстием. Такое
расположение обеспечивает наилучшую вытяжку дыма, то есть
обусловлено функционально. В лесной зоне очаг обычно огора-
живали с четырех сторон бревнышками с наружными кольшками
по углам; в тундре костер разводили на железном листе, поло-
женном на дно бревнышка. Делали и углубление под очагом, об-
ложенное камнями. Около- и надочажные устройства были раз-
ных типов. Восточные ханты ставили так называемый коленча-

тый таган, обычный для костра на открытом воздухе. Это черемуховая палка с естественным изгибом, на который подвешивали котел. Вне чума его ставили и эвенки Кети.

Типичным для обских угров является и другое надочажное устройство П-образной формы: две невысокие палки с развилками и на них перекладина с подвесными крюками для дужки котла. Таганы на развилках применялись у обских угров на открытом воздухе и в разных типах жилищ, включая чум. Встречались они и в чуме ненцев. Тазовские селькупы подвешивали котел на цепи, свисающей с перекрестья жердей в верхушке чума, как тувинцы-тоджинцы; правда, последние ставили специальную жердь с цепью не в общем ряду, а за костром. Указанные способы наиболее просты, тем не менее они локализируются определенным образом, что позволяет предполагать их истоки. Два первые, несомненно, связаны с местными лесными культурами, а последний можно считать принесенным с юга. Интересно, что таган с развилками у ненцев известен главным образом в районах контактов с хантами и считается случайным явлением [Хомич Л. В., 1966, с. 106]. В западносибирских чумах, в отличие от кетского, не применялся столь простой способ, как прямая палка с зарубками, воткнутая наклонно над костром; он известен только в наружных очагах на зимних кратких стоянках.

Более сложное надочажное устройство (рис. 62) состоит из двух жердей, проходящих над очагом от входа к противоположной стороне, и перекладины на них. На перекладину влета деревянная пластина с отверстиями на разной высоте, внизу у нее крючок для подвешивания котла. Варианты зависят от места прикрепления жердей в передней части чума. Это либо один из шестов каркаса (вост. и сев. ханты), либо специальный шест за очагом, который ненцы ставили наклонно, а северные ханты вертикально. Последний называется *симса*, *симсы-юх* (сев. ханты и манси), *симса*, *сымзы*, *шинты* (ненцы). Пуровские ненцы сразу за очагом ставили зимой вертикальный шест, а ближе к задней стене — наклонный *симса*. Специальный наклонный шест известен также у энцев — *чиа* — и у нганасан — *симка*. У исходной для западносибирских эвенков группы — *сымской* — надочажное устройство имело свои особенности: шест *симка* ставился вертикально у очага со стороны входа, а один горизонтальный прикреплялся к нему и к дальнему от входа шесту. Такая же система была у елогуйских кетов. Вертикальный шест ставили перед очагом и другие народы Восточной Сибири — эвены, долганы.

Итак, характерные черты западносибирских надочажных устройств данного типа — установка специального шеста за очагом. В комплексе с горизонтальными жердями он имеет аналогии

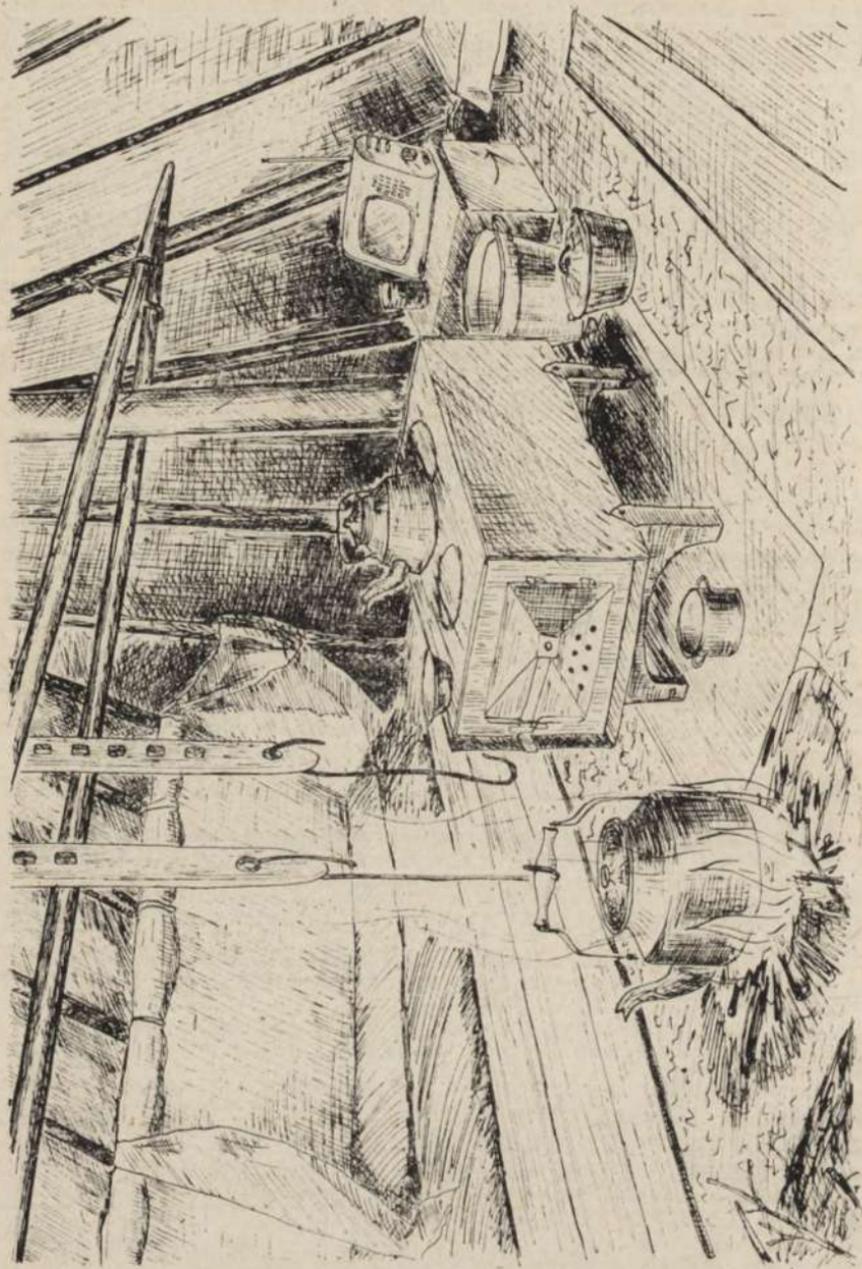

Рис. 62. В чуме хантов Полярного Урала (МЭЭ Н. В. Лукиной, с зарисовки С. Бардина, 1989 г.)

в надочажном устройстве конического жилища — *чадыр* — у южных алтайцев. Они использовали его только как навес для кочевия и просушки, в этой функции он служит и в чуме северных народов. Если предполагать южные корни данного надочажного устройства, то очевидно, что при продвижении носителей традиции на север нужно было найти более подходящий способ помещения котла над очагом — без железного трехногого тагана алтайцев. Он реализован в поперечине со свисающим деревянным крючком, что напоминает П-образный таган обских угров, в том числе по надрезам либо отверстиям для регулировки высоты котла над огнем. Заметим, что у северных хантов и манси деревянные крюки с отверстиями на разной высоте широко использовались и для подвешивания колыбелей. Эти фигурные и орнаментированные изделия — одна из ярко выраженных этнических особенностей обских угров. Расположение горизонтальных жердей в направлении от входа к противоположной стене — для просушивания и продымливания вещей — характерно и для других типов обско-угорского жилища, не говоря уже о разнообразных наружных сооружениях. Таким образом, эта идея необязательно заимствована у алтайцев, а может иметь местное происхождение.

Шест *симса* более всего связан с самодийским чумом. У ненцев этот термин связывается с названием места за очагом — *си, шинекуй*. В иганасанском чуме шестов *симка* было несколько. У северных самодийцев заочажный шест *симка* имеет наиболее разработанные внешние формы и глубокую семантику: у ненцев это один из шаманских атрибутов, у иганасан — путь на небо. Участок, где стоял *симса*, считался священным. Обско-угорское название *сипса, сипсыох* позволяет предполагать заимствование с добавлением собственного компонента *юх* — дерево. Впрочем, Ю. Б. Симченко (1976, с. 162) предполагает, что *симка* был известен еще урало-алтайцам как название опорного столба в углубленном жилище. Мы считаем комплекс признаков, связанных с *симка*, сформировавшимся в самодийской среде и отражающим этническую специфику их чума. У северных обских угров это самодийское влияние.

Сейчас в холодное время года за костром ставят железную печь, трубу выводят в дымовое отверстие. В зависимости от обстоятельств используется либо костер, либо печь. Можно встретить в чуме и газовую плиту.

Сравнение внутренней планировки чума ненцев и обских угров показывает их сходство. Около входа — место для дров и животных. В наши дни здесь перед очагом подвешивают умывальник. Сбоку или по обеим сторонам от очага — трапезный участок, сюда во время еды ставят низенький столик. В остальное

время это зона передвижения для обитателей чума. За очагом на нейтральной полосе стоят емкости с водой, еще далее — сундучок с пищей, обеденной посудой и постоянное место столика. Сейчас там ставят радиоприемники, телевизоры (см. рис. 62).

Распределение мест по половозрастному и социальному признаку также в целом одинаково у хантов, манси и ненцев. Если в чуме жила одна семья, она занимала левую половину, а в правой помещались гости. Но часто две или более семей занимали обе половины. У каждой из них, как и у отдельного человека, было строго определенное круглосуточно место, только маленькие дети нарушали это правило во время дневных игр. На своем месте человек работал и отдыхал. Проходили к нему по нейтральной полосе, разделяющей чум надвое. Женщины, начиная с девочек-подростков, не должны были переступать через ноги мужчин. Ближние от входа места занимали либо незамужние женщины, либо хозяйка (чума или одной половины) и ребенок в колыбели. Здесь в мешках хранились легкая одежда, рукоделие и орудия труда женщины, которая многое делала в жилище. Далее было место мужа. Он основные работы выполнял на улице, где и хранились его инструменты. За главой семьи располагались подросшие дети. Дальнюю от входа половину занимали неженатые мужчины либо престарелые родители. Гостей располагали по принципу: женщин — ближе к входу, мужчин — в передней части.

У лесных ненцев во время свадьбы в левой половине, дальше от входа, располагались жених с невестой и сват, а ближе к входу — родители; место других родственников — в правой половине. Ненецкий шаман при камлании находился в глубине чума слева, за очагом стояли изображения добрых духов и духов шамана; присутствующие располагались ближе к входу — мужчины слева, женщины справа.

Участок за очагом напротив входа имел особую функцию, хотя она не вполне совпадала у интересующих нас народов. Для ненцев, энцев, иганасан и северных хантов он был священным, там хранились изображение духа и самые ценные вещи, а люди его не занимали. За очагом женщинам запрещалось переходить на другую сторону чума. Запретная полоса продолжалась и за стеной чума, где на некотором расстоянии стояла нарта со святынями, и женщины не должны были проходить между нею и чумом. У восточных хантов место за очагом было почетным, и автору этих строк в качестве гостя приходилось там жить. Таким же было отношение у северных селькупов, кетов, эвенков, тувинцев-тоджинцев. С. В. Лезова (1988) считает, что селькупы перенесли эту традицию с полуземлянки на заимствованный у ненцев

чум. Перенесение с других типов жилищ можно предполагать и у обских угров, но у них истоки традиции связываются непосредственно с прототипом чума — полуконической постройкой. В ней люди должны были располагаться позади очага, так как его место было перед открытой передней частью. В последние годы мы наблюдали изменение функции данного участка у сынских хантов, живущих в поселке стандартного типа и использующих чум как приют на время строительства бревенчатого дома. Железная печь здесь обращена дверцей не ко входу, как положено в традиционном чуме, а наоборот. Напомним, что по традиции в передней части находились продукты и обеденный столик. Теперь туда «переместилась» хозяйка для приготовления пищи и, таким образом, передняя часть чума стала кухонно-трапезным участком. Заметим, что в этом чуме вообще много новинок: диван, большой телевизор и др. Эвенки использовали всю площадь чума в качестве жилой.

Конические постройки использовались и в качестве хозяйственных. У оседлых и полуоседлых народов Западной Сибири ставили конусом стволы деревьев, запасаемых на дрова (поленниц, в отличие от русских, не делали). В последние десятилетия эти сооружения приобрели новые функции, например склада и летней кухни. Такое мы наблюдали у хантов Ваха и Сыни в современных поселках, где дома построены по ГОСТу, редко встречаются традиционные амбары и исчез обычай готовить пищу на открытом очаге у дома. В поселках такого типа можно встретить также конусовидную уборную. В традиционном быту хантов ставили невысокое конусовидное прикрытие из палок и жердей над локальным источником воды — родником и т. п. На Ляпине берестяной чум с дымокурром служил оленям для защиты от гнуса, а на Полярном Урале мы видели небольшой чум для больного олененка, живущего на стойбище. Любят ставить чумик и дети для своих игр. У северных обских угров был отдельный чум для женщин на период менструаций и родов.

Проведенный нами анализ позволяет сделать некоторые выводы более общего характера. Так, еще раз нужно подчеркнуть ошибочность мнения некоторых авторов о чуме как жилище только оленеводов [Шлыгина Н. В., Чистов К. В., 1981, с. 170]. Дополнительной аргументации требует тезис о том, что ненецкий чум связан своим происхождением с южными самодийцами-оленеводами [Хомич Л. В., 1976, с. 84]. Это вполне согласуется с гипотезой о возникновении оленеводства в самодийской среде Саяно-Алтайского нагорья и распространении его самодийцами до Ледовитого океана, однако теряет силу, если придерживаться других точек зрения о происхождении оленеводства или этноге-

неза самодийских народов. Излагать эти точки зрения мы здесь не можем, а коснемся только генезиса самодийского чума. Его конструкция у древних южносибирских самодийцев неизвестна, таким образом, сравнивать не с чем и выводить северосамодийский чум из южносамодийского пока нет оснований. Л. В. Хомич (1976, с. 83) считает чум северных самодийцев близким чуму современных оленеводов Южной Сибири тюркоязычных тувинцев-тоджинцев, хотя и отмечает некоторые отличия. Обратимся вначале к понятию «чум северных самодийцев». По данным Т. Б. Долгих (1971) и Л. В. Хомич (1976), общим для таежных и лесных ненцев, энцев и нганасан было название чума, заднего священного шеста, очага и досок пола около него, размещение и функция участков. Выше мы показали, что название *ма*, *мат* обозначает в самодийских языках не только чум, но и жилище вообще. Так же обстоит дело с названием очага и досок пола. Это ослабляет тезис об общесамодийском прототипе именно чума.

При изучении истории чума весьма важны детали, отражающие суть конической постройки в первую очередь каркас из шестов. Как явствует из литературы, у северосамодийских народов нет единства в названии и количестве основных шестов, способе их соединения и направлении оси, а также в порядке установки остальных шестов и в наличии специальных женских шестов. Кроме того, их чумы различаются по количеству покрышек, наличию или отсутствию ямы под чум в снегу, по ориентации входа. Выявив эти и другие различия, Т. Б. Долгих (1971, с. 102) заключает, что в самодийском типе чума, имеющем общий прототип, есть ненецкое и энецко-нганасанское подразделения. Она подчеркивает также мобильность ненецкого и капитальность энецко-нганасанского чума, что связано с кочевым оленеводством у первых и охотой на дикого оленя — у вторых.

Однако с нашей точки зрения, столь существенные отличия в ненецком и энецко-нганасанском чумах не дают оснований говорить ни об их самодийском типе, ни об общем прототипе. Многие из указанных особенностей — название основных шестов, их количество и направление оси, порядок установки других шестов, наличие женских шестов, принцип ориентации — не обусловлены ни природно-климатически, ни функционально, а отражают разные этнические традиции. Можно согласиться с Т. Б. Долгих в том, что энцы и нганасаны сохранили более древние черты чума, но были ли они самодийскими по происхождению? Ю. Б. Симченко (1976, с. 161) предполагает, что на конструкцию нганасанского чума оказало влияние углубленное в землю жилище древних уральцев. Насколько близок ненецкий чум тувинско-тоджинскому? Пожалуй, и здесь больше различий, а именно: по ко-

личеству основных шестов, оси их установки и способу соединения верхушек, количеству покрышек, распределению внутренних участков. Что касается надочажного устройства, то Л. В. Хомич (1976, с. 83) верно подмечает сходство наклонного шеста у тувинцев-тоджинцев и *симса* у ненцев. Различие же в том, что первые подвешивали котел на цепи к верхушке шеста, а вторые включали шест в более сложное и иное по конструкции устройство для подвешивания котла. О его возможных истоках у скотоводов Алтая или обских угров мы говорили выше. Итак, мы не видим достаточных оснований для утверждений о происхождении ненецкого чума от конического жилища южных оленеводов.

Появление чума у северных селькупов С. В. Лезова (1988) объясняет ненецким либо энецким влиянием, хотя отмечает у них эвенкийский способ крепления основных шестов и собственный принцип внутренней планировки. К этим особенностям добавим оригинальное надочажное устройство и напомним, что авторы XIX в. фиксировали коническое жилище на территории исхода северных селькупов — в Нарымском крае [Кастрен А. М., 1860; Sirelius U. T., 1983, с. 31]. Для решения вопроса нужно дополнительное исследование.

Каковы взаимосвязи ненецкого и обско-угорского чума? Мы уже говорили о заимствовании северными уграми комплекса, связанного с *симса*. Другие же черты сходства можно объяснить и обратным влиянием, поскольку они имеют корни в более простом полуконическом сооружении восточных хантов; например, в минимальном количестве основных шестов (два) и направлении их оси. Частичное совпадение в порядке установки остальных шестов, в ориентации входа сближает ненцев скорее с обскими уграми, чем с другими самодийскими народами. У хантов Полярного Урала мы встретили в чуме подпорки, что характерно не для ненцев, а для энцев-нганасан. Типичный для ненцев прием — просверливание отверстий в основных шестах и продевание в них веревочного кольца — неизвестен у обских угров.

Итак, имеющиеся данные заставляют с осторожностью относиться к утвердившемуся в литературе мнению о заимствовании хантами чума у ненцев. Решение вопроса затрудняется тем, что у ненцев, в отличие от обских угров, чум известен уже в сложившемся виде, а его варианты, исходные и переходные формы почти неизвестны. Пока с уверенностью можно считать, что в обско-угорском чуме заложены не только самодийские традиции, он имеет и древние местные корни, относящиеся к культуре рыболовов и охотников. Что в них угорское, а что доугорское — сказать трудно. Так, полуконическая постройка, к которой мы возводим хантыйский чум, известна также у кетов; с ними же объединяет

хантов и наличие обруча в каркасе чума, но этот элемент широко известен в конических постройках тюрков. Много параллелей имеют надочажные устройства, в том числе среди других построек хантов и манси. Такая вариативность не позволяет, с нашей точки зрения, выделить собственно угорский тип чума, хотя это определение существует в литературе. Как и в случае с самодийским чумом, его можно понимать только в смысле принадлежности, но не происхождения. Этнопоказательными выступают лишь отдельные признаки.

Наше исследование относится в основном к ненцам и обским уграм, так как по ним имеются наиболее полные сведения, хотя выяснилось, что их тоже недостаточно; например, нет подробных описаний чума у отдельных групп хантов и манси. Что касается других народов Западной Сибири — северных алтайцев, селькупов, эвенков, то сведений об их конических постройках явно недостаточно для того, чтобы решать вопросы генезиса.

1.4.1. В Западной Сибири отмечен целый ряд каркасных построек, исходной формой которых был односкатный заслон, или скат-кровля (см. табл. 1, 3)⁵⁵. Он зафиксирован повсеместно у обских угров и у ненцев как временное укрытие охотников и рыбаков при остановке в пути. Несущая система простейшего варианта — это жерди, вбитые наклонно в снег. При установке на земле верхние концы жердей опираются на перекладину, уложенную на вильчатые колья либо на ветви деревьев. Покрытие — еловые ветки или береста, летом также и трава. Зимой заслон ставили рядом с ямой-спальней, вырытой в снегу. Его название *лок*, *кол-пал* — половина дома (манс.); *тонтох-кат* — берестяной дом (вост. х.), *хот-пелек* — половина дома (сев. х.). Термин *лок* сходен с финским названием заслона *лекка* и венгерским *лак*, что говорит о его финно-угорском происхождении [Sirelius U. T., 1909, с. 56].

Наибольшее число вариантов на основе односкатного заслона разработали ханты и манси. Прослеживаются две линии развития: совершенствование самого заслона и соединение двух заслонов в единое целое. Первый путь вел к созданию вертикальных стен двумя техническими приемами. В одном случае боковые и заднюю стенки устраивали в виде изгороди из трех рядов жердей, а заслон ставили за задней стеной (Сев. Сосьва). Почти повсеместно у обских угров известен другой прием: несущие опо-

⁵⁵ При анализе использованы описания из следующих работ и источников, кроме цитируемых: Источники по этнографии, 1987; Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977; МЭЭ ТГУ разных лет; Попов А. А., 1961; Sirelius U. T., 1908, 1909, 1983

ры задней и боковых стен ставили вертикально и изгибали либо надрезали, создавая скат кровли. Таким образом, кровля приподнималась над землей, но еще не отделялась от стен (см. рис. 60, 1). Четвертая сторона такого трехстенного шалаша выглядела по-разному: оставалась открытой; прикрывалась заслоном из наклонных жердей и бересты (Казым); полностью закрывалась вертикальной стеной из опор и бересты. У восточных хантов подобное жилище строилось в сочетании с помостом для просушки рыбы. В этом случае кровля шалаша имела свес над открытой передней стеной и помостом, задняя стена была более капитальной: из двух рядов колышков с ивовыми ветвями между ними. Кровля со свесом (см. табл. 1, 7) является, видимо, прототипом крыши со скатами неравной длины, которая встречается у восточных хантов в более капитальных постройках из досок и бревен (см. рис. 60, 8).

Другая линия развития, выявленная еще У. Т. Сирелиусом [Sirelius U. T., 1909, с. 53], заключается в сдваивании односкатных сооружений, обрабатываемых открытыми передними сторонами друг к другу (табл. 1, 4, 8). Они не смыкаются полностью, между ними остается пространство, в котором помещается очаг. Учитывая отсутствие аналогий таким постройкам у других народов, З. П. Соколова (1962, с. 231) делает заключение об их местном происхождении.

1.4.2. Двускатный шалаш с двумя стенами (см. табл. 1, 5) получается при полном смыкании двух заслонов. При этом вход, которым служила открытая передняя сторона шалаша, перемещается в сомкнутые боковые стены и занимает уже не всю плоскость новообразованной фронтовой стены, а лишь ограниченный проем в ней. Очаг, располагавшийся на предвходовом участке, не перемещается, но его место в структуре внутреннего пространства оказывается иным — в центре, а дымовую щель во всю длину конька заменяет локальное отверстие в покрытии над очагом. У. Т. Сирелиус подчеркивает, что во всех случаях сохраняется прежняя конструкция: вильчатые опоры с горизонтальной балкой, поперек нее — жерди и палки, а на них покрытие (1990, с. 53).

1.4.3. Двускатный шалаш с четырьмя стенами — это результат полного смыкания двух односкатных шалашей, обращенных открытой передней стороной друг к другу, имеющих боковые и заднюю стены (см. табл. 1, 9). Говоря о стенах, нужно иметь в виду, что они еще не обособлены от кровли. Каркас создается из прутьев, воткнутых в землю вертикально («стены») и перегнутых под тупым углом на небольшой высоте. Их продолжение образует «крышу». Цельными являются и полотнища покрытия.

Коленчатое перегибание прутьев либо надламывание жердей каркаса известно у разных групп обских угров и в шалашах с конической либо округлой крышей, которая тоже не была обособлена от стен. Этот технический прием более всего характерен для обских угров, его можно считать этнопоказательным признаком их построек. Варианты с плавным переходом стен в крышу отражают промежуточный этап в развитии шалашей, основанных на заслоне. Завершением было создание построек, у которых крыша в какой-то мере обособлена от боковых стен. Эта тенденция проявлялась еще в несомкнутых сдвоенных шалашах. Итогом такого разнопланового развития стало жилище с двускатной крышей (см. рис. 60, 2).

Это наземная постройка, частично переносная (покрытие), используемая во все сезоны, кроме зимы. Основание прямоугольное, размеры разные (конкретный пример 3×4 м). Постройка однокамерная, вход обычно со стороны водоема. Несущая система — каркас из трех—пяти пар основных опорных столбов, врытых в землю на фронтовых сторонах. Средняя пара высотой 1,5—2 м, по бокам от нее постепенно снижающиеся опоры; крайняя пара высотой около 1 м. Верхние концы опор с развилками, в них уложены горизонтальные балки. Кроме опорных столбов в каркас входят более тонкие жерди, установленные по периметру стен. Вверху они привязаны или продеты в отверстия горизонтальных балок. Поперек последних настланы и прикреплены к ним жерди. Заполнение — берестяные покрывки, настилаемые отдельно на стены и крышу, в чем проявляется их обособленность. Снаружи заполнение прижато вертикальными столбиками у стен, жердями и коньковой балкой — на скатах крыши, а иногда дополнительно обвязано веревками. Входной проем в середине фронтовой стороны имеет подвесное берестяное покрытие, закатываемое в хорошую погоду наверх. Свет проникает через открытый вход и дымовой проем. Полom служит земля, на спальных участках — подстилки из травы и циновок. Очаг в центре, в прямоугольной загородке из бревнышек, над ним дымовое отверстие по одну или обе стороны коньковой балки. Место женщин — у входа, мужчин — дальше, участок для гостей — за хозяйном.

Дальнейшее совершенствование этого типа жилища касается структуры ограждения и внутреннего пространства. Стены для прочности покрывают берестой с пихтовой корой, на землю стелют доски, делают дощатые нары и надочажное устройство из двух горизонтальных шестов (для копчения рыбы), а позади очага стол из досок на вильчатых опорах. Это уже настоящий дом, используемый несколько лет. Таким образом, шалаш у об-

ских угров достигает той же стадии развития, что и изба у русских. Указанная постройка известна повсеместно у обских угров в XIX в. и на более узкой территории в XX в. Ее название *саскол*—берестяной дом, *кол, сувл* (сев. манси); *тонга-хат, тунтох-кат* (сев. и вост. ханты). Разнообразие жилищу придавали формы крыши — коническая, полусферическая, округлая, усеченно-двускатная (см. табл. 1, 10, 11).

Можно было бы ожидать, что односкатный шалаш-заслон был распространен в Западной Сибири достаточно широко. Однако в литературе он описан только у обских угров и упомянут у ненцев. Такая же картина с двускатным шалашом без стен. Кроме указанных народов он известен у тубаларов, но в отличие от обско-угорского более вытянут в высоту и имеет почти сплошное покрытие из бревен поверх берестяных полотнищ. Далее на восток двускатный шалаш известен у эвенков и амурских народов.

У хантов и манси двускатный шалаш явно заложен в основу более капитальных построек, которые мы не относим к шалашам. Это двускатное сооружение с несущей системой из бревен и заполнением из досок у кондинских и салымских хантов (см. рис. 60, 7), срубная постройка северных хантов из трех венцов с очень высокой каркасной крышей и берестяным покрытием, которые сильно напоминают двускатный шалаш. Ниже мы говорим о подобном же явлении в каркасно-моноклитных постройках барабинцев и кумандинцев. В последние десятилетия народы Западной Сибири стали использовать в качестве летнего и зимнего жилища палатки, которые они в готовом виде покупают либо получают как промысловое снаряжение. По этим образцам шьют и самодельные палатки из покупного брезента. По внешнему виду они совпадают с только что описанным шалашом.

В литературе о традиционной культуре народов Западной Сибири практически нет упоминаний об одно- или двускатных шалашах без стен с хозяйственной или социально-культурной функцией. Каркасным является лишь двускатное устройство для просушки сена, зафиксированное авторами в 1970-х годах у хантов р. Васюган. Это явное заимствование у приезжего населения. Традиционными для обских угров являются двускатные навесы на высоких столбах (рис. 63). Под ними хранили вещи, жарили на кострищах и сушили рыбу, днем сидели женщины. Двускатные хозяйственные постройки, стоящие непосредственно на земле, были более основательными, из расколотых или цельных бревен. На Северном Урале в них хранили дичь на охотничьих станциях, у хантов р. Аган — заготовленную впрок рыбу. Здесь же автором описана оригинальная постройка для собак — из постав-

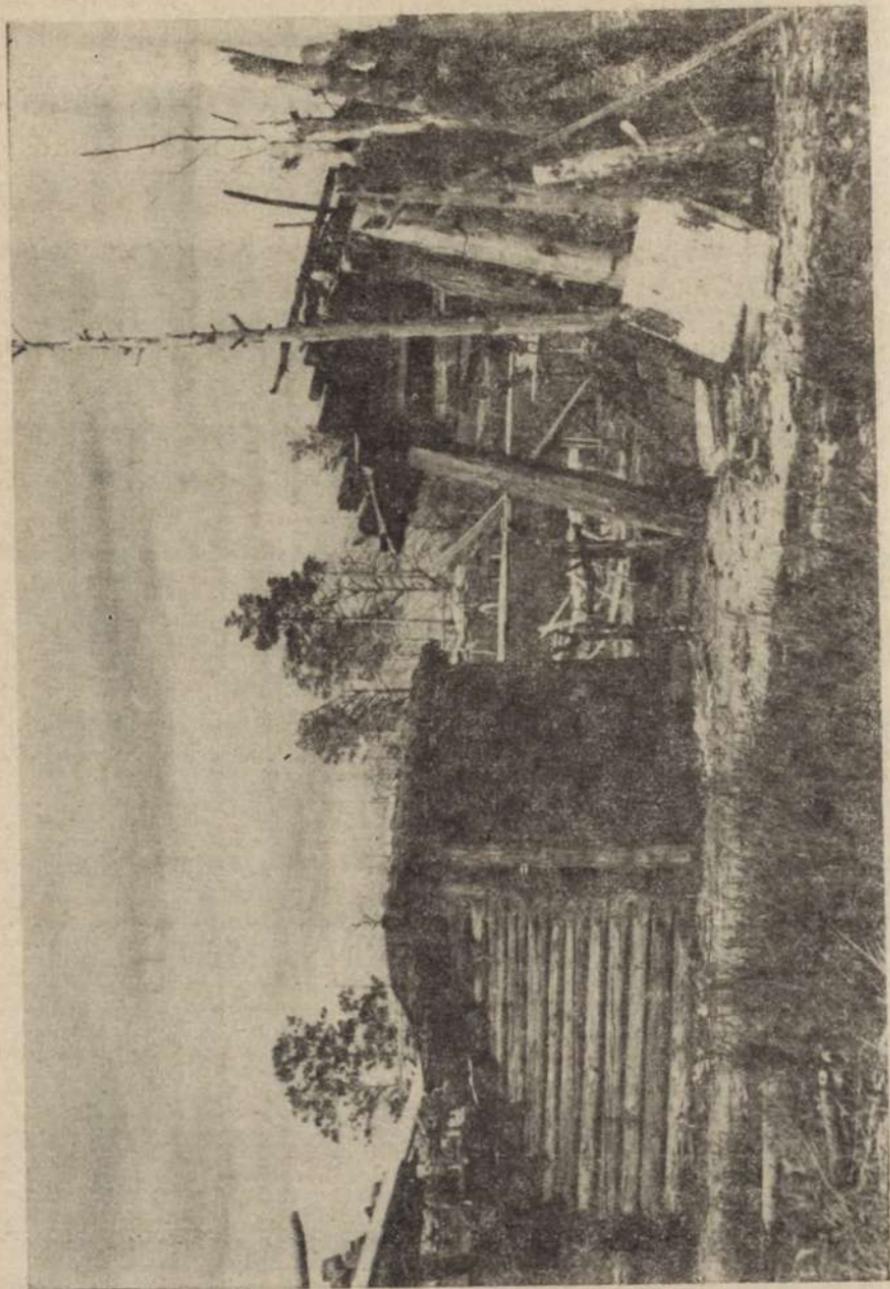

Рис. 63. Хозяйственные постройки хантов р. Аган (фот. Н. В. Лукиной, 1972 г.)

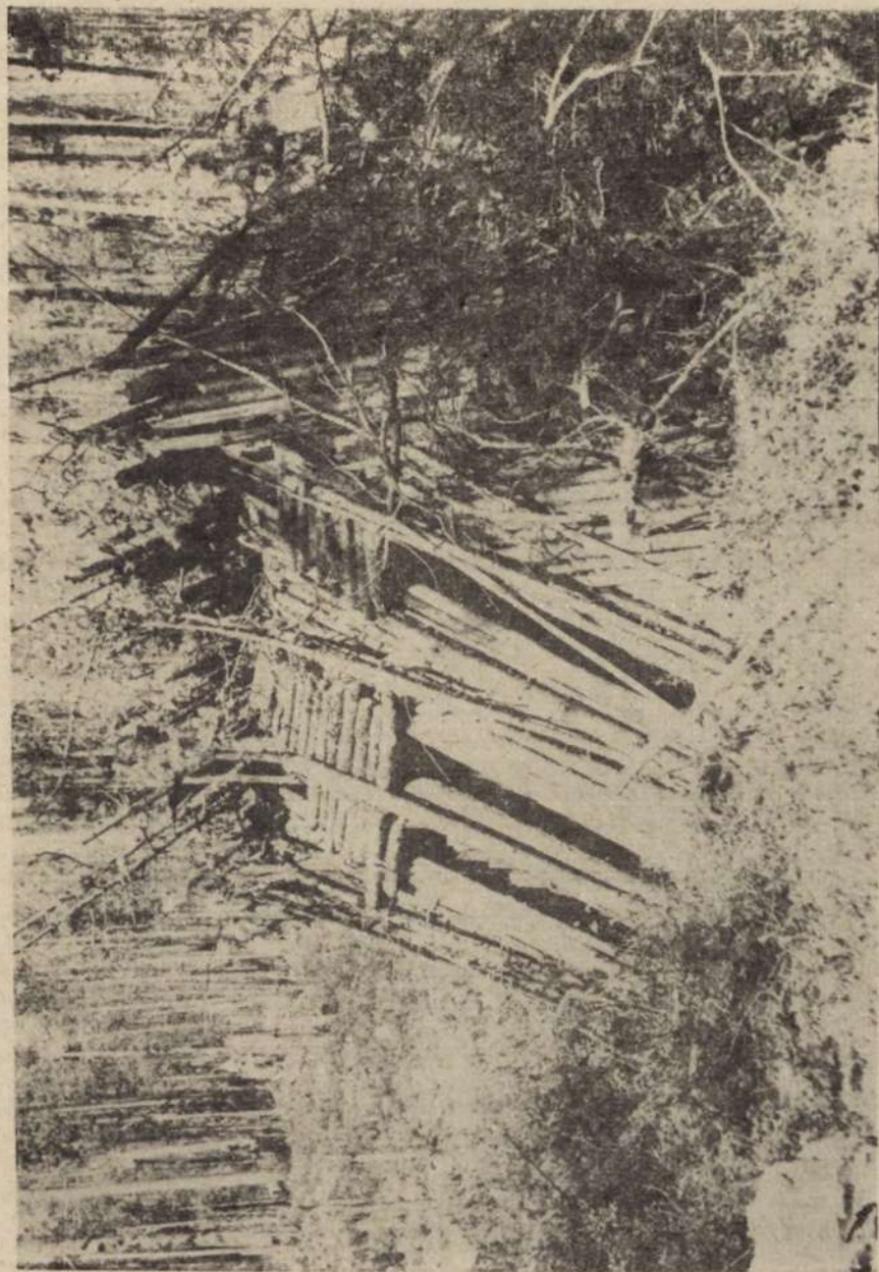

Рис. 64. Постройка для содержания собак, аганские ханты (фот. Н. В. Лукиной, 1972 г.)

ленных наклонно жердей. Это трехкамерное сооружение с тремя входными проемами в одном из длинных скатов (рис. 64).

Из имеющихся данных об исходных, переходных и завершающих формах одно-двускатных шалашей обских угров со всей очевидностью вытекает их местное, исконное происхождение. Подобной вариабельности в постройках этого рода не знает никакой другой народ. У. Т. Сирелиус говорит о сходном процессе развития одно- и двускатных шалашей у обских угров и финноязычных народов и заключает, что их происхождение уходит в глубокую древность, во времена финно-угорской общности (1909, с. 56). Отмечая широкое распространение простейшей формы заслона, он подчеркивает редкость берестяных шалашей с вертикальными стенами и двускатной крышей. В Сибири аналоги имеются только у амурских народов, но их приемы крепления конструкции более сложны, а гилики использовали и иное покрытие — из рыбьих кож [Ibid., с. 55—56].

Завершая в целом исследование о шалашах разных форм, отметим одну черту, присущую обско-угорским постройкам как в виде свода, так и из скатов. Это зеркальный принцип их установки. Здесь невольно просится сравнение с зеркальностью орнамента хантов и манси — одной из типичнейших черт их декоративно-прикладного искусства. Очевидно, ее можно считать этническим определителем.

1.5.1. Усеченно-пирамидальное каркасное жилище известно у многих народов Западной Сибири⁵⁶. Описание даем по сезонному либо временному, непереносному наземному *одагу* шорцев, бытовавшему в XIX — первой половине XX в. [Кимев В., 1989; Попов А. А., 1961]. Это однокамерное сооружение, вход обычно с востока. Несущая система — четыре вкопанные в землю прямые стойки с развилками и уложенная на них рама из жердей. В зимнем охотничьем жилище в несущую систему входила пихта, стоящая в середине стены напротив входа и закрывающая ветвями постройку сверху. Заполнение стен — колотые бревна, доски, жерди, приставленные наклонно к раме; иногда они покрыты сверху берестой, ветками, сеном и придавлены еще жердями (рис. 65, 1). Таким образом, в постройке как бы два основания: по несущей системе — прямоугольное, по заполнению стен — с закругленными углами. Входной проем — в узкой стороне постройки — закрывается отодвигающимися досками либо приставной дверью. Дымовой проем во всю длину постройки

⁵⁶ При анализе использованы описания из следующих работ и источников, кроме цитируемых: Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Титаренко Е. М., 1975; МЭЭ ТГУ, 1962; Потапов Л. П., 1936; Селезнев А. Г., 1991; Соколова З. П., 1960, 1962; Sirelius U. T., 1906.

1

2

Рис. 65. Постройки шорцев: 1 — летнее жилище, пос. Усть-Ортон [по: Кимеев В., 1989]; 2 — комбинированная хозяйственная постройка (МЭЭ ТГУ, 1962)

служит (наряду с входным) для проникновения света. Очаг в центре, иногда в яме. Надочажное устройство — жердь, покоящаяся на боковых балках рамы, и свисающий с нее крюк для котла. В охотничьем *одаге* участки для сна — по обе стороны от очага; место старшего мужчины — в левом переднем углу, а самых молодых — у входа.

В усовершенствованном, но традиционном варианте *одага* жерди и доски стен меньше выступают над рамой, имеется крыша из досок и бересты, а в ней дымовое отверстие. В 1960-х годах Н. В. Лукина описала одаг шорцев на р. Мрассу с существенными отличиями. В нем только боковые стены поставлены наклонно, а две другие — вертикально. Входной проем не в середине, а сбоку справа и имеет дверь, укрепленную на ремнях. В угловых столбах вырублены пазы для рамы. Над ней — один венец из бревен с врубкой способом «охряпкой», еще три бревна образуют торцовое перекрытие. На нем двускатная крыша с охлупнем, курицами и потоками. Она крыта жердями, сверху берестой и еще одним слоем жердей, бревнышек. Очевидно, эти изменения внесены под влиянием срубных традиций домостроительства.

На изучаемой территории постройка типа *одага* зафиксирована также у тубаларов. А. А. Попов (1961, с. 158) считает ее типичной для всех сибирских тюрков, с которыми он связывает происхождение постройки. Ее основные конструктивные особенности: несущая система из четырех **вертикальных** стоек и заполнение из наклонных палок, бревен. У тувинцев такой каркас имели жилища с вертикальными же стенами (то есть по внешнему виду это не пирамида, а призма). Интересно, что и в некоторых срубных постройках тувинцев, а также бурят мы видим в середине четыре стойки с рамой наверху. Они как бы выделяют центральную часть жилища. Насколько можно судить по работе А. А. Попова, очаг в таких жилищах обычно находится внутри четырехугольника из стоек. Не случайно, видимо, происхождение термина *одаг* связывают с глаголом *ота* (обогреться) либо *от* (разводить огонь) [Севортян Э. В., 1974, с. 486]. Судя по кратким сведениям авторов XVIII в., жилище, напоминающее усеченную пирамиду, строили барабинские татары и чулымцы; по более поздним данным бочатские телеуты делали его из дерновых пластов.

На севере Западной Сибири аналогичным *одагу* является наземное жилище нарымских селькупов *леви мат* (за исключением берестяной опускающейся двери). У них же и у северных селькупов известна еще одна усеченно-пирамидальная постройка — *тяй мат, пой мат*. Она широко распространена у хантов и в мень-

шей степени у манси, ее название у восточных хантов *мых кат* — земляной дом; *телех кат* — зимний дом. Здесь каркас, в отличие от *одага*, устроен не из вертикальных, а из наклонных опор.

Г. И. Пелих считает *леви-мат* и *тйй-мат* выразителями палеосибирского компонента в культуре нарымских селькупов и в качестве аналогов указывает только реконструкции жилищ усть-полуйской культуры и древнеэскимосского Ипиутака (1972, с. 52—53, 179). Относительно Ипиутака нам судить трудно, но в жилище из Усть-Полуя центральные столбы указаны по углам очага, а не жилища в целом, как в селькупском *леви-мат*. Его более близкие аналоги имеются, как сказано выше, в тюркских жилищах с угловыми вертикальными опорами, поэтому правильнее связывать с ними селькупские *леви-мат*. Что касается селькупской *тйй мат* с наклонными опорами по углам, то ей имеются аналоги у северных селькупов и у непосредственных соседей — обских угров и кетов. О североселькупской постройке этого типа *пой-мат* высказано предположение, что его конструкция заимствована у ваховского населения [Лезова С. В., 1988, с. 75]. Но ведь и нарымско-селькупская *тйй мат* аналогична ваховской. Ее вполне могли принести селькупы-переселенцы со своей прежней родины (а не с промежуточного района), изменив несколько название на севере.

1.5.2. У обских угров имеются и пирамидальные постройки, неизвестные более нигде в Западной Сибири. У хантов и манси те и другие подробно описаны в разных вариантах, зависящих от числа опорных столбов (4, 6, 8, 12), формы основания (прямоугольной и округлой), отношения к поверхности земли и др. Далее на восток они известны у кетов, эвэнков, нивхов, черты сходства имеются с саамской *вежей* и с пирамидальными жилищами некоторых племен Северо-Западной Америки [Соколова З. П., 1957 и др.].

Сравнив кетские и угорские полуземлянки, Е. А. Алексеенко (1967, с. 98—99) заключает, что кетские *бангусь* наиболее сходны с хантыйскими, и особый интерес в этом плане представляет усеченно-пирамидальное жилище. Кроме того, у тех и других были постройки с двумя парами основных опор, а у обских угров они сходились в вершине (пирамида), укладывались в развилки и связывались, а у кетов стояли параллельно, скреплялись в паз и соединялись поперечинами. В землянках этого типа елогуйские кеты делали трапециевидное основание, что не зафиксировано у обских угров. Таким образом, при единой в целом конструкции в ней имеются отдельные признаки, различающие тюркские постройки, обско-угорские и кетские и отражающие их этническую специфику.

В генезисе жилища этого типа важным является вопрос об изменении его положения относительно земли. Им подробно занимались наши предшественники. Н. Н. Харузин (1895) и У. Т. Сирелнус (1907) считали, что каркасные пирамидальные землянки развились из наземной конической постройки, для которой стали делать углубление в земле. Им возражает З. П. Соколова (1957 и др.). Опираясь на археологические и этнографические данные, она доказывает, что шатровые (по ее терминологии) землянки и полуземлянки существовали на обско-угорской территории с глубокой древности и постепенно поднимались на поверхность, превратившись в наземные.

Опираясь на выводы З. П. Соколовой, Е. А. Алексеенко и рассмотрев саамскую вежу, Ю. Б. Симченко приходит к заключению о принадлежности землянок этого типа к культуре северных аборигенов-уральцев (1976, с. 152—167). Он высказывает также мысль об известном влиянии землянки на переносное жилище народов субарктической зоны — чум. Это интересно не только с точки зрения истории жилища, но и истории науки. Если в конце XIX в. Н. Харузин (1895, с. 39—44) полагал, что вежа и землянка обских угров развились из конусообразного шалаша, то в конце XX в. предполагается обратный ход событий. Имеется еще и точка зрения Г. Гейкеля, приведенная в цитируемой работе Н. Харузина. Он считает, что землянка и шалаш появились одновременно.

2. Постройки с комбинированной несущей системой.

2.6.1. Призматическая каркасная постройка с самонесущими стенами⁵⁷. Сведения о ней имеются с XVIII в., наиболее полные описания даны по зимнему жилищу кумандинцев — *чер уг* и барабинцев — *ярь-и* (земляной дом) [Ядринцев Н. М., 1885, с. 115; Селезнев А. Г., 1991, с. 78]. Аналогичные жилища были у челканцев и предков шорцев. По горизонтальной структуре жилище однокамерное (встречался и двускатный навес перед входом), с прямоугольным основанием размером 16—20 кв. м, по вертикали углублено в землю на 1 м. Несущая система — три столба у стены со входом и соответственно у противоположной. Средние столбы выше боковых. Заполнены передний и задний фронтоны у барабинцев вертикальными жердями, а у кумандинцев — горизонтальными досками; о боковых стенах сведений нет. Каркас крыши — три балки, опирающиеся на столбы стен и проходящие вдоль постройки; на них уложено поперек несколько

⁵⁷ При анализе использованы следующие работы и источники, кроме цитируемых: Адрианов А. В., 1888; Георги И. Г., 1799; МЭЭ ТГУ 1962; Попов А. А., 1961; Сатлаев Ф., 1974; Тоцакова Е. М., 1973, 1978.

пар бревен. Они упираются нижним концом в землю, а верхним в коньковую балку. Поверх бревен — горизонтальные слези, плотно прижатые друг к другу. Покрытие — полотнища из бересты и сверху дерн. Входной проем — сбоку от центрального столба, световое отверстие — в крыше; у кумандинцев в дымовом отверстии — труба (*чувала?*).

Этот тип жилища с 4 столбами имеется у хантов (рис. 66).

В этих постройках привлекает внимание очень высокая крыша — до 1,5 м у барабинцев и еще выше у кумандинцев (судя по изображению). Данный признак и конструкция крыши позволяют предположить, что первоначально постройка была наземной в виде двускатного шалаша, под которым позднее стали делать углубление. Такие постройки встречались и в XX в. Так, шорцы строили погреба с высокой двускатной крышей на шести столбах. Заметим, что анализируемое явление присуще тем тюркоязычным народам, у которых предполагаются связи с угорским миром (см., например, рис. 67, 2). Как показано выше (см. 1. 4. 3), несущая система из трех пар опор (высокой в середине и низких по бокам), соединенных балками, отмечена и у финноугров.

Каркасные постройки в форме четырехгранной призмы с самонесущими плетневыми стенами со времен И. Г. Георги зафиксированы у предков кондомских и мрасских шорцев, известны также у барабинских и томских татар, у бочатских телеутов, кумандинцев и др.⁵⁸

У барабинских татар [Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И., 1975, с. 186—188] были прямоугольные или квадратные в плане постройки с длиной стены в 4 м. Несущая система — столбы или стойки по углам, а иногда и посередине длинных стен. Заполнение стен — плетень из тальника, березовых или осиновых прутьев, обмазанный с двух сторон глиной, смешанной с навозом. Постройка беспотолочная. Плоская или пологая двускатная крыша сооружалась из жердей, уложенных на стены, и берестяных полотнищ со слоем земли или кусками дерна на них. При двускатной крыше укладывалась балка-матрица на двух столбах, а затем настилалось около 18 жердей по каждому скату и укладывался дерн. С внутренней стороны крыши щели между жердями промазывались глиной. В одной или двух стенах мазанки делались небольшие окна, но их могло и не быть. К жилищу иногда пристраивали сени также из плетня, но без обмазки.

⁵⁸ При анализе использованы описания из следующих работ, кроме цитируемых: Георги И. Г., 1776; Кимеев В., 1989; Радлов В., 1989; Славин В. Д., 1991; Усманова М. С., 1980; Харузин Н. Н., 1896; Храмова В. В., 1956; Sirelius U. T., 1907.

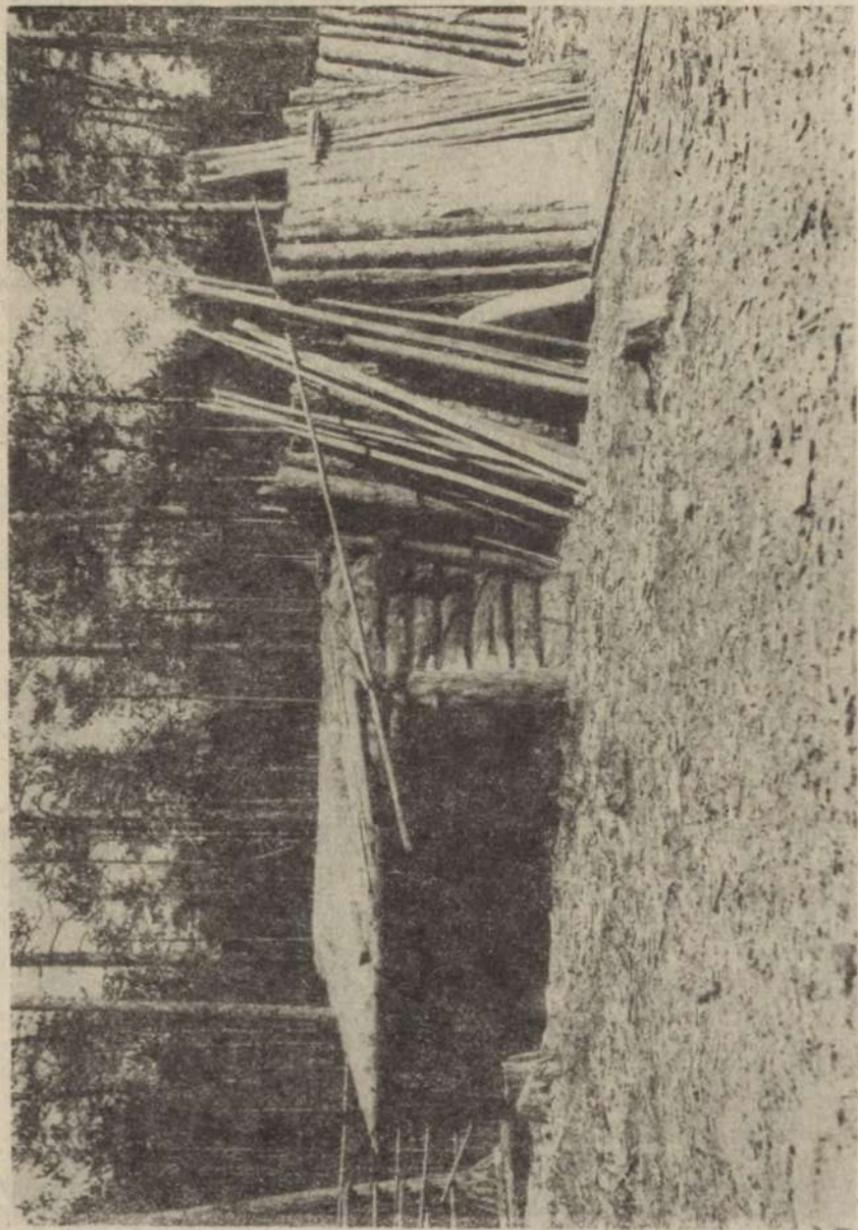

Рис. 66. Зимнее жилище хантов р. Аган (фот. Н. В. Луккиной, 1972 г.)

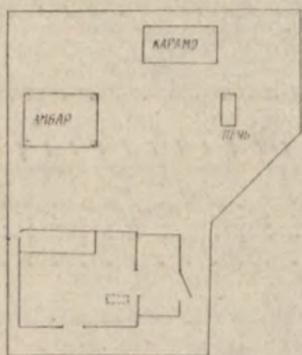
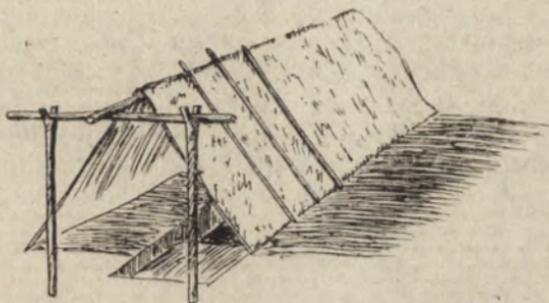
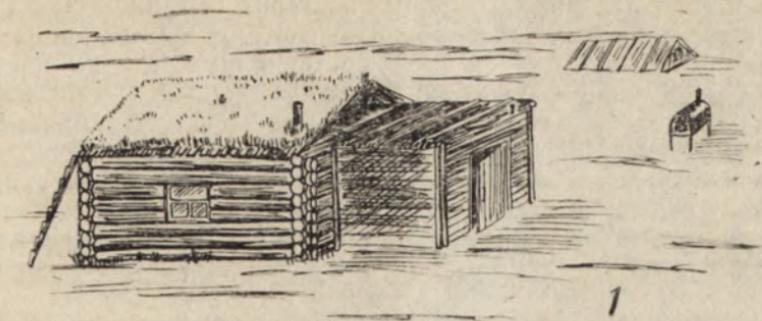

Рис. 67. Постройки на усадьбе александровских хантов; 1 — общий вид; 2 — карамо; 3 — план усадьбы; 4 — план усадьбы и разрез карамо (МЭЭ ТГУ, 1961)

В другом варианте плетневых построек [Томилов Н. А., 1980, с. 83—84] у томских татар несущую систему составляли угловые столбы с прибитыми к ним с двух сторон жердями: по три пары на стенку. Каркас переплетался прутьями, так что получались двойные стены, между которыми засыпался и утрамбовывался сухой чернозем. Снаружи и внутри стены обмазывались глиной, смешанной с лошадиным навозом. Покрытие из полубревен укладывалось на две продольные слепи и засыпалось землей. Потолка постройка не имела. В стенах устраивались небольшие окна. Такие мазанки были как однокомнатные, так и двухкомнатные.

Описанные постройки бытовали в конце XIX—начале XX в. и, судя по приведенным рисункам, были в основном наземные. В прошлом были, по-видимому, более распространены полуземлянки и землянки с плетеными стенами. Так, плетеная из прутьев полуземлянка с плоской крышей описана у абинцев—предков шорцев, известна и телеутская *оргон уй*; у шорцев еще в конце XIX—начале XX в. бытовала зимняя полуземлянка с двойными плетеными стенами, земляной засыпкой, конусообразной крышей из жердей, бересты и земли. У калмаков в конце XIX—начале XX в. встречались землянки, вырытые в яру, с земляными или обмазанными глиной стенами, передней стеной из плетня, плоской крышей из обмазанных глиной жердей [Томилов Н. А., 1980, с. 85]. Подобное жилище (рис. 68, 1) было описано И. Г. Георги у телеутов, где бытовало, по его мнению, до середины XVIII в. Именно в этих пещерных жилищах телеутского типа исследователи видят истоки плетневых построек тюрков Западной Сибири [Попов А. А., 1961, с. 159; Томилов Н. А., 1980; с. 82]. Не отрицая этого, стоит отметить, что каркасно-плетневые или турлучные постройки были с древности известны во многих местах. В частности, они широко бытовали на юге России и на Украине [Этнография восточных..., 1987, с. 226]. Переселенцами из этих районов плетневые постройки были принесены во второй половине XIX в. в степные районы Западной Сибири [Сафьянова А. В., 1974, с. 284—285]. Отличие и сходство местных и принесенных строительных традиций, а также их взаимодействие требуют дальнейшего специального исследования. Возможно, именно под влиянием принесенных традиций наземных построек ускорился процесс превращения полуземлянок в наземные дома.

Плетневые призматические постройки бытовали также в качестве хозяйственных строений—сараев, загонов для скота. Так, у калмаков, реже у чатов, кроме круглых были и прямоугольные в плане хозяйственные постройки из горизонтального или вертикального плетня в один или два ряда с заполнением промежут-

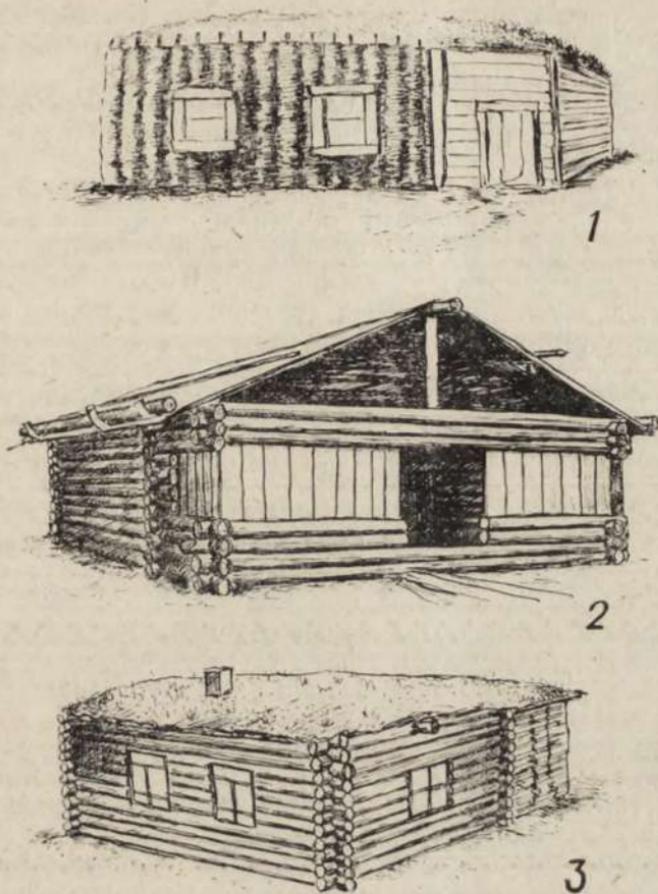

Рис. 68. Жилища с сеними: 1 — плетневая постройка, телеуты р. Ур, 1860-е гг. [по: Радлов В. В., 1989, с. 189]; 2 — северные манси, 1930-е гг. [по: Архив МАЭС ТГУ, фонд В. Н. Чернецова]; 3 — томские татары, конец XIX—начало XX в. [по: Томилов Н. А., 1980, с. 84, рис. 23, 1]

ка между рядами соломой. Стены обмазывались глиной, крыша была плоская [Томилов Н. А., 1980, с. 124—126]. У хантов р. Лямин, переселившихся с р. Пим, были сараи из плетня, покрытые берестой [Дунин-Горкавич А. А., 1910, с. 115]. В степной зоне нередко из плетня сооружали сени, пристроенные к срубному жилищу.

Каркасные призматические жилища существовали также в варианте заполнения самонесущих стен дерном (точнее, дерновыми кирпичами). В конце XIX—начале XX в. они были известны у барабинских татар, калмаков, кумандинцев и др.⁵⁹

В *ярь-и* — зимнем жилище барабинцев [Селезнев А. Г., 1933] несущую систему образуют четыре угловых столба с рамой и центральной балкой-матией на них. Между столбами укладывалось заполнение стен из дерновых кирпичей размером 45×25—30 см и высотой 10—15 см. Жилище имело в плане основания форму квадрата (4×4 м) или прямоугольника. В последнем случае оно состояло из двух камер. Высота стен достигала 1,2—1,4 м, а двускатная крыша (без потолка) несколько увеличивала высоту. В варианте такой постройки стены сооружались только из кирпичей, без угловых столбов. Рама перекрытия в этом случае укладывалась по периметру стен, которые для прочности не только скрепляли глиняным раствором, но и обмазывали с двух сторон толстым слоем обмазки. Полого-двускатная крыша закрывалась кусками дерна по накату из дерева. При постройке в стенах оставляли отверстия для дверей и окон.

Дерновые постройки были, по-видимому, как наземные, так и в виде полуземлянок, землянок, например *кыспа уг* кумандинцев. Жилища из дерна были известны у многих народов лесостепной зоны Сибири и Приуралья [Бусыгин Е. П., 1966, с. 254; Шитова С. Н., 1984, с. 104—105], а также бытовали у русских переселенцев в Барабинской степи и на Алтае [Липинская В. А., 1969, с. 39]. Кроме того, дерн широко использовался для утепления каркасных построек, в том числе в сочетании с плетнем, как в конических, пирамидальных, так и призматических жилищах.

2.7.1. Призматическая стационарная постройка нармских селькупов — *карамо*⁶⁰. Зафиксирована в XX в. как нежилая, по устным свидетельствам, прежде в таких жилищах [Пелих Г. И., 1972, с. 45—52]. Основание прямоугольное, 6×3 м; отношение к уровню земли комбинированное: входная стена — на земле, дальняя от входа — полностью в земле, на глубине 1,7 м (строение в косогоре). Состоит из двух камер: сени-тамбур и основное помещение. Каркас всей постройки — четыре угловых столба. Два из них — на входе в тамбур — соединены вверху псечечной балкой и имеют продольные пазы. Боковые стены об-

⁵⁹ При анализе использованы описания из следующих работ, кроме цитируемых: Каралькин П. И., 1953; Сатлаев Ф., 1974; Селезнев А. Г., 1984; Тмилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И., 1975.

⁶⁰ При анализе использованы описания из следующих работ и источников, кроме цитируемых: Материалы по фольклору, 1978; МЭЭ ТГУ, 1962, 1965, 1970; Томилов Н. А., 1980; Соколова З. П., 1960; Sirelius U. T., 1907, 1901.

разованы уложенными в пазы горизонтальными бревнами. На другом конце они и бревна дальней от входа стены — тоже горизонтальные — уложены между столбами и землей. На входе в тамбур стены нет. Стена со входом в основное помещение (перегородка) имеет собственный каркас из двух столбов, вбитых в землю у левой боковой стены, и заполнение из горизонтальных бревен, уложенных между столбами; другим концом бревна входят в паз столба, служащего косяком для двери. Она занимает правую часть стены. Рядом с дверью небольшое окно, которое в старину затягивали кожей щуки. Потолка нет, только крыша. Ее несущая система — две продольные балки в середине, лежащие над входом в тамбур на низком торце, а у дальней стены — прямо на земле; на них поперек уложены жерди, опирающиеся нижними концами в землю. Заполнение — береста и сверху земля. По устным свидетельствам, внутри подобных построек находились земляные нары вдоль двух стен и чувал.

Конструкция данной постройки хорошо иллюстрирует комбинированную каркасно-самонесущую систему, о которой мы говорили при определении терминов. В ней налицо каркас, однако вес стен ему не передается, то есть он не является для них несущей системой. Здесь мы имеем самонесущие стены, например в срубках. И даже вес кровли передается не только каркасу, но и заполнению стен, и непосредственно земле. Строение интересно и тем, что в нем сочетаются три разных приема соединения бревен со столбами каркаса: между столбом и землей, между двумя столбами, в паз.

Эту и подобные ей постройки Г. И. Пелих относит к I типу селькупских полуземлянок, который был широко распространен у нарымской группы. Она описала их по заброшенным либо измененным строениям, так что полной информации о чисто традиционных чертах *карамо* пока нет. Еще прежде оно было описано Е. Д. Прокофьевой (1947) по фольклорным и лингвистическим данным, которая подчеркивала наличие подземных ходов к реке. Жилищ с такими ходами найдено не было, что дало основание А. П. Дульзону и З. П. Соколовой отнести их к области фольклора. Г. И. Пелих по этому поводу замечает: «Однако дальнейшие исследования на территории нарымских селькупов заставили нас пересмотреть этот вопрос» (1972, с. 45). Но дело в том, что в ее описаниях *карамо*, следующих за этой фразой, нет упоминаний о подземных ходах. И все-таки вопрос еще не закрыт. У васюганских хантов, живущих по соседству с нарымскими селькупами, мы тоже записали предания о землянках с подземными ходами со стороны реки, в которые заезжали даже на лодках. Нам показали следы землянок *кавалат, мёгуй-кат*

на холме у оз. Лебединое. Мы сняли план и сфотографировали ямы (землянки?), остатки вала и рва, а также оплывшие канавы, ведущие к воде (остатки проходов?). Но пока памятник не раскопан и даже не определен археологами, можно лишь предполагать, что в нем скрыто. По рассказам чулымских тюрков, у них в прошлом были зимние жилища в крутых берегах озер или рек. Теперь на этих местах сохраняются ямы. Стены построек земляные, по углам столбы, крыша полого-двускатная из наката бревен, бересты и земли. Вход делали незаметным. Характерно, что и васюганские ханты, и чулымцы связывают эти землянки с предками-богатырями, которые скрывали свои жилища, потому что «боялись друг друга».

Не имея точных данных о землянках в горе с подземными ходами, обратимся к вполне реальным признакам интересующей нас постройки. Следует согласиться с Г. И. Пелих в том, что селькупская полужемлянка данного типа «не имеет прямых параллелей у соседних с селькупами народностей Западной Сибири» (1972, с. 161). Возможно, она права и в том, что это жилище досамодийских предков селькупов (мы бы сформулировали так: «несамодийских предков»). Труднее согласиться с тем, что селькупское *карамо* более всего сходно с переднеазиатским домом дошумерийской архитектуры (Там же, с. 163). Рассмотрим аргументы. «В обоих случаях перед нами прямоугольное двухкамерное жилище с одинаковым местом расположения входа и очага». Но место входа и очага у селькупов Г. И. Пелих указывает разное. «Совпадает форма двускатного или плоского перекрытия». Этот признак известен почти всюду на земном шаре. «Обнаруживается сходство в приемах строительной техники». Далее разъясняется, что имеется в виду пазовая врубка, но ведь у селькупов отмечено три технических приема, а не один. К южным чертам Г. И. Пелих относит и наружную глинобитную печь для варки пищи (видимо, для выпечки хлеба, а не варки). Во-первых, эта черта известна у многих народов; во-вторых, печь ставили у жилища любого типа, даже у чума. Исследователь не отмечает, находилось ли дошумерийское жилище в земле, а еще точнее — в горе, была ли у сеней передняя стена, были ли нары и где находилось окно. Видимо, сведений об этом по переднеазиатским постройкам нет, но ведь указанные детали составляют четыре из семи основных признаков, выделенных Г. И. Пелих у селькупского *карамо*.

Из данных Г. И. Пелих вытекает, что определенно совпадают лишь следующие признаки: прямоугольность, двухкамерность, стены с пазовой врубкой. Такое сочетание тоже не встречается в постройках народов Сибири. Для них не характерна горизон-

тальная структура из двух равных по ширине помещений, как это описано в селькупском *карамо*. Предвходовое сооружение в некоторых других типах построек обычно уже жилого помещения, различаются у них и технические приемы.

Относительно строительных приемов в селькупском *карамо* нужно отметить, что они известны в разных вариантах у народов Западной Сибири и их соседей (см. рис. 66, 67). А. В. Адрианов (1886) отметил у «инородцев» р. Лебедь на Алтае жилище из горбылей, которые у передней и задней стен вкопаны вертикально, а у боковых — уложены горизонтально между парами кольев по углам. Предки васюганских хантов, как и селькупы, строили полужемлянки в яру. По углам ставили столбы, к ним привязывали черемуховыми прутьями по две тонкие палки и в этот искусственный паз укладывали бревна. Сходство с селькупским *карамо* было и в устройстве крыши. Техника устройства угловых пазов, подобная васюганской, отмечена у хантов Малого Атлыма. Она отражает раннюю стадию техники врубки бревна в паз. Последняя была весьма характерна для построек васюганских хантов в XX в. У других групп этого народа она встречалась редко, хотя зафиксирована вплоть до Нижней Оби. Прижимание дощатых стен угловыми кольями отмечено и в землянках томских татар.

Из этого следует, что в Томско-Нарымском Приобье интересные нас технические приемы известны не только селькупам. Они отражают путь от самого простого способа — прижимания стен к земле столбами — через создание искусственного паза к пазовой врубке, требующей специального орудия — тесла. Все это могло быть создано местным населением, а не принесено из Передней Азии. И если предполагать что-то влияние, то правомернее считать его тюркским. А. А. Попов отмечает: «Тюркские шалаши имели установленные в плане прямоугольника четыре стойки, служащие опорой стен в забирку»; этот прием встречался даже в многоугольных постройках хакасов (1961, с. 157). Не случайна, видимо, и локализация указанной техники на юге хантыйской территории. Возможно и такое, что селькупские *карамо*, описанные Г. И. Пелих, несут в себе более поздние черты, заимствованные у русских. Ведь они описаны только во второй половине XX в. на территории сильного обрусения селькупов, а одна из землянок вообще не селькупская (Вороново). Из двух оставшихся одна построена недавно для хозяйственных целей и является типичной для местных русских; вторая служит кузницей и только со слов известно, что в ней прежде жили. Итак, существование жилища типа селькупского *карамо*, опи-

санного как Е. Д. Прокофьевой, так и Г. И. Пелих, остается проблематичным.

Ситуация осложняется тем, что название *карамо* зафиксировано у селькупов для разнотипных построек (например, рис. 69, 2). Им пользовались также ханты и русские Нарымского края. В этом можно убедиться по данным литературы и нашим соб-

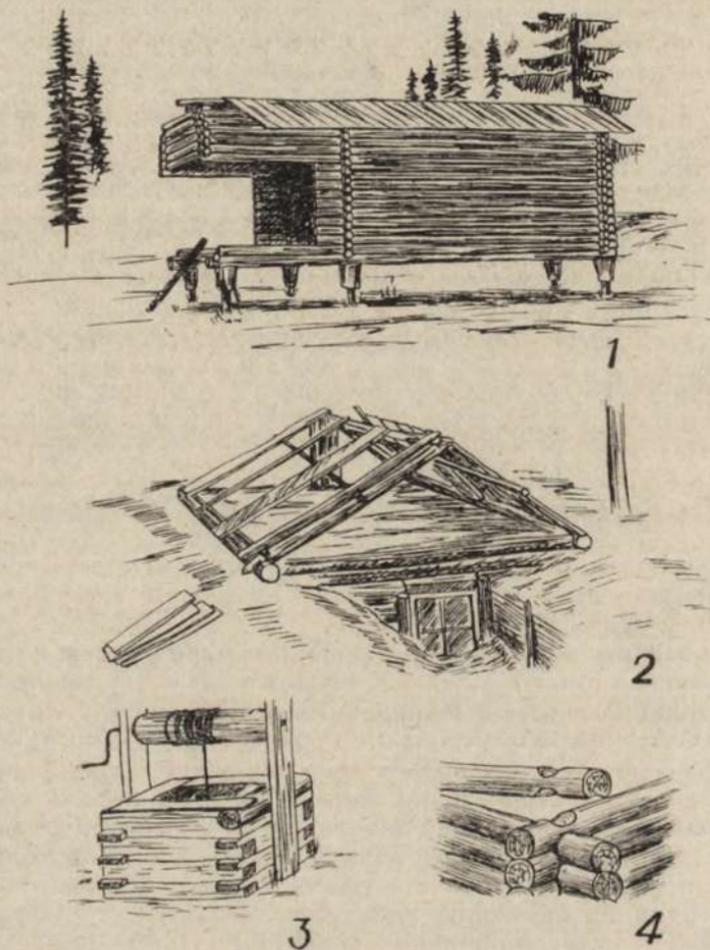

Рис. 69. Срубные постройки народов Томского Приобья: 1, 2 — амбар и остатки полуземлянки нарымских селькупов [МЭЭ ТГУ, 1963]; 3 — колодец шегарских «карагасов» [МЭЭ ТГУ, 1962]; 4 — рубка в охрянку

ственным наблюдениям. Так, Г. И. Пелих (1972, с. 57) приводит название «карамушка» для жилища, выделенного ею V типа ((карамо — I типа). Кстати, V тип описан ею не у селькупов, а у александровских хантов. У них же отмечено *карамо* иной, каркасной конструкции [Соколова З. П., 1963, с. 346]. Недавняя публикация дневников У. Т. Сирелиуса (1983, с. 144—145) позволяет уточнить конструкцию селькупского *карамо*, вошедшего в «Историко-этнографический атлас» [Попов А. А., 1961, с. 165]. Она иного типа, чем указанные выше. Интересно, что интерьер и большие окна здесь — явно русского происхождения и записаны У. Т. Сирелиусом под русскими названиями. Русские нарымчане называли карамой, карамушкой любую полужемлянку. Это необходимо учитывать, если информация получена от них.

Далее на север, у обских угров, зафиксированы жилища, у которых в несущей системе представлены разные сочетания каркаса и самонесущих стен [Sirelius U. T., 1908, S. 10—22]. В одном случае — это временное сооружение с тремя низкими самонесущими стенами, позади задней стены устроен каркасный заслон. Другой вариант: бревна передней стены сезонного жилища уложены в пазы угловых столбов (деталь каркаса), а задняя стена соединена с боковыми врубкой (самонесущая система). Имеются и другие варианты, которые У. Т. Сирелиус считает переходными к срубному жилищу.

3. Постройки с самонесущими стенами.

У дорусского населения Западной Сибири известны жилища, стены которых не имели каркаса, он использовался только для крыши. Основная часть жилища была призматической, а крыша — разной формы. В отличие от построек с каркасной или смешанной несущей системой стены этого жилища изготавливались из однородного материала.

3.1.1. Постройки в форме четырехгранной призмы.

Саманные постройки — *уг самананг иштен* кумандинцев отличались сводчатой крышей, сооруженной из трапециевидных в сечении кирпичей [Славнин В. Д., 1991, с. 93]. Они были из кирпичей крупных размеров (50×25×15 или 25×12,5×10 см) с половинным соотношением длины и ширины. Для смеси брали тонкую отмученную глину, солому и конский или коровий навоз. Сводчатую крышу возводили при помощи специальных дощатых лекал, воспроизводящих форму свода. Кирпичи скрепляли глиняным или известковым раствором. Готовый дом снаружи и изнутри промазывали глиной и белили. Из самана же выкладывали печь, теплые нары, высокий дымоход трубы. В. Д. Славнин считает, что эти постройки кумандинцев имеют сходство с башкир-

скими, а сводчатая крыша и теплые нары сближают их с постройками Средней или Восточной Азии (1991).

У барабинских татар в конце XIX—начале XX в. такие дома строили двумя способами: из саманных (сырцовых) кирпичей и методом заливки глиносоломенной смеси в дощатые опалубки [описание дано по: Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И., 1975, с. 188]. Оба способа считаются заимствованием от пришедшего русско-украинского населения. Исследователи считают, что как сам термин «саман» (тюркское—необожженный кирпич), так и техника строительства были завезены в Сибирь с юга России и Украины [Станюкович Т. В., 1969, с. 247]. Находки саманных построек на юге России, в Тмутараканском городище X—XI вв. свидетельствуют о давности применения здесь саманного кирпича [Этнография восточных славян, 1987, с. 226].

Бревенчатые срубы в форме четырехгранной призмы с различным устройством крыши были известны во второй половине XIX—начале XX в. у всех коренных народов Западной Сибири⁶¹. В качестве зимнего жилища, углубленного в землю, они отмечаются во многих местах и по более ранним описаниям.

Рассмотрим устройство срубного жилища на примере шорцев [описание дано по: Кимеев В., 1989, с. 100—101]. *Чайлыг*, или *яйлыг*, шорцев в верховьях р. Кондомы представлял собой прямоугольный в плане сруб размером 3,5×4 м и высотой 2,1 м из 6—7 венцов пихтовых или кедровых бревен, проконопаченных мхом. Вход у правого угла сруба имел восточную ориентацию и закрывался дощатой дверью, подвешенной на ремнях. Пол—глинобитный или настился из расколотых бревен. Под углы сруба подкладывали камни. Двускатная крыша на бревенчатом фронте и слегах сооружалась из колотых плах, бересты и слоя земли. В крыше оставляли отверстие для света, закрывающееся зимой куском льда. Позднее небольшое окно прорубалось в противоположной от входа стене.

Вход в жилище оформлялся чаще всего в виде пристройки—*пуль-бар*—из горбылей, прислоненных к выступу крыши. Иног-

⁶¹ При анализе построек использованы описания из следующих работ и источников, кроме цитируемых: Адрианов А. В., 1886; Бояршинова З. Я., 1950; Вербицкий В. И., 1893; Георги И. Г., 1776; Дульзон А. П., 1952; Ельницкий К., 1895; Емельянов Н. Ф., 1980; Иванов П. Г., 1927; Костров Н., 1875; Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1972; Львова Э. Л., 1969; МЭЭ ТГУ, 1962, 1986; Народы Сибири, 1956; Пелих Г. И., 1972; Потапов Л. П., 1953; Сатлаев Ф., 1974; Славнин В. Д., 1991; Соколова З. П., 1963; Тихонов С. Н., 1984; Томилов Н. А., 1972; Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И., 1975; Тоцакова Е. М., 1973, 1978; Шатилов М. Б., 1931; Шерр Н. Б., 1903; Ядринцев Н. М., 1881, 1891; Sirelius U. T., 1906—1911.

да это был срубный тамбур типа сеней, использовавшийся для хранения хозяйственного инвентаря.

Внутри жилища, справа от входа, помещался глиняный очаг — *кебе* — из двух вертикальных плах с толстым слоем глиняной обмазки и с плетеной, обмазанной глиной трубой. Между очагом и левой боковой стеной размещалась различная домашняя утварь. Вдоль стен врубались широкие (до 70 см) лавки — *тор*, застилавшиеся берестой. Лавка напротив входа предназначалась для приема почетных гостей, слева — для хозяев, справа — для живущих родителей и детей. На полках вдоль стен хранили запасы продуктов. В дальнем углу постройки размещались культовые предметы, в том числе в доме шамана — бубен.

Жилая постройка огораживалась забором из жердей, образуя усадьбу, внутри которой помещались запасы сена, скот и пр.

Шорское срубное жилище — *сенек* — по р. Мрассу отличалось от описанного устройством очага и крыши. Здесь очаг был в виде глиняной очажной ямы у стены напротив входной двери, с деревянным крюком для котелка на поперечной жерди, укрепленной в углублениях верхнего венца. Двускатная крыша жилища *сенек* сооружалась из полубревен-желобов. У шорцев на р. Пызас бытовали срубные жилища, похожие на *сенек*, но с трапециевидной крышей, покрытой берестой, плахами и колодами бревнами.

Подобные шорским срубные жилища были у их ближайших соседей: у кумандинцев — *спа*, у челканцев — *югу*, у тубаларов — *дыаду* и *кереге*. В конце XIX в. эти жилища были часто углублены в землю до 1/2 высоты постройки. Варьировали они также в деталях устройства покрытия: у кумандинцев и челканцев были срубы как с двускатной крышей, так и с накатом из бревен с земляной засыпкой; *кереге* тубаларов было с четырехскатной крышей из коры березы.

Бревенчатые срубные постройки были известны у томских татар (*ий* с плоской крышей), у барабинцев, чулымских тюрков, томских карагасов, селькупов и др. У хантов и манси о срубных постройках упоминается в письменных источниках с XVII в., а в XVIII в. были известны как углубленные в землю срубы с плоским или двускатным покрытием, так и наземные срубы. В XIX — начале XX в. на севере и западе угорской территории (р. Нижняя Обь, Казым, Сосьва, Ляпин, Сыня, Лозьва, Конда, местами на Васюгане) были распространены срубы со свесом крыши перед входом, с двускатной крышей на слегах, крюках и желобах. Строительство такого сруба требовало определенного мастерства в технике рубки, и, в свою очередь, давало возможность варьировать устройство предвходового сооружения. Эти

срубы отличались большим совершенством по сравнению с простейшими срубами восточных районов (правобережье Оби, Вах). Кроме жилых у народов Сибири были распространены срубные хозяйственные и культовые постройки: амбарчики на столбах, лабазы, срубы для хранения шишек и пр.

По впечатлениям и описаниям путешественников срубные жилища местных народов чаще всего оценивались как почти не отличающиеся от русских изб. Отличие видели только в углубленности построек в землю и во внутреннем убранстве: *чувал*, *нары* и т. п. Одним из первых подобное мнение высказал в 1721 г. Д. Г. Мессершмидт о жилищах барабинских татар [Титова З. Д., 1976, с. 121—122]. В. Радлов (1989, с. 206) также считал местные срубы переходной формой к русскому дому. Навязчивое сравнение с русской избой лишало возможности исследовать местные срубные традиции. В частности, не было учтено, что как сам сруб, так и все его основные конструктивные элементы (стены, углы, крыша, окна, двери и пр.) имели названия из языка местных народов.

Подробное исследование этнографических и археологических материалов привело З. П. Соколову (1957, с. 101—104) к выводу о заимствовании срубной техники обскими уграми и сибирскими татарами с запада (Приуралья, Прикамья) не ранее рубежа II тыс. н. э. На Алтае срубное жилище, вопреки бытовавшим стереотипам о заимствовании, по мнению современных исследователей, восходит к древней тагарской культуре, отражено в петроглифах Алтая и доказано наличием погребальных срубов пазырыкского времени. Однако, на наш взгляд, доказательством преемственности срубной жилищной техники может быть исследование самого срубного жилища. Так, наличие срубных погребальных камер как раз могло исключать использование сруба для жилья. Например, у чулымских тюрков записано поверье, по которому охотникам на промысле полагалось строить только балаганы, а не срубные избышки, так как «в рубленых снятся страшные сны». Также у хантов считалось, что нельзя одному ночевать в амбаре, иначе ночью *юнги* задавят [Материалы по фольклору, 1978, с. 189]. Известно и русское поверье, что первый вошедший в новый дом вскоре умрет [Байбурин А. К., 1983, с. 104]. Возможно, что срубная техника строительства из горизонтально положенных бревен, перекрещивающихся в углах, именно в силу некоторых поверий и запретов применялась только для погребальных, культовых и хозяйственных сооружений и не использовалась длительное время для строительства жилья. По-видимому, горизонтально лежащее дерево ассоциировалось с мертвым миром. Отраженные на древних писанищах срубные постройки могли

быть не жилые, а культовые, в частности, «решетчатые фигуры» — срубные башни горы Калбак-Таш рассматриваются как храмы [Окладникова Е. А., 1987, с. 27]. А на Боярской писанице постройки с параллельными горизонтальными бороздами считаются срубными жилищами [Киселев С. В., 1951, с. 252].

Более ранним было, по-видимому, строительство жилища из вертикально или наклонно расположенных бревен, что соответствовало естественному положению дерева. Например, у русских П. Бардиной записано поверье, по которому в случае всяческих напастей в семье полагалось проверить все столбы на усадьбе, чтобы найти столб, поставленный случайно комлем вверх, и поставить его правильно, в соответствии с естественным ростом, что снимало негативные явления.

У русских срубная техника для строительства жилищ ко времени прихода в Сибирь уже имела многовековую историю и, по-видимому, дала мощный толчок к развитию и более широкому применению сруба у местных народов. Определенное влияние на распространение срубного жилища у народов Сибири оказало изменение хозяйственной деятельности, оседание народов. Однако о таком жизненно важном элементе культуры, как жилище, следует говорить, по нашему мнению, как об активном, самостоятельном в основе, развитии под влиянием каких-либо факторов (например, приход русских), а не как о заимствовании. Каждый народ, в первую очередь, ориентировался на собственные культурные ценности и хозяйственные нужды, чем и обуславливался переход к срубным постройкам. Этот процесс не был одновременным актом и проходил по-разному в разных регионах. Термин «заимствование» не раскрывает сути явления, носит оценочный и пассивно-благодетельный характер, в то время как хорошо известно, что сибирские народы, живущие в лесной зоне, имели богатый опыт обработки дерева, сами участвовали в строительстве русских крепостей и были хорошими плотниками. В то же время, несомненно, некоторые элементы в жилище народов Сибири имеют русское происхождение и чаще всего русское название: например, *руть-кат* — русская изба ваховских хантов, *анмар* — амбар шорцев, *мылча* — баня кумандинцев и др. У местной знати было принято строить для престижа, демонстрируя свое благосостояние, русские двухэтажные пятистенки и крестовики, для чего и нанимали чаще всего русских плотников.

К концу XIX — началу XX в. срубное жилище стало основным типом почти на всей территории Западной Сибири. При этом местная и русская срубная техника, почти полностью слившись друг с другом, воспринималась как только русская. Наряду с местными срубами распространились русские срубные избы, пяти-

стенки, реже крестовики и двухэтажные дома. Нередко рядом с этими постройками сохранялись традиционные срубные и каркасные постройки, использующиеся для хозяйственных целей.

Анализ местных срубных построек дает возможность выделить ряд моментов, восходящих именно к местным строительным традициям, хотя почти все они были известны в той или иной мере у русских и других народов лесной зоны. Отличия заключаются чаще всего в предпочтении той или иной детали, форме, приему, в степени распространения, во времени бытования. Некоторые из элементов были присущи русским в глубокой древности, а ко времени прихода в Сибирь русские уже имели развитую технику посадского строительства (см. гл. 9).

Местные черты срубных построек

Материал	Пихта, кедр, иногда неошкуренные или плохо ошкуренные бревна. Покрытие из коры, бересты, земли, дерна, сени из плетня.
Техника строительства	Рубка в угол с вырубкой чашечки в верхнем бревне, рубка в охряпку, рубка без паза вдоль бревна, рубка без прокладки мха в летних срубах. Неровные торцы бревен, так как без применения пилы. Промазка глиной пазов, иногда и стен. Углубление постройки в землю.
Конструкция	Однокамерный, небольшого размера (иногда квадратный) сруб небольшой высоты (иногда из 6—7 венцов). Беспотолочная постройка. Покрытие: плоское, из наката, пологодвускатное, высокое двускатное, как в каркасных призматических постройках типа <i>чер уг</i> кумандинов, коническое над квадратным срубом, костровое. Дымовое и световое отверстие в крыше, закрывающееся зимой куском льда, позднее — небольшое окно или два в стене, без наличников и ставен, с одинарными рамами. Ввод часто в торцевой стене. Часто без сеней, но

с предвходовой площадкой из ступеней без перил. Дверь на ремнях.

Внутреннее устройство

Нары или широкие лавки вдоль стен. Очаг типа чувала, открытый очаг. Пол земляной или из колотых плах. Низкий столик на нарах. Жерди над нарами для развешивания одежды. Деление на традиционные функциональные зоны: свое почетное место и набор культовых предметов.

Использование бересты, войлока, циновок, ковров в убранстве.

Организация околожилищного пространства

Уличная печь для хлеба.

Свободное расположение подсобных построек и свой набор этих построек.

Наличие рыболовных, охотничьих принадлежностей около жилища.

Таким образом, несмотря на сходство многих элементов в срубных жилищах, опытный глаз сразу мог отличить русскую избу и местную срубную постройку.

При анализе местных срубных традиций вырисовываются этапы развития сруба, фиксируемого со второй половины XIX в.

1. Простейший сруб в виде однокамерной клетки, без сеней, под плоской или двускатной крышей.

2. Сруб со свесом, дающим возможность варьировать устройство сеней или предвходового сооружения, с двускатной дощатой крышей на крюках и желобах.

3. Многокамерный сруб (изба со срубными сенями, пятистенок, крестовик и пр.).

Многокамерный сруб в значительной степени возник под влиянием русских строительных традиций. Сруб со свесом, вероятно, распространился под влиянием коми-зырян и русских. Простейший сруб вполне мог развиваться на местной основе каркасного жилища с самонесущей стеной, заполнением из горизонтальных бревен, укрепленных столбами. В простейших срубных постройках повторяются элементы жилища, присущие каркасным: углубленность в землю, внутреннее устройство, тип очага, наличие дымового и светового отверстия в крыше, использование коры, земли и бересты для кровли, нередко конструкция кровли по типу каркасной конической постройки и пр. Все это свидетельствует о тесной связи, преемственности в развитии жилища из каркасного в срубное. К срубам иногда пристраивается в качестве се-

ней каркасная постройка (рис. 65, 2). В свою очередь, в некоторых каркасных постройках уже были элементы рубки — специально сделанные выемки в бревнах для крепления частей каркаса. Например, в *одаге* шорцев и тубаларов рама наверху четырех стоек могла крепиться в развилках или с помощью вырубленных выемок, шипов и углублений [Попов А. А., 1961, с. 146, табл. XII, рис. 13—15], то есть выемки заменили естественные развилки стоек. В то же время у хантов зафиксированы временные укрытия из горизонтальных бревен (в виде клетки без передней стены), перекрещивающихся и закрепленных кольями по углам, без рубки [Sirelius U. T., 1907, Bd. 9, S. 58; 1906, Bd. 8, S. 10, рис. 87]. От такого сооружения оставался один шаг до простейшего сруба. Толчком к переходу у хантов и послужили, вероятно, срубные постройки коми, о чем писала З. П. Соколова. Позднее был опубликован другой этнографический материал о влиянии коми на жилище угров [Жеребцов Л. Н., 1982, с. 186—187]. По археологическим раскопкам большие срубные постройки в Нижнем Приобье XI—XIII вв. связываются с проникновением сюда коми-зырян [Морозов С. В., 1986, с. 105].

Таким образом, со временем конструкция простейшего сруба усложнялась как путем самостоятельного развития, так и под внешним влиянием. О таких простейших срубах наблюдатели прошлого писали как о «плохо построенном срубе», «жалких хижинах из сруба» и пр. Процесс развития срубных жилищ местных народов был неоднозначным и включал в себя как минимум три направления: развитие собственных, местных в основе традиций; включение в свою систему жизнеобеспечения срубных построек, появившихся под влиянием других народов; заимствование главным образом престижных, многокамерных построек. Наибольшее значение при этом имело, по-видимому, развитие собственных традиций, на основе чего складывались различные варианты сруба (например, у шорцев). Стоит еще раз подчеркнуть, что как сами срубные жилища, так и их основные части носили названия из языков местных народов.

Внутреннее устройство срубного жилища рассмотрим по описаниям сибирских татар (томских, барабинских и заболотных). Вдоль одной или двух—трех стен дома устраивались нары, на которых сосредотачивалась основная жизнь семьи: здесь готовили и принимали пищу, работали, спали и принимали гостей, здесь же стояли сундуки с имуществом и складывались характерные горки перин, тюфяков, одеял и подушек (рис. 70). Нары застилались в зависимости от достатка хозяев коврами, циновками, войлоком или лошадиными шкурами. Во время еды на нары ставили низкий круглый или четырехугольный столик. Часть нар

у противоположной от входа стены была самая почетная — *tör*, где усаживали почетных гостей. Над нарами на горизонтальных шестах развешивалась аккуратно сложенная праздничная одежда. На ночь нары иногда задергивались занавеской. Сооружались нары на 4—6 столбах или чурках с настилом из сосновых или лиственничных плах, а иногда из обтесанных, плотно пригнанных жердей.

Рис. 70. В жилище заболотных татар (по фот. А. С. Петренко, 1989 г.)

У дверей ставились медный кувшин и таз для омовения перед едой. В прошлом жилище отапливалось чувалом, построенным из вертикальных жердей, переплетенных прутьями, с глиняной обмазкой, прямой и широкой трубой, выступающей над крышей на небольшую высоту. Дрова ставили в чувал вертикально и топили весь день. Одновременно чувал служил и для освещения жилища. Для приготовления пищи над открытой топкой вешали посуду на специальных крюках или на перекладинах. В конце XIX в. к чувалу стали пристраивать очаг с вмазанным чугунным котлом для варки пищи. В некоторых домах ставили русские глинобитные или кирпичные печи в сочетании с пристроенным сбоку очагом с котлом или с чувалом. Для выпечки хлеба бытовали особые глинобитные или из сырцового кирпича печи возле дома, на специальном помосте.

Интересное свидетельство о появлении у тарских татар чува-

ла приведено в «Описании Тобольского наместничества (1982, с. 297—298), составленном в 1789—1790 гг.: «... здешние татары не имели в древности в юртах своих чувал, а был по середине юрты огонь. Но при хане Кучуме выписаны были ис Казани сии мастера, которые и показали оные чувалы как делать. С тех пор и по ныне имеют в каждой юрте чувалы. А как оные мастера остались на жительство в Сибири, то по взятии Сибири и они с прочими в ясак положены и сей збор различен был званием чувалшиков, который збор и по ныне так именуется».

Следует отметить, что совпадение некоторых элементов внутренней планировки жилища у коренных народов и у русских (в частности, расположение печи у двери и почетной стороны или угла у противоположной от входа стены, что соответствует севернорусской планировке) является не заимствованием или влиянием, а параллельными традициями, известными у разных народов. Степень «обрусения» местных народов была, по-видимому, значительно преувеличена.

В современных жилищах народов Сибири значительно изменилось внутреннее убранство. В большинстве мест исчезли широкие лавки и нары, вместо которых появились кровать, стулья, столы, шкафы и пр. Более устойчиво, по-видимому, сохранилось традиционное функциональное деление внутреннего пространства жилища, что соответствовало практическим потребностям и привычкам человека. Повсеместно вместо старинных типов очагов распространились плиты и кирпичные печи.

Хозяйственные постройки на усадьбе томских татар в прошлом располагались свободно, без связи с домом и друг с другом. В современных усадьбах постройки чаще всего помещаются вдоль задней линии двора, за которым начинается огород; иногда образуют Г-образную планировку. У чатов и эуштинцев встречались усадьбы с примыкающими к дому постройками, крытые дворы, разделение усадьбы на передний и задний дворы (рис. 71, 72). Позднее число крытых дворов увеличивается, что связывается с повышением благосостояния семей. Разнообразие в типах планировки усадеб томских татар объясняется тем, что сами усадьбы сформировались сравнительно недавно под значительным влиянием как русских, так и переселенцев из поволжских татар [Томилов Н. А., 1980, с. 120—123; Усманова М. С., 1988, с. 177—202].

В число хозяйственных построек входили: амбар, сарай, стойка — *оран* — для скота, баня, летняя кухня и др. Сооружались они из бревен, досок или из плетня. Бревенчатые постройки были как рубленные в угол, так и каркасные с самонесущей стеной из бревен, забранных в пазы столбов. В качестве хозяйственных по-

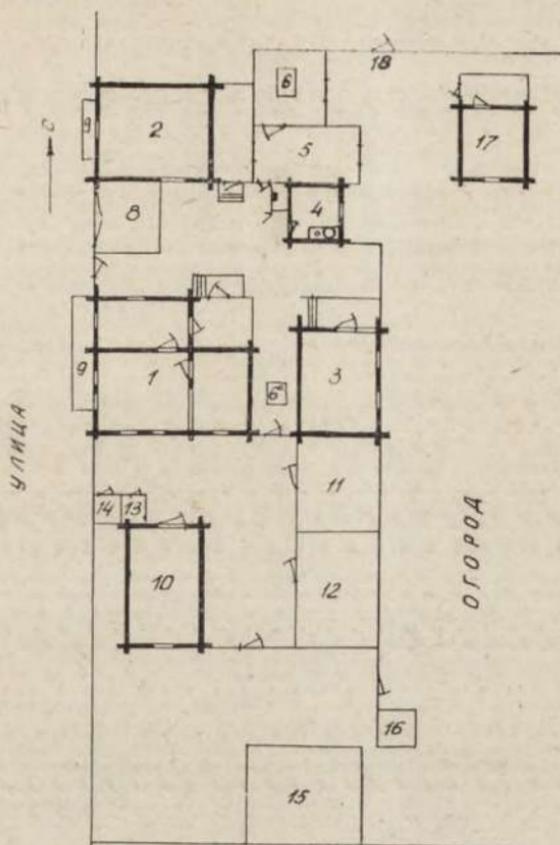

Рис. 71. План современной татарской усадьбы в д. Черная Речка Тьмского района [по: Усманова М. С., 1988]

строек иногда использовались полуземляночные сооружения. Некоторые из них, вероятно, сохраняли реликтовую форму древних жилищ местных народов, хотя их специфически хозяйственное функционирование могло существенно изменить конструкцию. Так, для хозяйственных полуземлянок стены оставляли земляными, тогда как для жилищ, по-видимому, забирали бревнами или досками. Поэтому современные, даже самые простейшие хозяйственные сооружения не являются калькой древнего жилища. Развитие было, вероятно, гораздо сложнее и диктовалось сложившимися традициями, хозяйственными потребностями, природными

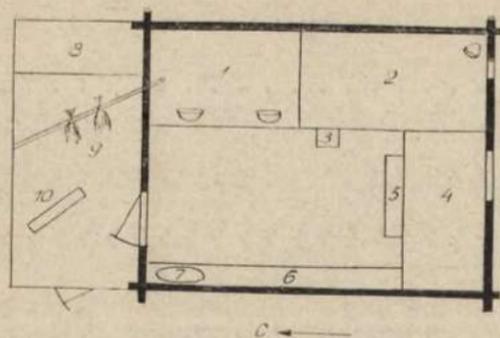

Рис. 72. Баня в современной татарской усадьбе в д. Черная Речка Томского района [по: Усманова М. С., 1988]

условиями и пр. Например, у заболотных татар в настоящее время почти нет полуземляночных хранилищ для запасов пищи из-за большой влажности почвы [Петренко А. С., 1989, с. 52]. Но это вряд ли свидетельствует об отсутствии у них в древности полуземляночных жилищ, хотя могло быть и такое.

3.2.1. Постройки в форме многогранной призмы с самонесущими стенами, рубленными из бревен в овальные чашки с выпуском концов, бытовали в качестве зимнего жилища у народов Алтая, в том числе из северных алтайцев — у тубаларов⁶². Жилище представляло собой шести- или восьмиугольный сруб — *агыш айыл* — из 6—8 венцов, с земляным полом и с конической крышей, покрытой берестой или корой. Конструкция конической крыши соответствовала устройству каркасных конических построек. У южных алтайцев известно было еще и другое устройство крыши — костром из укорачивающихся наверху бревен, уло-

⁶² При анализе использованы описания из следующих работ, кроме цитируемых: Народы Сибири, 1956; Попов А. А., 1961; Потапов Л. П., 1953; Радлов В., 1989; Тихонов С. Н., 1984; Тошакова Е. М., 1973; Ядринцев Н. М., 1882.

женных на продолжение стен с промежутками (крыша *альпман*). Кроме того, у южных алтайцев многогранные срубы были более разнообразны в зависимости от количества граней: пяти-, шести-, семи-, восьми- и девятигранные постройки.

Многогранные постройки служили показателем благосостояния семьи и строились в основном зажиточными семьями, перешедшими к оседлости. Внутреннее убранство *айыла* было похоже на интерьер круглого в плане жилища, которое он и сменил. Описание его известно только у южных алтайцев: это четкое деление на функциональные зоны, на мужскую и женскую половины и пр. (см. раздел по коническим постройкам).

Многогранное срубное жилище считается исследователями переходным типом от круглого в плане основания к четырехугольному. На Алтае оно впервые описано В. Радловым, который отнес его появление здесь к 60-м годам XIX в. Строительство многогранного сруба требовало определенного мастерства, поэтому предполагается, что плотниками были русские [Тоцакова Е. М., 1978, с. 92]. Нам представляется, что русские здесь были ни при чем. У русских многоугольные в плане постройки использовались только в церковном строительстве, тогда как у народов Сибири было известно многогранное жилище. С. П. Крашенинников еще в середине XVIII в. описал многоугольные юрты удинских бурят [С. П. Крашенинников, 1966, с. 66]. Археологические исследования последних лет в Южной Сибири выявили на Михайловском поселении (р. Кия в Кемеровской области) существование многоугольных наземных жилищ на рубеже эр [Мартынова Г. С., 1985, с. 31—188]. Стены их были с опорными угловыми и дополнительными столбами и сооружались предположительно из горизонтальных бревен или из плетня. По-видимому, многогранные постройки в Южной Сибири являются не переходом к срубной избе, а древней традицией, воплощенной в срубной технике.

Подведем некоторые итоги. Система обживания пространства у коренных народов Западной Сибири сложилась на основе общей для них мировоззренческой идеи о доме как любом обжитом уголке природы. В этой среде модный ныне термин «экология» имел свой первоначальный смысл «учение о доме». Большинство интересующих нас народов вели полуоседлый образ жизни и имели сезонные, а также временные поселения-жилища. Их чувство дома было как бы рассеяно во времени и пространстве. Последнее не замыкалось ограждением или стенами конкретного жилища, а включало и околожилищную территорию. У некоторых народов вплоть до последнего времени сохранялись постройки с открытой стороной, то есть не отделенные материально от природы, а перетекающие в нее. Контрастной была ситуа-

ция в социальной сфере. Устанавливались строго определенные места для каждого члена семьи или для отдельных семей внутри жилища, неукоснительно соблюдались даже никак не обозначенные границы внутри селения. Социальные нормы диктовали человеку сдержанное поведение внутри жилища, где ему приходилось ограничиваться малой площадью (до двух квадратных метров), но это не приводило к взаимной неприязни и агрессии, поскольку была возможность насладиться свободой на природе.

Материалы по Западной Сибири хорошо иллюстрируют положение о связи жилища с природой по таким моментам, как использование естественных убежищ (пещеры, крона деревьев), применение строительных материалов (древесных, каменных, глиняных, животного происхождения), подражание природным формам. Примером последнего являются сводчатые и конические сооружения. Первые напоминают естественные укрытия под согнутым кустарником или кроной дерева, а идею острроверхого жилища мог навеять вид горных вершин. Появление вертикальных стен у наземных построек — это шаг к увеличению внутрижилищного пространства. Однако создатели древних построек, по крайней мере в лесной зоне, не стремились к сильному увеличению их высоты, человек чувствовал себя уютно в низких жилищах. Здесь также много примеров того, как нерасчлененная конструкция древних построек постепенно разделяется на две обособленные части — стены и крышу, причем крыша является повторением некогда самостоятельного сооружения.

В какой мере характер построек связан с этнической принадлежностью, историей и занятиями их создателей? Опираясь на материалы Западной Сибири, можно сделать некоторые наблюдения и выводы по этой обширной и серьезной проблеме. Напомним, что здесь проживают носители тюркских, самодийских и обско-угорских языков с небольшими вкраплениями эвенков. Их исторические пути переплетались с древности, а в исследуемый период на этнокультурное развитие этих народов повлияли традиции русского населения. Выше при анализе построек мы отмечали локальные особенности и некоторые из них определили как этнопоказательные черты. Выражением этнической или этнолокальной специфики являются как целые сооружения, так и их детали. Больше всего этнодифференцирующих признаков удалось выявить именно в деталях. Не будем перечислять их здесь снова, а обратимся еще к некоторым моментам.

Возьмем такой общий показатель, как разнообразие типов жилищ. Самая однородная картина характерна для ненцев, имеющих только чум, а наибольшее разнообразие типов и вариантов известно у обских угров. Использование одного лишь чума легко

объясняется его незаменимостью для кочующих ненцев тундры, но по отношению к лесным ненцам такого объяснения недостаточно. По природно-климатическим условиям и занятиям (охота, рыболовство, транспортное оленеводство) их можно сравнить с соседними хантами, однако у хантов кроме чума существовало еще несколько типов жилищ. Подобные примеры заставляют задуматься и о характере связи жилища с хозяйственно-культурным типом, которому в советской этнографии придается большое значение при этнографических классификациях.

Разнотипность построек объясняли этнической историей народа. Так, А. А. Попов (1961, с. 160) считает, что ханты не были аборигенами Сибири, а на новой родине обогатили свою материальную культуру, в том числе и жилище, в результате контактов с соседями. Но, во-первых, предки лесных ненцев тоже пришли с других мест и тоже имели контакты с соседями. Во-вторых, целый ряд хантыйских построек вообще не известен у соседних народов, как же они могли быть заимствованы? З. П. Соколова (1962, с. 230) видит причину большого разнообразия каркасных построек хантов в разбросанности их этнографических групп по огромной территории и слабом общении. Дело, однако, в том, что такое разнообразие характерно почти для каждой из групп. Конечно, приведенными в литературе причинами можно объяснить отдельные ситуации, но, вероятно, нужно учитывать и другое. С нашей точки зрения, стремление к варьированию нескольких основных идей в форме и конструкции построек отражает и какую-то внутреннюю потребность народа — то, что создает и заставляет жить традицию. Заметим в этой связи, что вариативность ярко выражена и в других аспектах традиционной культуры обских угров, например в орнаменте, музыке.

Известно, что в традиционных культурах дом являет собой образ Космоса. Однако эта универсальная идея по-разному преломляется как в духовном восприятии дома, так и в его материальном оформлении. Сопоставим один из моментов тюркской и обско-угорской традиций. У тех и у других в вертикальной структуре жилища его верхняя часть была сферой духов-богов. У тюрков весьма развиты представления и обряды, связанные с понятием мирового дерева, по которому осуществляется связь с небом. В соответствии с этим у *одага* — старинного жилища северных алтайцев — его конструктивной и одновременно сакральной осью служило священное дерево, в центре юрты бурханистов устанавливалась священная береза, для свадебной и ритуальной построек шорцев и хакасов использовались живые деревья [Традиционное мировоззрение..., 1988, с. 58—60]. У хантов и манси существовал культ деревьев, но идея мирового дере-

ва проявлялась значительно слабее, во всяком случае, не оно служило основным связующим звеном с небом. (В мифологии чаще упоминаются в этом качестве цепь, нарта, лестница либо животное). У них не отмечено и связи живых деревьев с домом, характерной для тюрков; напротив, не разрешалось, например, заносить ветки живых деревьев в дом.

Подобные сюжеты ждут исследования, они могли бы многое прояснить в вопросе об этнической специфике жилища у народов Западной Сибири.

8.5. О современных изменениях в поселениях и жилищах

Наш век — век контрастов в укладе жизни коренных народов Сибири. Это четко проявляется и в их поселениях, постройках⁶³. В последней трети столетия хант строит пирамидальную полуземлянку, истоки которой археологи обнаруживают еще в неолите, а ненец и сейчас ставит чум так, как это описано очевидцами в XVIII в. Но в больших поселках нового типа можно зайти в квартиру стандартного дома и не определить, татарская ли, селькупская ли семья здесь живет. Характер изменений, происшедших в XX в., практически неотличим у разных народов Западной Сибири. Этнографы знают это по личным наблюдениям, а из литературы достаточно назвать недавно вышедшую книгу «Этническое развитие народностей Севера в советский период» (1987). Поэтому конкретные изменения в поселениях, постройках и интерьере мы излагаем на примере одного народа — манси, точнее — его северной группы. Она расселяется в бассейне Сев. Сосьвы с притоками и в верховьях Лозьвы и Пельма. В начале XX в. северные манси вели традиционный уклад жизни, который сейчас сохраняется у небольшой части населения на ограниченных участках их прежней территории.

Общая картина мансийских населенных пунктов сохраняется традиционной до 1920-х гг. В дальнейшем начинает проявляться тенденция к уменьшению численности поселений, которая особенно ярко проявилась в начале 1960-х гг. в связи с широко проводимым укрупнением населенных пунктов. Изменился и внешний облик поселений. Населенные пункты сосвинско-ляпинских манси конца 1970-х — начала 1980-х гг. можно разделить на три груп-

⁶³ В разделе использован фактический материал из следующих работ, кроме цитируемых: Дьяконова В. П., 1986; Кузнецов Н. И., 1888; Макарий, 1853; Носилов К. Д., 1897; Павловский В., 1907; Руденко С. И., Архив ЛЧ ИЭ; Симонова Л. Х., 1883; Соколова З. П., 1957а, 1962; Федорова Е. Г., 1978, 1986; Чернецов В. Н., 1935; Alquist A., 1855.

пы в зависимости от количества населения в целом и манси в частности, характера поселений и строений.

Первую группу составляют центры сельских советов — поселки Сосьва, Няксимволь, Саранпауль, Ваизетур, Светлый — с количеством хозяйств от 139 до 416 и численностью населения от 500 до 2315 чел. Здесь проживают коми, манси, ханты, ненцы, русские и другие, из них манси составляют менее 50%. Поселки имеют строгую уличную планировку. Помимо индивидуальных построек в 1970-е гг. в них появились многоквартирные дома, выстроенные за счет государственных организаций. Здесь имеются здания сельсоветов, конторы предприятий и учреждений, магазины промтоварные, продовольственные и культтоваров, пекарни, больницы, клубы, школы-десятилетки с интернатами, детские сады, общественные бани, почта, сберкасса. Поселки полностью электрифицированы. По данным второй половины 1980-х гг. к этой же группе приближаются и поселки Бурмантово и Хорпия Свердловской области.

Вторая группа — населенные пункты, в которых насчитывается от 16 до 78 хозяйств, с численностью населения от 138 до 297 чел. Это Щекурья, Ломбовож, Сартынья, Хулимсунт, Усть-Манья, Кимкья-суй, Новинская, Анеева, Шайтанка (Тюменская обл.), Верхний Пелым (Свердловская обл.). В них манси от 50 до 90% и только в дер. Шайтанка менее 50%. Названные поселки также имеют в основном уличную планировку. Дома здесь находятся преимущественно в личной собственности, есть продовольственные и промтоварные магазины, фельдшерские пункты, в некоторых — почтовые отделения и клубы. Как правило, они освещаются только в темное время года от ЛДС-2.

В третью группу входят поселения с количеством хозяйств от 2 до 13, численностью населения от 7 до 68 человек: Ясунт, Хурум-Пауль, Патрасуй⁶⁴, Хол-Пауль, Яны-Пауль (Тюменская обл.), Керасколья, юрты П. Гындыбины, юрты П. Курикова (Свердловская обл.). Здесь манси составляют почти 100% или 100%. Они пользуются магазинами, расположенными в более крупных поселках. Дома освещаются от движков, имеющихся в каждом хозяйстве. Школьники во время учебы живут в интернатах Сосьвы, Няксимволя, Саранпауля, Полуночного, Ваизетура.

В последние десятилетия в связи с укрупнением производственных организаций, активизацией промышленного освоения

⁶⁴ Дер. Патрасуй включена в третью группу населенных пунктов по материалам обследования второй половины 1970-х гг. В конце 1980-х гг. в ней проживало всего три человека. Аналогичные примеры можно привести и по другим поселениям третьей группы.

территорий, ликвидацией мелких культурно-просветительных учреждений происходит перемещение населения из мелких населенных пунктов в более крупные. Возникает тенденция к уменьшению числа жителей и изменению характера поселений и в населенных пунктах второй группы. Это, а также удобное географическое положение способствуют развитию поселков первой группы. Большое значение имеет и прирост русского населения, занятого главным образом в геологической и добывающей отраслях промышленности. Происходит и определенная профессиональная переориентация коренного населения, которая также оказывает влияние на развитие традиционных населенных пунктов, приводя к ликвидации наиболее мелких и стирая национальные черты крупных. В настоящее время понятие «*пауль*» (традиционный тип поселения и территориально-соседская община) можно распространить только на незначительную часть поселений второй и третьей групп.

Характерные для манси в прошлом сезонные поселения в настоящее время уже не имеют большого значения, так как исчезла необходимость переездов всей семьей в течение года и появился быстродвижущийся транспорт. В поселениях со смешанным населением манси, как и прежде, проживают обычно компактной группой в одной части населенного пункта.

В поселениях второй и третьей групп продолжает сохраняться традиционная усадьба, часто обнесенная оградой — *пусас*. Это редко стоящие столбы высотой около 1,5 м, между которыми закреплено по 4—6 жердей. Калитка ограды — из вертикальных реек, скрепленных поперечными планками. Помимо жилого дома на современной мансийской усадьбе имеется несколько построек хозяйственного назначения. Для хранения одежды, продуктов, других вещей манси используют один—два традиционных амбара — свайных *сомъях*, *сумъях* и наземных *ампар*. Амбары на сваях характерны главным образом для населенных пунктов второй и третьей групп, изредка встречаются и в первой. Имеются также дощатые сараи для хранения весел, моторов для лодок, бензина. Иногда летом в сараях спят некоторые члены семьи. Подобные постройки, несомненно, заимствованы от русских. Для содержания лошадей, коров и овец у манси существует специальная постройка *мислувкол*. Это бревенчатый сруб с двускатной крышей на слегах, крытой берестой и досками. К срубам пристраивается загон для лошадей с навесом, на плоской крыше которого хранится сено. Второй вариант постройки — сруб с плоской крышей для хранения сена, как правило, двухкамерный. В первом помещении находятся лошади, во втором, более низком, — рога-

тый скот. Подобные сооружения характерны для всех территорий, где практиковалось открытое зимнее содержание скота.

Сведений о существовании у современных сосвинско-ляпинских манси каких-либо специальных сооружений для содержания оленей не имеется. В верховьях Лозьвы и Пельма рядом с домом имеется загон для отлавливания оленей в то время года, когда они пасутся недалеко от жилья. До сих пор сохраняются помосты — *норма* — для вяления рыбы, хранения сетей; промыслового инвентаря. Чаще всего их можно увидеть в населенных пунктах второй и третьей групп, на стоянках рыбаков. Для просушки больших сетей служат перекладыны, укрепленные на высоких столбах, на рыбацких стоянках. На этих шестах просушивают и одежду.

Для хранения нарт в прошлом существовали специальные подставки. Сейчас нарты чаще всего держат под свайным амбаром или помостом. Изредка встречается специальное дощатое сооружение с односкатной крышей и без передней стенки (Верхний Пельм).

Повсеместно манси в летнее время пищу готовят на улице. Чаще всего для этой цели пользуются самодельными металлическими печами с длинной трубой, такими же, как и в домах. Обычно печь устанавливается на открытом месте, иногда ее ограждают заслоном из досок в целях противопожарной безопасности (если рядом с печью находятся какие-либо строения). Около печи складывают дрова, на скамейках хранят ведра, кастрюли, тазы. Иногда железная печь заменяется небольшим открытым очагом, сложенным из кирпичей. На территории усадьбы обычно просушивают плавник для дров, установленный конусом.

В поселках первой и второй (частично) групп у некоторых манси имеются специальные летние кухни, сделанные из досок. В них находится печь, полки с посудой и продуктами. Такие кухни появились, видимо, под влиянием русских, так как для построек манси не были характерны специальные крытые помещения для приготовления пищи.

В некоторых поселениях второй группы и во всех — третьей пользуются широко распространенными в прошлом глиняными печами для выпечки хлеба — *нянь варнэ кур*, так как здесь нет магазинов.

В настоящее время многие манси строят бани, заимствованные у русских. Раньше манси мылись в доме или в чуме, используя специальные берестяные неорнаментированные корыта. Вместо полотенца употребляли стружку — *осси* — осины или сосны, которая заготавливалась в феврале — марте. Летом в качестве полотенца использовали и мягкую траву. Некоторые переоборудова-

ли под бани ставшие ненужными традиционные хозяйственные постройки.

В целом хозяйственные сооружения манси в значительной степени сохраняют традиционный характер. В определенной мере это связано с сохранением прежних форм хозяйства и обработки получаемой продукции, с географическими условиями.

В мансийских поселениях дома были ориентированы главным образом входом к реке, но есть сведения и о беспорядочной ориентировке, о южной для зимних жилищ, о северной или восточной. Хотя ориентировка по странам света вполне может совпадать с направлением входа к реке. По В. Г. Бабакову (1973, с. 215), мансийское жилище располагалось входом на юг, в отличие от хантыйского — к реке.

В настоящее время манси живут как в государственных, так и в частных домах. Первые строятся по стандартным проектам (главным образом, в поселках первой группы). Чаще всего это одноэтажные дома, четырех-восьмиквартирные, в двухэтажных домах — двенадцать квартир. Квартиры состоят из одной—трех комнат, кухни, подсобных помещений. Отопление печное, многие дома газифицированы.

Индивидуальные жилые постройки манси в настоящее время в большинстве своем представляют срубные дома русского типа, кроме того, в населенных пунктах второй группы встречаются, а в населенных пунктах третьей группы преобладают угорские срубные постройки западного (со свесом крыши) и восточного типов. Дома традиционной конструкции строились главным образом до второй половины 1960-х гг., особенно это относится к постройкам западного типа. Дом строится из кедра или сосны, нижние венцы — из лиственницы, так как это дерево практически не поддается гниению. Площадь дома обычно $4,5 \times 5$ м, высота в десять—четыренадцать венцов. Углы рубятся чаще всего «в лапу». Крышу — *ала* — кроют досками, иногда шифером. Пазы в стенах конопатят мхом, предварительно высушенным. Изнутри стены обмазывают глиной и белят, реже — оклеивают обоями. Пол и потолок настилают из толстых досок или плах. В последнее время полы красят. Окна — *иснас* — маленькие, с частым переплетом рам. Двери — *ави* — в домах низкие, массивные. Дверной косяк делается из плах. Крыльцо перед домом чаще всего отсутствует, его заменяют доски, положенные перед входом.

Вход в жилое помещение современного дома западного типа — прямо с улицы, как и у традиционного. Под свесом хранят дрова, сложенные в поленницу, тазы, ведра и т. п. На полках, прикрепленных к наружной стене дома, расставляют более мелкие предметы. На гвоздях, вбитых в стену, висит одежда, бере-

стяная утварь для сбора ягод, кузова для переноски и хранения вещей. Помещение под свесом крыши — уже своего рода сени. Вероятно, оно трансформировалось в настоящие сени у срубного жилища, где они равны ширине дома. Иногда в них отгораживаются досками кладовка. В ней или в сенях на шестах хранят одежду, на полках, в чемоданах и мешках — различные вещи. Иногда в сенях ставится полог, где летом спит кто-нибудь из членов семьи. Сени упоминаются в фольклоре манси.

Видимо, под влиянием русских манси стали делать дома с чердаками. Это не распространяется на современные жилые дома западного типа, в которых отсутствует также и потолок. Чердаки используются для хранения вещей, вяления рыбы. На чердак могут подниматься только мужчины и маленькие девочки. Женщины на чердак не ходят, так как обычай запрещал им переступать (в данном случае находиться над) через некоторые предметы, в частности орудия промысла и т. п. Молодежь и женщины среднего возраста, не говоря уже о пожилых, и сейчас соблюдают этот обычай из уважения к старшим. На чердаке, по представлениям современных манси, живет дух болезни — *Самсай-ойка*, изображение которого состоит из большого числа халатов (до 50), верхний обязательно делается из сукна черного цвета. Этого духа боятся, по этой причине также не ходят на чердак. По другим сведениям *Самсай-аки*, или *Самсай-ойка*, — домовый дух. Его изображение делается из ткани обязательно темных тонов и висит в жилом помещении слева от входа. То, что с чердаком связывается местонахождение одного из духов, наводит на мысль, что определенный тип срубного жилища (с чердаком) уже давно внедрился в культуру манси, так как распределение пространства, в том числе и мест хранения культовых предметов, в мансийском жилище строго регламентировано. Кроме того, манси в низовьях Сосьвы ставят на осеннем забое жеребенка — *пурлахты* (жертву) — у печной трубы на чердаке. По сведениям В. Н. Чернецова, *Самсай-хум* — также дух, который причиняет болезни и может прийти из поселка, где есть больные, в частности оспой. Поэтому считалось, что в такой поселок ходить нельзя, иначе *Самсай-хум* скорее придет по следу [Источники по этнографии, 1987, с. 195].

Традиционное мансийское жилище включает в себя одно жилое помещение, хотя в фольклоре есть упоминание о делении его на переднюю и заднюю комнаты. По расположению главных деталей можно выделить три основных типа жилого помещения. В первом из них чувал (*сёвал*, *щувэл'*) находился справа от входа (рис. 73, 1), у западных манси — иногда слева, что вряд ли является случайностью. Вдоль стены слева и против входа шли

нары. Их делали и справа, но чаще всего там располагалась лавка, а перед ней стол. В жилом помещении второго типа очаг—*арась*—в центре, нары—по двум или трем стенам (рис. 73, 2). Это летнее жилище без окон, с плоской крышей. По планировке

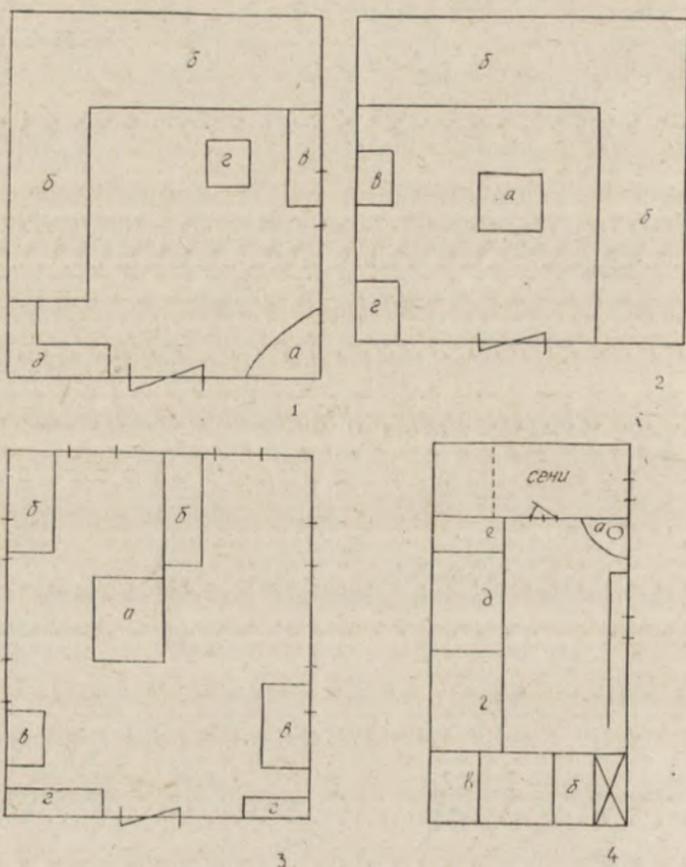

Рис. 73. Жилища северных манси: 1—современная планировка первого типа (*а* — чужал; *б* — нары; *в* — лавка; *г* — стол; *д* — полки); 2 — современная планировка второго типа (*а* — очаг; *б* — нары; *в* — лавка; *г* — полки); 3 — современная планировка третьего типа (*а* — русская печь; *б* — кровати; *в* — столы; *г* — полки); 4 — традиционная планировка (*а* — чужал; *б* — *мули пал*; *в* — *лох пал*; *г* — *котель пал*; *д* — *ави сунт пал*; *е* — полки для воды) (1—3 — по материалам Е. Г. Федоровой, 1980-е гг., 4 — по: Источники..., 1987)

оно сближается с землянкой Усть-Полюя [Мошинская В. И., 1953, с. 180]. В жилище третьего типа — русская печь в углу от входа на значительном расстоянии от стен либо в центре (рис. 73, 3). Нередко от печи отходят дощатые перегородки, которые разделяют жилое помещение на комнаты. Перегородки могут заменяться занавесками. Нары для такого жилища не характерны. Наиболее древним, видимо, следует считать жилое помещение второго типа, хотя по степени распространения к концу XIX — началу XX в. его вряд ли можно ставить на первое место. Как представляется, три названных типа мансийского жилого помещения в своем развитии не были связаны друг с другом. Каждое из них как самостоятельный компонент вошло в культуру манси на определенном этапе их этнической истории и должно рассматриваться в комплексе с другими характеристиками жилища: конструкцией, видами отопительного устройства и т. д.

Очаг — *арась* — делали в форме прямоугольника из четырех бревен, заполненного глиной. Со стороны очага, обращенной к входу, имела невысокая дощатая перегородка, чтобы ветром от двери не раздувало пламя. В потолке над очагом имелось дымовое отверстие. Описание и анализ чувала даны в литературе [Соколова З. П., 1964, 1980 и др.]. В 20—30-х гг. XX в. появились железные печки, которые к середине века полностью вытеснили чувалы. Их делают сами манси из покупного железа. Печь имеет фундамент в виде ящика без дна, заполненного песком, и длинную трубу, выходящую на крышу. Русские печи фиксируются у манси уже с середины XIX в. В настоящее время они ставятся специалистами-печниками.

Обязательной деталью традиционного мансийского жилища, как уже сказано, были нары — *пал*. Они были массивными, делались из толстых досок. Иногда их заменяли земляные насыпи. С потолком или крышей нары соединялись массивными столбами. Высота нар зависела от ширины досок, которые служили их боковой стороной, и составляла 50—70 см. Внизу, под досками, хранили вещи, там же могли жить собаки. Покрывали нары берестяными полотнами, оленьими шкурами, циновками. На нарах сидели, спали, хранили вещи в мешках из оленьего меха или рыбьих кож, в берестяных коробках, в «тюменских» сундучках. Нары делились перегородками на несколько отсеков для отдельных брачных пар. Общие размеры нар уменьшались в связи с уменьшением количества брачных пар, живущих в одном доме. В настоящее время нары фиксируются во всех домах западного типа, деление их на отсеки отсутствует.

Нары характерны также для финно- и тюркоязычных народов Поволжья, различных групп сибирских татар, где связыва-

ются главным образом со срубным жилищем. Если исходить из того, что постройки, аналогичные мансийским срубам западного типа, проникли к манси из Поволжья и Прикамья, можно предположить, что нары, как и чувал, вошли в мансийскую культуру с данным типом жилища. Это не исключает того, что нары в срубном жилище в принципе могут происходить от нар в землянке.

Настенные полки — *норма* — для хранения посуды и других хозяйственных принадлежностей находились справа и слева от входа. Крупные вещи, например одежду, развешивали на шестах, прикрепленных в верхней части жилого помещения. Издавна манси известны два типа столов — *пасан*: низкие и высокие. Первые очень удобны во время приема пищи. Их можно ставить на нары, а потом убирать. Высокие столы имели постоянное место, чаще всего у правой стены дома.

Издавна манси пользовались пологам — *хасан*, в которых спали в летнее время для защиты от комаров. Спали на шкурах, шкурами же и укрывались. Под голову клали меховые мешки, свернутую одежду или подушки длиной 100—150 см, шириной 30—35 см, лицевая сторона которых украшалась мозаичным орнаментом из сукна двух цветов. Раньше такие подушки имелись в каждом доме, часто их шили специально к свадьбе. На время сна их прикрывали, орнамент был виден только днем. Маленькие дети спали в берестяных колыбелях. Днем колыбель подвешивалась к потолку на веревке или на специальном деревянном крюке.

В прошлом циновками прикрывали не только нары, но и пол. Манси, живущие рядом с татарами, имели в домах войлочные ковры. Пол подметали метелкой из крыльев глухаря или тетерева. Лебединые крылья, прикрепленные с двух сторон к длинной тонкой палке, служили опахалом, с помощью которого разгоняли дым от дымокура, устанавливаемого в жилище в летнее время. Освещалось жилое помещение светом от чувала или лучиной, использовались и свечи.

Как уже было сказано, распределение пространства в жилом помещении манси было строго регламентировано. Правый передний угол — *мули сам* — чистый. Там находилось спальное место хозяина дома, днем помещались почетные гости. Женщины туда не допускались, за исключением маленьких девочек. Женская часть помещения и нар находилась у входа, с левой и правой сторон. Спальные места детей и не состоящих в браке взрослых находились слева, дальше от входа. В населенных пунктах третьей и (частично) второй групп такое распределение пространства сохраняется до сих пор. В правом переднем углу на полке поме-

щались культовые предметы мужчин, слева, по современным наблюдениям,— женщин. С. В. Иванов, проанализировав терминологию, связанную с распределением пространства в жилом помещении, предположил возможность связей между тунгусо-маньчжурами и уграми в далеком прошлом (1951, с. 111—113).

Внутреннее убранство в современных мансийских домах первой группы населенных пунктов значительно отличается от традиционного. Во всех домах имеются кровати, шкафы, серванты, стулья. Эта мебель проникает и в поселки других групп, но практически не встречается в домах западного типа. В каждом современном мансийском доме имеется несколько столов. На одном из них обычно готовят пищу, другие используются как обеденные или для занятий школьников. Столы, а также стулья — *улас*, табуретки, скамейки покупные или самодельные, сделанные по фабричным образцам. В каждом доме имеется умывальник, который располагается рядом с входом. Для хранения кухонной посуды, продуктов и сейчас используются полки, располагающиеся на стене кухни или той части жилого помещения, где готовят пищу.

В качестве украшений современного мансийского дома используются репродукции картин или фотографии, которые развешиваются по стенам. Зеркала в некоторых домах украшают елочными игрушками или искусственными цветами. Искусственные цветы ставят в вазах на столы, шкафы, подоконники. На окнах обязательно имеются занавески, часто можно увидеть горшки с комнатными растениями. Все это не было характерно для традиционного мансийского жилища. Многие женщины, занимающиеся в настоящее время рукоделием, используют для украшения своего дома предметы, выполненные в национальных традициях, но не совсем соответствующие своему прежнему назначению. Вещи, выполненные в национальных традициях, расцениваются сейчас главным образом как предметы, украшающие жилище. Некоторые расшивают покупные скатерти и дорожки традиционным аппликативным узором и покрывают ими столы, подставки зеркал, швейные машины. Сейчас во всех домах есть радиоприемники или радиолы, в последние десятилетия появились и телевизоры.

Одной из причин сохранения в населенных пунктах третьей группы традиционных предметов домашнего обихода является то, что постоянная связь между мелкими и крупными поселениями отсутствует, не имеется соответствующих транспортных средств для доставки в маленькие населенные пункты мебели фабричного производства и крупногабаритных предметов домашнего обихода. Отсутствие постоянного энергоснабжения делает нецелесо-

образным приобретение стиральных машин, холодильников и других электроприборов. Кроме того, манси, проживающие вдали от крупных поселков, значительно реже вступают в контакт с представителями других национальностей, что в определенной степени исключает возможность влияния иноэтнических и городской культур.

Постоянным жилищем манси-оленоводов и временным, летним — охотников и рыболовов был чум. В настоящее время он бытует у манси Ляпина. Это очень малочисленная группа оленоводов-пастухов, работающих в совхозе «Саранпаульский». Их чум не отличается от современного ненецкого. Кроме того, в берестяном чуме живут сейчас манси верховьев Лозьвы в летнее время, когда их олени находятся на пастбищах на Урале. Количество оленей невелико, поэтому для присмотра за ними достаточно обычно одного — двух человек. Остальные живут в постоянных населенных пунктах, в срубных жилищах. Интересно, что последние строятся и на пастбищах. В качестве временного жилища охотников продолжают бытовать специальные избушки — *воркол* (*вор* — 'лес'), которые строятся в тайге. На покосе, куда выезжают на несколько дней, иногда на охоте или рыбалке манси еще живут в односкатных шалашах — *ала сир*.

Сохранение некоторых видов традиционных временных и переносных жилищ объясняется тем, что они наиболее удобны в данных географических условиях и при данной системе хозяйства. Сейчас еще не выработаны новые формы промысловых жилищ, которые соответствовали бы предъявленным им требованиям и могли бы полностью вытеснить традиционные.

Глава 9. РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ЖИЛИЩА И ДРУГИЕ ПОСТРОЙКИ

9.1. История изучения

При исследовании поселений и построек русского населения Западной Сибири были использованы опубликованные работы этнографов, историков, архитекторов, лингвистов, археологов, краеведов прошлого, а также полевые этнографические материалы. Сборы полевых материалов были проведены в 1970 — 1980-х гг. экспедициями Томского университета главным образом в районах Среднего Приобья (под руководством П. Е. Бардиной, Н. В. Лукиной, Э. Л. Львовой). Некоторые полевые материалы были собраны в Нижнем Приобье (П. Е. Бардиной, Н. В. Лукиной), в Тюменской и Омской областях (П. Е. Бардиной, О. М. Рындиной). Сбор проводился по специальным вопросам, отражающим максимальное количество характеристик жилища и других построек, с фиксацией их в чертежах, рисунках, фотографиях. Материалы частично опубликованы [Бардина П. Е., 1976; 1978; 1980; 1982; 1988]. Кроме того, в работе использовались музейные фонды, архивные и литературные данные.

Первые краткие сведения о русских поселениях в Западной Сибири имеются в записках путешественников и исследователей, начиная с Н. Спафария в XVII в. и далее П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. Г. Георги, Г. Ф. Миллер и др. (XVIII—XIX вв.). Поскольку они не ставили целью изучение русских поселений и жилищ, то и заметки их, как, впрочем, и более поздних путешественников, очень кратки и фрагментарны. Чаще всего указывалось, что поселение такое-то расположено на высоком, живописном месте, что улицы его беспорядочны и грязны, а внутри жилищ поддерживаются исключительная чистота и порядок.

Например, почти все путешественники прошлого не могли миновать с Самаровского (ныне часть г. Ханты-Мансийска), о котором писали, что село расположено на высоком и красивом месте,

но «не имеет улицы, а представляет кучу разбросанных изб», что в нем «кто, где и как хотел, тот там и строился, без всякого плана и порядка» [Хр. Лопарев, 1896, с. 67, 71]. Такие характеристики встречались и для других русских селений и городов Сибири. А. Павлов (1878, с. 33) писал, что в нижнем посаде г. Тобольска «бестолково разбиты кривые улицы, обстроенные разношерстными каменными и деревянными зданиями». Реже были попытки исследовать планировку поселений, типы жилищ и построек.

Первым исследованием, посвященным специально русским поселениям в Сибири, была «Чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова (1882), составленная в 1701 г. В ней были отмечены не только различные типы поселений (города, слободы, остроги, села и деревни), но и их расположение на местности, нередко с указанием числа жителей и другими ценными надписями. В 1789—1790-м гг. было составлено топографическое описание Тобольского наместничества [Описание, 1982], где были включены краткие характеристики жилищ почти по всей территории Западной Сибири. Так, о Тарском уезде сообщалось: «Домы имеют: по богаче — деревянные, о двух жилах из соснового лесу, крытые тесом, с колодными окошками и слюдеными и стеклянными оконницами, из коих под горницей, которая обыкновенно чрез сени бывает, строят анбар или по их названию подвал» [Описание, 1982, с. 297]. Распространение в Сибири просторных трехкамерных изб-связей отмечали и многие путешественники [Георги И. Г., 1799, с. 134 — 136 и др.].

В XIX в. значительный объем сведений о русском жилище был опубликован в связи с деятельностью сибирских отделов Русского Географического общества. Однако и эти материалы собирались фрагментарно, по отдельным только регионам. Ф. Зобнин (1898 а; 1898 б) довольно подробно описал жилище алтайских старообрядцев и жителей Усть-Ницынской слободы Тобольской губернии. Он выделил основные типы жилищ (избу, связь, пятистенки, крестовик), сделал подробное описание жилых и хозяйственных строений, техники строительства, внутреннего устройства дома. Н. Петропавловский (1886, с. 39) справедливо отмечал, что известные по многим описаниям «сибирские хоромы» были в основном в при трактовых селениях, тогда как в стороне от тракта преобладали «кривые, неправильно построенные домишки», расположенные без какого-либо плана. Автор отмечал несомненное удобство этих сибирских строений: «Изба всегда просторная, теплая, прочная. Дворовые постройки мизерны, но их много, каждая для своего назначения... Каждая вещь и каждое животное имеют свое место». Как и многие другие авторы, он отмечал чистоту в жилище и обяза-

тельное разделение дома на чистую половину — горницу и собственно избу.

Разнообразные сведения по жилищу сибиряков имеются в работах И. А. Абрамова (1857), Г. Н. Потанина (1859; 1864), Н. М. Ядринцева (1880) и др. Внимание наблюдателей часто привлекало не собственно жилище, а отдельные моменты обрядов и поверий, связанных с ним (новоселье, отношения с домовым, очаг и пр.), что получило отражение в работах А. П. Городцова (1916), И. Я. Неклепаева (1903) и др. Санитарно-гигиенические условия в селениях Западной Сибири отражены в работе А. Ремезова (1880), из которой следует, что эти условия были далеки от удовлетворительных. Данные о количестве построек и их разновидностях были учтены в статистико-экономических описаниях Западной Сибири и Алтая конца XIX — начала XX в. [Материалы для изучения..., 1888 — 1898; Материалы по исследованию..., 1892 — 1900; Нагнибеда В. Я., 1927 и др.].

Исследователи конца XIX — начала XX в. выдвинули, по существу, две противоположные точки зрения на пути этнического развития русского населения Сибири. Одни из них (А. П. Шапов, Н. М. Ядринцев, П. М. Головачев, Г. Н. Потанин и др.) развивали идею об изменении традиционной русской культуры в условиях Сибири вплоть до выделения старожилов в особый этнический тип. Другие же (Д. Н. Анучин, А. А. Макаренко и др.) придерживались мнения о сохранении традиционной русской культуры. Таким образом, русский сибиряк оказался в центре внимания дореволюционных исследователей, но подробного изучения особенностей его материальной и духовной культуры так и не было проведено. В работах исследователей часто противопоставлялись старожилы и переселенцы, в частности чистые и просторные сибирские хоромы противопоставлялись «грязным избам» и «дернушкам» российских переселенцев [Ядринцев Н., 1891, с. 816; Новоселов А., 1913, с. 1 — 18]. Считалось, что новоселы только через поколение «осибирячивались», переходили на сибирские обычаи, в том числе «обстраивались» сибирскими домами [Ядринцев Н., 1891, с. 816].

Фактический материал, приведенный в работах дореволюционных исследователей, является нередко единственным источником для изучения особенностей жилой среды сибиряков. Уже в то время признавалась необходимость изучения русского населения не только в отдельных, часто изолированных регионах, но и по всей территории Сибири с учетом местных природно-хозяйственных условий и состава переселенцев. Эта задача была поставлена только в 1950-х гг., когда Институтом этнографии АН СССР было начато планомерное изучение культурно-бытовых особенностей сибиря-

ков. Изучение жилища в этих исследованиях заняло одно из основных мест. В настоящее время вышло уже много статей и обобщающих работ, посвященных этнографии сибиряков Приангарья, Забайкалья, Алтая и отдельных районов Западной Сибири. Еще Е. Э. Бломквист, изучая восточнославянское жилище, совершенно справедливо отметила, что трудно говорить в целом о жилище сибиряков, так как разнообразие природных условий, различные этнические традиции и влияние сибирских народов определили его большое разнообразие (1956, с. 57—58, 239—250). Ею был сделан практический вклад в изучение жилища бухтарминских старообрядцев Алтая (1930). Жилище русских Енисейского края в XVII—начале XVIII в. по архивным материалам исследовал В. А. Александров (1960, 1964), наглядно продемонстрировав возможности этого вида источников и заложив основу для дальнейших исследований.

Полевые этнографические сборы в Тюменской, Курганской, Томской областях и Алтайском крае с широким привлечением музейных, архивных материалов и опубликованных данных открыли серию статей [Сафьянова А. В., 1972; Липинская В. А., 1965, 1968, 1969, 1974, 1975, 1979, 1980, 1983; Липинская В. А., Сафьянова А. В., 1979; Лебедева А. А., Сафьянова А. В., 1974 и др.]; вышло и несколько обобщающих монографий [Проблемы изучения..., 1974; Этнография русского крестьянства, 1981; Хозяйство и быт, 1979; Липинская В. А., 1987]. В последней обобщающей работе «Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середины XIX в.» (1981) глава по жилищу написана коллективом авторов: В. А. Александровым, В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой. Особенности жилища здесь рассмотрены по крупным хозяйственным зонам: земледельческой и тундровой, что позволило учесть особенности жилой среды в каждой из этих зон.

Жилище сибиряков самых ранних периодов заселения было исследовано в работах М. М. Громыко (1975 и др.), Н. А. Миненко (1975, 1979 и др.), Л. М. Русаковой (1982), О. Н. Шелегиной (1981), построенных главным образом на архивных данных. Результаты, достигнутые в изучении культурно-бытовых особенностей сибиряков, позволили выделить этнографические разделы в «Истории крестьянства Сибири» (1982, 1983), чего не было сделано в свое время в пятитомной «Истории Сибири» (1968—1969). В работе «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» (1982, с. 364) сделан важный вывод, что русско-сибирское жилище развивалось по единому общерусскому пути с местными особенностями в деталях устройства. При этом отмечается, что у сибиряков значительно раньше, чем у крестьян европейской части России, появились мно-

гокомнатные дома с развитой усадьбой. Отмечалось также, что уже первому поколению сибиряков были известны жилища сложного плана (связь, пятистенки и др.), а также разнообразные хозяйственные строения.

Наибольший вклад в этнографическое изучение поселений и жилищ русских сибиряков сделан В. А. Липинской. Ею разработаны вопросы, связанные с таким специфическим типом поселений, как заимка, бытовавшим в качестве своеобразного форпоста в процессе обживания новых земель. Заимки были преимущественно сезонными поселениями с тенденцией перерастания при благоприятных условиях в постоянные селения [Липинская В. А., 1979, 1980]. Исследовательницей разработаны также вопросы планировки поселений (1974 б), принципы определения типов двора и выявлена сибирская специфика в раннем вычленении чистой половины двора (1975, с. 31 — 41). Научные интересы В. А. Липинской сосредотачиваются и базируются в основном на материалах русского населения Алтайского края, чему была посвящена и отдельная монография (1987). Работы В. А. Липинской в настоящее время являются базовыми как с точки зрения содержания конкретного материала, так и по методике изучения поселений и жилищ, решения общих вопросов истории жилища в западносибирском регионе. Ею были опубликованы методические материалы — программы и вопросники для сбора материала по жилищу и поселениям русских сибиряков [Липинская В. А., 1981 б].

Для изучения ранних периодов истории русско-сибирского жилища большое значение имеют археологические раскопки, проводящиеся с недавних пор главным образом в северных городках — Цельме, Мангазее, Казымском, Лозьвинском [Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981 и др.; Пархимович Г. С., 1986; Оборин В. А., Русанова К. М., Шмырова В. А., 1975 и др.]. Опубликованные результаты раскопок дают значительный фактический материал по строительной технике, типам построек конца XVI—XVII вв.

Работы архитекторов [Ащепкова Е. А., 1950, 1953; Баландина С. Н., 1974, 1978, 1981; Кочадамова В. И., 1978 и др.], несомненно, привлекли широкое внимание к русскому зодчеству в Сибири. В них содержится большой объем конкретного материала, собранного методом непосредственного наблюдения, и не менее интересные реконструкции ранних сибирских построек и укреплений. Для работ архитекторов характерен широкий охват всех построек, что обычно не входит в круг интересов этнографов, но содержит ценный материал по традициям обживания нового места, очеловечивания пространства.

Богатую терминологию жилых и хозяйственных построек можно найти в работах лингвистов, исследующих старожильческие говоры русского населения различных регионов Западной Сибири, и в изданных ими словарях [Петропавловская Л. В., 1982 а, б; Цанин Л. Г., 1985; Словарь русских старожильческих говоров, 1964 — 1967 и др.].

Степень изученности истории Сибири с начала освоения ее русскими и этнографии русского населения различная, так как в этнографии до сих пор много белых пятен. Некоторые районы огромных просторов Западной Сибири до сих пор остаются вне поля зрения этнографов: тундровое и таежное Приобье, часть притрактной зоны степных районов и пр. По традиции больше внимания уделялось таким локальным группам, как семейские, поляки, каменщики, а также собственно старожильческому населению, тогда как переселенцы второй половины XIX в., живущие в Сибири далеко не в первом поколении, не привлекали внимания этнографов. Слабо изученным вопросом является взаимодействие традиций старожилов и более поздних переселенцев, а также русских и коренных народов Сибири. В дореволюционной литературе довольно часто писали об обрусении аборигенов, не вдаваясь в подробности этого процесса и воспринимая его только как негативный. Отмечались также случаи заимствования русскими навыков местных народов в отдельных сферах хозяйства и быта, особенно на Крайнем Севере. Представляется целесообразным исследовать более подробно и всесторонне проблему взаимодействия русского и коренных народов, с выявлением не столько односторонних характеристик, сколько процесса совместного и давнего обживания пространства, выработки сходных форм культуры и быта. Что касается жилищных традиций других народов, переселившихся в Сибирь в разное время (украинцы, белорусы, чуваша, эстонцы и др.), то в настоящее время источников для их изучения практически нет.

Таким образом, поселения, жилища и постройки русского населения Западной Сибири сравнительно недавно стали объектом внимания этнографов и еще недостаточно и неравномерно исследованы.

9.2. Поселения

Расселение и планировка поселений. Первые русские городки и остроги основывались на водных путях Севера Западной Сибири — Тобольск, Тюмень, Березов и др., к которым позднее доба-

вились города-крепости, расположенные южнее: Томск, Кузнецк, Омск и др. Вокруг них возникали сельские поселения (заимки, деревни, села), обеспечивающие население городов продуктами земледелия и скотоводства. Города становились центрами уездов с определенными территориальными границами. Так, уже в конце XVI в. существовали Тюменский, Тобольский, Тарский уезды; несколько позднее возникли Сургутский, Кетский, Нарымский и Томский. Русские поселения размещались на территории Западной Сибири очень неравномерно, первоначально они концентрировались в северной таежной зоне. К началу XVIII в. сформировались два основных центра расселения и хлебопашества: Верхотурско-Тобольский и Томско-Кузнецкий, позднее к ним добавился Алтай. Характерной чертой русских поселений в Сибири было то, что здесь не города росли за счет окрестного сельского населения, как было в других местах, а наоборот, сначала возникли города, вокруг которых выросли сельские поселения [Этнография русского крестьянства, 1981, с. 61].

Выбор места для поселения, в частности для первых острогов, был возложен на воевод [Алферова Г. В., 1977, с. 52 — 67] и зачастую определялся, по-видимому, общечеловеческими универсалиями: крутой берег реки как естественное средство обороны, живописность местности и пр. Не случайно места древних и поздних поселений часто совпадали, хотя особой тесноты в выборе не было. Практическая целесообразность выбранного места тесно сочеталась с его психологической комфортностью. Для неофициальных поселений, в частности уединенных заимок и скитов старообрядцев, были характерны несколько иные, возможно, более древние принципы выбора места для поселения. Еще в XX в. сохранялись поселения, расположенные на возвышенном месте среди непроходимых болот [Шамаро А., 1959, с. 68—76]. К такому поселению вела лишь одна тропа, известная узкому кругу лиц. В описанных А. Шамаро скитах безденежных староверов «кержацкая тропа» была вымощена под водой бревнами, при ходьбе ее находили, выстукивая палкой. Подобные поселения в труднодоступных местах среди болот были известны у восточных славян в VIII—IX вв. [Ляпушкин И. И., 1968, с. 127].

Другой тип уединенных поселений у старообрядцев Среднего Приобья в начале XX в. представлял собой поселение на крутой излучине реки—на муче. Здесь поселение с трех сторон ограждалось высоким берегом реки, а с четвертой стороны сооружался непроходимый забор из колючих кустарников (МЭЭ ТГУ, 1977). Однако такие оторванные от всего мира поселения были в начале XX в. анахронизмом. Надо сказать, что поселение в глухой та-

ежной местности, окруженной со всех сторон тайгой, у многих жителей Среднего Приобья вызывало тягостные чувства. У них существовало понятие «широкое место», ассоциирующееся с поселением в открытой, свободной от леса местности, более благоприятной для человека. Не случайно, по-видимому, в сибирских селениях многие отмечали почти полное отсутствие какой-либо зелени, сада перед домом. Более того, свободная от леса поляна в лесу считалась «веселым местом». Старожилы говорили: «Не руби мы леса, и он задавил бы нас» [Степанов П., 1886, с. 18]. По-видимому, в этом отразились древние представления о поселениях, а также многовековая борьба земледельца за пашни и пастбища.

Одной из особенностей поселений в Среднем Приобье, в частности в Нарымском крае, было расположение их на затопляемых берегах р. Оби. Почти каждую весну жители таких селений, как Никольское, Ильино и др., жили на чердаках домов, а по улицам плавали на обласках, но не переносили селение на более высокое место. Причиной этому были богатые рыболовные места, которые, по меткому замечанию Е. Н. Орловой (1926, с. 202), тянули жителей Нарымского края к воде, как земля хлебопашца. Характерно, что и поселения коренных жителей Нарымского края часто располагались на затопляемых берегах [Плотников А. Ф., 1901, с. 163 и др.].

В народном сознании прочно гнездились идеи о необходимости освящения места, выбранного для поселения или жилища. По всей Западной Сибири были распространены легенды о чудотворных иконах, которые «являлись» на том месте, где основаны церковь или селение, например в селах Богородском, Семилужном Томского уезда [Абрамов Н., 1859]. В летописи XVII в. записано об объявлении мощей чудотворца в Ирбитской слободе [Вилков О. Н., Резун Д. Я., 1981, с. 12]. Все это способствовало формированию представлений об одухотворении места поселения, благоприятствующем человеку. Вера в необходимость освящения места, выбранного для ночлега, прочно сохранялась у охотников. В лесу они здоровались с местом, выбранным для ночлега, а подходя к охотничьей избушке, приветствовали ее и просились переночевать (МЭЭ ТГУ, 1984). Это давало уверенность в более надежной защите и охране.

В своих передвижениях по территории Сибири русские, по-видимому, руководствовались древними народными представлениями о пространстве и сущности сторон света. Восток, место восхода солнца, где находятся бог и рай, считалось священным. В доме, например у староверов, передний угол назывался восточным и, при соблюдении традиционной планировки, выходил на восток или юго-

восток. Каждый хозяин стремился поставить свой дом так, чтобы окна выходили на полуденную сторону, на юго-восток. Находясь в лесу или в поле, русские перед едой читали молитву и крестились, повернувшись лицом на восток (МЭЭ ТГУ, 1978). Северная и западная стороны света, наоборот, наделялись негативными характеристиками. В пространственной ориентации распространено было также представление о вертикальном членении мира, что совпадало с направлением течения Оби. В соответствии с этим томских жителей называли «верховскими» в отличие от «низовских» — жителей Нарымского края.

Многие русские поселения возникали вблизи или на месте городищ и поселений: Самаровское, Тобольск, Березов, Обдорск, Сургут и др., что определялось, по-видимому, сходными принципами выбора места. В то же время русские с большим суеверием относились к местам, где жили когда-то аборигены. Так, в Сургутском крае считалось, что в бывших поселениях «остяков» при затоплении весной поселяется водяной, и там избегали переплывать скот или проезжать на лодке. При входе в пустое «остяцкое» жилище соблюдали определенную предосторожность: обстукивали углы палкой-таганом и говорили по-остяцки: «Выходи прочь, теперь я тут буду жить» [Неклепаев И. Я., 1903, с. 75].

При закладке нового поселения, вероятно, проводили специальные обрядовые действия, как и при закладке отдельного дома, но сведений об этом почти не сохранилось. Только при раскопках Ляпинского городка А. Ф. Палашенков (1963, с. 156) отметил находку черепов собак в северо-восточном и северо-западном углах крепости и предположил связь этого с жертвоприношением при основании крепости. Находки собачьих черепов под углами жилища были сделаны и при раскопках средневековых построек обских угров [Морозов В. М., 1986, с. 103]. Возможно, это местная традиция освящения места, хотя у русских также было известно подобное жертвоприношение. Одной из форм освящения места для поселения было, по-видимому, первоочередное строительство церкви на самом высоком и красивом месте.

Большинство русских поселений в Сибири было основано по берегам рек, особенно при впадении притоков в крупные русла. Реки были не только основными транспортными путями, но и определяли планировку селений, которые располагались на одном или обоих берегах, повторяя в своем плане изгибы реки (рис. 74, 1). Прибрежные селения чаще всего были линейной планировки, вдоль берега, реже перпендикулярны к нему. Иногда встречалась дуговая планировка, огибающая излучину реки [Липинская В. А., 1974 а, с. 162]. При заселении лесостепной и степной зоны Западной

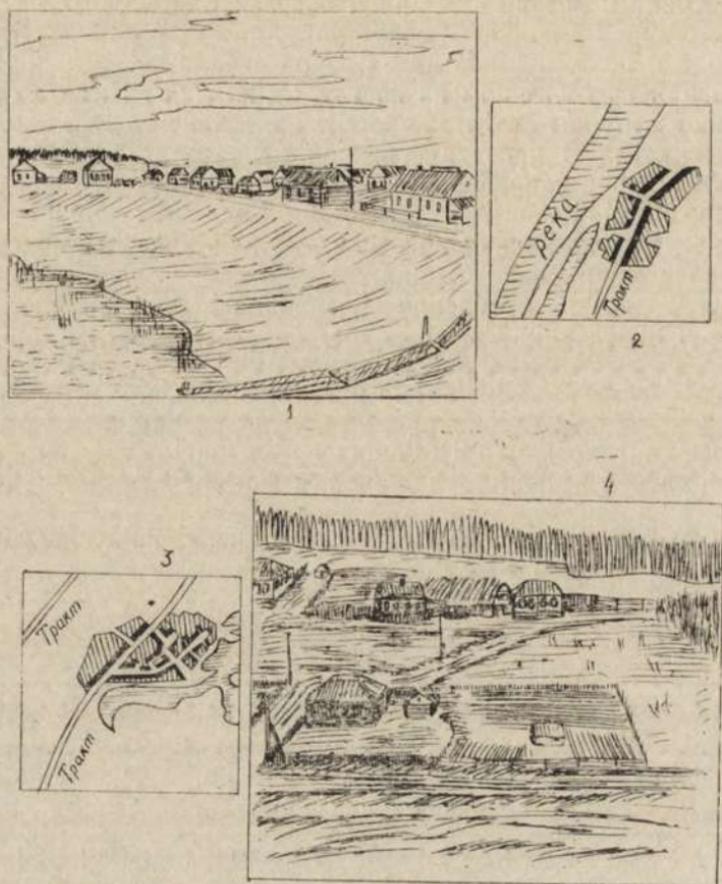

Рис. 74. Русские поселения; 1 — прибрежное селение, Томская обл. (с фот. Н. В. Лукиной, 1970-е гг.); 2, 3 — линейная и радикальная застройка селений, Тюменская обл. [по: Липинская В. А., 1974а, с. 161]; 4 — рядовая застройка, с. Конинино Томской обл. (по фот. П. Е. Бардиной)

Сибири русские поселения основывались вдоль тракта. При трактовые селения, как правило, примыкали непосредственно к дороге с двух сторон и были вытянуты в длину. Реже они располагались перпендикулярно к тракту или были в стороне от него (рис. 74). Иногда селения возникали между водоемом и трактом, и планировка их отличалась большим разнообразием: линейная, радиальная и многоплановая [Липинская В. А., 1974 б, с. 236].

До XVIII в. застройка русских селений была свободной, дома ставились обособленно, на значительном расстоянии друг от друга, руководствуясь одним правилом: окнами на полуденную сторону. Постройки часто располагались группами — гнездами, заселенными родственниками, или рядами вдоль реки. В притрактовых селениях развивались линейные формы планировки с рядовой или уличной застройкой. Нередко свободное и упорядоченное расположение построек сосуществовало в одном и том же селении. Планировка ранних сибирских городов чаще всего ориентировалась на центр — крепость или мыс и представляла собой зачатки радиально-кольцевой системы [Кочедамов В. И., 1978, с. 15—60].

С конца XVIII — начала XIX в. распространяется застройка селений улицами. П. С. Паллас отмечал, что селения «поляков» на Алтае застроены правильными улицами. Упорядоченную уличную или квартальную планировку имели поселения казаков на юге Сибири, что устанавливалось административно. Уличная застройка имела большую возможность для реализации в южных, степных районах, с развитым гужевым транспортом и сетью сухопутных дорог, тогда как на неровной, болотистой местности северных селений, где основные пути были по реке, дольше сохранялась свободная застройка. Со временем она превращала селение в тесный и запутанный лабиринт, как, например, село Самаровское. В описаниях северных селений первой половины XIX в. в Парабельской и Кетской волостях также указано, что дома расположены «без порядка» [ЦГИА, ф. 1589, оп. 1, № 558, л. 4—18]. В прибрежных селениях, кроме того, берег часто подмывало. Так, село Демьянское к концу XIX в. значительно отодвинулось от места своего основания, так что место первых двух церквей уже было смыто в Иртыш [Павлов А., 1878, с. 61]. Жители и администрация северных селений принимали меры к благоустройству: копали канавы для стока воды, засыпали песком и ветками топкие места, строили деревянные тротуары, однако почти все северные селения страдали из-за болотистости местности, и улицы их были грязны и труднопроходимы. Большую же часть года они были занесены снегом по самые крыши домов.

С конца XVIII в. в России началась централизованная перепланировка городов, коснувшаяся и Сибири. В результате этого так называемые «живописные» города с индивидуальной планировкой, которых немало было в Сибири, сменились однообразной и унылой застройкой [Алферова Г. В., 1977, с. 53].

Планировка многих селений Сибири имела отличительную черту в разделении села на обособленные части — края, концы или порядки. Эти части возникали, как правило, в зависимости от

времени поселения и состава жителей. Во многих селах выделялась часть, заселенная старожилами: «Сибирь» — в с. Вороно-Пашня Томской губернии, «Сибиряки» — в д. Бушуево Тюменской обл., «Чалдонский край» — в д. Петрово Тарского уезда и пр. При подселении различных групп переселенцев возникали «Виленский» или «Витебский» край (с. Новиковка Томского у.), «Самоходский край» (д. Петрово Тарского у.) и другие в зависимости от состава жителей. Названия частей иногда отражали неоднородность населения по вероисповеданию: «Мирской» и «Часовенный» концы в с. Косулино Курганского у. [Лебедева А. А., Сафьянова А. В., 1974, с. 99 — 100]. В других случаях края или концы получали названия по особенностям местности или фамилиям первопоселенцев и т. п.: Заречный, Подгородный, Подгорный, Булатовский, Поповский и пр.

Все селения по севернорусской традиции обносились горизонтальной изгородью из жердей — поскотиной, служащей для выпаса скота. У поскотины на краю села обычно располагались гумна и овины для обработки зерна. На въезде в селение сооружались ворота, при которых в крупных селениях жил воротник, чтобы открывать и закрывать их. В случае эпидемии или падежа скота жители селения закрывали ворота и не пропускали приезжих.

Во многих местах Сибири русские поселения располагались по соседству с поселениями местных народов. К концу XIX в. нередкими были смешанные поселения. Так, в Нарымском крае в начале XX в. до 50% селений по р. Оби были смешанными по составу жителей [Нагнибеда В. Я., 1927, 640 с.]. Совместное расселение складывалось в притрактовой полосе: например, в Тюменском уезде XVIII в. в 38 из 150 русских селений по тракту жили бухарцы и татары [Этнография русского крестьянства, 1981, с. 81]. Коренные народы юга Западной Сибири также входили в состав казачьего войска [Петров В. И., 1965, с. 201 — 217].

Застройка современных селений производится в основном по уличному или квартальному планам. В старых селениях иногда до сих пор сохраняются части, застроенные свободно или рядами вдоль берега реки. Во многих местах, например в Омской области, ведутся активные работы по благоустройству и реконструкции селений на основе традиционного опыта обживания сельской среды [Андрианов И. К., Хахаев М. М., 1985].

Таким образом, в планировке западносибирских селений преобладали линейные формы, определяемые берегом реки или дорогой. Свободная и рядовая застройка селений постепенно сменялась уличной и квартальной. В названиях селений преобладали имена, фамилии и прозвища первопоселенцев, а также особенности мест-

ности, память о местах выхода и пр. Характерным было деление села на концы или края, в чем отразилась история формирования состава жителей. Вокруг постоянных селений существовало много сезонных, со временем перерастающих в постоянные. Постепенно в Западной Сибири складывалась сеть сельских и городских поселений, в которую включались не только русские, но и другие переселенцы, а также коренные сибирские народы.

Типы поселений. Социально-экономические разновидности или типы поселений у русского населения Западной Сибири не оставались неизменными на протяжении прошедших со времени переселения четырехсот лет. Одни типы поселений, характерные для начальных этапов, сменялись другими или меняли свои функции, другие оставались неизменными, некоторые вообще исчезали. Вся история основания и эволюции функций русских поселений отражала этапы заселения и хозяйственного освоения новых земель.

В Западной Сибири существовали в разное время следующие типы русских поселений⁶⁵:

ОСТРОГ — небольшое укрепленное поселение. Сам термин имел несколько значений: это и тип укрепления, и только стена, а позднее — тюрьма. Наиболее простой тип острога — это ограда из вертикальных заостренных столбов (тын, палисад), обычно без башен, но иногда и с башнями, с надолбами и рвами за стенами. Если у острога было более четырех башен, то это поселение уже считалось городом. На сооружение стен, например Ляпинского острога, при длине 131,5 м потребовалось около 1 тыс. бревен. Тыны его были высотой 3,7 м и вкопаны на 60—70 см в землю [Палашенков А. Ф., 1963, с. 155]. В некоторых острогах высота стен была от 4 до 6 м, с выпусками — иглами наверху. Стены острогов приходилось неоднократно восстанавливать из-за частых пожаров.

⁶⁵ При анализе типов поселений использованы сведения из следующих работ и источников, кроме цитируемых: Адрианов А. В., 1912; Александров В. А., 1960, 1964; Алферова Г. В., 1977; Ащепков Е. А., 1950; Баландин С. Н., 1974; Баландин С. Н., Вилков О. Н., 1977; Бломквист Е. Э., 1956; Бояршинова З. Я., 1950; Вилков О. Н., 1966; Витов М. В., 1953; Волков В. Т., 1898; Григорьев А. Д., 1921; Громько М. М., 1965, 1966; Катараев Г. Е., 1893; Кернер В. Ф., Пархимович С. Г., 1986; Кондрашенков А. А., 1966; Ковылов А. Н., 1966; Кочеламов В. И., 1963а; Крадин Н. П., 1974; Курилов В. Н., 1981; Миненко Н. А., 1974, 1986; Молодин В. И., Лобжанский В. Н., 1978; Липинская В. А., 1965, 1969, 1974б, 1980, 1987; МЭЭ ТГУ, 1977, 1978; Павлов А., 1878; Папхимович С. Г., 1986; Петропавловский Н., 1886; Плотников А. Ф., 1901; Прибыткова А. М., 1975; Проблемы изучения, 1974; Рабчинвич М. Г., 1969; Раппорт П. А., 1970; Сабурова Л. М., 1967; Сергеев А. Д., 1978; Словарь русских старожильческих..., 1964—1967; Соколова З. П., 1977; Чернявский Н., 1843; Чертежная книга Сибири, 1882; Шамаро А., 1959; Шнецов С. П., 1889; Этнография русского крестьянства, 1981; Ядринцев Н. М., 1880.

В тынинах острога делались бойницы, а между собой тынины соединялись при помощи пазов. Со временем тыновые стены заменялись рублеными, например в Тобольске с 1594 г. На северо-востоке Сибири, в зоне вечной мерзлоты, сооружалась косая острожная стена, а иногда острог ограждали переносные щиты.

Внутри острога размещались хозяйственно-административные постройки, амбары, церковь, жилище для гарнизона и пр. Крестьяне селились на пашенных участках за острожной стеной, а в случае опасности укрывались внутри острога. Со временем некоторые остроги выросли в более крупные поселения, а другие опустели.

КРЕПОСТЬ — более поздний по сравнению с острогом тип укрепления, появившийся во второй половине XVIII в. на южных оборонительных линиях Западной Сибири. Крепость имела в плане правильную геометрическую форму, по углам — бастионы и земляной вал до 2 м. Внутри крепости размещались казармы, арсенал, плац для учений. На некотором расстоянии от крепости возводили полевые укрепления: форпосты с казармами, конюшнями, амбарами; редуты (защиты), огражденные палисадами. Со временем крепости, например Петропавловская на Ишимской линии, стали выполнять роль торговых центров. Другие, как Кузнецк, становились городами, некоторые — обычными селениями или опустевали.

ГОРОД в XVI—XVII вв. — это укрепленное поселение с рублеными двойными стенами с земляной засыпкой (городнями или тарасами) и с башнями. Сам термин в древнерусском языке обозначал не город в социально-экономическом отношении, а укрепленное поселение в отличие от неукрепленного. От острога город отличался рублеными стенами и большим количеством башен. Некоторые поселения Сибири сразу строились как остроги или как города (Тара, Пелым, Томск и др.), а некоторые развивались из зимовий и прочих селений. В Тюмени первые рубленые стены были сооружены в 1593 — 1596 гг. и состояли из 106 городней высотой 4,2 м, покрытых крышей вместе с обламами-выпусками [Кочедамов В. И., 1963 б, с. 86].

Наиболее распространенным типом ранних сибирских городов был рубленый город с посадом, огражденным острожной стеной. Город или кремль примыкал к острогу одной или двумя стенами. Например, Пелым в середине XVIII в. представлял собой сочетание небольшого рубленого города (45×60 м) с четырьмя башнями и острога, подходящего к кремлю с двух сторон. В нем было около 55 дворов и 2 церкви. Несколько усадеб и амбаров находилось за острожной стеной [Кочедамов В. И., 1978, с. 60 — 61]. Обязательным элементом укрепления были башни, чаще всего квадратные в

плане, но встречались и «круглые» — шести- и восьмиугольные (в Тобольске, Сургуте и др.). Центральная башня была с проезжими воротами. Помимо оборонительной функции башни несли, несомненно, эстетическую и эмоциональную нагрузку своей монументальностью, строгостью и величием.

Укрепление дополнялось также надолбами, рвами, валом. Со временем города, как и остроги, превратились из военно-административных пунктов в ремесленно-торговые, культурные и религиозные центры. Часть сибирских городов к XVIII в. оставались городами лишь по названию, существуя как обычные сельские поселения. Другие, например Тюмень, развились в крупные центры феодального типа с элементами капиталистических отношений, но сохраняли значительную связь с земледелием. Последнее составляло черту, характерную для сибирских городов, однако не являлось свидетельством их слабости или отсталости, так как уже в XVII в. некоторые города стали важными торгово-промышленными центрами [Громыко М. М., 1966, с. 409]. В XVIII — XIX вв. во многих сибирских городах, например Тобольске, были построены здания, ставшие архитектурными памятниками, сохраняющими свое значение до сих пор. Сибирская русская архитектура города, несомненно, внесла свой вклад в сокровищницу русской архитектуры.

СЛОБОДА — тип поселения с преимущественно административными функциями. В XVII — XVIII вв. это зачастую укрепленное поселение. К середине XIX в. многие слободы утратили свои административно-стратегические функции и перешли в разряд сел или городов. Так, Каинская слобода получила статус города — центра уезда уже в 1782 г. Слободы занимали промежуточное положение между такими крупными центрами, как города, и сельскими поселениями. Вокруг слобод группировались деревни и села, для которых они были религиозными центрами. В слободах развивались промыслы и торговля, но занимались и сельским хозяйством. Известная Ирбитская слобода уже в XVII в. была не только местным, но и международным торговым центром.

ЗАСТАВА — тип поселения на крупных торговых путях, реках для взимания таможенных пошлин. Характерны для ранних периодов заселения. Известны такие заставы, как Кыртасская, Собская и др.

СЕЛО — тип поселения с административными, религиозными и производственными функциями. Церковь стала считаться в России отличительным признаком села с XVIII в. [Этнография восточных славян, 1987, с. 205] а само село является древнейшим типом поселений у восточных славян. В Сибири села возникали в ос-

новном из разросшихся деревень, в которых строили церкви. Для окружающих деревень село было административным центром. В крупных волостных селах находились здание волостного правления, 2-3 церкви, торговые лавки, школа, больница, устраивались сезонные ярмарки. В селах, как правило, существовали ремесленные производства, торговля и даже создавалась определенная специализация селений по производству того или иного продукта: например в Тюменском округе, в пригородном Томском районе и других местах.

СТАНИЦА — крупное поселение на южных оборонительных линиях с административно-военными, религиозными и другими функциями. К середине XIX в. многие станицы утратили свое оборонительное значение и были уравнены с селами. Станицы застраивались по стандартной планировке улицами или кварталами, с унифицированным типом жилищ. В центре станицы были административные здания, церковь, цейхгауз, плац для учения, казармы для казаков.

ПОСЕЛОК — мелкий тип поселения на оборонительных линиях, подчиненный станице. Во второй половине XIX в. поселком называлось поселение переселенцев на отведенных землях, например на Алтае. Такой поселок основывался обычно на территории угодий другого селения. Иногда такой поселок перерастал в город (например, Барнаул).

СТАНОК — притрактовое селение, возникшее с XVIII в. в качестве станции на прогонах больших дорог. На станке были построены дома для семей ямщиков и постоянные двory для проезжающих. Население станка не только обслуживало потребности тракта, но и занималось сельским хозяйством. На трудных участках дорог между станками устраивались «половинки» для отдыха проезжающих и лошадей. Со временем станки превратились в обычные деревни и села.

ЯМ — тип поселения ямщиков, близкий по функциям к станку. Аналогичный тип поселения для выполнения ямской повинности существовал на севере России, например в Устюжском крае. В Сибири известны Самаровский, Демьянский ямы, основанные в 1635 г. присланными для этой цели семьями ямщиков. Постепенно, уже в XVIII в. ямы утратили свою специфику и превратились в обычные села и деревни.

ПОГОСТ — поселение с преимущественно религиозными функциями, создаваемое при церквях. Погосты хорошо известны в европейской части России, особенно на севере, а в Сибири они не получили большого распространения. В более ранние периоды заселения погостов было, по-видимому, больше, но со временем они

быстро перешли в разряд сел. Так, в описании пути от Кузнецка до Томска С. П. Крашенинников в 1734 г. упоминал Кулаков погост, Иткара погост, Ярской погост [Крашенинников С. П., 1966, с. 44 — 45], известные позднее как села. Кроме религиозных погосты выполняли также административные функции.

МОНАСТЫРЬ — закрытое поселение с религиозными, хозяйственными, а на первых этапах — и с военными функциями. Поселение обычно обносилось укреплением — оградой. Внутри — церковь, жилые и хозяйственные постройки, которые нередко возводились из кирпича. При монастыре обычно были пашни, огороды, приют для сирот, ремесленные производства типа литья свечей и пр. На первых этапах заселения монастыри наряду с острогами имели существенное оборонительное значение.

СКИТ, пустынь, обитель — тайное, укрытое в лесу поселение старообрядцев, чаще всего старцев, «беглых расколоучителей». Такие лесные пустыни в XVIII в. возникали как в старых урало-сибирских районах, так и по всей Сибири. Традиция скитских поселений сохранилась в некоторой степени вплоть до современности, например в Среднем Приобье. Скит по своей функции чаще всего не был монашеской обителью, а приближался к земледельческим крестьянским заимкам. Нередко в них жили семьями, убежав «с женами и с детьми» [Покровский Н. Н., 1975, с. 40]. Каждый практически скит имел связь с окрестными селениями, жители которых сочувствовали, помогали экономически и укрывали беглецов. Обитатели скитов жили в примитивных постройках, кельях и стремились кормиться «трудами рук своих». Они занимались земледелием, промыслами, охотой, рыболовством, выделывали туеса и прочую утварь, обменивая ее в селениях на продукты. Урало-сибирские скиты, по мнению Н. Н. Покровского, сохраняли черты трудовой общины в отличие от скитов Европейского Севера.

ДЕРЕВНЯ — основной тип сельского поселения в Сибири, как и по всей территории расселения русских. Первые деревни основывались жителями городов и острогов для ведения пашенного хозяйства, а также крестьянами-переселенцами или переведенцами. При основании селения первопоселенцы нередко объединялись в сообщества, так как для раскорчевки пашни и строительства требовались коллективные усилия. Сибирские деревни, как и на севере Европейской России, были в основном небольшими по размерам, из 1—3 дворов. В начале XVII в. такие малодворные селения составляли 91,8% от всех селений, а к началу XVIII в. уже только 1/3 часть селений. Постепенно стали преобладать деревни, имеющие около 10 дворов [Этнография русского крестьянства, 1981, с.

64]. В южных, благоприятных для земледелия регионах возникали более крупные селения, чем на севере.

ЗАЙМКА — тип поселения, основанный при расселении из других селений на вольно-захватных участках угодий. Займки известны с древности и в европейской части России, но в Сибири заимочная система стала характерной чертой русского расселения. Жители сами подыскивали удобный для земледелия участок, заводили на нем пашню и позднее строили жилые и хозяйственные строения. В последнем случае займка уже могла считаться деревней. Поэтому иногда один и тот же населенный пункт назывался то займкой, то деревней. Вокруг крупных селений было обычно несколько займок. Со временем одни из займок забрасывались, основывались новые. Заброшенные займки через некоторое время могли быть заново обстроены и назывались в таком случае «пустошью». Займки, расположенные в удобных местах, как правило, вырастали в крупные селения. Часто это происходило за счет роста семьи основателя, давшего начало фамильному гнезду, большинство жителей которого имело ту же фамилию, что и название деревни (например, д. Губино Томской губ., д. Хохлово Тобольской губ. и др.).

ПОЧИНОК — тип поселения, близкий по значению займке, но предполагающий не только хозяйственные угодья, но и новый постоянный населенный пункт. Этот тип поселения хорошо известен на севере Европейской России, откуда и распространился в Сибирь. Починок считается классической формой нового поселения (почин — начало), но в Сибири такой формой чаще всего была займка.

ВЫСЕЛКИ — тип поселения, образовавшийся в результате уплотнения населения и трудности ведения хозяйства на уже освоенной территории. Этим выселки отличались от займок, основанных на новых участках. Располагались выселки обычно вблизи поселений, от которых отделялись. Основывали выселки одна или несколько отделившихся семей.

ХУТОР — тип малодворного поселения, появившийся в Сибири не ранее XIX в. Хутора были характерны для лесостепной части России, а в Сибири они не получили значительного распространения. Хутор представлял собой поселение из одной семьи, с жилыми, хозяйственными постройками и угодьями, расположенное в стороне от других селений.

ЗИМОВЬЕ — тип поселения начального периода освоения Сибири русскими, в котором жили, как правило, временно, зимовали. Так, по р. Кеть, служащей в XVII в. водной дорогой в Восточную Сибирь, Н. Спафарий отмечал несколько покинутых зи-

мовий томских и тобольских казаков, вынужденных зазимовать на длинном пути с хлебным запасом в Енисейск и Мангазею [Путешествие, 1882, с. 81—82]. Зимовья строились также в местах промыслов на севере Сибири и для сбора ясака с местных народов. Чаще всего это была рубленая изба, нередко укрепленная как небольшой острог — «изба с нагородью». К XVIII в. появился новый тип зимовий — станции на тракте в глухих незаселенных местах, для отдыха проезжающих. Там обычно жили постоянно «зимовщики», запасавшие сено и пищу, поддерживающие порядок на зимовье. От станков зимовья отличались тем, что первые стояли на более крупных дорогах и трактах. Позднее, в конце XIX — начале XX в., под названием «зимовье» известны хозяйственные избышки на усадьбе, в которых выполняли различные работы, готовили пищу, жили в летнее время и пр.

Таким образом, основные типы русских поселений в Западной Сибири были сходны с общерусскими, особенно с севернорусскими, откуда и были принесены. При строительстве укреплений использовался опыт создания Большой засечной черты в Европейской России в XVI — XVII вв. Своеобразными этапами сельскохозяйственного освоения новых земель были займки, деревни, починки и выселки. Укрепленные поселения — крепости, станицы, форпосты и др., дольше всего сохранялись на юге Западной Сибири. В середине XVIII в. в Западной Сибири насчитывалось 731 деревня, 40 сел, 19 слобод [Этнография русского крестьянства, 1981, с. 63, 83, табл. 2, 3; Крестьянство Сибири, 1982, с. 370]. К середине XIX в. это соотношение изменилось: наиболее распространенным типом поселения оставалась деревня, значительную долю составляли села и выселки, а слободы, станицы, зимовья и станки стали исчезающими типами [Крестьянство Сибири, 1982, с. 372, табл. 2]. При этом в северных уездах сохранялись малодворные селения, а по мере продвижения к югу они становились все многолюднее.

9.3. Постройки

Строительство и обряды. Для строительства жилищ русские в Сибири использовали в основном деревья хвойных пород — сосну, кедр, пихту, лиственницу. Только в южных лесостепных районах, в Барабинской степи были вынуждены строить дома из лиственных пород, в основном из березы, что было связано с недостатком леса. Зажиточные старожилы предпочитали покупать и привозить издалека сосновый лес. По народному опыту каждая порода деревьев имела определенные свойства: пихтач считался «теплым» и

его использовали для строительства бань и омшанников [Бломквист Е. Э., 1930, с. 302]. Кедровая древесина ценилась как мягкая, легко поддающаяся обработке, и применялась в основном для отделки домов: на рамы, косяки, полы и пр. Береза известна как очень прочная и жаркая: использовалась для изготовления черенков орудий труда, колотушек, а также в качестве дров. Для строительства дома, по поверьям, избегали употреблять «проклятое» дерево — осину. Лиственницу как наиболее прочный и влагоустойчивый материал использовали на нижние венцы сруба — оклад, на столбы по углам дома и балки под полом. Первые переселенцы в низовьях Оби нередко строили дома из судового (ладейного) леса. Так, даже в Тобольске в 1587 г. был построен «ладейный» острог из разобранных судов [Кочедамов В. И., 1963 б, с. 7].

Лес для постройки заготавливали зимой, срубая его на молодой или полный месяц, что должно было избавить от образования трещин в бревнах. Деревья выбирали не только ровные и высокие, но и так называемые «кондовые», «кондач» — с большой сухой сердцевинной. В отличие от них «мендач» был с толстым сырым наружным слоем и маленькой сухой сердцевинной и не годился для строительства [Бардина П. Е., 1978, с. 131]. Не брали для строительства деревья с суком — пасынком, глубоко входящим в древесину, так как это, по поверьям, грозило смертью хозяину дома [Потанин Г. Н., 1864, с. 138]. Не рубили лес на кладбищах и на «шайтанских» островах — жертвенных местах коренных народов. Избегали использовать для строительства упавшие и сухие деревья. Практические и мифологические знания тесно переплетались, они хранились и передавались знающими людьми, которые и выбирали лес для строительства дома.

Срубленные и ошкуренные бревна вывозили из леса зимой на санях, стараясь не сплавлять по реке, так как после этого они быстро гнивали. Лес для строительства сушили в течение 1—2 и более лет, во временном срубе или в лежках — рядах с прокладкой тонких бревен. Дома рубили обычно из круглых бревен, но в некоторых местах, например у переселенцев в Причудльмье, из половинок-толстых лиственничных бревен (МЭЭ ТГУ, 1986). Для постройки дома хозяева обычно собирали помощь из родственников и соседей. В крупных селениях нередко работали бригады плотников из местного или пришлого населения. Например, в Сургуте в конце XIX в. дома строили плотники из Тобольского округа, принеся с собой свои типы построек [Швецов С. П., 1889, с. 39, 63]. Плотническое мастерство в Сибири было довольно хорошо развито. В состав первых русских отрядов в XVI в. обязательно входили плотники — городники, мостники, которые

строили города и остроги, казенные помещения и жилые избы [Баландин С. Н., 1974, с. 33]. Искусные плотники, печники пользовались большим уважением в округе и нередко наделялись, по народным поверьям, сверхъестественными способностями.

Универсальным плотницким инструментом был топор, с помощью которого могли срубить всю избу без единого гвоздя. Использовали плотники также продольные и поперечные пилы, тесла, всевозможные струги и долота. Самым распространенным способом рубки была рубка с выпуском углов — в угол или в чашку. Реже рубили без выпуска углов — в лапу. При строительстве хозяйственных построек часто использовали технику строительства с закладкой горизонтальных бревен в пазы столбов. Изредка сочетали в одном строении разную технику строительства: к срубленному в угол дому пристраивали сени, рубленные в лапу или с закладкой в пазы; хозяйственную постройку из старых бревен делали с двумя углами в чашку, а двумя — в пазы столбов, так как из старых бревен было трудно рубить в угол.

Бревна стен дома, особенно простенки, нередко соединяли для прочности на деревянные шипы. Между бревнами прокладывали слой просушенного мха в пазы вдоль верхнего бревна. Для утепления постройки ее дополнительно конопатили каждую осень, протыкая пазы мхом или паклей при помощи деревянной лопаточки — конопатки. Суровый климат вынуждал как можно лучше утеплять жилище, что достигалось обмазыванием пазов или всех стен снаружи и внутри глиной. С этим же связано, по-видимому, распространение обмазывания и побелки внутренних стен, вытеснившее традиционное обтесывание и мытье стен. На севере, например в с. Самаровском, бревна стен снаружи просмаливали, что предохраняло их от сырого и холодного климата (МЭЭ ТГУ, 1986). Такими же просмоленными были стены башен Казымского городка, благодаря чему они, наверное, и сохранились до сих пор [Крадин Н. П., 1974, с. 86—87]. В томских деревнях иногда просмаливали крыши домов. В конце XIX — начале XX в. стены домов снаружи стали обшивать досками, что особенно популярным было в пригородных селениях. Наружная отделка стен дома заключалась также в побелке торцов бревен, что должно было предохранить их от трещин.

При закладке дома первыми всегда клали продольные бревна, что должно было обеспечить благополучие семьи. По углам оклада помещали кусочки хлеба, маленький камешек и деньги — жертву домовому, суседке [Неклепаев И. Я., 1903, с. 40]. Чаще всего клали только монеты в переднем углу для богатства в новом доме. Дома строили на столбах-стойках по углам и вдоль стен. В затопляемых селениях иногда ставили высокие столбы

в виде свай [Белявский Фр., 1833, с. 11]. На высоких столбах для предохранения от грызунов сооружали и амбары. На болотистом грунте, например в Нарымском крае, вместо столбов под домом иногда клали горизонтальные лежки в 2—3 ряда, под углами и вдоль стен. Фундамент из сплошного настила бревен в 2—3 ряда под всем домом был известен в ранних русских постройках на севере Сибири [Александров В. А., 1964, с. 54, 168]. Об устойчивости традиции строительства свидетельствует ходатайство в 1862 г. генерал-губернатора Западной Сибири. В соответствии с ним в городах Тобольске и Томске было разрешено строительство небольших деревянных домов (не более 5 окон) на деревянных столбах, так как постройка на каменном фундаменте считалась «отягощительной» из-за дороговизны материала и по причине размывания кирпичного фундамента на болотистом грунте (ЦГИА, ф. 1265, оп. 11, № 139, л. 2—3).

По севернорусской традиции жилые дома строились на высоком подклете: в лесных районах — в 6—8 венцов, в лесостепных — в 3—5 венцов [Этнография русского крестьянства, 1981, с. 123]. К концу XIX — началу XX в. стали преобладать, например в Среднем Приобье, дома на небольшом, в 2—3 венца подклете. Нередкими в Сибири были двухэтажные дома, по-видимому, связанные с развитием дома на подклете. Первый этаж такого дома служил собственно избой, а второй — горницей. Вход на второй этаж был как снаружи, из сеней, так и из избы через люк в потолке по лестнице, оформленной в виде шкафа. В некоторых селениях Нарымского края двухэтажные дома составляли до половины жилищ старожилов [Бардина П. Е., 1982, с. 125]. Это было связано не только с обилием леса и сравнительной зажиточностью старожилов, но и с природными особенностями края: затопляемость весной и большие снежные заносы зимой. Двухэтажные постройки были здесь естественным развитием имеющихся строительных традиций: подклет превратился в первый этаж, а сообщение между этажами имеет аналогии с традиционным голбцем.

В домах делали обычно много окон, особенно в южной и восточной стенах. Западная и северная стены считались «глухими», «мертвыми», в них не делали окон, а только прорубали двери (МЭЭ ТГУ, 1978). В пригородных томских селениях были популярны окна с арочным — полуциркульным — верхом, со створками, нарядными наличниками и филенчатыми ставнями (см. рис. 84). В отдаленных селениях сохранялись старинные одностворчатые ставни. На зиму в окнах вставляли вторые (зимние) рамы, в которых для прочности было обычно больше переплетов, чем в летних. Во многих селениях вплоть до конца XIX в. зимой

в окна вставляли оконницы с натянутой брьюшиной, налимьей шкурой или промасленным холстом. По сравнению со стеклянными рамами эти оконницы были не только более дешевыми, но и более прочными. Каждое утро брьюшные оконницы скребли ножом для удаления наледи, что невозможно было бы сделать со стеклянными. Они считались также теплее последних, так как в них «меньше дуло». Все это способствовало сохранению столь древней традиции оформления оконных проемов. В домах бедняков зимой в окна нередко вставляли просто кусок льда. В зажиточных домах окна раньше делали из купленных на ярмарке «слюдяных оконниц» с железными переплетами.

Пол и потолок в доме настилали из половинок расколотых бревен или из толстых плах. Пол нередко делали двойным, с земляной засыпкой для тепла. На потолок насыпали для утепления глину, сухие листья, отходы конопля или льна. Крышу жилого дома сооружали на бревенчатом фронтоне или на стропилах. На хозяйственных постройках были более разнообразные конструкции крыши: на самцах, на столбах, на козлах и пр. (рис. 75). Крышу дома предпочитали делать: четырехскатной—«по-круглому», шатровую, тогда как двускатная крыша считалась более простой, «по-амбарному». В Нарымском крае дома старожилов отличались очень крутыми скатами крыши, что предохраняло от скопления снега. На хозяйственных постройках были крыши с двумя пологими скатами, а также одоскатные и плоские покрытия. Материалом для крыш домов служили в основном тес и дрань, а в лесостепных районах— солома, дерн, береста. Покрытие берестой встречалось и в Среднем Приобье на заимках старообрядцев (рис. 76).

Процесс сооружения жилища был первоочередной задачей переселенцев, и нередко очень срочным и вынужденным, под угрозой надвигающейся зимовки. В короткое время из самого доступного материала (земля, дерн, жерди, береста, бревна) сооружалось примитивное жилище с минимальными затратами труда и средств. Именно в этих жилищах в наибольшей степени сохранялись архаические черты, имеющие глубокие корни в древности. В условиях Сибири переселенцы в таких экстремальных условиях строили землянки, пластанки и другие временные постройки (см. 8.4).

Выбор места для дома, строительство и обживание его у восточных славян сопровождалось обрядами и поверьями, способствующими воплощению идеи освоения человеком пространства [Байбурина А. К., 1977, с. 123—124]. В Сибири у русских сохранялись многие древние поверья, впитавшие традиции разных переселенцев и влияние местных народов. Выбор места для

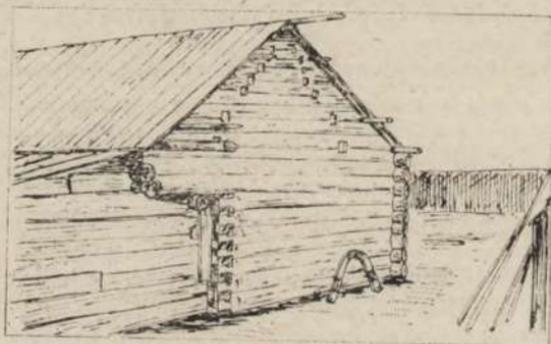
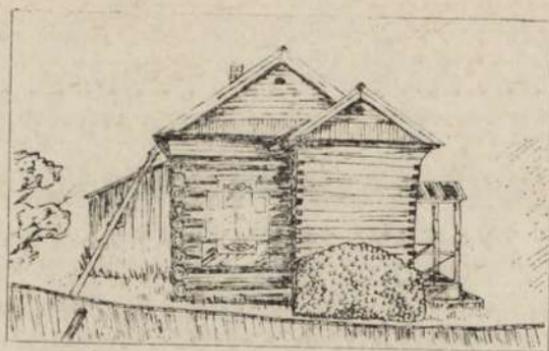

Рис. 75. Конструкции крыш: 1 — фронтоны дома и крыльца в с. Самарово Тюменской обл.; 2 — столбовая конструкция, с. Вороново Томской обл.; 3 — самцовая конструкция со вставками клиньев, д. Чумакаевка Томской обл. (с фот. П. Е. Бардиной, 1970-е гг.)

Рис. 76. Жилище на старообрядческой заимке, Томская обл.: 1 — покрытие из бересты; 2 — конструкция крыши на курицах и потоках (с фот. П. Е. Бардиной, 1978 г.)

дома определялся не только реальными качествами местности, но и разнообразными поверьями: нельзя было строить дом на месте дороги или тропинки, на месте кладбища или заброшенной могилы, вблизи или на месте жертвенных островов коренных народов (МЭЭ ТГУ, 1976—1986). При нарушении этих запретов дом вынуждены были покинуть или переносить на другое место, иногда даже в метре от старого. Во многих деревнях были дома, в которых, по народным представлениям, никто не мог жить.

Строительство дома рассматривалось как возведение реальных и символических границ между внутренним и внешним про-

странством. Поэтому существовало много примет и обрядов, связанных со стенами, порогом, дверями, окнами, дымовой трубой и пр., то есть границами и выходами во внешнее пространство [см. Байбурин А. К., 1977, с. 123—130], что прослеживается и по нашим материалам. Хозяева старались всячески угодить плотникам, так как верили, что те способны сделать как добро, так и зло для будущих жильцов. Так, верили, что если в паз со мхом незаметно всунут щепку, то в доме поселится кикимора, будет стук и шум по ночам [Потанин Г. Н., 1864, с. 147]. В процессе строительства выделялось несколько важных моментов: начало работы, сооружение окладного венца, подъем матицы, которые сопровождалась угощением плотников и обрядовыми действиями. Большое количество поверий было связано с матицей — поперечной или продольной балкой, поддерживающей потолок. Часть избы, расположенная от двери за матицей, наделялась охранительными свойствами: маленького ребенка от сглаза старались не выносить за матицу. Вошедшему гостю полагалось до приглашения оставаться у двери, не проходя за матицу. Для случайных прохожих, нищих и работников было место у двери на голбчике или скамейке, куда клали также «нечистые» вещи, которые нельзя было проносить за матицу [Бломквист Е. Э., 1930, с. 248]. С матицей связывались представления о благополучии семьи и хозяйки дома: увидеть во сне матицу, отделившуюся от потолка, — к смерти матери семейства [Потанин Г. Н., 1864, с. 138]. Широко распространен обычай, по которому сваты для успеха дела садились под матицу, то есть на грани, разделяющей чистую и нечистую половины дома. Причем сват старался сесть так, чтобы у него «матка была промеж ног» (МЭЭ ТГУ, 1979). У карел, например, сваты не проходили под матицей до получения согласия родителей невесты. Причем так же поступали, когда просили быка для случки [Лавонен Н. А., 1977, с. 78]. Все это свидетельствует о глубокой древности поверий, связанных с матицей.

Еще в начале строительства дома намечалась его внутренняя планировка. Будучи весьма устойчивой чертой, она служит основанием для научных классификаций и типологий жилища русских. Тип планировки определяется по расположению русской печи, направлению ее чела относительно входа и положению переднего угла [Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А., 1967, с. 138]. В Западной Сибири преобладал северно-среднерусский тип внутренней планировки с русской печью в углу у стены, направленной устьем к окнам фасада, а передним углом — по диагонали от печи, у противоположной от входа стены [Этнография русского крестьянства, 1981, с. 128; Крестьянство Сибири, 1982, с. 357 и др.]. Печь при этом стояла вплотную к стене, но чаще всего отодвига-

лась от стены с дверью на 50—60 см, там помещался умывальник (МЭЭ ТГУ, 1975—1988).

В домах сложного плана, в пятистенках, крестовиках печь ставили между комнатами, чтобы она обогревала все помещения. Устье печи всегда стремились направить к окну, «в свет», чтобы хозяйке было удобно растапливать печь, работать в кути, перед печью. Иногда, например в Нарымском крае, встречалось свободное положение печи на некотором расстоянии ото всех стен. Более выражена такая планировка была в с. Самаровском и округе. Еще в начале XIX в. здесь было принято предписание, по которому полагалось в домах печи возводить в отдалении от стен во избежание пожаров [Лопарев Хр., 1896, с. 42]. Вероятно, под влиянием этого здесь распространена была планировка с центральным положением печи, повернутой устьем к стене с входной дверью и окном сбоку от двери (МЭЭ ТГУ, 1986). Такая планировка обладала несомненными преимуществами: печь обогревала весь дом, была менее пожароопасна, а куть изолировалась от остального помещения и располагалась ближе к входу. Окно рядом с дверью, по-видимому, прорубалось специально с распространением этого типа планировки [Бардина П. Е., 1988, с. 165—166]. Другие типы внутренней планировки не получили в Сибири большого распространения. Так, переселенцы из Тамбовской губернии с южнорусской планировкой некоторое время соблюдали ее, но к концу XIX в. перешли на сибирский вариант севернорусского плана [Бломквист Е. Э., 1956, с. 251].

По всей Западной Сибири были распространены большие русские глинобитные печи, а кирпичные стали строить только в конце XIX—начале XX в. В прошлом, а в некоторых местах вплоть до середины XIX в., применялись печи без трубы, топящиеся по-черному [Зобнин Ф., 1899, с. 320]. Печи-каменки, топящиеся по-черному, в банях сохранялись вплоть до современности. Такие же печи или чувал с открытой толкой сооружались в охотничьих избушках, так как они быстрее согревали помещение и сушили одежду. В доме рядом с русской печью, а также в горнице ставили на зиму железную печку. Ее постепенно вытеснила кирпичная печь-плита, построенная рядом с русской печью или в ее шестке. В горницах ставили также печи-голландки или контрамарки.

С печью, огнем было связано много поверий, идущих от глубокой древности. Горячие угли сгребали в угол русской печи — в загнетку, присыпали золой и следили, чтобы они не потухли. Утром хозяйка от этих углей растапливала печь, потухание загнетки грозило, по поверьям, бедой для семьи. Бытовали запреты давать угли, огонь из своей загнетки, а также выбрасывать

головни, бросать мусор в печь и др. Горшок с углями из загнетки одним из первых переносили при переселении в новый дом; через трубу печи с первым дымом зывали домой в заговорах потерявшуюся скотину или долго отсутствующих членов семьи: на шестке лечили кур и пр. [Неклепаев И. Я., 1903, с. 41, 182; Гордцев П. А., 1916, с. 55, 60; МЭЭ ТГУ, 1977—1986]. К печи подводили овдовевшую хозяйку и заставляли ее заглянуть в трубу, по-видимому, чтобы передать печи печаль хозяйки. Местами сохранялось вплоть до XX в. добывание «чистого», «деревянного» огня путем трения при эпидемиях или падеже скота. Этим огнем окуривали скот, всю усадьбу, а также переводили через него приезжих (МЭЭ ТГУ, 1978—1983). Русские поверья, связанные с огнем, по-видимому, «подогревались» поверьями сибирских народов. Так, в Нарымском крае Н. П. Григоровский [1883, с. 403—404] отмечал, что русские переняли у коренных народов обычай отдавать взамен взятого огня полено дров, иначе на промысле огонь не полагалось давать другому.

Освещение в доме было при помощи лучин, самодельных восковых и сальных свечей и жировиков. Последние представляли собой глиняную плоску с растопленным салом, куда помещался зажженный фитиль из ткани [Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П., 1930, с. 176—180]. В Нарымском крае для освещения жгли короткие сосновые поленья — *смолье* — в углублении русской печи, которое называлось чувалом (МЭЭ ТГУ, 1979).

Внутренний интерьер дома определялся традиционной встроенной мебелью: широкие лавки вдоль фасадной и боковой стен, полати, полки и брус в кути, голбец у печи и пр. В конце XIX—начале XX в. встроенная мебель заменялась во многих местах переносной мебелью городского типа: стульями, деревянными диванами, шкафами для посуды и пр. Одной из характерных деталей традиционного интерьера был голбец, голбчик — пристройка у печи в виде шкафа для входа в подполье. Термином «голбец» назывался также бревенчатый или дощатый сруб с двускатной крышей и крестом, сооружаемый над могилой. Такое значение термина является более древним, относящимся к дохристианской эпохе [Львов А. С., 1966, с. 64]. В XIX в. строительство таких голбчиков над могилами было запрещено [Словарь языка мангазейских..., 1971, с. 89]. По-видимому, именно с названия надмогильного сруба термин был перенесен на сооружение над подпольем, которое в прошлом было кладбищем предков. Голбец в виде отдельного помещения был также в церковных зданиях [Львов А. С., 1966, с. 63].

Во многих сибирских селениях, даже самых северных, таких как Обдорск и Березов, были дома с просторными комна-

тами, с горницами, стены которых оклеивались обоями, полы (были покрашены, а на стенах висели зеркала, лубочные картинки, вышитые полотенца [Петропавловский Н., 1886, с. 40; Бартенев В., 1896, с. 15 и др.]. Выделение чистой, парадной половины жилища у сибирских крестьян было очень распространено и появилось довольно рано [Бломквист Е. Э., 1956, с. 242]. Горница чаще всего была нежилая, а посещалась только по праздникам. Там стояли городская мебель, сундуки, застланные тюменскими коврами — насундучниками. Во многих местах потолки, двери, косяки, ставни и другие детали жилищ расписывались разнообразными узорами [Ядринцев Н. М., 1880, с. 25 и др.]. Существовали местные детали убранства сибирских жилищ. Так, в северных селениях было принято вывешивать на стенах шкуры лисиц, соболей, демонстрируя удачливость хозяина-охотника [Абрамов Н. А., 1857, с. 353]. Излюбленным украшением жилища сибиряков были веера из хвостов глухарей, косачей, которые развешивали над кроватями или над окнами. Возле дверей или над кроватью прибывали олени, лосиные или маральи рога, которые служили не только украшением, но и оригинальной вешалкой (рис. 77, 2).

Самым почетным местом в доме был передний, святой, или красный угол, расположенный по диагонали от печи у фасадной стены. Здесь на специальной полочке — божничке — стояли иконы и различные освященные предметы: пасхальное яйцо, огарок свечи, вербные веточки и пр. Передний угол украшался вышитым полотенцем или занавесками (рис. 77, 1), но у некоторых, например у старожилов Среднего Приобья, это было не принято и появилось только в начале XX в. под влиянием переселенцев. В переднем углу, где сходились встроенные лавки и стоял большой обеденный стол, садили почетных гостей, жениха с невестой, клали покойника, а в обычное время сидел сам хозяин дома. Женской частью дома была куть, где перед устьем печи за занавеской или дощатой заборкой находилась вся кухонная утварь. Место под порогом, у двери, было «нечистое»: там встречали незваных гостей, нищих и пр.

Спальные места в доме также были относительно регламентированы, что не всегда было возможным соблюсти. Так, не полагалось спать головой на запад, головой к двери, поперек половиц пола, между комнатами и пр. Строгая регламентация использования внутреннего пространства дома зачастую вступала в противоречие с реальными возможностями. Так, при уличной планировке не каждый мог поставить свой дом окнами на полуденную сторону. Однако в народном сознании прочно сохранялись представления о том, как нужно строить дом, где размещать

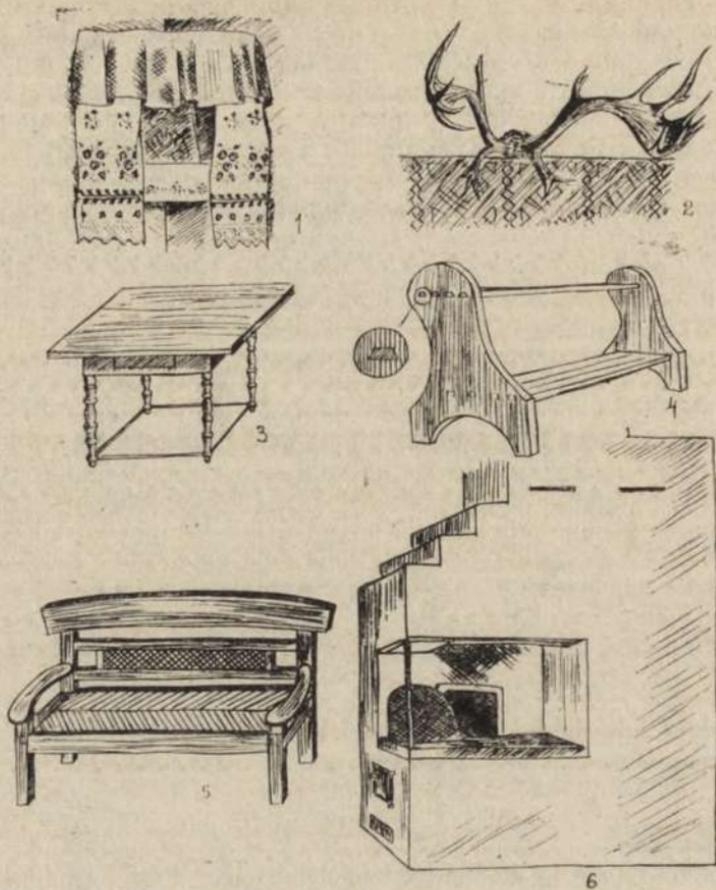

Рис. 77. Элементы внутреннего интерьера избы, Томская обл.:
 1 — передний угол; 2 — вешалка из рогов лося; 3, 4, 5 —
 самодельная мебель; 6 — русская печь с плитой (с фот.
 П. Е. Бардиной, 1970—80-е гг.)

печь, передний угол и пр., в соответствии с чем автоматически определялась вся внутренняя планировка.

Важным моментом было переселение в новый дом, что сопровождалось обрядами символического очищения и наделяния постройки качествами жилой [Байбурина А. К., 1983, с. 104—121]. Для перехода выбирали время на молодой или полный месяц, а переселяться на ущерб или в безлунную ночь сулило ущерб в хозяйстве [Городцов П. А., 1916, с. 60]. Для этого выбирали

также счастливые дни недели или праздники. Одними из первых в дом переносили атрибуты хозяйства, связанные с печью и хлебом: горшок с углями, квашню, хлеб с солью, хлебную лопату. Какого-либо единообразия в этом на территории Западной Сибири не было. У старожилов Томского Приобья и в Тарском районе нами зафиксирован обычай переноса одним из первых в новый дом поганого корыта, в котором стирают белье. По объяснению информаторов, оно считалось счастливым, так как всегда полное, и способным соответственно приносить счастье (МЭЭ ТГУ, 1981, 1986). Широко распространено было также при переселении первыми впускать или оставлять ночевать кошек, куриц или петуха, и по результатам судить о будущей жизни в доме. Так, у одних из информаторов оставленная ночевать рыжая кошка вскоре умерла, и никакая рыжая скотина в доме не велась. К тому же сами хозяева были черноволосые (МЭЭ ТГУ, 1984).

Устойчиво бытовало представление о необходимости переселения домового, к которому обращались с ласковыми словами: хозяйни, батюшка, суседушка и пр., стремясь заручиться его милостью в новом доме [Громько М. М., 1975, с. 275—279; Новоселова Л. В., 1980, с. 89; МЭЭ ТГУ, 1977—1986]. Подробно описан сложный и многоэтапный обряд переселения у крестьян Тюменского уезда [Городцов П. А., 1916, с. 60—63] и в Сургутском крае [Неклепаев И. Я., 1903, с. 178]. У новоселов собирались соседи, знатоки обряда. Между гостями и хозяевами шел диалог, проводились ритуальные действия со спусканием в подполье и т. п. Все это говорит о том, что обживание дома было не только семейным делом, но и заботой всей крестьянской общины.

При изучении обрядовой функции жилища явно проявляются аналогии идеального, не всегда достигаемого типа дома с храмом, причем дохристианской эпохи. Это проявляется как в конструктивных решениях (шатровая крыша, крестовый дом «по-круглому», ворота на столбах под крышкой, аналогичные звоннице, голбец у печи, аналогичный надмогильному памятнику), так и во внутренней планировке (передний, восточный угол, аналогичный алтарю, нечистое место у порога, в дом, как и в церковь, нельзя было впускать собаку или входить в одежде из собачьих шкур). Как известно, культовые сооружения дохристианской Руси были с шатровым покрытием [см.: Динцес Л. А., 1947, с. 77], а во внутреннем плане церкви с алтарем у восточной стены сохраняются былые языческие представления [Вагнер Г. К., 1987, с. 98]. Характерно, что и одно из названий дома было «хоромина», «хоромы». По-видимому, сооружение и функционирование жилища было воплощением представлений об устройстве мира, стремлением к идеалу храма.

В этом разделе мы стремились рассмотреть не только жилые и хозяйственные постройки, входящие в крестьянскую усадьбу, но и все строения, возводимые русскими в Сибири и объединенные целью обживания пространства⁶⁶. Их классификация дается по следующим признакам: 1 — назначение, функция; 2 — более узкая функция; 3 — несущая система конструкции; 4 — техника и материал; 5 — горизонтальная структура. Каждый из этих признаков имеет несколько реализаций.

По назначению постройки делятся на: 1 — жилые; 2 — хозяйственные; 3 — общественные. Деление по более узкой функции в жилище не имеет места, что отражено в цифровом индексе знаком 0. Среди хозяйственных сооружений выделяются: 1 — для обработки и хранения сельскохозяйственных продуктов и инвентаря; 2 — для содержания скота; 3 — ремесленные; 4 — санитарно-гигиенические; 5 — иные. Общественные постройки разделяются следующим образом: 1 — культовые; 2 — оборонные; 3 — административные; 4 — иные.

По несущей системе конструкции среди сооружений выделяются: 1 — с самонесущими стенами; 2 — каркасные; 3 — комбинированные, или смешанные (сочетание первых двух реализаций признака).

Техника и материал отнесены к одному признаку, так как нередко они взаимообусловлены. Выделяются следующие основные реализации признака: 1 — врубка бревен; 2 — кирпичная кладка; 3 — лепка и заливка глиносоломенных смесей; 4 — комбинированные способы соединения жердяного каркаса и покрытия из

⁶⁶ При анализе построек использованы описания из следующих работ и источников, кроме цитируемых: Абрамов Н. А., 1857; Александров В. А., 1960, 1964; Алферова Г. Ф., 1977; Ащепков Е. А., 1950; Баландин С. Н., 1974, 1978; Бардина П. Е., 1978, 1982; Бломквист Е. Э., 1930; Городцов П. А., 1916; Дочевский И. И., 1898; Жеребцов Л. Н., 1982; Зобнин Ф., 1899; Колмогоров Гр., 1857; Костров Н., 1871, 1876; Кочадамов В. И., 1978; Крестьянство Сибири, 1982, 1983; Кузьмина Ф. С., 1970; Лебедева А. А., 1969, 1974, 1979; Лебедева А. А., Сафьянова А. В., 1974, 1979; Лебедева А. А., Липинская В. А., Сабурова Л. М., Сафьянова А. В., 1974; Липинская В. А., 1975; Маковецкий И. В., 1971; Милославский М. Г., 1956; Миненко Н. А., 1974, 1975; Новоселов А., 1913; Оглы Б. И., 1978; Панин Л. Г., 1985; Патканов С., 1894; Петропавловская Л. В., 19826; Попов А. А., 1961; Потанин Г. Н., 1864; Прибыткова А. М., 1975; Приходько Н. П., 1975; Рикман Э. А., 1975; Русакова Л. М., 1982; Сабурова Л. М., 1971; Сафьянова А. В., 1979; Словарь Новосибирской..., 1979; Словарь русских старожильческих..., 1964—1967; Соловьева Е. И., 1981; Станюкович Т. В., 1969; Степанов П., 1886; Топографическое описание, 1982; ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, № 175, 178; Чепныховский Н., 1843; Шпецов С. П., 1889; Этнография восточных славян, 1987; Этнография русского крестьянства, 1981; Ядринцев Н. М., 1880.

разных материалов; 5 — оплетание и обмазка глиной древесного каркаса; 6 — иные, разные.

По горизонтальной структуре постройки делятся на: 1 — однокамерные; 2 — двухкамерные; 3 — связь; 4 — связь с коридором; 5 — крюком, или глаголем; 6 — пятистенком; 7 — крестовик; 8 — крестовая связь; 9 — многокомнатные. Этот признак стоит в цифровом индексе последним в тех случаях, когда имеются данные о горизонтальной структуре жилища. Планировка некоторых жилищ неизвестна, в таких случаях последний знак опускается. То же относится к хозяйственным сооружениям и общественным зданиям.

Приведем примеры: 1.0, 1.1.1.0 — жилище с самонесущими стенами, срубное из бревен, однокамерное. 3.1.1.1+3.1.1.2 — общественное здание, церковь, с самонесущими стенами, срубная из бревен+сложенная из кирпичей.

Остальные признаки даются в описаниях, но в цифровой рубрикации не отражены. Преобладающее большинство русских построек имело форму четырехгранной призмы (имеется в виду основная часть, без крыши). Указывать это каждый раз, очевидно, нет необходимости, и мы отмечаем лишь иные формы: коническую, двускатную и др.

Жилище

1.0.1.1.1. Изба с самонесущими стенами, срубная из бревен — одностопка, одноколок. Крыша пологодвускатная из драни, колотых бревен, бересты или дерна, а также плоская крыша из накатника, бересты или дерна. Это жилище небольших размеров, минимально развитое как по горизонтальному, так и по вертикальному плану, с глинобитной печью или каменкой в углу у двери, иногда — с чувалом. Такие избушки-зимовья сооружались во время первоначального освоения Сибири русскими, а также переселенцами на 1—2 зимовки до постройки дома, в качестве сезонного жилья на займках, в местах рыбной ловли, охоты и кедрового промысла. В селении это было жилье бедняков, одиноких престарелых людей — бобылей и т. п. Сезонное жилище отличалось некоторыми чертами примитивности и незавершенности строительства: рубилось из мелких, неровных, часто неошкуренных бревен, с неровными выступами по углам, с незашитыми фронтонами крыши, с волоковыми оконцами без наличников и ставен, с пологой крышей и пр. Такие постройки возводились чаще всего без использования гвоздей и металлических соединений: крышу крепили на курицах и потоках, дверь подвешивали на пяте, все соединения делались с помощью деревянных шипов и врезок. Вдоль стен в зимовье устраивали лавки или нары для

сна, а под потолком — жерди для сушки одежды. Вариантом жилища-зимовья можно рассматривать временное жилье в клетях срубных городней — крепостных стен, а также в башнях, что было известно в Сибири в XVII в. Подобное же использование срубных клеток оборонительных сооружений было на Руси в XII—XIII вв. [Раппопорт П. А., 1975, с. 133].

1.0.1.1.2. Изба с сеними, крыша двускатная на самцах (рис. 78, 1) или на стропилах, покрытая тесом вразбежку — с промежутками или дранью, берестой, дерном, соломой (в степных районах). В середине XIX в. такая изба часто строилась на высоком подклете, который использовался в качестве кладовой или мастерской. Позднее подклет уменьшился до 3—4 венцов, а

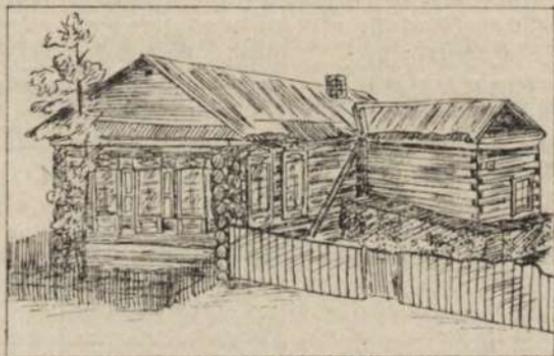
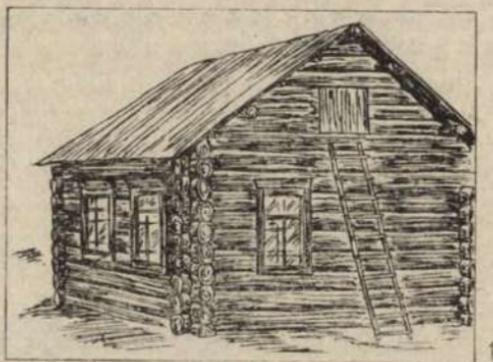

Рис. 78. Типы жилищ: 1 — изба с бревенчатым фронтоном крыши, с. Парбиг Томской обл.; 2 — пятистенок с крыльцом-сеними, с. Самарово Тюменской обл. (с фот. П. Е. Бардиной, 1970—80-е гг.)

под избой делалось глубокое подполье с внутренней земляной завалинкой. Стены подполья укреплялись срубом или обшивались досками.

Сени у избы существовали в трех основных вариантах: а) в виде трехстенного прируба под отдельной односкатной крышей; б) в виде сруба, выполненного одновременно со строительством избы, то есть из части (обычно меньшей) пятистенного сруба; в) в виде дощатого трехстенного тамбура под отдельной односкатной крышей. В лесостепных районах сени иногда сооружались из плетня.

Жилая часть постройки была из одной комнаты, но иногда, особенно в конце XIX — начале XX в., делилась дощатой перегородкой на избу и горницу. Развитие горизонтального плана избы с ростом семьи осуществлялось и за счет прируба. Жилище в виде четырехстенного сруба в некоторых местах, например в восточных районах Алтая, составляло в конце XIX — начале XX в. 15—25% от всех построек [Липинская В. А., Сафьянова А. В., 1979, с. 198].

1.0.1.1.3. Связь, изба с двумя внутренними поперечными стенами из бревен — «на два жила». Крыша двускатная, чаще всего тесовая или из крупной драни. Связь обычно была на высоком подклете, используемая в качестве кладовой, реже — жилья. В горизонтальном плане изба-связь была в трех основных вариантах: изба — сени — горница; изба — сени — изба; изба — сени — клеть. Наиболее распространен был первый вариант. Появилось трехчастное жилище типа связи в сибирских селениях, судя по архивным и археологическим материалам, уже в конце XVI — XVII вв. В первой половине XVIII в. из 58 описанных по Западной Сибири жилищ 33 было трехкамерными, 22 двухкамерными и 3 однокамерными [Шелегина О. Н., 1981, с. 115—116].

И. Г. Георги писал, что в Сибири наиболее распространен тип жилища из горницы и поварни, которые разделяются сеньми, то есть связью. Трехкамерный тип жилища и в XIX в. считается наиболее характерным жилищем сибиряков. К началу XX в. в некоторых местах, например в притомских селениях, связи почти исчезли, тогда как в других местах сохранялись довольно устойчиво. Например, на Алтае связи составляли 12—16% жилищ, особенно в бывших казачьих и старообрядческих селениях [Липинская В. А., Сафьянова А. В., 1979, с. 200—201]. В крупных притрактовых селениях Тюменской области распространены были двухэтажные связи, составляющие до 14—15% от всех построек [Сафьянова А. В., 1974, с. 287]. На втором этаже такой связи обычно устраивали парадное помещение — горницу. Даже окна верхнего этажа были больше по размерам и богаче украшены,

чем окна нижнего этажа. В связевых домах жили чаще всего большие, неразделенные семьи, причем с разрастанием семьи за-пасная комната (клеть) преобразовывалась в жилую.

1.0.1.1.4. Связь с коридором — трехкамерная постройка с тремя жилыми частями и отдельно пристроенными сенями, раз-вившаяся, по-видимому, из дома-связи, в котором сени превра-тились в центральную жилую комнату. В Нарымском крае такое жилище называлось «продолгий» или «длинный» дом и невы-соко оценивалось по внешнему виду, хотя было очень удобно для большой семьи (МЭЭ ТГУ, 1978). Такие дома достигали 12—15 и более метров в длину, иногда такой тип дома возникал за счет прируба к пятистенку. Трехчастная постройка из трех жилых камер была раскопана в Лозьвинском городке XVI в. [Кернер В. Ф., Пархимович С. Г., 1986, с. 114].

1.0.1.1.5. Дом крюком или глаголем из трех помещений, рас-положенных коленом, под прямым углом друг к другу. Такое жилище чаще всего возникало за счет прируба, поставленного под углом к пятистенку. Весь дом закрывался общей двускатной крышей на стропилах особой конструкции [Липинская В. А., Сафьянова А. В., 1974, с. 178, рис. 1д]. Такая крыша глаголем иногда закрывала дом и хозяйственные постройки, расположен-ные под углом к нему. В Сибири этот тип жилища встречался довольно редко, известен он в Тюменской области, в Минусинске, в Забайкалье.

1.0.1.1.6. Пятистенок, с бревенчатой поперечной стеной, де-лящей сруб на две иногда неравные части. Сзади дома прируба-лись сени под отдельной односкатной крышей (рис. 79, 1), иногда они были каркасной конструкции или дощатые. В Самаровском округе вместо сеней прирубалось глухое крыльцо (рис. 78, 2) с лестницей внутри, называвшееся сенками (МЭЭ ТГУ, 1986). Пятистенки, как считают исследователи [Липинская В. А., Саф-ьянова А. В., 1979, с. 214], пришли на смену избе-связи в Сибири под влиянием пореформенных переселенцев, а также в связи с распадом больших семей. В Европейской России в конце XIX в. пятистенки были довольно широко распространены, а известны они были, в том числе и в Сибири, и в более раннее время. Так, уже первому поколению сибиряков в XVII в. была известна «из-ба с перерубом» и «изба с пристеном», то есть двухкамерное жи-лище типа пятистенка [Крестьянство Сибири, 1982, с. 355]. В конце XIX—начале XX вв. пятистенки преобладали по всей территории Западной Сибири. Например, в Тюменской области, за исключением старообрядческих селений, пятистенки составля-ли 55—90% [Липинская В. А., Сафьянова А. В., 1974, с. 183]. В крупных, особенно притрактовых селениях строили двухэтаж-

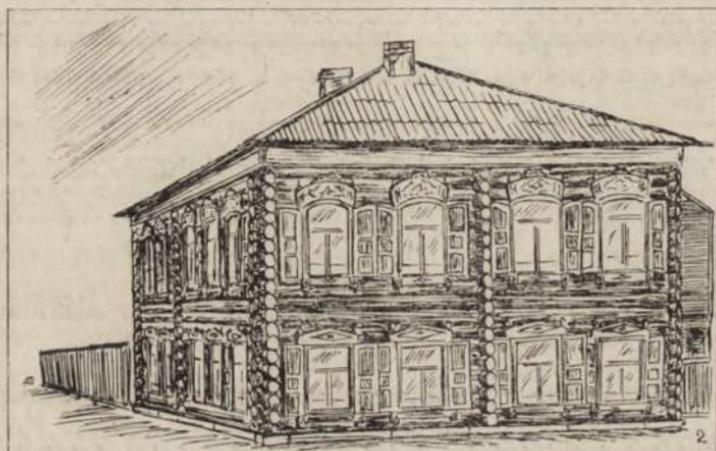

Рис. 79. Типы жилищ: 1 — пятистенок со срубными сенями, с. Кузовлево Томской обл.; 2 — двухэтажный крестовик, г. Тара Омской обл. (с фот. П. Е. Бардиной)

ные пятистенки, часть помещений которых нередко сдавалась внаем. С начала XX в. внутреннюю пятую стену иногда делали только из 2—3 венцов внизу и наверху, к которым пристраивалась дощатая перегородка.

1.0.1.1.7. Крестовик, крестовый, круглый или шестистенный дом с двумя внутренними крестообразно пересекающимися стенами, делящими сруб на 4 помещения. Два из этих помещений

обычно были отапливаемыми (изба и горница), а два — холодными (сени и кладовая). Иногда жилыми были все четыре или три комнаты, но по традиции семья ютилась в одной избе, а остальные комнаты были парадными. Закрывался крестовик обычно четырехскатной крышей, по-круглому, из двух слоев теса или железа. Нередкими были двухэтажные крестовики (рис. 79, 2). Тип крестового дома особенно распространился с конца XIX в. в крупных волостных и притрактовых селениях, у зажиточной сельской верхушки, владельцев постоянных дворов и т. п. Это был, по существу, идеал сельского жилого дома, далеко не всем доступный. На Алтае он составлял до 20% построек, в Ялуторовском округе — 13—16% [Липинская В. А., Сафьянова А. В., 1974, с. 186].

1.0.1.1.8. Крестовая связь, представляющая в плане два пятистенка, соединенных сенями. Такой дом обычно состоял из двух изб и двух горниц, соединяя черты связевого дома и крестовика. Встречался сравнительно редко, у зажиточной верхушки, владельцев постоянных дворов или лавок, в притрактовых селениях.

1.0.1.1.9. Многокомнатный дом, срубленный из бревен. В прошлом, например в XVIII в., такими были дома воевод, состоящие из трех горниц на подклети, сеней, черной избы и пр. В более позднее время многокомнатными были срубные городские дома, возводимые по архитектурным проектам, на кирпичных или каменных фундаментах. Современные многокомнатные дома нередко перестраиваются из старых срубов: бывшие сени и кладовая преобразовываются в жилые, прирубаются дополнительные помещения.

1.0.1.2. Дом с самонесущими стенами из кирпича. Кирпич для строительства в Сибири начал применяться впервые в XVII в., но использовался чаще всего для сооружения церквей и административных зданий. В 1674 г. в Тобольске была построена первая кирпичная жилая палата митрополита [Копылова С. Н., 1979, с. 3—30]. Жилые дома из кирпича не получали большого распространения, несмотря на частые пожары и недостаток леса в степных районах. Срубные из дерева дома считались теплее кирпичных, а воздух в них более здоровым и полезным. К началу XIX в. по всей Сибири насчитывалось около 230 каменных построек, из которых 115 было культовых, 4 крепостных, 37 административных и 72 частных [Баландин С. Н., 1981, с. 196].

Были известны жилые постройки и из сырцовых кирпичей глиносоломенной смеси.

1.0.1.3. Жилые постройки из глиносоломенных смесей:
а) вальковые, из комьев крутозамешанной глины с соломой;

б) литые, из глиносоломенной смеси, заливаемой в дощатую опалубку, которая убирается по мере подсыхания.

Такие жилища появились со второй половины XIX в. у переселенцев в южных, степных районах Западной Сибири, на Алтае, а также у русских переселенцев Средней Азии и Казахстана. Техника строительства завезена была украинскими переселенцами и быстро распространилась в степных районах, бедных лесом [Липинская В. А., 1969, с. 39—49]. Она оказала влияние и на жилище барабинских татар [см.: Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И., 1975, с. 188]. По статистическим данным 1877 г., глинобитные и мазаные постройки в Ишимском округе Тобольской губернии составляли 0,1—1,5% от всех жилищ, а в некоторых волостях, например в Красноярской, до 16% [Сафьянова А. В., 1974, с. 283]. Однако часто такие постройки были временные и по возможности заменялись на срубные дома. В безлесных районах, например на Алтае, и в XX в. строили глиносоломенные жилища методом литья, а также дома из шлакобетона и из камышитовых плит [Липинская В. А., 1987, с. 75—97].

1.0.2.4.1. Балаган и шалаш — сезонные или временные жилища каркасной конструкции, использующиеся во время сельскохозяйственных работ на отдаленных угодьях. Каркас из жердей и тонких бревен делали преимущественно в виде двускатной крыши, шалаша имели и коническую форму. Каркас закрывали берестой или корой в несколько слоев, а для шалашей использовали также ветви или хворост, заготовленные тут же на месте. Покрытие присыпали или прикапывали снизу землей. При необходимости разводили внутри костер, дым от которого выходил в отверстие крыши. По бокам от костра размещались подстилки для сна, в балаганах под ними устраивали земляные насыпи. Балаган — сооружение более прочное, что давало возможность использовать его несколько лет.

На небольшой срок, для одной ночевки, между двумя близстоящими деревьями укладывали жердь, с боков прислоняли палки и укрывали травой. Местом ночлега путникам, работникам на сенокосе и пр. служил стог. В удлиненном стоге — зароде или омете — основание было двускатным. Коническое основание из жердей — шаромы, стожеры, островья — делали при сметывании плохого просохшего сена. Это был вариант конического шалаша.

1.0.2.6.1. Палатка из домотканого холста, натянутого на каркас из кольев. Использовалась в качестве сезонного жилища на летних полевых работах, на заимках, пашнях, сенокосе. Снаружи палатка для прочности иногда обкладывалась дерном.

1.0.3.1.2 + 1.0.3.6.1. Комбинированную конструкцию, где наряду с каркасом были самонесущие стены, имели чаще всего полу-

землянки. Их сооружали из бревен или досок, используя различные технические приемы. Полуземлянки служили временным жилищем переселенцам, сезонным жильем на различных промыслах: охоте, рыбалке и т. д. В селениях жилые полуземлянки строили также в случае каких-либо бедствий, пожаров, при переезде на новое место, при строительстве новых селений (например, Новониколаевска), на приисках, в скитах. Полуземлянки известны были не только в лесостепной зоне, где не хватало леса, но и в таежной части, например в Нарымском крае. По данным статистического обследования начала XX в., здесь в некоторых селениях избушки и землянки составляли до 6,9% [Нагнибеда В. Я., 1927, 640 с.]. Их называли здесь карамо или карамушка, как и местные народы, но традиция строительства, видимо, была принесена русскими своя.

При строительстве полуземлянки в Нарымском крае копали яму глубиной до 1 м, предпочтительно в склоне горы, крутого берега, в яру. Стены сооружали из бревен или досок, забранных в столбы. В передней стене делали вход. Три стены в склоне при плотном грунте, особенно скрепленном корнями деревьев, могли оставить земляными. Сверху ямы рубили 2—3 венца сруба, на которые клали балку, настилали бревна, жерди, бересту и засыпали землей. В верхнем бревне прорубали небольшое волоковое окно, которое затыкали сеном, затягивали брюшиной или вставляли в него стекло. Внутри, в углу у двери, сооружали глинобитную печь, иногда без трубы (по-черному) или ставили чувал. Вдоль стен размещали нары для сна. Иногда полуземлянки для постоянного жилья состояли из двух камер, разделенных перегородкой, а по внутреннему устройству приближались к избе (МЭЭ ТГУ, 1978—1984).

Полуземлянки переселенцев, по описаниям наблюдателей конца XIX — начала XX в., представляли собой углубленный в землю сруб из нескольких рядов бревен, с плоской крышей из жердяного наката и земли [Успенский Г. И., 1908, с. 82]. У «безденежных» старообрядцев в Белотаежной обители Томского Приобья кельи представляли собой землянки, «врытые в пологие склоны», покрытые еловыми ветками и землей. Отапливались они по-черному, а дверь и единственное оконце выходили на восток, куда молились по утрам [Шамаро А., 1959, с. 73]. Углубленными в землю были не только жилые постройки, но и бани, омшаники и другие хозяйственные сооружения.

Интересной особенностью полуземляночных сооружений в Среднем Приобье является использование склона, неровной поверхности земли непосредственно в конструкции постройки, что не встречается в описаниях полуземлянок восточных славян

[см.: Ляпушкин И. И., 1958; Монгайт А. Л., 1955]. Полуземлянки, сооружаемые в склоне, были одним из основных типов жилища народов балкано-дунайской культуры X—XIV вв. на территории современной Молдавии [Хынку И. Г., 1975, с. 88—90]. Подобные землянки были распространены и у финских народов [Sirelius U. T., 1907, S. 110—119]. Полуземлянки на Руси в качестве жилья исчезли к XIV—XV вв., но навык строительства сохранялся и оживал при пожарах, войнах и позднее [Рабинович М. Г., 1975, с. 185, 242]. На юге Европейской России и в Поволжье традиция сохранялась в конструкции подвалов (выходов, с дверью сбоку), использующихся для хранения ценных вещей и для отдыха в летнее время [Бломквист Е. Э., 1956, с. 191; Бусыгин Е. П., 1966, с. 231]. По-видимому, южнорусская традиция сооружения полуземлянок была занесена в Сибирь и привилась здесь не без влияния коренных народов, у которых полуземлянки были традиционным жилищем. В бытовании полуземлянок переплелись и взаимообогатились различные традиции.

1.0.3.5. Жилые постройки каркасной конструкции с самонесущими стенами из плетня с глиняной обмазкой — мазанки. По углам постройки ставили столбы, а стены изготавливали из плетня в один или два ряда, между которыми засыпали землю, соломой, опилки и пр. Снаружи и внутри постройку обмазывали глиной. Такие несрубные жилища у русских в Западной Сибири встречались только в степной части, иногда в качестве только сезонного жилища. Они появились со второй половины XIX в. в связи с вырубкой леса и массовым притоком переселенцев из южных областей России и с Украины, где были с древности известны турлучные постройки. В 1877 г. плетневые постройки в Локтевской волости Бийского округа составляли от 0,1 до 2,7%, в остальных местах встречались довольно редко [Сафьянова А. В., 1974, с. 285].

1.0.3.6. Пластянка, дернушка — жилище каркасной конструкции с самонесущими стенами из пластов дерна. При сооружении пластянки выкапывали яму глубиной 0,5—0,7 м, по углам ее вкапывали от 4 до 8 столбов, два столба образовывали коробку двери. Наверху столбы скреплялись 1—2 венцами для опоры крыши. Пространство между столбами закладывалось пластинами дерна как кирпичами, которые нарезались лопатой или напахивались плугом размером 100×50 или 50×50 см. Пласты укладывали дерном вниз на раствор из жидкой глины или без всякого раствора. Затем стены обмазывали снаружи и внутри глиной, перемешанной с соломой. Иногда пластянки были двухкамерные, с перегородкой из плетня с глиняной обмазкой. Крышу делали односкатную или пологую двускатную из жердей, дерна или соломы.

Пластянки неплохо сохраняли тепло, но требовали частого ремонта из-за осадки стен. Такие жилища строили беднейшие переселенцы в степной зоне, обычно на 1—2 зимовки до постройки дома.

Одной из характерных особенностей обживания места для ночевки в лесу у русских охотников в Сибири было сооружение нодьи — долгогорящего костра. Она состояла из двух горизонтальных бревен, закрепленных друг на друге, с прокладкой шеста между ними для горения. Подобное приспособление, как и сам термин «нодья», было принесено русскими с севера Европейской России, где было, вероятно, заимствовано у финноязычных народов [см.: Петропавловская Л. В., 1982 а, с. 54—55].

Таким образом, жилище русского населения Западной Сибири представляло собой в основном деревянный срубный дом различного плана, но в качестве временных и сезонных жилищ были известны разнообразные, часто простейшие сооружения. Распространение последних объясняется условиями хозяйствования с земочной системой землепользования, необходимостью обустройства переселенцев и некоторым влиянием коренных народов. Наиболее простым типом срубного дома была четырехстенная изба, которая служила основой и для жилищ более сложного плана: связи, пятистенка, крестовика и др. Эти типы срубного жилища были известны по всей территории расселения русских и отражают последовательные стадии развития жилища. Распространение того или иного типа зависело от социально-экономических, географических, исторических и других условий. В конце XIX—начале XX в. жилище типа пятистенка или крестовика считалось идеальной моделью, тогда как распространенная ранее связь была уже устаревшим типом дома. Для старожильского населения Сибири на протяжении длительного времени наиболее характерны были связевые дома, а у переселенцев намечается большое разнообразие построек, особенно в первое время после переселения. В современных условиях Западной Сибири дерево остается основным строительным материалом в сельской местности таежных районов. В малолесных местах строят дома из глинобитных смесей, шлакобетона, кирпича и сборных конструкций.

2. Хозяйственные постройки имели разное назначение. Они служили для обработки сельскохозяйственных продуктов и в качестве хранилищ, для содержания скота, выполнения ремесленных работ и т. д. Эти строения различались также по конструкции, технике и используемым материалам.

2.1.1.1. Постройки с самонесущими стенами, срубленными из бревен, обычно без прокладки мха, используемые для обработки сельскохозяйственных продуктов и в качестве хранилищ. К ним

относятся амбары, житницы, клетки, завозни, избышки (малушки или зимовья), овины, риги, мельницы и т. п.

Амбары, амбарушки, житницы и клетки располагались на усадьбе рядом с домом или на улице перед домом, иногда на окраине села. Хлебные амбары с закромами и сусеками служили для хранения зерна и муки. Кроме того, в амбарах хранили другие продукты и различный инвентарь: рыболовные и охотничьи орудия, запасы льняного волокна и пр. Двускатная тесовая крыша амбара делалась часто со свесом над продольной стеной с входной дверью, что известно как амбар севернорусского типа. Перед входом образовывалось предамбарье — полуоткрытое помещение, используемое также в хозяйственных целях. Внутри амбара образовывалась полка над входом — пятра, где хранили различные мелкие вещи, инструменты и пр. У амбара не было потолка, но часто устраивали настил из жердей или протягивали 2—4 слегы, на которые также складывали различные вещи. Пол в амбаре настилали из толстых плах способом «в закрой», так что проникнуть внутрь из-под пола было непросто. Для предохранения от грызунов и высокой воды амбары часто ставили на высоких столбах (рис. 80). В зажиточных хозяйствах встречались двухэтажные амбары. Амбарушка была меньших размеров, чаще всего без пола, а погребом внутри.

Избушка (стряпушка, малушка и пр.) — одна из полифункциональных построек на усадьбе, использующаяся как для жилья летом или на время постройки дома, так и в хозяйственных целях: для приготовления пищи, поила скоту, для работ по хозяйству, а также для содержания молодняка скота и птицы.

Овин представлял собой двухъярусную постройку для просушки снопов. Различались ямные и верховые овины в зависимости от расположения нижнего помещения, где разводили огонь. Так, например, в Ялutorовском уезде начала XIX в. были овины в виде квадратного сруба, наполовину опущенного в яму с сушильной печью [Громыко М. М., 1975, с. 63]. По размерам овины были однорядные (на 100 снопов) и полные (на 200 снопов). В Барабинской степи были овины, сделанные из пластов дерна. Овины как очень древние постройки, связанные с огнем, у восточных славян имели не только хозяйственное, но и культовое значение. У западносибирских крестьян это проявлялось в многочисленных быличках и сказках, связанных с вином, а также в первом ритуальном разжигании печи в овине от углей из загнившей русской печи.

Риги (по сравнению с вином) были наиболее приспособленными для сушки, так как отапливались по-белому, и хлеб не приобретал запаха дыма. Они были также менее пожароопасны,

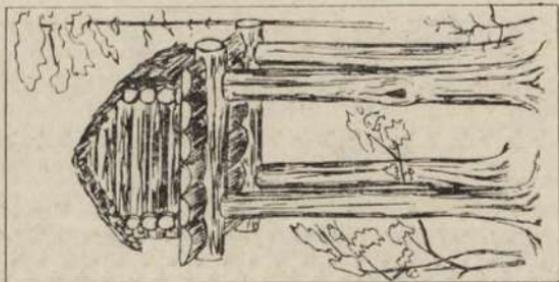
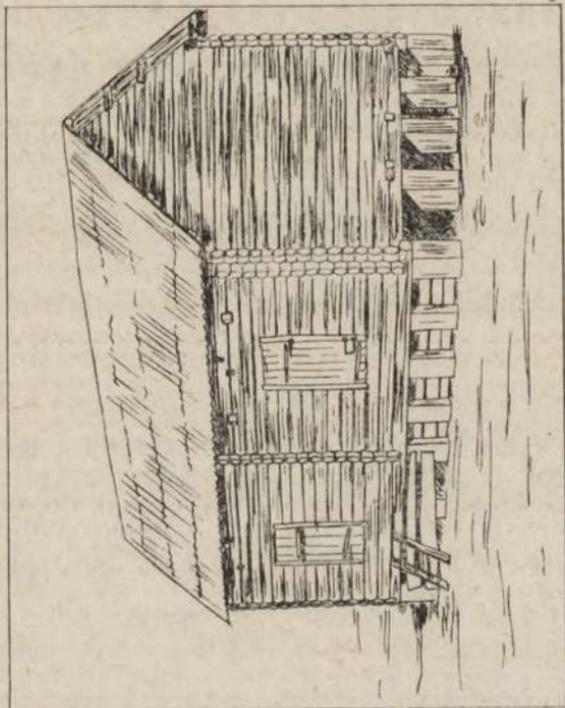

Рис. 80. Хозяйственные постройки: 1 — амбар на столбах, с. Никольское Томской обл. (с фот. П. Е. Бардиной); 2 — амбар для хранения шишек [по: Лебедева А. А., Сафьянова А. В., 1979, с. 113, рис. 3]

меньше потребляли топлива и больше вмещали снопов. Риги имели обычно самые зажиточные крестьяне; в некоторых селениях они сосуществовали с овинами, например по Тюменско-Тобольскому тракту, в других преобладали или те, или другие, что связывается с определенными традициями [Суринов В. М., 1974, с. 143—144]. Например, в Нарымском крае, где земледелие было развито слабо, по страховым ведомостям 1911 г. застраховано в 17 селениях Кетской волости 56 овинов и ни одной риги (ГАТО, ф. 58, оп. 1, д. 486). Иногда овины были в коллективной собственности нескольких хозяев. Располагались риги и овины на окраине усадьбы или на краю села, иногда на заимке.

Мельницы для размола зерна были водяные, ветряные, паровые и пр. Водяные мельницы наиболее простого устройства — мутовки — работали только весной, при высокой воде. Они представляли собой небольшой сруб над ручьем, без окон, с небольшой дверью, внутри которого размещалось все устройство, включая колесо. Такую мутовку, или вешняк, имело почти каждое крестьянское хозяйство. Наиболее длительно они сохранялись на быстрых горных речках Алтая. Близки к ним толчеи, которые строились для толчения крупы [Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П., 1930, с. 97—101].

Более совершенными были водяные колесчатые мельницы двух разновидностей: наливные — с колесом, на которое вода поступала сверху, и пошвенные, на которые вода поступала снизу. Эти мельницы работали за счет плотин или энергии горных речек. В зависимости от количества жерновов различались мельницы на одном «поставе» — паре жерновов и более. Наиболее совершенными были турбинные водяные мельницы, которые строились зажиточными владельцами на крупных реках. В крестьянских хозяйствах преобладали в основном простейшие мельницы. Так, в Томской губернии в середине XIX в. мутовок было больше, чем колесчатых и ветряных мельниц [Громыко М. М., 1975, с. 65].

Ветряные мельницы, ветрянки известны в двух разновидностях: шатровые и столбовки. Они преобладали в открытых степных районах юга Сибири, на возвышенных местах около селений. Вообще ветряные мельницы у русских появились позднее, чем водяные, как предполагают, с XVII в. [Сабурова Л. М., 1967, с. 120]. Сибирские крестьяне при обилии рек предпочитали водяные мельницы ветряным, хотя первые работали только весной и летом.

Паровые, вальцовые мельницы, мукомольные и крупчатые заводы к концу XIX в. имелись во многих крупных волостных селениях, в районах с развитым земледелием, пригородных и трактовых селах. В Томском округе, например, в 1860 г. было

525 водяных, 47 ветряных, 12 конных и ни одной паровой мельницы (ЦГИА, ф. 1265, оп. 10, № 174, л. 297).

2.1.2.6. Каркасное сооружение для обработки сельскохозяйственных продуктов. Таковым был шиш — простейшее приспособление для сушки снопов в виде конического шалаша из жердей над ямой с костром. Оно было известно у русских в европейской части России, но к концу XIX в. встречалось только в Поволжье и в Уфимской губернии [Сабурова Л. М., 1967, с. 110]. Шиш даже считается характерной особенностью народов Поволжья [см.: Бусыгин Е. П., 1966, с. 240—242, 291]. Однако постройки в виде конического шалаша над ямой были известны у восточных славян еще в VIII—X вв. [см.: Ляпушкин И. И., 1958, с. 207]. По-видимому, такая постройка входит в широкий ареал распространения и в качестве снопосушильни, и в качестве жилища. В Западной Сибири шиш-снопосушильня сохранялся у русских главным образом в таежной местности, где было слабо развито земледелие.

Хозяйственные постройки в виде навеса, крыши на столбах, без стен или частично со стенами из жердей и мякины: гумно, клуня, передник, сарай, поветь, сенник и пр. имели плоскую крышу на столбах из жердей и соломы. Вне усадьбы в виде такого навеса устраивали гумно или ток, а стены его иногда «запележивали» — загораживали пеледой из жердей и мякины [Словарь русских говоров, 1975 (доп.), ч. 1, с. 156, ч. 2, с. 69].

Для хранения стогов сена, кладей снопов и др. сооружалась изгородь из жердей или досок: загородка, сенник, остожье. Иногда таким же образом огораживались гумно и долонь — ток для обмолота зерна.

Для хранения средств передвижения — саней, телег, сбруй и пр. — служила завозня. Она сооружалась на усадьбе под двускатной крышей, с широкими двустворчатыми воротами. Характерна главным образом для усадеб старожилов.

2.1.3.6. Постройки с комбинированной несущей системой для хранения сельскохозяйственной продукции и инвентаря: сарай, завозни, навесы и пр.

Сарай, завозня, навес, поднавес и др. постройки с каркасом и самонесущей стеной возводились из бревен, забранных в пазы столбов, из заплотника. Подобная конструкция бревенчатых стен известна в европейской части России с древности, а к концу XIX в. считается наиболее характерной для южнорусских областей [Бломквист Е. Э., 1956, с. 187—189]. На усадьбах западно-сибирских крестьян такие постройки закрывались плоской крышей — поветью на столбах из жердей и соломы, реже — двускатной тесовой крышей. Иногда они сооружались в промежутках между стенами срубных построек, связывая все строения усадь-

бы. Использовались для хранения сельскохозяйственного инвентаря, средств передвижения, дров и пр.

Каркасные постройки с самонесущими стенами из плетня или из досок, закрепленных к столбам: гуменик, клуныя, пуныя, сеники, дровяник и пр. — сооружались как на усадьбе, так и вне ее. Использовались для обмолота снопов, для хранения отходов от молотбы хлеба, сена и пр.

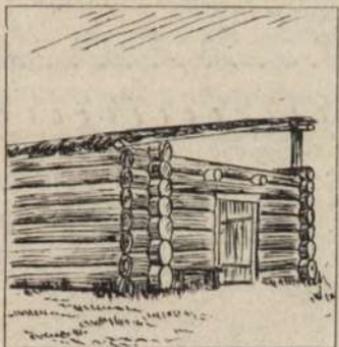
2.2.1.1. Постройки для содержания скота с самонесущей стеной срубные из бревен: хлев, конюшня, стая, стайка, двор, изба (скотская и пр. (рис. 81, 1, 4). Представляли собой сруб, разгороженный внутри перегородками из жердей или досок на отдельные помещения для разных видов скота. Довольно часто для

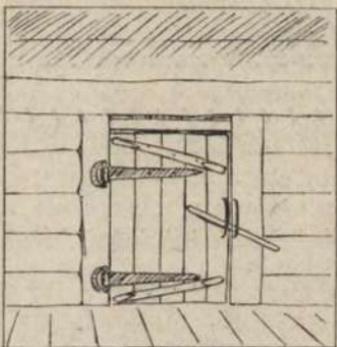
1

2

3

4

Рис. 81. Хозяйственные постройки, Томская обл.: 1, 4 — для содержания скота; 2, 3 — бани (с фот. П. Е. Бардиной)

каждого вида скота были срублены отдельные постройки: телятник, коровник, овчарня, катух для свиней и пр. Такие теплые постройки служили для содержания молодняка и мелкого скота, дойных коров, тогда как остальной скот находился в холодных дворах. Наличие дифференцированных построек для каждого вида скота было особенно характерно для старожилов, тогда как переселенцы нередко держали телят и птицу в избе, что вызывало насмешки старожилов [Петропавловский Н., 1886, с. 40—48].

Для хранения ульев пчел в зимнее время были специальные срубные постройки, углубленные в землю, — омшаник, темник или пчелиный подвал. Иногда такой подвал устраивался почти весь в земле, у склона горы или обрыва, с земляной же крышей [Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П., 1930, с. 131]. В Томском Приобье встречались срубные постройки, углубленные в землю, для содержания домашней птицы.

В Барабинской степи были известны скотные дворы со стенами из пластов дерна [Молотилов А., 1913, с. 188].

2.2.2.6. Каркасные сооружения для скота. Для укрытия скота от неблагоприятных погодных условий на заимках или местах выпаса сооружалась крыша, навес на столбах без стен или из одной—двух стен. Покрытие делалось из жердей, соломы, хвороста и пр. Для содержания скота зимой в дневное время строили открытый сверху двор из четырех и более стен: денник, пригон, загородку и пр. Располагался он обычно сзади усадьбы, на открытом участке.

2.2.3.6. Постройки для содержания скота; с каркасом и самонесущей стеной из бревен, забранных в пазы столбов: пригон, конюшня, холодный двор, стойка, сарай, загон из заплота и пр. Это наиболее распространенная конструкция построек для содержания лошадей и крупного рогатого скота. Внутреннее пространство двора делилось загородкой из жердей на несколько частей, крыша — обычно плоская, из жердей и соломы, сена.

В степных районах скотные дворы часто строили со стенами из плетня, из жердей с заполнением соломой. Чаще всего такие дворы были не на усадьбе, а на заимках, где содержали большое количество скота. На Алтае в конце XIX в. у старожилов Бийского уезда было 24% плетневых скотных дворов, а у переселенцев — 54% [Липинская В. А., 1969, с. 42]. Плетневые дворы для скота были хорошо известны в южнорусских областях России и в Поволжье [Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Парникова А. С., 1960, с. 188], а в XVI в. даже во дворе, принадлежащем царю, в с. Борисовском была плетневая конюшня [Рабинович М. Г., 1975, с. 181].

2.3.1.1. Ремесленные постройки с самонесущими стенами. Срубные избушки, стоящие на усадьбе, служили для выполнения различных домашних ремесел: пимокатания, починки сбури, изготовления шуб и обуви, выделки кож и пр. По внутреннему устройству они были близки к избе, с русской печью, лавками и столом.

Срубные постройки, специализированные для выполнения различных ремесленных работ: кузницы, шубницы, гончарни, столярки, бондарки, мыловарки, токарные, тележные и прочие мастерские, как правило, стояли вне усадьбы из-за специфического запаха, шума и т. п. Размещались они вблизи водоемов для удобства работы, а также на займках. Кузницы нередко строили в склоне оврага, в обрыве реки.

В конце XIX — начале XX в. были специальные кожевенные, сукноткацкие, сукновальные, скипидарные, дегтярные и прочие заводы, которые размещались чаще всего в нескольких срубных постройках, на займках. Исследователи считают, что зарождение отраслей промышленности в Сибири происходило не на постоянных населенных пунктах, а на отдельных займочных угодьях [Липинская В. А., 1979, с. 163—164, 184].

2.4.1.1. Санитарно-гигиенические постройки с самонесущими стенами. Баня в виде небольшого, низенького сруба под плоской или пологой крышей, чаще всего из земли или дерна, стояла на краю усадьбы, на огороде или на берегу реки, озера (см. рис. 81, 2, 3). Иногда были двухкамерные бани, с предбанником. Внутри в углу у входа сооружалась печь-каменка без дымохода, так как бани чаще всего отапливались по-черному, вплоть до середины XX в. По сравнению с белыми для них требовалось меньше дров, они быстрее нагревались, а также использовались для копчения мяса и рыбы, для сушки снопов льна и конопля. Вдоль стен бани сооружались лавки и полок, банная утварь (ковш, чугун и пр.) считалась «нечистой», и её не употребляли для других целей. Перед входом обычно был предбанник, иногда без крыши, из двух дощатых стен, примыкающих к стене бани. Его бытование, возможно, связано с тем, что по русским поверьям баня считалась «нечистым» местом и туда нельзя было заносить одежду. По нашим записям, у старообрядцев полагалось раздеваться полностью в предбаннике, где оставляли всю одежду и смену чистого белья, не снимали только крест. После мытья в бане обязательно умывались дома под умывальником (МЭЭ ТГУ, 1978—1980).

На Алтае бани чаще всего строили по берегам рек и озер, причём предбанник иногда нависал над водоемом, чтобы можно было черпать воду. В некоторых местах встречались земляные

бани, выкопанные на склоне берега реки. Стены ямы обшивали досками, накатывали потолок и засыпали всю постройку землей. Такая баня считалась более «паркой» чем срубная [Этнография русского крестьянства, 1981, с. 116].

2.5.3.6. Лабаз, сайва — амбар, чаще всего с комбинированной несущей системой, поднятый на деревья или столбы и предназначенный для хранения запасов продуктов и добычи на промысле. При сооружении лабаза выбирали четыре близкостоящих друг к другу дерева, очищали с них кору, чтобы звери не могли вскарабкаться, настилали слези и настил с выступающими концами. На настиле делали двускатную крышу или амбар. На севере Тобольской губернии и в Нарымском крае такие амбарчики строили и для хранения шишек (см. рис. 80, 2). Попастъ в амбар можно было только по приставной лестнице, через вынутую в полу доску. Подобные амбарчики были известны по всей Сибири, на севере европейской части России как у русских, так и у коренных народов. У древних славян подобные житницы на столбах были известны с древности, а термин «сайва» обозначал церковную житницу на столбах [Даль В., 1878, т. IV, с. 129]. Лабазом у русских Сибири называлась также плоская крыша, хозяйственная постройка на столбах и настил на дереве для подкарауливания медведя [Словарь русских говоров, 1965, т. 2, с. 122—125]. Вероятно, что известный и русским способ хранения продуктов был стимулирован традициями коренных народов Сибири.

Итак, у русского населения Западной Сибири было множество хозяйственных построек: от срубного амбара под тесовой крышей до простейших навесов и шалашей. По сравнению с жилыми постройками они были, как правило, более облегченной конструкции, более дешевыми, из доступного материала. В их сооружении проявились как севернорусские традиции срубного двора, так и южно-среднерусские навесы, загороди, плетневые постройки.

Общественные постройки и сооружения

3.1.1.1+3.1.1.2. Это в основном церкви с самонесущими стенами, срубленными из бревен или сложенными из кирпича. Строились они обычно по проектам архитекторов. В XVII—XVIII вв. наиболее распространенным типом церквей в Сибири были шатровые храмы, позднее появились разные стили, в частности отмечается сильное влияние столичной архитектуры и украинского зодчества [Баландин С. Н., 1987, с. 20, 31]. Одним из памятников церковного зодчества XVIII в., построенных в стиле русского барокко, является Знаменская церковь в г. Тюмени. Ее строили

из кирпича на месте сгоревшей деревянной, и в строительстве ее принимали участие квалифицированные рабочие из местных жителей [Копылова С. В., 1978, с. 143—146].

Большой интерес представляют храмовые постройки — модели старообрядцев на Бухтарме [см.: Бломквист Е. Э., 1930, с. 305—312]. Они представляли собой один или несколько срубов под шатровой крышей разной высоты, со звонницей. В них сохранялись древние черты «клетских храмов» Руси. Такой же принцип строительства был положен в основу здания пожарной части, построенного в г. Ханты-Мансийске в 1930-е годы (рис. 82).

3.2.1.6. Оборонные постройки и сооружения: башни, крепостные стены, укрепления и т. п. Такие постройки возводились в начальные периоды освоения Сибири русскими профессиональными строителями, которые были в отрядах служилых людей, под руководством инженеров и воевод, по специальным чертежам и росписям. Крепостные стены острогов представляли собой бревенчатый частокол, высотой 4—6 м, часто со специальными дополнениями: с помостами, подпорами, иглами, крышами и пр. На севере Сибири укрепления нередко были из невокпанных, переносных щитов, а также косые и козельчатые тыновые стены. Для укрепления использовали естественные преграды (рвы, овраги, обрывы), а тыновую стену укрепляли земляным валом. Стены городов делали из «тарасов» — двух стен с поперечными перегородками или из «городней» — стеновых срубов [Кочеданов В. И., 1978, с. 12—97; Баландин С. Н., 1987, с. 18—25 и др.]. Существенным элементом укрепления были угловые и проезжие башни четырех-, шести-, восьми- и двенадцатиугольной формы. Они выполняли не только оборонную функцию, но и украшали облик городка, острога. Со второй половины XVIII в. начали строить каменные крепости с новой фортификационной техникой [Прибыткова А. М., 1975, с. 233—235]. Традиция оборонного зодчества была принесена из европейской части России, где каждый город имел крепостные стены с башнями.

3.3.1.1. Общественные постройки в крупных селениях — здания волостного правления, школы, училища и т. п. были, как правило, срубные, часто одни из самых красивых построек в селе, служащие образцом дома для богатых жителей. Срубные общественные постройки для хранения и продажи запасов продуктов и оружия (мангазеи, соляные амбары, государственные житницы, гостинные дворы, зеленые погреба и пр.) входили в состав уже первых сибирских крепостей. Общественные хлебозапасные амбары стояли обычно на краю или в центре селения и представляли собой крупную, нередко двухэтажную срубную постройку.

3.5.3.6. При заселении Сибири русскими возводились мосты,

Рис. 82. Здание пожарной части, построенной в 1930-е гг. в г. Ханты-Мансийске
(с фот. П. Е. Бардиной, 1986 г.)

гати, каналы, плотины и прочие сооружения. Они представляли собой, как правило, различные деревянные конструкции, сооружаемые специалистами — мостовиками и пр. Опоры мостов, плотин были в виде бревенчатых срубов, заполненных камнем — «режей» [Словарь языка мангазейских., 1971, с. 421]. Для укрепления речных берегов от размыва сооружали также рубленые стены — обруб. Гати возводились из толстых бревен-сутунков, положенных поперек дороги, а также из земли и дерна. Содержание мостов, гатей и дорог в исправности входило в натуральную повинность населения. Одним из крупнейших сооружений этого рода был железнодорожный мост через р. Обь в Новониколаевске (Новосибирске), построенный в конце XIX в. по проекту инженера Н. А. Белелюбского. Металлические пролеты моста размещались на каменных опорах из местного гранита, на гранитном ложе реки [Ащепков Е. А., Журин Н. П., 1978, с. 132—134].

Таким образом, постройки русского населения в Западной Сибири представляли собой большое разнообразие жилых, хозяйственных и общественных сооружений, объединенных единым стремлением обживания новых мест. Народные строительные традиции тесно переплетались и взаимодействовали с архитектурными знаниями и строительством по специальным проектам.

9.4. Крестьянская усадьба

Жилые и хозяйственные постройки объединялись на крестьянской усадьбе в определенный комплекс, отражающий как этнические традиции, так и уровень развития хозяйства и соответствующие природные условия. Усадьба представляла собой обособленный участок искусственной и природной среды, принадлежащий одному хозяйству, одной семье. Практически это выражалось в крепком заборе, которым обносились усадьба. Вход оформлялся в виде мощных ворот и калитки, в устройстве которых (столбы под двускатной крышей), на наш взгляд, имеются аналогии со звонницами перед храмом, описанным, например, у бухтарминских старообрядцев [Бломквист Е. Э., 1930, с. 305]. Это наводит на мысль о стремлении придать усадьбе и дому — месту обитания семьи — определенную священность, выражение идеи храма (см. об этом выше).

Крестьянский двор был, по существу, продолжением и составной частью собственно жилища, так как на усадьбе, вне дома, проходила значительная часть жизни членов семьи в повседневных заботах о своем хозяйстве. В летнее время в жилом доме только спали, да и то не все члены семьи, так как предпочитали

спать на свежем воздухе, на чердаке, в амбаре и т. п. В сенях летом стоял обеденный стол и кровать для отдыха.

Состав, размеры и планировка усадьбы определялись сложившимися из века в век традициями, выраженными через потребности семьи, ее размеры, количество скота, хлебных и других припасов для поддержания жизни семьи в настоящее время и с расчетом на ближайшее будущее: ростом семьи, женитьбой сыновей и пр. Двор, усадьба издавна были также основными единицами учета народонаселения.

Уже в XVII в. в Сибири, в частности в Енисейском крае, был известен севернорусский жилой комплекс с характерным двухъярусным двором и хозяйственными строениями [Александров В. А., 1964, с. 165—169]. В Западной Сибири в XVII—XVIII вв. севернорусские традиции устройства усадьбы сочетались с комплексом, характерным для Приуралья, с постройками по периметру двора, окруженного бревенчатым забором-заплатом [Крестьянство Сибири, 1982, с. 354—356; Русакова Л. М., 1982, с. 131]. К концу XIX в. в Сибири сформировалось несколько типов планировки усадеб. Наибольшее распространение в лесной и лесостепной зонах получила замкнутая усадьба прямоугольной или квадратной формы с хозяйственными постройками, расположенными по периметру двора (рис. 83, 2). Кроме нее в Западной Сибири была еще слитная застройка усадеб с крытым двором, примыкающим к дому, и свободная, с постройками, не связанными друг с другом или с домом [Липинская В. А., 1975, с. 36].

В замкнутой усадьбе двор чаще всего делился на две части: передний (чистый) двор, ограда и скотный двор (пригон). Такое деление не было характерным для замкнутых крестьянских усадеб европейской части России, но истоки разделения двора на чистый и хозяйственный можно усмотреть в застройке дворянских усадеб [см.: Рабинович М. Г., 1975, с. 162]. Замкнутые усадьбы западносибирских крестьян В. А. Липинская (1975, с. 36—37) разделяет на два подтипа: нераздельные усадьбы, наиболее сходные с аналогичными в Европейской России, и двухчастные усадьбы с чистым и скотным двором. В замкнутой двухчастной усадьбе пригон мог находиться сзади ограды и сбоку от нее. Последняя планировка была более распространена в северной части лесной зоны, где было значительно развито животноводство [Липинская В. А., 1975, с. 37]. Кроме того, в двухчастной замкнутой усадьбе существовали варианты расположения пригона по отношению к дому: он мог отделяться от дома чистым двором и располагаться рядом с домом. Последний вариант называется также трехрядной застройкой [Липинская В. А., 1975, с. 37—38]. Замкнутая застройка была распространена как в лесной, так и

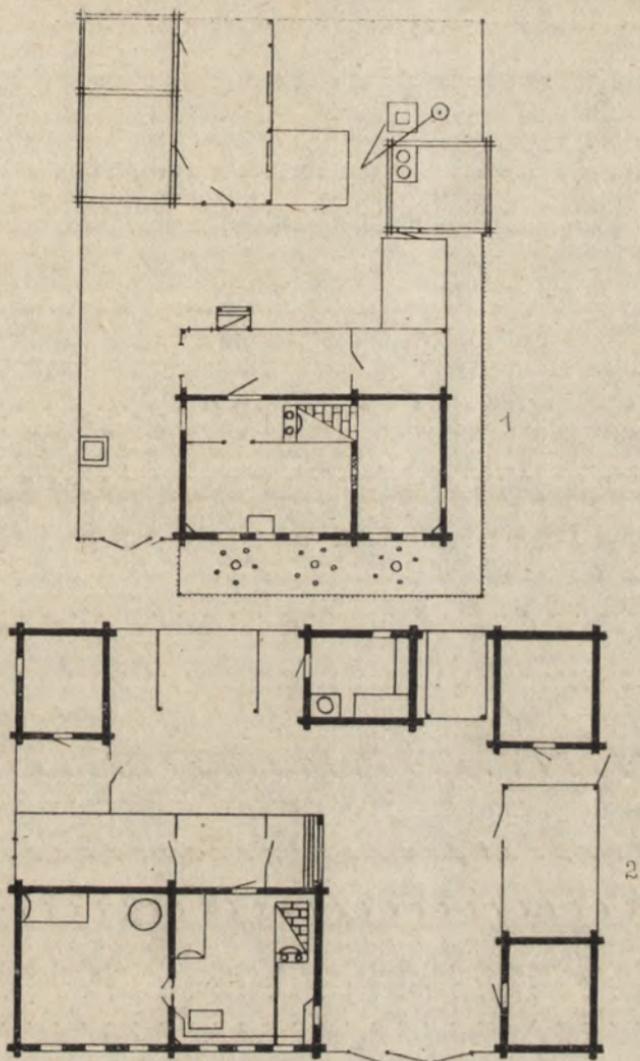

Рис. 83. Планировка усадеб: 1 — свободное расположение построек, с. Новиковка Томской обл.; 2 — по периметру двора, д. Чекрышево Омской обл. (МЭЭ П. Е. Бардиной)

в лесостепной зоне. Слитная застройка была известна в таежной и гористой местности, в районах с суровым климатом.

Так, например, на Алтае были известны слитная застройка с однорядной и двухрядной связью дома и двора и свободная застройка. Последняя с открытым огороженным двором была принесена в степные районы Алтая переселенцами из степной же полосы южной России и Украины [Липинская В. А., 1975, с. 39]. В Змеиногорском уезде отмечен своеобразный тип застройки — охватывающий, с крытым двором, окружающим дом с трех сторон так, чтобы вокруг дома можно было ходить [Липинская В. А., 1975, с. 39].

В северных селениях Березовского и Сургутского края существовала планировка усадьбы со скотным двором, вынесенным за пределы усадьбы, на окраину селения [Абрамов Н. А., 1957, с. 360; Швецов С. П., 1889, с. 53—64; МЭЭ ТГУ, 1986]. Подобный тип двора «на отставе» был известен и в других местах Сибири, и истоком его считается застройка среднерусской полосы России [Маковецкий И. В., 1971, с. 134—135]. Но в условиях Сибири, возможно, это более связано с регламентацией быта казаческого населения. Так, в поселках казаков на Алтае по требованию войсковой администрации дворы для скота строили за селением [Липинская В. А., 1969, с. 37].

Усадьба, как и дом, наделалась функциями обжитого места, благоприятного для человека. Если в хозяйстве случались какие-либо бедствия, то одной из защитных мер была проверка всех столбов и поиск столба, поставленного неправильно, комлем вверх. При нахождении такого столба его переворачивали, что должно было обеспечить благополучие хозяйства (МЭЭ ТГУ, 1982). При переселении проводили обрядовое обживание не только дома, но и усадьбы. Скот на новое подворье переводили с наговорами, просьбами к духу-домовому или дворовому, а в дверях расстилали опояску хозяина, полотенце, фартук или платок хозяйки (МЭЭ ТГУ, 1984). Даже масть скота подбирали «ко двору», в чем ориентиром был цвет волос самих хозяев или масть кошки, успешно переночевавшей в доме.

9.5. Особенности городской жилой среды

Первопоселенцами были занесены в Сибирь с Русского Севера развитые традиции городского, посадского строительства. Жилые, культовые, производственные и прочие постройки в городах строили по специальным проектам, при участии архитекторов и инженеров. Уже в XVI—XVII вв. для закладки городов

и крепостей воеводам в помощь давались специалисты-градостроители, фортификаторы, плотники, художники и пр. [Алферова Г. В., 1977, с. 66]. Маленькие города строили довольно быстро, за 2—3 недели. Воевода при этом выбирал образцы, по которым шла застройка города. Жилые дома строили обычно сами жители на отведенных воеводой местах [Алферова Г. В., 1977, с. 66].

В городском жилищном строительстве раньше, чем в деревнях, появились многокамерные срубные дома сложного плана, позднее распространившиеся и в сельскую местность [Рабинович М. Г., 1975, с. 165—166]. Так, хоромы воеводы в г. Сургуте в начале XVIII в. состояли из трех горниц на подклетах и сеней. Позади них помещалась черная изба, скотская изба, поварня, баня с предбанником. В горницах было 10 слюдяных оконниц с железными рамами, печи были с выводными трубами и с железными задвижками [Миненко Н. А., 1975, с. 104—105]. Традиции посадского строительства проявились в застройке первых сибирских поселений, например в Мангазее [Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981, с. 22], и сохранялись позднее. Последнее можно проследить на примере жилищ в с. Самаровском, где были распространены дома сложного плана, с крыльцом вместо сеней, элементы городского интерьера, особый тип внутренней планировки [Бардина П. Е., 1988, с. 146—176].

В конце XIX—начале XX в. жилище горожан отличалось большей сложностью и многообразием по сравнению с сельским. Народные традиции сохранялись лучше на окраинах города, застроенных деревянными одноэтажными домами с элементами традиционной планировки и декора (рис. 84). Некоторые черты этой планировки (встроенная мебель, полати, полки и прочее) исчезли быстро даже в крупных селениях, а тем более в городах. Другие элементы (русская печь, передний угол, узорные наличники) сохранялись довольно устойчиво. В центральных частях городов, например Тюмени, Тары, Томска, строили деревянные и кирпичные особняки богатые горожане, подражая архитектурным стилям столицы. Предпочтительным материалом для строительства долгое время оставалось дерево, несмотря на частые опустошительные пожары. Так, в Новониколаевске в 1911 г. было более 7 тысяч деревянных домов и только 20 каменных [Бочанова Г. А., 1974, с. 224]. Здесь преобладали дома традиционного плана: пятистенки, связи, крестовики, но постепенно они перестраивались в многоквартирные дома, в которых выделялись гостиная, спальня, столовая, кухня, передняя, детская и пр. Часть помещений сдавалась внаем. В городах строились двухэтажные дома, у ко-

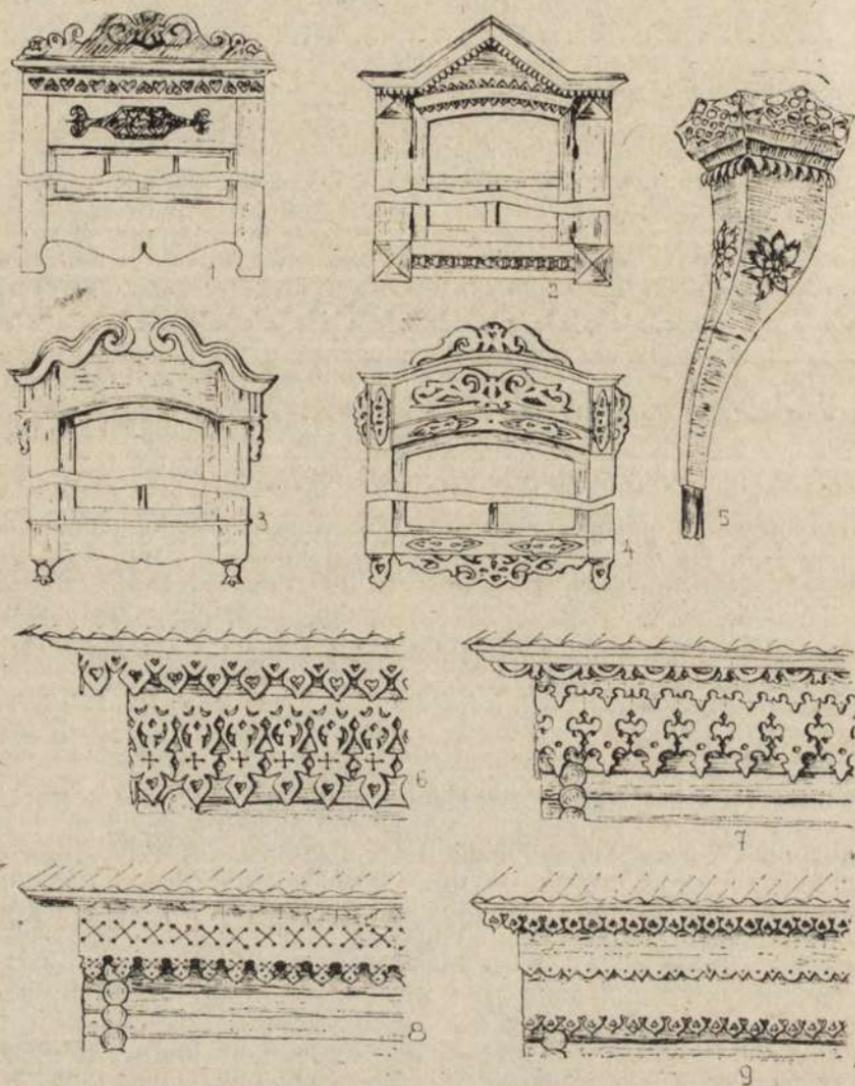

Рис. 84. Архитектурные детали жилищ: 1—3, 6—9 — наличники окон и карнизы домов, Томская обл.; 4—5 — наличник окна и водосток, Омская обл. (с фот. П. Е. Бардиной, 1970—80-е гг.)

торых первый этаж был кирпичный, а второй — деревянный. Вход в городские дома был с улицы, через парадные.

Застраивались города, как правило, кварталами, а между домами возводились кирпичные брандмауэрные стены от пожаров. В центральной части города сосредотачивались торговые и зрелищные постройки, рестораны, церкви, административные и учебные заведения, доходные дома и богатые особняки [Баландин С. Н., 1978, с. 31—33]. В г. Томске, ставшем в 1804 г. губернским центром, было в это время 1563 дома деревянных и только 4 каменных [Очерки истории города, 1954, с. 37]. Бедные слои горожан ютились в подвалах, на чердаках, снимали углы, жили в бараках, убогих домишках на окраинах. По данным статистики в конце XIX в. самый богатый дом в г. Томске был оценен в 41 тыс. рублей, а самый бедный — в 12 руб. 50 коп. [Очерки истории города, 1954, с. 55]. Богатые горожане строили дачи в окрестностях города. Так, рядом с Томском была построена заимка купца Степана Сосулина — Степановка, которая строилась по плану и под руководством ссыльного инженера Г. С. Батенькова. Дачный дом имел большую комнату для танцев, которая обогревалась под полом печью с трубами, а также террасу, множество надворных построек и пр. [Адрианов А. В., 1912, с. 3].

Городские черты жилища (выделение большого числа комнат с разграничением функций, использование передвижной мебели, зеркал, картин, занавесей в интерьере и пр.) оказали влияние на сельскую округу, особенно в конце XIX—начале XX в. В городских жилищах были лучше (по сравнению с сельскими) санитарно-гигиенические условия: выше комнаты, более совершенное отопление, увеличивались размеры и количество окон [Баландин С. Н., 1978, с. 34]. В то же время для городов были характерны скученность построек, частые пожары, резкое социальное расслоение.

Для городских поселений было характерным строительство некоторых специальных сооружений — мостовых, тротуаров, водотводных и очистительных сооружений, освещение улиц и пр. Вымостки из жердей и плах были найдены при раскопках самых первых городов Сибири — Пельма, Тобольска и др. [Оборин В. А., Русанова К. М., Шмыров В. А., 1975, с. 167; Кочедамов В. И., 1963, с. 122 и др.]. Благоустройство, например г. Томска, заключалось в сооружении деревянных мостовых и тротуаров, а также настилов из валежника, дерева и песка с канавами по бокам для стока воды. Но и к 1907 г. протяженность мощеных улиц здесь составила всего 5 верст [Очерки истории города, 1954, с. 38—54]. В конце XIX — начале XX в. даже в крупных городах

мощеными были 1—2 главных улицы, а фонари горели только у крупных магазинов и купеческих особняков [Бочанова Г. А., 1974, с. 225; Ремезов А., 1880, с. 49]. В 1905 г. в некоторых городах (Новониколаевск, Томск) появились водопровод и канализация [Очерки истории города, 1954, с. 54].

Городские поселения в Сибири с самого начала были тесно связаны с сельской округой. В силу исторических причин здесь первыми были основаны города, а потом уже сельские поселения. Ведущая роль городов, даже небольших и «заштатных», сохранялась на протяжении всего последующего периода. Города были не только центрами торговли, ремесленного производства, религиозными и административными центрами, но именно через них внедрялись новшества, в том числе и в жилище.

Что касается современной городской квартиры среднестатистического жителя, то она не удовлетворяет человека ни по практическим удобствам (возможности выражения индивидуальности, защита от шума и чужого вторжения, отсутствие места для коляски или велосипеда и т. п.), ни по эстетическим запросам. Как известно, в традиционной архитектуре даже башни острога несли эстетическую нагрузку. Современная городская архитектура утратила связи с народными традициями, в частности, все эти, по народной терминологии, «хрущобы», «скворечники» и «недо-скребы» не имеют никакого отношения к русским традициям. Некоторые аналогии можно провести лишь с лачугами-пластьями в степи, которые были также малы и низки и требовали столь же частого ремонта, что и современные квартиры. Современное городское жилище, на наш взгляд, утратило даже те положительные черты городской архитектуры, которые были накоплены в более ранние периоды. В свое время городское жилище было образцом и примером для подражания, именно из города шли прогрессивные новшества как в технике строительства, так и во внутреннем убранстве дома. А сейчас многие сельские жители не хотели бы поменять свой дом на городскую квартиру. Эти беды современной архитектуры, по-видимому, состоят в том, что творцы, в данном случае архитекторы, находятся в подчинении у исполнителей, которые строят так, как им легче, быстрее, дешевле.

9.6. Сравнительный анализ

В условиях Западной Сибири русское население формировало свои строительные навыки на основе традиций, принесенных в разное время из разных мест европейской части России. У ста-

рожильского населения преобладали севернорусские традиции возведения срубных построек и внутренней планировки с некоторыми элементами южнорусского происхождения: плетневые дворы, каркасные конструкции, постройки, углубленные в землю, и пр. Пореформенные переселенцы наряду со срубной техникой принесли новую струю каркасных конструкций, технику строительства из глиносоломенных смесей и из пластов дерна. У переселенцев преобладало покрытие жилищ соломой, дома без подклета иного внутреннего плана. Южнорусский тип внутренней планировки переселенцев со временем под влиянием старожилов вытеснялся севернорусским. В свою очередь, старожилы восприняли традицию побелки и обмазки глиной стен дома, устройство палисадников, использование материалов, заменяющих дерево, что было очень актуально в степных районах. Таким образом, различные навыки в устройстве жилищного комплекса активно взаимодействовали друг с другом, обогащая и пополняя народный опыт. Общее признание и распространение получали наиболее совершенные, практические знания той или иной группы населения. Сибирские старожильские традиции в жилищном строительстве к началу XX в. наиболее сохранялись в неизменном виде у обособленных групп населения (старообрядцы, казаки и пр.).

В обживании местности происходили сложные процессы взаимовлияний между русским и сибирскими народами. При этом следует учитывать давнее, многовековое взаимодействие русского и финноязычного населения европейского Севера, что способствовало бытованию у русских некоторых явлений, известных и у сибирских народов, а также имеющих широкое распространение во всей северной Евразии (например, конические сооружения, лабаз, полуземлянки в склоне и пр.). Близкое соседство сибирских народов, по-видимому, способствовало сохранению и обогащению известных уже русским традиций в строительстве простейших сооружений.

Исследователи прошлого в конце XIX — начале XX в. отмечали значительное обрусение местных народов, одним из признаков которого считался переход к срубным жилищам [Плотников А. Ф., 1901, с. 73, 79, 236—237 и др.]. Однако более наблюдательные отмечали и существенные различия при большом внешнем сходстве быта населения: различное внутреннее устройство жилищ, иное покрытие дома и наличие возле него специфических деталей местного хозяйства: рыболовного инвентаря, лыж, нарт, уличных печей, отсутствие скотных дворов [Костров Н., 1871, с. 255; Матов В., 1951, с. 52—53]. Вызывает сомнение сам факт прямого заимствования срубных построек, которые скорее развились на местной основе под русским влиянием. В то же

время престижные срубные дома типа пятистенков, крестовиков, часто двухэтажные, у зажиточной верхушки местных народов были результатом заимствования от русских и строились русскими плотниками.

Выявляется значительный пласт общих, известных и русским, и сибирским народам с древности строительных традиций, известных как в Европейской России, Приуралье, Поволжье, так и в Сибири. Сюда можно отнести постройки, углубленные в землю; постройки из плетня и дерна; хозяйственные амбары на высоких столбах и прототип их — лабаз — для хранения дичи и продуктов на промысле; конические сооружения, сохраняющиеся у русских в виде ямного овина — шиша — и шалашей для временного жилья, для укладки сена в стогу; отношение к огню и очагу, а также сами принципы выбора места для поселения.

С конца XVI в. русские принесли в Сибирь и развили в местных условиях новые для Сибири типы поселений: остроги, города, слободы, села, деревни и т. п., опыт строительства срубных жилых и хозяйственных, культовых и производственных построек, в котором тесно переплетались народные традиции с профессиональной архитектурой. Первопоселенцами была заложена основа развитого, городского, посадского строительства, оказавшего влияние на народные традиции в сельском строительстве.

Навыки формирования жилищно-хозяйственной среды у русского старожильского населения характеризовались сосуществованием различных областных традиций, занесенных из европейской части России, главным образом с ее севера. К севернорусским истокам можно отнести многие типы поселений: починок, погост, заимка, ям и пр.; развитую срубную технику, дом на подклете; двор с поветью; внутреннюю планировку дома и др. Это подтверждает выводы предшествующих исследователей о севернорусской основе в составе старожилов Сибири.

Менее изучен довольно большой пласт южнорусских традиций в культуре сибиряков. По исследованным нами материалам сюда можно отнести традицию сооружения углубленных в землю построек; каркасные постройки с самонесущей стеной из бревен, закрепленных в пазах столбов; постройки из плетня и др.

Большой интерес представляют малоизученные черты в жилищно-хозяйственном комплексе старожилов, которые можно связать с финноязычными народами севера России и Приуралья. Сюда можно отнести полуземлянки в склоне; замкнутую усадьбу; конические постройки; лабаз; нодью; терминологию «кондач» и «мендач»; использование лиственницы только на окладные бревна. Как известно, русские и финноязычные народы европейской части России, в частности коми, были тесно связаны много-

вековыми этническими, хозяйственными и культурными контактами друг с другом [Жеребцов Л. Н., 1982, с. 117—153]. Эти народы относились к общему хозяйственно-культурному типу земледельцев лесной полосы, что обусловило сходство, а не заимствование многих черт культуры, в том числе и жилища. При этом у финноязычных народов сохранилась определенная специфика, в частности в лексике. Поэтому бытование у русских старожилов Сибири финноязычной по происхождению терминологии может служить указанием на возможное участие этих народов в формировании состава русских старожилов.

На основании имеющихся материалов исследуемый регион можно выделить по ряду общих признаков в единый западно-сибирский вариант русских строительных традиций. Он характеризуется сосуществованием северных и южнорусских по происхождению черт, с наличием некоторых сибирских особенностей, сформировавшихся за четыре века на местной основе. К сибирским особенностям в жилище можно отнести выделенные предшествующими исследователями и вытекающие из нашего обзора такие черты: более быстрое (по сравнению с Европейской Россией) развитие плана срубного дома, распространение связей, пяти- и шестистенных срубов, двухэтажных домов; раннее выделение чистой половины как в доме, так и на усадьбе; распространение больших по размерам замкнутых двухчастных усадеб; широкое бытование сезонных и временных жилищ при заимочном типе хозяйства; использование подсобных избышек-зимовий на усадьбе; тесное взаимодействие народной и профессиональной архитектуры, имеющее истоками принесенные традиции посадского строительства; местные детали внутреннего убранства.

Наряду с этими особенностями, свидетельствующими о довольно высоком уровне развития жилища, следует отметить ряд очень архаичных элементов: сохранение древних приемов строительства в постройках, углубленных в землю, в конических сооружениях, в устройстве окон из промасленного холста, брюшины и пр., в использовании бересты для покрытия, в способе освещения при помощи жировиков и смолья, во многих древних поверьях, связанных с домом, огнем и очагом. Сохранение древних традиций, по-видимому, в немалой степени обусловлено значительной долей старообрядцев среди сибиряков. Именно в скитах сохранялись наиболее архаичные элементы строительства.

В единой западносибирской зоне русских строительных традиций, несомненно, существовало несколько локальных районов со своими особенностями, обусловленными всей историей заселения, хозяйственным бытом, природно-климатическими особенностями: 1) северные районы (Березовский, Сургутский округа,

Самарово и пр.); 2) Тоболо-Иртышский район; 3) Среднее Приобье; 4) лесостепные и степные районы; 5) Алтай. В каждом из этих районов возможно выделение более мелких регионов, так как нередко даже в соседних селениях был разный состав переселенцев, отличающийся и по строительным традициям.

Таким образом, с конца XVI в. русские приняли активное участие в этнокультурной истории Западной Сибири, что наложило отпечаток на дальнейшие судьбы всех народов, проживающих здесь. Русское влияние стимулировало у местных народов развитие традиций жилища, имеющего конструкцию с самонесущими стенами, и срубную технику.

В свою очередь, соседство коренных народов способствовало сохранению у русских древних приемов строительства и представлений, связанных с обживанием места. Вместе с тем у русских как древних земледельцев и у коренных народов, принадлежащих к другому хозяйственно-культурному типу, было в корне различное отношение к взаимодействию человека и природы. В своем жилище русские стремились как можно полнее изолироваться от неблагоприятного воздействия внешней среды, что проявлялось в самом типе срубного дома, планировке усадьбы, отсутствии зелени у домов, представлении о «широком» месте и пр. По-видимому, это отношение земледельца было еще более обострено в условиях колонизации, поселении в новом, часто враждебном мире. А для коренных народов Сибири были характерны почти полное слияние, единство с окружающей природной средой практически в любое время года и незащищенность от ее воздействия, что было присуще и части русского населения, главным образом старожилам северных районов.

История жилища, интересная сама по себе, имеет огромную практическую значимость с точки зрения народного опыта обживания территории, целесообразного ведения хозяйства и достижения гармонии с окружающей средой. В традиционном жилище человек чувствовал себя психологически более комфортно и более защищенно, чем в современном, что достигалось не только практическими мерами по возведению прочного дома и вместительной усадьбы, но и средствами духовного обживания, освящения места, уподобления дома храму. В современной квартире, несмотря на большое число удобств (центральное отопление, канализация, электричество и пр.), человек менее защищен не только от шума за стеной, но и утратил чувство своей духовной защищенности. Может быть, это в меньшей мере относится к сельскому дому, где еще сохраняются народные традиции. Не случайно проекты усадебных домов с современным благоустройством находят наибольшую поддержку в сельской архитектуре.

Часть четвертая

ГЕНЕЗИС ТРАДИЦИЙ
В ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

В этой главе мы даем сравнительно-исторический анализ построек Западной Сибири в трех аспектах⁶⁷. Во-первых, сравниваются те признаки, которые хорошо сохраняются и достоверно выявляются при раскопках археологических памятников: форма основания; его размер; горизонтальная структура (количество камер); вертикальная структура (соотношение постройки с уровнем земли, или дневной поверхности); структура внутреннего пространства (нары, очаг); структура ограждения (пол, вход — выход). Во-вторых, анализируются имеющиеся данные о конструкции, ее несущей системе. Остатки конструкций археологи находят редко; на ранних этапах они выявлены в единичных случаях и наиболее известны лишь в эпоху средневековья. В-третьих, дано обобщение более высокого уровня: прослежено сохранение либо изменение традиций в рамках археологических эпох и культур, находящихся на территории более поздних этносов.

Эти задачи решены на археологическом материале с привлечением соответствующих сведений из этнографии. Материалы рассматриваются в хронологической последовательности, по географическим зонам, а внутри них — по определенным территориальным единицам. Специалистам хорошо известно, что данные археологии не дают полного представления о постройках, поэтому и наш анализ выполнен лишь в рамках возможного. Заметим также, что некоторые признаки взаимосвязаны, поэтому их приходится иногда повторять в разных частях главы.

⁶⁷ Глава написана в основном по текстам, представленным в настоящем издании, и по литературе, использованной авторами текстов. Сноски на литературу или источники даются только в том случае, если их нет в текстах настоящего издания применительно к теме изложения.

Итак, переходим к анализу.

Основание построек. Преобладающими в домостроительстве являются круглая (овальная) и прямоугольная (квадратная) формы основания. Значительно реже встречаются многоугольные постройки. Эти основные формы сопутствуют человеку с того момента, как жилье он начал строить сам. На территории Сибири жилище подпрямоугольной формы известно с эпохи верхнего палеолита [Палеолит СССР, 1983, с. 327, рис. 134, 19].

На территории Западной Сибири достоверные свидетельства домостроительства известны с эпохи мезолита. С этого времени и до сего дня бытуют постройки прямоугольной как преобладающей количественно и овальной форм. Причем сразу надо оговориться: археологи в большинстве случаев обнаруживают долговременные и очень редко—временные жилища. Поэтому материалы, полученные в результате раскопок, не отражают полностью жизненной реальности. Но поскольку других источников по древней истории Западной Сибири нет, мы стоим перед необходимостью анализа археологических данных.

В эпоху неолита овальные (круглые) постройки зафиксированы в горно-лесном Зауралье. Такие же жилища обнаружены в Барнаульско-Бийском Приобье в эпоху энеолита (поселение Комарово). В эпоху бронзы одна постройка овальной формы встречена в лесной части Западной Сибири. Не исключено, что овальными или округлыми в плане могли быть и наземные постройки эпохи бронзы Сургутского Приобья. Такие постройки характерны наряду с постройками прямоугольной формы для населения гамаюнской культуры.

Значительно больше сохранилось и раскопано построек овальной в основании формы в эпоху железа. В раннем железном веке в тагарской культуре Ачинско-Мариинского района выявлены юртообразные постройки, округло-овальные в основании. В таштыкское время для этой же территории характерны многоугольные в плане жилища [Мартынова Г. С., 1985]. Овальные в основании жилища зафиксированы в Зауралье, в памятниках гамаюнской культуры.

В раннем средневековье они известны в верхнеобской (Новосибирское Приобье), потчевашской (лесное Прииртышье) культурах и в тундре Нижнего Приобья (кучиминский этап). По имеющимся материалам в позднем средневековье постройки округлой в основании формы имеются в Сургутском Приобье (наряду с прямоугольными) и в тундре Нижнего Приобья (наряду с многоугольными).

Многоугольные в основании постройки, как отмечено, использовались таштыкцами (раннее железо) и населением Сургутского

Нижнего Приобья (позднее средневековье): то есть на юге Западной Сибири и на севере. На всей остальной территории на протяжении всей древней истории население Западной Сибири строило прямоугольные, редко квадратные в основании жилища, постройки производственного и хозяйственного назначения, такой же формы были и культовые сооружения.

Теперь обратимся к данным этнографии, в первую очередь, к постоянным жилищам. Здесь наблюдается та же картина. Народы, проживающие в лесной и лесостепной зонах (ханты, манси, западносибирские татары), несмотря на многообразие построек, в основном имели и имеют сейчас жилища и постройки другого назначения прямоугольной формы. Как видим, эта традиция характерна для Западной Сибири на протяжении более чем пяти тысячелетий. Круглогодичным жилищем тундровой зоны является чум. По археологическим данным, в позднем средневековье и в более раннее время в Нижнем Приобье наряду с овальными в основании жилищами использовались и прямоугольные.

Интересны наблюдения над формами жилищ на юге Западной Сибири, в Барнаульско-Бийском Приобье и в Ачинско-Мариинском районе. Многоугольные юрты, известные с таштыкского времени, сохранились и до наших дней, правда, территория их распространения несколько сузилась (Ачинско-Мариинский район плотно заселен русскими).

Площадь жилищ. В эпоху позднего неолита наибольшие по площади жилища выявлены в Нижнем Приобье на поселении Чес-Тый Яг: от 100 до 190 кв. м раскопанных и до 600 кв. м западинами на плане⁶⁸. Жилище площадью 132 кв. м раскопано на стоянке Барсова Гора II/8 в Сургутском Приобье. Это пока единственные памятники с такими большими жилищами. На других неолитических памятниках площадь жилищ составляет 36—96 кв. м (Зауралье). Жилища энеолитического времени раскопаны на Конде, в Притобольском Зауралье, в Барнаульском и Среднем Приобье. Площадь их в Среднем Приобье 22—25 кв. м. На Васюгане есть и меньшие по площади (9,5 кв. м) постройки.

В эпоху ранней бронзы площадь кротовских жилищ (Верхнее Приобье) составляла 25—77 кв. м или 90—160 кв. м; в Среднем Приобье — 64 кв. м, в Среднем Прииртышье (ташковская культура) — 25—42 кв. м, в Тюменском Притоболье 5—48 кв. м, одно—120 кв. м. В эпоху развитой бронзы основная масса жилищ имела площадь до 35, реже — до 40 кв. м. Выделяются постройки в Новосибирском Приобье — 50—60 кв. м и одна постройка на Вол-

⁶⁸ Материалы использованы с разрешения автора раскопок Е. А. Васильева, за что приношу ему благодарность.

вонче I, ее площадь 182 кв. м. Интересные наблюдения проведены Ю. Ф. Кирюшиным на Васюгане: им выделены летние и зимние жилища. Площадь летних — 35—40 кв. м, зимних 25—45 кв. м. В эпоху поздней бронзы и перехода к эпохе раннего железа площадь построек различна: 20 кв. м — в словской культуре, 45—85 кв. м — в красноозерской культуре, 21—56, 56—130, 130—236 кв. м — в атлымской и барсовской культурах (Среднее и Нижнее Приобье).

В эпоху раннего железа наименьшая площадь жилищ составляла 8—9 кв. м (большереченская, саргатская, кулайская культуры, памятники Зауралья), несколько больше она в Сургутском (14 кв. м) и в Нижнем Приобье (12 кв. м). Средние размеры построек (20—30 кв. м) характерны почти для всей территории. Наибольшие размеры на разной территории были различны: так, у большереченцев (Верхнее Приобье) — до 81 кв. м, у кулайцев Среднего Приобья — до 50 кв. м, то же в Сургутском Приобье, в Нижнем Приобье эта цифра равна 42 кв. м, в Зауралье — 30 кв. м.

Раннее средневековье не внесло существенных изменений: постройки верхнеобской культуры имели площадь 12—67,5 кв. м, релкинской культуры 10—50 кв. м, потчевашской 7—42 кв. м, в Сургутском Приобье 30—70 кв. м в середине IV—VIII вв. и 31—108 кв. м на городищах, 21—27,5 кв. м на селищах в IX—X вв.; в Нижнем Приобье — 33—81 кв. м в VI—VIII вв. и 30—59 кв. м в IX—X вв.

Памятники II тыс. н. э. показывают, что существенных изменений не произошло. Развитие средневековье: басандайская культура 10—50 кв. м, в Нарымском Приобье 16—50 кв. м, устьишимская культура 8—70 кв. м; в Сургутском Приобье в начале II тыс. (кинтусовский этап) 30,2—96 кв. м, в Нижнем Приобье в это же время 18,4 кв. м; в лесной полосе Зауралья 3—36 кв. м, в лесостепи — 20,7 кв. м. Позднее средневековье (XV—XVII вв.) представлено памятниками Новосибирского, Томского, Сургутского и Нижнего Приобья. Площадь построек в Томском Приобье составляет от 7,5 до 64 кв. м, чаще всего 16—25 кв. м, в Сургутском Приобье — на городищах 36,7 (средняя цифра) кв. м и на селищах — до 63,4 кв. м; в Нижнем Приобье — 10,8 кв. м на городищах и 13,9 кв. м на селищах.

Итак, по археологическим материалам наибольшие по площади постройки известны в эпоху позднего неолита и бронзы в Нижнем и Сургутском Приобье. Пока мало материала по Западной Сибири, но на фоне того, что известно, они являются скорее исключением, чем правилом. Е. А. Васильев, исследователь поселения Чес-тый-яг, склонен объяснять этот феномен культуры

как привнесение с юга. В эпоху бронзы параметры площади построек составляют 13—45—50 кв. м (за исключением нескольких больших). Среди всех культур выделяется черкаскульская малыми размерами 19—25 кв. м. В эпоху раннего железа наибольшие по площади жилища отмечены на юге (81 кв. м) в Новосибирском и наименьшие — в Нижнем Приобье. В раннем средневековье наименьшие по площади постройки отмечены в лесном Прииртышье, в развитом средневековье — в Нижнем Приобье. Наиболее стабильной, начиная с раннего железа, была ситуация в Среднем Приобье — на протяжении всей эпохи железа площадь построек составляла до 50 кв. м, хотя постепенно уменьшалась (от 8 до 16 кв. м). Близок к нему район Сургутского Приобья. Стабильность наблюдается и в Томском Приобье.

Чем же объясняется различная площадь жилищ? Обратимся к данным этнографии, которые приводит У. Т. Сирелиус: полуназемная каркасная постройка часто была квадратной с длиной стороны 3—4,85 м, имела высоту 1,67—2,15 м (1908, S. 26, fig. 110 A, 110 B). Ненецкий чум имеет площадь 30 кв. м, призматические каркасные постройки кумандинцев с самонесущей стеной — от 16 до 20 кв. м.

Горизонтальная структура. Жилища на территории Западной Сибири в большинстве своем однокамерные, но с эпохи мезолита встречаются двухкамерные. Раскопаны двухкамерные жилища в екатерининской культуре. Затем они встречены в эпоху поздней бронзы и раннего железного века. Одно двухкамерное жилище зафиксировано в молчановской культуре, есть они в гамаюнской культуре, где встречаются и многокамерные. Наиболее яркой и своеобразной культурой раннего железного века является саргатская. Население выработало свои принципы организации жилого пространства. Для гороховского населения более характерны двухкамерные жилища, соединенные переходом, а для саргатского — трехкамерные. Если в других культурах двухкамерные жилища встречаются единично, то в саргатской культуре они составляют 26%, трехкамерные — 14,8% [Корякова Л. Н., 1988, с. 25]. Для кулайской культуры в целом двухкамерные жилища не характерны, но иногда встречаются. Так, одно такое жилище известно в Новосибирском Приобье на городище Туруновка I (жилище 5). Камеры отделены одна от другой ступенькой. В средневековую эпоху одно двухкамерное жилище раскопано на городище Кипо-Кулары (жилище 6, потчевашская культура), а другое известно по материалам Зауралья.

Как отмечается в этнографической части работы, традицион-

ные жилища западносибирских народов были и остаются однокамерными. Двухкамерные встречаются очень редко.

Из изложенного ясно, что население Западной Сибири на протяжении долгой истории пользовалось в основном однокамерными жилищами (за исключением населения саргатской, гороховской и гамаюнской культур эпохи раннего железа и единичных случаев в эпоху ранней бронзы и раннего средневековья). В этнографически исследованное время двухкамерные жилища известны только у русского населения.

Вертикальная структура. Перейдем к показателю: отношение уровня пола жилища к поверхности местности. Как мы уже отмечали, наземные постройки археологами устанавливаются с трудом, особенно временные. То, что такие постройки сопутствовали долговременным, ни у кого, пожалуй, не вызывает сомнения.

Наземные постройки зафиксированы при полевых исследованиях в эпоху бронзы и перехода к раннему железному веку и в раннем железном веке. Так, слабо углубленные постройки (15—20 см) известны в памятниках атлымской культуры, затем гамаюнской, саргатской, в памятниках раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья, Зауралья. В этих же районах они прослеживаются в эпоху средневековья. У каждого народа существует и поныне большое разнообразие наземных построек (ИЭАС, 1961 и др.). Еще У. Т. Сирелиус отмечал более 30 различных видов [Sirelius U. T., 1906, 1908].

Наиболее часто отмечаемые археологическими исследованиями постройки — это углубленные в землю. Глубина котлована была различной, но со времен неолита вырабатывается усредненный вариант глубины котлована — это 35—40 см в материке⁶⁹. Рассмотрим более конкретно по эпохам и культурам. В эпоху позднего неолита в Зауралье глубина котлована была от 50 до 200 см, но последняя характерна только для больших по площади жилищ (поселение Чес-тый-яг, городище Амня). В энеолитическое время в Барнаульско-Бийском Приобье глубина котлованов жилищ составляла 30—35 см, в Среднем Приобье, на Васюгане 25—70 см.

В эпоху бронзы в Новосибирском Приобье отмечены жилища с глубиной котлована 30—40 см (кротовская культура), 20—50 см (андроновская культура), в Среднем Приобье, на Васюгане 35—

⁶⁹ У археологов нет единого правила о точке отсчета глубины: глубины даются от современной поверхности, от древней поверхности, от уровня материка. Последний показатель представляется наиболее верным, но если памятник однослойный и котлован постройки более позднего времени не был врыт в культурный слой более раннего времени.

40 см (молчановская культура), в Среднем Прииртыше 30—40 см (ташковская культура), 25—50 см (красноозерская культура) и 50—70 см (черкаскульская культура), в Нижнем Приобье в ранней бронзе 60—70 см и 45—50 см — в памятниках атлымской культуры.

В эпоху раннего железного века в Томском Приобье исследованы жилища с глубиной котлована 35—40 см, в Новосибирском Приобье — от 25 до 30 см, у кулайцев Нарымского Приобья она составляла 20—70 см, у саргатцев — от 10 до 70 см.

Средневековые характеризуются теми же показателями за некоторыми исключениями: так, на городище Остяцкий Бор исследовано жилище, глубина котлована которого 150 см. Малой глубиной котлованов выделяются жилища потчевашской культуры (15—25 см).

Полуназемные жилища часто встречаются в традиционной культуре сибирских народов. Описывая каркасное строение хантов, У. Т. Сирелиус фиксирует глубину котлована от 30 до 60 см (1906, S. 85). Глубина котлована в 30 см отмечена в жилище аганских хантов в 1972 г. [Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Титаренко Е. М., 1975, с. 144]. Отмечены и более глубокие котлованы жилищ — до 1 м у кумандинцев, барабинцев и шорцев. У. Т. Сирелиус указывал на древность полуназемных жилищ: «...ровная яма как часть жилой постройки находит широкое распространение и в качестве таковой несомненно является древней» [Sirelius U. T., 1907, S. 105].

Подземные жилища встречаются очень редко, и нет ни одного района, ни одной культуры, где бы такие жилища были единственным типом или преобладали. Они встречены в позднем неолите на поселении Чес-тый-яг — глубина жилища 180 см, такое же глубокое жилище эпохи средневековья раскопано в Нарымском Приобье на городище Остяцкий Бор — глубина 150 см. Возможно, мы располагаем далеко не всей информацией, но то, что имеется в настоящем издании, позволило прийти к заключению о редкой встречаемости подземных построек. По этнографическим данным, подземные жилища тоже встречаются редко и засвидетельствованы в пределах Западной Сибири у обских угров и селькупов. Интересные данные приводит У. Т. Сирелиус: «Эти жилища (подземные)... строили в изгородях, вбитых на высоких мысах, недоступных с двух—трех сторон (Васюган, Аган). Для облегчения бегства в момент опасности они снабжались несколькими, иногда не менее четырех, выходами» (1907, S. 106). К сожалению городищ позднего средневековья археологами на Васюгане и Агане не обнаружено. На Васюгане есть городища, также не рас-

копанные, которые ханты связывают со своими предками (городища у пос. Айполово, Шаманый Мыс и др.).

Относительно эволюции построек существует несколько точек зрения: от наземных до подземных [Sirelius U. T., 1907] и, наоборот, от подземных к наземным [Харузин Н., 1845; Соколова Э. П., 1957]. В настоящее время при обширных археологических исследованиях становится ясным, что наземные и полуназемные постройки проходят через всю историю, начиная (по западно-сибирским материалам) с эпохи мезолита.

Нары. Из описания жилищ У. Т. Сирелиусом известно, что в некоторых случаях, когда вырывался котлован для жилища, нетронутой оставалась часть земли, которая потом служила нарами [Sirelius U. T., 1906, S. 103]. Посмотрим на археологическом материале, когда появилась эта традиция. Обратимся к более раннему времени и пойдем от него к этнографии. Достоверно установлено наличие нар в жилище № 4, 5 поселения Чес-тый-яг, относящегося к позднему неолиту [Васильев Е. А., 1986, 1989]. «По всему периметру жилища, исключая выход, располагались нары. Они фиксировались как хорошо выраженный материковый уступ высотой 35—40 см и шириной около 160 см» [Васильев Е. А., 1986, с. 16]. Кроме того, Е. А. Васильевым установлено, что на нарах было покрытие из дерева.

В эпоху ранней бронзы нары, укрепленные бревнами, обнаружены в жилищах ташковской культуры. В эпоху поздней бронзы они выявлены в жилище молчановской культуры. Известны они и в раннем железе: в кулайской и большереченской культурах. Однако следует отметить, что нары как конструктивная деталь (оставление невынутым слоя земли при строительстве жилища) в эпохи неолита — раннего железа встречаются в единичных случаях. На большей части территории Западной Сибири жилища строили, не предусматривая эту деталь.

В раннее средневековье материалы о наличии нар имеются с Верхней Оби, Сургутского и Нижнего Приобья и Зауралья. Значительно чаще жилища с нарами стали строить в эпоху развитого и позднего средневековья. Такие жилища есть в Новосибирском (городище Седова Заимка: жилище 4 — вдоль западной стенки; жилище 2 — вдоль трех стен, кроме той, где был выход), Сургутском (Ермаково III, Ермаково XI) и Нижнем Приобье (поселение Зеленая Горка). В. М. Морозов отмечает, что в жилищах XIII—XVI вв. в Нижнем Приобье остатки нар прослежены во многих постройках в виде материковых возвышений вдоль продольных стен. Высота их 20 см, ширина 60—110 см (см. гл. 7). Нары в жилищах⁷⁰ — почти обязательная деталь интерьера тра-

⁷⁰ Их нет в чуме, легких шалашах.

диционных жилищ сибирских народов. Они есть в сезонных наземных, в круглогодичных наземных и полуназемных постройках, как каркасных, так и самонесущих (см. гл. 8).

Пол в жилищах чаще всего был земляной, что подтверждается его утоптанностью. Как правило, это темная, часто черная, очень плотная прослойка толщиной 1—4 см. Приведем несколько примеров: городище Туруновка, жилище 3 (кулайская культура Новосибирского Приобья), Степановское городище, жилище 2 (кулайская культура Нарымского Приобья), поселение Кисловка II, жилище 4 (верхнеобская культура, Томское Приобье), городище Остяцкий Бор, жилище 3 (Нарымское Приобье, I половина II тыс. н. э.), селище Могильническое II, жилище 23 (Томское Приобье, XVI—XVII вв.). Кроме земляного пола известны и деревянные настилы, глинобитные полы, покрытие части пространства жилища циновкой из прутьев. Заслуживает внимания наблюдение В. И. Матюшенко. Он отмечает очень ровную поверхность пола в некоторых постройках, что возможно, по его мнению, только в том случае, если пол имел какое-либо покрытие, иначе поверхность пола имела бы блюдцеобразную форму.

Сохранившийся подзол на полу наземных жилищ в Сургутском Приобье также свидетельствует о наличии каких-то покрытий. Деревянный настил на полу зафиксирован на поселении Чес-тый-яг в жилище 4 (Нижнее Приобье, поздний неолит).

Глинобитные полы известны с эпохи ранней бронзы (памятники ташковской культуры). Прослежены небольшие участки, покрытые глиной. Они обнаружены в сузгунской культуре (Кучум-Гора, развитая бронза). В памятниках гамаюнской культуры (переходное время от бронзы к раннему железному веку и раннее железо) известны бревенчатые в два слоя полы, обмазанные глиной. Следует отметить, что памятники, в которых есть полы, обмазанные глиной, расположены большей частью в лесостепной зоне.

Пол в жилищах западносибирских народов чаще всего был земляным. Как отмечают исследователи, иногда пол настился из плаха в чуме, в круглогодичных полуназемных постройках (см. гл. 8).

Очаг — одна из главных структурных единиц, организующих жилое пространство. Среди этнографов есть мнение, что главным в жилище является вход-выход [Байбурин А. К., 1983]. Археологам трудно определить, что же являлось главным — вход-выход или очаг. По этнографическим наблюдениям у ныне живущих в Западной Сибири народов ясно, что эти два элемента жилища являются наиболее значимыми.

На территории Западной Сибири палеолитических жилищ

не раскопано, мы же будем рассматривать очаги только внутри жилищ, начиная с эпохи неолита. В эту эпоху известны: костер на полу, расположенный в центре, если площадь жилищ была невелика; несколько очагов по длинной оси, если площадь была значительной. Точно такое же расположение очагов прослежено в эпоху палеолита на территории Русской равнины [Палеолит СССР, 1984, рис. 88]. Палеолитические очаги часто были обставлены камнями, а некоторые — углублены в пол [Палеолит СССР, 1984, рис. 126, 134]. В конце неолита — начале эпохи бронзы на территории распространения екатерининской, кротовской, ташковской и андреевской культур очаги в большинстве своем были земляными (на полу или углублены до 50 см), вокруг углубленных очагов часто возводились валики из глины (екатерининская, кротовская культуры), кольца глиняной обмазки вокруг очагов на полу (кротовская культура). Наибольшее разнообразие наблюдается в кротовской культуре. Кроме указанных, следует отметить очаг в яме с глиняной обмазкой. Расположены очаги чаще всего в центре, часто против входа, но появляется уже и иное положение: у стены против входа (екатерининская культура), у входа (1 — кротовская культура), в северо-восточном углу (преандроновское время в Тюменском Притоболье). В эпоху развитой бронзы наряду с округлыми очагами-коптищами, наземными и чуть углубленными, встречаются квадратные, обложенные кирпичиками в ямах или на полу (пахомовские памятники и сузунская культура). Расположение очага в основном в центре жилища, но есть исключения: у южной стенки (черкаскульская культура).

В переходное время — в конце эпохи бронзы и в начале раннего железного века — очаги в жилищах продолжают занимать центральное место. Они округлой формы, наземные или слабо углубленные в землю (межовская, гамаюнская и красноозерская культуры). В гамаюнской культуре очаги встречены у стены, в жилищах красноозерской иногда встречается по 2—3 очага, в атымской в одном жилище очаг зафиксирован в его западной половине. Отличительным был очаг в жилище молчановской культуры со специальным возвышением в 40 см над уровнем пола из кольев, обмазанных глиной. В эпоху раннего железа на территории Западной Сибири мы наблюдаем продолжение традиций: 1) расположение очагов в центре; 2) большинство очагов в виде коптища на полу или в неглубокой яме округлой формы.

Кроме указанных традиций, имеющих широкое распространение, существуют и такие, которые прослеживаются на какой-то определенной территории. Кроме традиционных форм, расположения, деталей устройства очагов появились новые черты, ха-

раактерные либо для одной культуры, либо для нескольких. Необходимо также остановиться на объектах, связанных с металлургией. Помня об общих чертах, указанных выше и характерных для всех культур, обратимся непосредственно к культурам и рассмотрим все то, что имеет отличия от общего.

Очаги завьяловской и большебереченской культур (Верхнее Приобье) имеют сходство в устройстве: и те и другие находятся на материковом выступе, размер в среднем 40×70 см, мощность 8—15 см. Это один тип. Второй — очаги в ямах шириной до 40 см, есть ямы с глиняной обмазкой. Кроме того, встречаются очаги на полу. Один из очагов Н. Л. Полосьмак рассматривает как чувал [Полосьмак Н. В., 1987]. Приведенные аргументы не позволяют безоговорочно согласиться с мнением автора.

В Томском Приобье очаги наземные, в виде кострищ. Выделяются очаги большого диаметра с остатками бронзолитейного производства.

Саргатская культура выделяется наличием наряду с общераспространенными очагами с капавками. Кроме того, очаги были не только округлыми, но и квадратными, стенки которых укреплялись деревянной рамой.

Отмечены случаи, когда очаг находился у входа или в дальней половине жилища. Так, у иткульцев, как правило, было 2 очага, один из них был производственного назначения.

Очаги углубленные, стенки их обмазаны глиной. Обмазка очагов глиной применялась также саргатцами и гороховцами. У населения белоярской культуры (Сургутское Приобье) очаги располагались в центре, иногда несколько очагов в одной постройке, расположение их в этом случае различное. Форма подпрямоугольная, т. е. они были огорожены. В одном случае прослежена песчаная подсыпка вокруг очага.

Кулайская культура Нарымского Приобья ничем не выделяется, кроме одного: большой мощностью очагов (как правило, 25—30 см, но есть до 90 см). Здесь все традиционно: очаги наземные и углубленные, но среди углубленных — большинство прямоугольной формы, это новшество. Расположены почти все в центре построек. Очаги в большинстве построек большие. Это тоже одна из особенностей кулайской культуры Нарыма. Кулайская культура в Новосибирском Приобье, пожалуй, ничего нового не принесла. Интересен очаг производственного назначения в жилище 4 на городище Ивановка IV. Диаметр его 2 м. Он имел круглое кольцо 30—50 см, выкопанное в материке, глубиной 20—25 см. Вероятно, этот объект предназначался для сушки сосудов. Кроме этого объекта, расположенного у восточной стенки жилища, в центре его находился второй очаг на уровне пола, отделен-

ный от остального пространства бортиком из глины. Размеры очага 22×36 см. Кулайская культура в Сургутском Приобье наряду с общими чертами (очаги в центре наземные и углубленные) имела и специфические: очаги на песчаных подушках прямоугольной формы, иногда расположены в углах построек.

Подводя итог по раннему железному веку, можно констатировать, что в это время наблюдается большее разнообразие как в форме, деталях устройства, так и в расположении очагов. Нет уже тех строгих канонов, которые соблюдались в более раннее время, хотя и в эпоху бронзы есть уже разнообразие.

Для раннего средневековья характерны те же общие черты: очаги наземные или углубленные. Кроме них встречаются и другие. Расположены они чаще всего в центре. На Верхней Оби выявлены очаги открытого типа, овальные (округлые). Иногда вокруг очага была канавка. Кроме центрального места их помещали у стен (кроме восточной). Появилась печь со сводом. На Средней Оби (релкинская культура) очаги были общераспространенных типов. Но в системе отопления есть одно новшество — в нескольких постройках прослежен кан. Этот признак культуры наряду с некоторыми другими, в частности одним из типов керамики, Л. А. Чиндина связывает с пришлым населением [Чиндина Л. А., 1985, с. 24]. Такой тип отопления построек в Среднем Приобье не прижился и в последующее время не встречается. В Среднем Прииртыше (потчевашская культура) все очаги расположены ниже уровня пола и имеют несколько вариантов: с канавкой, площадка очага окружена валиком, очаги в небольших углублениях (наиболее часто встречаются) и 1 глубокий очаг. Расположены, как правило, в центре, иногда ближе к выходу или у стен (если очаг был не один).

В Сургутском Приобье и на Нижней Оби очаги наземные отмечены на зеленогорском этапе, наземные и слабоуглубленные — в кучиминское время. Очаги больших размеров и большой мощности, что характерно для северных районов Западной Сибири. Отличительными особенностями обладают очаги Зауралья. Они глинобитные, округло-овальные или подчетыреугольные в основании. Есть очаги, расположенные на вымостке, некоторые ооконтурены канавкой. Расположение их различно: в центре, по углам или в какой-либо половине постройки.

Памятников второго тысячелетия известно значительно меньше, чем любого периода, начиная с эпохи бронзы. По имеющимся материалам мы можем сказать, что открытый очаг — наземный или углубленный — характерен для всей территории Западной Сибири. Отметим и различия в разных ее регионах.

В Верхнем Приобье кроме открытых очагов засвидетельство-

ваны печь со сводом (гор. Седова Заимка), чувал (там же). Расположение очагов различно: в центре, в стороне от центра. В Томском Приобье в памятниках XVI—XVII вв. в значительной части жилищ обнаружена печь со сводом, глиняные двух- и трех (1 случай) камерные очаги. Открытые очаги для постоянных жилищ не характерны. В печах — зола и нередко фрагменты керамики или сосуд (раздавленные). В Среднем Приобье (традиционно для этого района) открытый очаг, чаще углубленный, расположенный в центре или у стенки (редко). В Прииртышье очаги тоже открытого типа, среди них выделяются: 1) на глинобитном возвышении или на материковом остане, огороженном деревянной рамой; 2) очаги на уровне пола; 3) в ямах. В этом же районе известна такая же печь, как и в Новосибирском Приобье. Она двухкамерная, камеры разделены перегородкой с круглым отверстием (гор. Большая Пристань).

В Сургутском Приобье открыты наземные очаги, расположенные в центре, редко в углу. Найден один чувал (селище Кучиминское XVI). В основании его глинобитная подушка диаметром 1 м. Боковые и задние стенки сделаны из жердей диаметром 5—6 см. Они были воткнуты в глинобитное основание и обмазаны глиной. Зев обращен к центру. Для жилищ Нижнего Приобья характерны очаги на песчано-глиняной вымостке, огороженные деревянной рамой. Есть очаги на полу и слегка углубленные; как правило, расположены в центре. В Зауралье жилища отапливались чувалами, которые располагались в углах. Встречаются также и открытые очаги.

По этнографическим материалам очаги в виде кострищ внутри жилища продолжают существовать и до сих пор, хотя сейчас встречаются редко. Их заменили железные печки. Располагались очаги также в центре жилища, что кроме мировоззренческих канонов объяснялось чисто утилитарными причинами: дымовое отверстие при строительстве жилья технически легче было сделать в центре или оно могло быть только в центре (в конических постройках). Если очаг расположить не прямо под отверстием, дым будет наполнять все помещение. Иногда очаг располагался в яме (Алтай), на глиняной подушке, обрамленной четырехугольником из бревен, досок с различными способами крепления (угры) [Sirelius U. T., 1908], что является для этих районов традиционным. Как описывает З. П. Соколова (1964), очаг у обских угров редко размещался не в центре и в основном стал перемещаться в угол или к стене с появлением чувала, что также объясняется техническими причинами — проще было закрепить длинную трубу чувала у стены и в углу, чем посередине постройки. Однако это не исключало того, что чувал делали

и в центре. Широкое применение чувал у обских угров нашел в XIX—XX вв., кое-где встречается он и сейчас [Szokolova Z. P., 1964, с. 68]. Из тюркоязычных народов Западной Сибири чувал сохранился у западносибирских татар (см. гл. 8).

У. Т. Сирелиус, З. П. Соколова и ряд других исследователей указывают на южное происхождение чувала [Sirelius U. T., 1907; Szokolova Z. P., 1964]. Есть предположение, что чувал как составная часть срубного (самонесущего) жилища западного типа вошел в мансийскую культуру с этим типом жилища (см. гл. 8). Приведенные выше данные не позволяют решить вопрос о происхождении чувала однозначно. Однако по археологическим источникам позднего средневековья чувал прослеживается крайне редко. Имеющиеся данные тяготеют к юго-западной, лесостепной части Западной Сибири.

Обращает на себя внимание сходство глинобитных печей, известных по памятникам позднего средневековья в Новосибирском и Томском Приобье, с хлебными печами угров (техника изготовления, толщина стенок и размеры печей). Хлебные печи угры всегда ставили на улице.

Вход в жилище играл роль разграничителя двух сфер: жилого и нежилого пространства. Он имел специфическое назначение: обеспечивать проницаемость границ [Байбурин А. К., 1983, с. 135]. В определении функций жилища, различных его частей, в частности входа-выхода, наблюдается совпадение мировоззренческих оценок у угорского, тюркского и русского населения, что объясняется, видимо, общей концепцией мира. Археологам не всегда удается установить расположение входа и его конструкцию. Из этого, однако, не следует, что вход во всех неустановленных случаях был через дымовое отверстие, что многократно приходилось наблюдать путешественникам, этнографам в зимних жилищах, особенно в таежной зоне, где много снега.

Следует отметить, что на всем протяжении рассматриваемого периода в большинстве случаев вход делался в виде коридора-тамбура, пристроенного к жилищу. Ориентация входа зависела от расположения самого жилища, основных направлений ветров, удобства и от мировоззренческих традиций (последними, видимо, можно объяснить, что население одной культуры строило жилища входом к реке, а другой — от реки). Часто вход был в виде проема в стене и никаких дополнительных конструкций не имел.

Небезынтересно будет рассмотреть эту деталь жилища во времени и пространстве. Так, в эпоху неолита входы располагались в сторону реки или террасы. На поселении Чес-тый-яг в жилищах 4, 5 они были в виде углубленного коридора длиной до 2 м, уровень пола у выхода из жилища был ниже пола самого

жилища на 30 см [Васильев Е. А., 1986; 1989]. Выделяются длинными тамбурами (4—6 м) жилища на поселении Тух-Ситат IV эпохи бронзы. В одном жилище было 2 выхода. Чрезвычайно интересно жилище 1 на поселении Венгерово 2, дно входа которого выложено керамикой. У жилищ андреевской культуры (эпоха бронзы) входы были в стене, противоположной обращенной к берегу озера. Зафиксированы выходы в виде коридора длиной 120 см, шириной 60 см. Большой интерес представляют жилища на поселении Самусь IV, удаленные от берега (то есть перед ними был еще ряд жилищ). Все жилища были объединены единой канавой-коридором, возможно, крытым [Матющенко В. И., 1973, с. 63].

В жилищах Тоболо-Иртышского междуречья в эпоху раннего железа (саргатская и гороховская культуры) преобладали крытые коридорообразные выходы длиной 2—3 м (есть 6 м и более) и шириной 70—120 см. Пол входа был выше пола жилища, в этом случае были ступеньки либо пологий спуск в жилище. Коридоры соединяли двухкамерные или трехкамерные постройки. Кроме них входы оформлялись в виде короткого тамбура и в виде проема в стене без дополнительных сооружений. Входы у жилищ лесной полосы Западной Сибири эпохи раннего железного века располагались в разных стенах, иногда с угла. У некоторых построек было два выхода в противоположных стенах — северо-восточной и юго-западной (Степановское поселение I, жилище 4). Выходы строили в виде коридоров длиной до 3 м, редко более, шириной до 1 м. Иногда это был тамбур размером $1,2 \times 1,5$ м — $2,2 \times 3$ м. Он пристраивался к короткой стене жилища (Сургутское Приобье — II—V вв. н. э.). Ступеньки в жилище фиксируются редко. Одна из таких редких деталей прослежена в жилище 1 Степановского городища (Нарымское Приобье). Ее длина 1,1 м, ширина 0,9 м, высота 40 см.

В эпоху раннего средневековья описываемая конструктивная деталь жилищ продолжает оставаться традиционной во всем: в расположении (в любой стене, редко с угла), в виде коридора или тамбура (очень длинных коридоров нет) или в виде проема в стене. Интересной деталью является спуск в жилище в виде пологого материкового выступа (поселение Неготка IV, Нарымское Приобье). Развитое и позднее средневековье лишь закрепляет традицию, которую мы наблюдаем и в более позднее время, вплоть до настоящего у коренных народов Западной Сибири.

Археологи, располагая только ямами от столбов для укрепления горизонтальных слег, иногда ямками от жердей, образующих стены пристроя, и пятном вытопанной земли, выделяющей, как правило, более гумусированным темным цветом, лишены

возможности восстановить технические приемы строительства, а часто и внешний вид пристроя. Здесь на помощь приходит этнография. У сибирских народов известны входы в виде проема в стене без дополнительного пристроя или с ним (коридор, сени), а также с навесом. Все варианты расположения входа, встречаемые в археологии, сохранились и зафиксированы этнографами: проем в середине стены, с угла, в крыше (совмещен с дымовым и световым отверстием). Иногда в жилище был дополнительный вход (см. гл. 5). В этнографическое время он известен как обрядовый [Sirelius U. T., 1907, S. 121—122].

Переходим ко второму аспекту — анализу данных о конструкции построек. Мы уже говорили о различных подходах и понятиях относительно принципов классифицирования построек в литературе, в том числе и у авторов нашей работы. Для того чтобы сделать материал сопоставимым, естественно, его нужно выразить в единой системе или классификации. Ее общие принципы изложены во введении, а практическая реализация дана при изложении археологического материала в эпоху раннего железа при описании построек кулайской культуры Верхнего и Среднего Приобья (см. гл. 6) и в этнографической части книги. Напомним, что в основу нашей классификации положен такой признак, как несущая система конструкции. По этому признаку постройки разделены на: 1) каркасные; 2) имеющие каркас + самонесущие стены (каркасно-самонесущие); 3) с самонесущими стенами (самонесущие). В соответствии с этим рассмотрим типы построек, учитывая и признаки, связанные с конструкцией (форма основания и отношение к уровню дневной поверхности).

Эпоха неолита представлена тремя типами: каркасным, каркасным с самонесущими стенами и постройками с самонесущей системой. Постройки первых двух типов наземные, однокамерные, редко двухкамерные, предположительно в форме усеченной пирамиды. Каркасные полуназемные составляют большинство раскопанных построек. Площадь их различна.

Исключительно интересный материал дали раскопки жилищ 3—5 на поселении Чес-тый-яг. Раскопано три жилища и две постройки хозяйственного назначения. Все жилища имели одинаковую конструкцию и относятся к третьему типу: бревенчатые стены внутри прямоугольного котлована, площадь которого от 100 до 190 кв. м, глубина 100—140 см. Внутри котлованов стояли столбы, поддерживающие крышу. Вдоль стен при рытье котлованов были оставлены нары в виде материкового выступа высотой до 50 см, шириной до 2 м. Очагов — по одному или два. Выходы в виде длинного тамбура, ориентированы к берегу [Васильев Е. А., 1986, 1989].

Подводя итог вышеизложенному, обратим внимание на то, что в эпоху неолита исследователями выявлены три типа построек. Преобладают полуназемные постройки.

Переходный период от неолита к эпохе бронзы и эпоха бронзы. При выявлении архитектурных типов выясняется следующее: на территории Западной Сибири известны три типа: каркасный, каркасный с самонесущими стенами и постройки с самонесущими стенами. Первый и второй типы обозначены только в екатерининской культуре, а также зафиксированы в сузгунской, атлымской культурах; каркасные с самонесущими стенами — в черкаскульской, гамаюнской, красноозерской культурах Притоболья и Прииртышья, в энеолитических и в эпоху развитой бронзы в Васюганье. Эта территориальная особенность сохранится и в будущем.

Постройки каркасного типа имеют несколько вариантов, которые прослеживаются во всех признаках основы каркаса. Такой признак, как отношение к уровню дневной поверхности, показывает две позиции: наземные и полуназемные постройки. В большинстве случаев постройки однокамерные, но встречаются и двухкамерные. Форма постройки — признак, наиболее трудно определяемый вследствие редкой сохранности деревянной конструкции верхних частей построек. Исследователи называют постройки пирамидальной, конической форм, формы усеченной пирамиды с плоской или односкатной крышей.

Варианты второго типа касаются также всех позиций схемы. Наибольшее разнообразие проявляется в основе каркаса: столбы стояли по периметру, столбы по периметру и центральный опорный столб в центре, двойной ряд столбов по периметру, двойные бревенчатые стены. Каркасно-самонесущие постройки были как наземные, так и полуназемные. Большинство из них имело одну камеру, реже — две, редко три. По форме основания постройки призматические. Данных о форме крыши очень мало. Есть указания на то, что крыша была плоской или односкатной. В случае наличия центрального опорного столба она могла быть четырехскатной.

Подводя итог, отметим, что, как и в предшествующее время, археологами выявлено три типа построек в Западной Сибири, причем второй тип наиболее распространен в западной части лесостепной зоны и южнотаежной полосе региона.

Ранний железный век. Основными типами по несущей конструкции в раннем железном веке были 1 и 2. Так, для завьяловской культуры жилища реконструируются как каркасные, со столбами в центре, наземные и полуназемные, однокамерные и, как исключение, двухкамерные. Для большереченской культуры

данных больше, и исследователи выделяют каркасные жилища пирамидальной и призматической форм. Они были в большинстве полуназемные, есть и наземные, однокамерные; двухкамерные являются редким явлением.

Постройки кулайской культуры наиболее разнообразны. Несущей конструкцией у жилищ каркасного типа были прямо поставленные столбы по углам, жесткость каркасу придавала рама, закрепленная на столбах. Другой разновидностью основы каркаса были наклонные столбы по углам, вверху рама. Большинство построек полуназемного типа, однокамерные. О форме крыши судить трудно: была ли постройка пирамидальной (в этом случае стены и крыша совмещены, недифференцированы или в форме усеченной пирамиды), данных не имеется. У каркасных построек с горизонтально забранными стенами (тип 1) зафиксировано два варианта несущей конструкции: одинарный и двойной ряды столбов по периметру. В обоих подтипах преобладают полуназемные, однокамерные постройки призматической формы.

В Нарымском Приобье предполагается существование построек с самонесущими бревенчатыми стенами (срубных, по классификации Л. А. Чиндиной) [Чиндина Л. А., 1984, с. 177]. Постройки саргатской культуры по реконструкции Л. Н. Коряковой относятся ко второму типу. Несущую конструкцию составляли столбы по периметру и столбы по периметру и в центре (центральные поддерживали кровлю). Постройки наземные и полуназемные (76%); большое количество двухкамерных (26%) и трехкамерных (14,8%) [Корякова Л. Н., 1988, с. 25].

Л. Н. Корякова предполагает строительство срубных построек или, как она их называет, «псевдосрубных». Предположение Л. Н. Коряковой о существовании бревенчатых построек с самонесущими стенами основывается на наличии сруба или клетки в погребальных сооружениях.

Эпоха раннего средневековья. По этой эпохе мы располагаем значительно большим материалом для реконструкции построек. Для верхнеобской культуры характерны постройки каркасного типа с несколькими вариантами несущей конструкции: столбы поставлены в центре жилища, на них закреплена рама; наклонные столбы по углам, они могут быть закреплены рамой или попарно; в нескольких случаях отмечен центральный опорный столб. Почти все постройки полуназемные, однокамерные, в форме усеченной пирамиды. В памятниках релкинской культуры преобладают постройки второго типа. Зафиксировано несколько вариантов основы каркаса: столбы по углам, столбы по периметру, столбы по периметру и в центре. Кроме описанных построек прослежены жилища каркасного типа, основой каркаса ко-

торых являлись наклонные столбы по углам. Почти все постройки полуназемные, редко наземные, преобладают однокамерные, но есть и двухкамерные. Форма крыши определена лишь в нескольких жилищах как плоская. Постройки третьего типа выделены условно [Чиндина Л. А., 1985, с. 19]. Потчевашская культура характеризуется жилищами второго типа, углубленными в материк на 20—30 см, прямоугольной формы, площадью от 20 до 60 кв. м, с очагами-кострищами на полу или слегка углубленными, с коридорообразными выходами.

Эпоха развитого средневековья. В Верхнем и Среднем Приобье памятников этого времени изучено мало. Материалы для реконструкции построек свидетельствуют о том, что исследованные постройки относятся к каркасному типу, несущей конструкцией которых являлись вертикальные столбы в центре и наклонные по углам или только наклонные столбы по углам. Стены были наклонными, из толстых плах, жердей. Постройки полуназемные, однокамерные, предположительно в форме усеченной пирамиды. В памятниках усть-ишимской культуры исследованы постройки двух типов: каркасные и каркасные с самонесущими стенами. Они были наземными и полуназемными, однокамерными и двухкамерными.

Эпоха позднего средневековья. Наиболее изучены постройки этого времени в Верхнем Приобье. Выявлено три типа построек. Преобладают постройки первого типа, у которых основа каркаса имела несколько вариантов: прямые столбы по углам, наклонные столбы по углам, прямые столбы по углам и приставленные наклонные, центральный опорный столб. Постройки этого типа полуназемные, однокамерные, пирамидальные (редко) или в форме усеченной пирамиды. Котлованы жилищ обкладывались плахами, которые ставились на ребро впритык друг к другу. Обнаружены колышки, закреплявшие плахи. Третий тип представлен пока единственной постройкой на городище Шеломок.

Выходы оформлялись либо специальными столбами в проеме стены, либо одним столбом, к которому крепилась дверь. Часто вход был в виде длинного тамбура, некоторые имели предвходовое помещение. Как правило, они были крытыми. Исследователями установлены следующие варианты их каркасной конструкции: два столба у начала входа, на них горизонтальные слезы, опиравшиеся на столбы у входа и крепившиеся к столбам проема в стене или к горизонтальным слезам, которые опоясывали постройку каркасной конструкции, являясь одной из деталей каркаса. Стены коридора делали из жердей, плах, приставленных к описанному каркасу. Иногда нетолстые жерди втыкали в землю, от чего видны ямки, оконтуривающие вход. Крыша часто

была плоской, состоящей из положенных на слепи поперек коридора плах, жердей.

Рассмотрев все признаки в хронологическом и территориальном отношениях, попытаемся установить, какие признаки находятся в зависимости друг от друга, какие — не взаимосвязаны*. По нашим наблюдениям, связь прослеживается между несущей конструкцией и площадью постройки, между типом по несущей системе и количеством камер, между формой основания и отношением к уровню поверхности, между архитектурным типом и функциональным назначением постройки. Наиболее жесткая необходимая связь выявлена в первом случае, в остальных — она не обязательна. Нет зависимости между типом очага и архитектурным типом постройки и между архитектурным типом и формой входа (коридор, тамбур, отсутствие их).

Вернемся к взаимосвязанным признакам. Чем больше была площадь, тем прочнее должна быть несущая конструкция. Это прослеживается на примере жилищ на Чес-тый-яге: для поддержания кровли в центре были поставлены столбы: перекрыть нужно было около 200 кв. м. В каркасном типе при малой площади в постройках с четырехугольным основанием столбы стояли только по углам, при большей (25 кв. м и более) столбы стояли либо по всему периметру, либо добавлялись по длинным сторонам постройки и по углам. Как уже отмечалось, постройки обычно небольшие по площади (до 35—40 кв. м), но есть и значительно больше (до 80—120 кв. м). Надо сказать и о том, что часто строили с запасом прочности, а все приведенные выше крепкие конструкции для больших по площади жилищ нередко использовали и для небольших.

При характеристике типов по несущей конструкции нами уже указывалось на связь второго типа построек с количеством камер, особенно если третья камера пристраивалась с угла (саргатская культура). Если говорить о форме основания и отношении его к уровню поверхности, то можно отметить следующее: углубленные постройки почти всегда прямоугольной и квадратной форм и очень редко овално-круглой. Последние наиболее известны в памятниках гамаюнской культуры.

Функционально постройки делятся на жилые, производственные, культовые сооружения и хранилища. Как уже отмечалось, по археологическим материалам функционально постройки выделяются, хотя и не так часто. Но мы затрудняемся определить, были ли они только, например, производственными (литейная

* Анализу подвергнут только археологический материал, изложенный в данной работе.

мастерская) или одновременно и жилими. Четкого разграничения между функциональным назначением и архитектурным типом построек нет. Иногда исследователи отмечают хозяйственные постройки малого размера, наземные, иногда глубина их меньше, чем у жилой камеры в двух- и трехкамерных постройках. По площади выделяются сооружения общественного назначения (для собраний, празднеств и т. д.). По составу находок (ритуальная посуда, фигурки животных, кости некоторых животных или захоронения последних) некоторые постройки можно отнести к культовым.

После анализа отдельных признаков жилищ охарактеризуем каждый тип в целом, предварительно отметив их общие признаки. К таковым следует отнести: наземные и полуназемные варианты построек (среди подземных пока известен сруб в котловане и каркасная конструкция), расположение и тип очагов, варианты входов для каркасных и каркасных с самонесущими стенами.

Тип 1. Каркасные постройки. Несущая конструкция состоит из: 1) прямо поставленных столбов по углам; 2) прямо поставленных столбов в центре; 3) прямо поставленных столбов в центре и наклонных по углам; 4) наклонных столбов по углам, скрепленных сверху рамой; 5) прямо поставленных столбов по углам и приставленных наклонных; 6) центрального опорного столба.

Частью несущей конструкции была рама, которая закреплялась на опорных столбах. С целью придания жесткости каркасу нередко внутри жилища клали бревна, которые должны были придавливать столбы. Для укрепления каркаса на половине высоты или на $1/3$ и $2/3$ ее прокладывались горизонтально жерди, образуя обрешетку стен. Постройки наземные и полуназемные. В некоторых из них центральная часть была углублена. Котлован в центральной части обкладывался плахами, поставленными на ребро впритык и закрепленными колышками. Есть жилища с нарами, которыми служил невынутый слой земли. Имеются случаи покрытия нар деревом. Площадь построек от 6 до 80 кв. м, чаще всего 30—35 кв. м. Они, как правило, однокамерные, в основании прямоугольные (есть и квадратные), редко овальные (круглые). Очаги возможны всех типов. Чаще — кострище в центре, в средневековые нередки глинобитные печи или чувалы. Вход в виде коридора, тамбура или проема в стене без дополнительных пристроек. Стены построек состоят из наклонно поставленных бревен, плах, жердей, которые одним концом опирались на раму, скреплявшую опорные столбы, в случае попарного соединения столбов — на сами столбы и на продольную слегу, закрепленную на стыках соединения столбов. Крыша и стены могли быть не

дифференцированы, совмещены. В этом случае в зависимости от формы основания постройки были коническими или пирамидальными. Если стены и крыша были разделены, то крыша была почти всегда плоской, а постройка имела форму усеченной пирамиды.

Сочетание различных признаков, в первую очередь разновидность несущей конструкции, составляют варианты типа.

Тип 2. Каркасные постройки с самонесущими стенами. Их конструкцию составляют: 1) столбы по углам; 2) столбы по углам и посередине длинных сторон; 3) столбы по периметру; 4) двойной ряд столбов по периметру; 5) столбы по периметру и в центре. В первых трех вариантах возможна лазовая техника. При всех вариантах каркаса стены возводились из горизонтально уложенных бревен. Форма основания четырехугольная и многоугольная. Постройки этого типа наземные, полуназемные, однокамерные, двух- и трехкамерные. Очаги различных типов. Вход в виде тамбура, коридора или только проема в стене. Крыша могла быть односкатной, двух- и четырехскатной. Форма постройки призматическая. Различия в несущей конструкции и других признаках построек образуют варианты типа.

Тип 3. Постройки с самонесущими стенами. Из-за редкой встречаемости признаки этого типа в археологии не разработаны. Известны наземные, полуназемные и подземные постройки. Конструкция одного из наиболее полно сохранившегося жилища на поселении Чес-тый-яг описана выше.

И, наконец, последний интересующий нас аспект: какова связь между основными домостроительными традициями древнего и современного населения Западной Сибири.

Для анализа всего археологического материала с точки зрения генезиса домостроительства было проведено картографирование. Составлены карты по эпохам, на каждую из них нанесены границы культур, в их пределах обозначены типы построек. Путем наложения карт выяснено совпадение или несовпадение (частичное совпадение) границ культур предыдущих с последующими, а значит, произошли ли изменения в связи с этим в типах построек. Следующий этап: сопоставление этнографических данных по коренным народам с результатами анализа по археологическим материалам. Кроме карт по археологическим данным составлена сводная таблица (табл. 7).

В литературе неоднократно отмечалось сходство в домостроительстве археологических материалов с традиционными постройками коренных народов Западной Сибири [Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1985; Морозов В. М., 1986; Плетнева Л. М., 1990; Пелих Г. И., 1972; Соколова З. П., 1960; Чиндина Л. А.,

1984 и др.]. Однако наша задача значительно шире: провести анализ археологических и этнографических данных на всей территории Западной Сибири, чего пока нет в литературе. Обратимся непосредственно к материалам, изложенным в монографии (см. I и II книги наст. издания). Однако заранее оговоримся, что состояние источников, особенно археологических, существенно ограничивает анализ.

Территория Верхнего Приобья, как и южной части Прииртышья и Барабы, заселена тюркоязычным населением — различными группами сибирских татар. Эти же районы наиболее плотно заселены с XVII в. русскими и украинцами (в XX в.). Взаимодействие культур русского и тюркского населения началось давно и наложило отпечаток, видимо, на обе культуры. Как известно, в формировании этноса западносибирских татар принимало участие местное население и различные многократно вливающиеся группы тюркоязычного населения [Томилов Н. А., 1978, с. 89]. В этой связи мы вправе рассмотреть и на этой территории археологические материалы в хронологической последовательности. Неолитических реконструированных построек в Верхнем Приобье неизвестно. В лесостепном Алтае (корчажкинская культура) известны полуназемные, четырехугольные, однокамерные жилища. Реконструкция наземной части неизвестна. В самусьской культуре постройки были каркасными, полуназемными и наземными, однокамерными. В эпоху раннего железного века выявлены постройки также каркасной конструкции, наземные и полуназемные, однокамерные, редко двухкамерные. В раннем средневековье характеристика построек совпадает с таковой предыдущего времени. Отметим одну деталь: с эпохи бронзы основу каркаса чаще всего составляют четыре столба в центре, затем приставленные к ним наклонные. В других районах основа каркаса многовариантна (см. табл. 7).

В развитии средневековье — последнем этапе тюркизации — раскопано немного объектов. Каких-либо отличительных признаков пока не выявлено. Это те же каркасные полуназемные постройки. В позднем средневековье наиболее полно представлен материал из Барабы и Томского Приобья. В Барабе исследователи выделяют 2 типа построек (конусообразные и в виде усеченной пирамиды) с центральными опорными столбами [Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990, с. 111—114]. Выделенный ими третий тип относится к каркасным с самонесущими стенами (они могли возводиться из пластов дерна), иногда стены образовывали приставленные жерди (в этом случае по нашей типологии это каркасный тип). Известны здесь также каркасные постройки с самонесущими плетневыми стенами, то есть смешан-

	Зауралье	Нижнее Приобье	Сургутское Приобье
НЕОЛИТ	<p>Карк., полуназ., однокам. (2 — 2-камер.) Есть подземн., прямоугольн. (по Старкову).</p>	<p>Чес-тый-яг: жил. с самонес. бревенч. стенами, подземн., однокам. (пл. 196 кв. м) 4-скатн. крышу подерж. столбы в центре. Амня I — карк.+самонес. стены, полуназем., однокам.</p>	<p>Барсова Гора: полуназемн. (наземн.), однокам.</p>
ЭНЕОЛИТ			
БРОНЗА	<p>Черкаскульская к-ра: карк.+самонес. стены (столбы по перим. или двойной ряд столбов по перим.), полуназем., однокам. Межевск. к-ра: карк.+самонес. стены из жердей и плетня, обмазаны глиной, однокам. жил. с самонесущ. стенами Гамаюнская к-ра: карк.+самонес. стены (двойные бревенч. стены), однокам. (редко — 2—3-камер.), 4-угольн. ф. (редко овал), однокам. (1 из 11 — 2-камерн.)</p>	<p>Атлымская к-ра: карк., наземн., однокам. Атлымская к-ра: карк., наземн., карк.+самонес. стены. Жил. с бревенч. в 2 ряда самонес. стенами.</p>	<p>Пахомовский тип: карк. (?), наземн. (полуназемн.), 4-угольн. 1—2-камерн. 3 варианта реконструк. Барсовск. к-ра: карк., наземн., однокам.</p>

Среднее Прииртышье	Среднее Приобье	Верхнее Приобье
<p>Екатеринин. к-ра: карк. (прямоуст. столбы по угл. и приставл. к ним наклон.), полуназемн. (наземн.), однокам. (2-камер.), пирамид. ф. Карк.+самонес. стены (столбы по перим. и в центре), наземн., однокам. Предполож.: постр. с самонесущ. стенами</p> <p>Сузгунская к-ра: карк. и карк.+самонес. стены</p> <p>Кротовск. к-ра (лесостепь): карк. (вертик. столбы в центре и наклон. по углам), полуназем. (наземн.), однокам. (редко 2-камер.), в форме усеч. пирамиды. У некот. возможно плетневые стены</p>	<p>Степановская к-ра: карк., наземн. (летние), полуназ. (зимние), однокам.</p> <p>Андроновск. время: карк.+самонес. стены (столбы по перим.), полуназем., однокам.</p> <p>Поздн. бронза: карк. полуназ., однокам.</p> <p>Еловск. к-ра: карк.+самонес. стены, назем. (полуназем.), однокам.</p> <p>Молчановск. к-ра: полуназем., 4-угольн., 2-камер.</p>	<p>Самусьская к-ра: карк. (столбы в центре), стены наклон., полуназ. (наземн.), однокам.</p> <p>Большемыск. энеол. к-ра (лесостепной Алтай): полуназ. 4-угольн. или овальн. ф.</p> <p>Корчажск. к-ра: полуназ., 4-угольн., однокам.</p> <p>Ирменская к-ра: карк. (столбы по перим.)+самонесущ. стены, полуназем. (подземн.) жил. с самонесущ. бревенч. стенами</p>
<p>Ташковск. к-ра (Ниж. Приобье): жил. с самонес. бревенч. стенами, полуназ., однокам.</p> <p>Приобье: бархатовск. жил. (предполож.): карк.+самонес. стены, наземн., полуназемн., однокам. (2-камер.)</p> <p>Лесостепь: ирмен. к-ра: карк.+самонес. стены</p> <p>Красноозерская к-ра: карк.+самонес. стены (столбы по угл. и посеред. длин. сторон+центр. опоры. столб), полуназ., однокам.</p>		

РАННЕЕ ЖЕЛЕЗО	Продолж. гамаюнск. к-ры	Белоярск. к-ра: карк. полуназ., назем., од-нокам. Калининск. к-ра: полуназ., 4-угольн. ф. од-нокам. Кулайская к-ра: карк. полуназ., назем., од-нокам. Есть котлованы, укрепл. жердями
РАННЕЕ	Назем. (полуназ.), 4-угольной ф., однокам. Назем. (полуназ.), 4-угольн. ф. (в лесной зоне), овальн. ф. — в тундре	
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РАЗВИТОЕ	Полуназ.	Полуназ., наземн., 4-угольн. ф., однокамер.
ПОЗДНЕЕ	Полуназ. (наземн.), 4-угольн. ф. — в лесной зоне, многоугольн. ф. — в тундре, однокамер. Жил. с самонесущ. стенами, печи — каменки (приурал. насел. с XI—XII вв.)	Полуназ. (назем.), 4-угольн. ф., овал., многоуг. ф.

Саргатск. к-ра (лесостепь): карк. (столбы по перим.)+самонесущ. стены, полуназ., назем., 2-3-камер.	Кулайская к-ра: карк. (прямопоставлен. столбы по угл., стены наклон.), назем., полуназем., однокам.	Завьяловск. к-ра: карк. (столбы в центре), наземн., полуназ. 1-, редко 2-камер.
Гороховск. к-ра: карк. (столбы по перим.)+самонесущ. стены, полуназ., назем., 1-2-камер.	Карк. (накл. столбы по углам), наземн., полуназем., однокам. Карк.+самонес. стены (столбы по угл.+ по сер. дл. сторон; столбы по перим.), назем., полуназем. 1- или 2-камер.	Большереч. к-ра: карк., наземн., полуназ., 1-, редко 2-камер. Томское Приобье: шело- мокская к-ра: полуназ. 4-угольн., однокамер.
Потчевашск. к-ра: карк., полуназ., однокам. Жил. с бревенч. самонес. стенами, назем., однокам.	Релкинск. к-ра: карк. (накл. или прямые столбы по угл.), полуназ., однокам. Карк.+самонесущ. стены (столбы по угл. и посер. дл. сторон; столбы по перим.); полуназ. (назем.), однокам.	Верхнеобск. к-ра: карк. (накл. столбы по угл.; центр. опорн. столб+накл. по перим.; столбы в центре), полуназ., однокам. Есть в ф. усеч. пирам. Одинцовская к-ра (лесостепной Алтай): карк., полуназ., однокам.
Усть-Ишимск. к-ра: карк., полуназ., однокам. Карк.+самонес. стены, наземн. (полуназемн.), однокам. (реже — 2-камер.)	Карк. (вертик. столбы в центре и наклон. по угл.), полуназ. однокам.	Басаидайск. к-ра (Томское Приобье): карк. (накл. столбы по угл.), полуназ. однокам. Новосибирск. Пр.: карк., наземн., полуназ., однокам. Барнаул. Приобье: карк., полуназ., однокамер.
Полуназ., наземн. Среди них есть карк.+самонесущ. стены		Томское Приобье: карк. (столбы накл. по угл., столбы прямые по угл. и приставл. к ним накл.; центр. опор. столб.+наклон. по угл.; прямые столбы по угл.); полуназ. (назем.), однокам. Жил. с бревенч. самонес. стенами, наземн., однокам. Новосибирское Приобье: карк., прямые столбы по угл., полуназ., однокамер.

ного типа. Последние прослежены на этой территории с эпохи бронзы (кротовская культура).

В Томском Приобье прослежена многовариантность несущей конструкции каркаса (см. гл. 7). Кроме каркасных обнаружена одна постройка с самонесущими стенами. Отличием построек в форме усеченной пирамиды тюркских от северных народов является, как указывает А. А. Попов (1963, с. 158), наличие центрального опорного столба. В археологических материалах по позднему средневековью такая деталь выявлена в памятниках Барабы и Томского Приобья [Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990, с. 111; Плетнева Л. М., 1990]. Надо сказать, что это один из вариантов несущей системы. Наряду с ним на этой же территории в XV—XVII вв., то есть в тюркских памятниках, зафиксированы все известные варианты каркаса. Постройки с центральным опорным столбом редки.

В плане изучения традиций интерес представляет следующее явление. Как было отмечено выше, на территории лесостепи с эпохи ранней бронзы выявлены каркасные постройки с плетневыми самонесущими стенами или сложенными из дерна. Есть они и в XIV—XVII вв. [Молодин В. И. и др., 1990, с. 113]. Выявлено также на археологическом материале, что жилища русского типа стали распространяться через 150 лет после присоединения к России [Молодин В. И. и др., 1990, с. 113]. При исследовании построек русского населения на этой же территории выявлены такие виды, как углубленные в землю каркасные постройки с самонесущими стенами из бревен, закрепленных в пазы столбов, постройки с плетневыми стенами, обмазанными глиной (см. гл. 9). Они связываются с южнорусской традицией, принесенной в Западную Сибирь. Наличие одинаковых типов построек, существовавших у местного населения до прихода русских в Сибирь и у русских южной части России, можно объяснить конвергентным развитием культур, хотя возможны какие-то общие моменты в формировании культур через средневековых тюрков, имеющих общие истоки (кипчакский элемент). Характерно то, что эти виды построек принесены на территорию, на которой они уже были известны. Сформировавшись на юге России, они в Сибири прижились в сходных климатических условиях.

Как известно, начиная с андроновского времени, территория лесостепи была местом взаимодействия двух традиций в домостроительстве: индо-иранского мира и северной, лесной. Но не обладая добротным исходным материалом, а именно хорошо реконструированными жилищами андроновской культуры на территории Западной Сибири, как и реконструкциями из лесной полосы, сделать сейчас анализ взаимодействия традиций весьма

затруднительно. Необходимо как накопление источников, так и разработка специальной методики.

Территория современного проживания хантов и манси охватывает географически северную часть Среднего Приобья, Нижнее Приобье и Прииртышье. Наиболее интересен район Прииртышья. Так, в екатерининской культуре (ранняя бронза) известны все типы построек: каркасный, каркасно-самонесущий и самонесущий. Постройки наземные, полуназемные, в основном однокамерные, есть двухкамерные. Затем в последовательно сменяющих друг друга культурах эпохи бронзы и перехода к раннему железному веку (сузгунская, красноозерская, памятники пахомовского типа) исследователи фиксируют те же типы построек. В эпоху раннего железного века (саргатская и гороховская культуры) преобладают постройки каркасно-самонесущего типа, своеобразной планиграфии, двухкамерные с переходом, трехкамерные и двухкамерные с переходом и пристройкой с угла третьей камеры, а также и многокамерные. Как отмечает Л. Н. Қорякова (1988, с. 137), «заслуга саргатских племен заключается в том, что, пристраивая к жилому помещению несколько хозяйственных и связывая их воедино, они создали прообраз будущего двора, известного уже в средневековье». Как уже указывалось, двухкамерные постройки каркасно-самонесущего типа известны здесь с эпохи бронзы. В последующее время в средневековье (потчевашская, усть-ишимская культуры и XIV—XVI вв.) население этого района продолжает строить каркасные и каркасно-самонесущие, полуназемные, однокамерные дома.

Если в саргатское время постройки с самонесущими стенами выделялись условно (т. е. их наличие предполагалось), то в раннем средневековье они зафиксированы (наземные, однокамерные). Материалов позднего средневековья пока очень мало, выявлены только постройки полуназемные и наземные каркасно-самонесущего типа. Таким образом, на территории Прииртышья с эпохи бронзы прослежено три типа построек и на протяжении всего периода отмечено присутствие каркасно-самонесущего типа. Постройки этого типа также характерны для хантов и манси, проживающих на этой территории (см. гл. 8).

Территория Среднего Приобья занята частично хантами и селькупам. Для него, особенно средней его части — Нарымского Приобья, начиная с эпохи бронзы (степановская, еловская культуры), характерны постройки каркасно-самонесущего типа, однокамерные, полуназемные и наземные. Такие же постройки выявлены в кулайской культуре. Кроме того, в ней зафиксированы дома первого типа (каркасного) в форме усеченной пирамиды. Предположительно были постройки самонесущего типа. В рел-

кинской культуре выделяют 5 типов [Чиндина Л. А., 1985, с. 18—19]. Продолжают бытовать каркасные полуназемные, однокамерные жилища (тип 3 по Л. А. Чиндиной), каркасные постройки с самонесущими стенами, полуназемные, однокамерные (типы 2 и 4 по Л. А. Чиндиной). В отдельный тип ею выделены жилища с внутренней перегородкой (тип 1). Они, как и предыдущие, относятся к каркасному типу с самонесущими стенами. Предположительно существовали постройки с самонесущими стенами (тип 5 по Л. А. Чиндиной).

Для эпохи развитого и позднего средневековья материалов очень мало. Так, для развитого средневековья мы располагаем данными только по одной постройке. Это каркасное, полуназемное, однокамерное жилище в форме усеченной пирамиды. Из шести типов построек, описанных Г. И. Пелих у селькупов, археологически выявлены второй, третий, предположительно четвертый. Наибольшее сходство имеют каркасные постройки со вторым типом селькупских построек *тяй-мат* [Пелих Г. И., 1972, с. 52—53]. По планировке большой интерес представляют каркасные жилища с самонесущими стенами с внутренней перегородкой. Аналогичные постройки описаны Г. И. Пелих (1972, с. 48—49). Но в отличие от археологических, известных в релкинской культуре, у них передняя стенка не забрана. Небезынтересны двухкамерные постройки селькупов с переходом между камерами. Г. И. Пелих относит их к третьему типу — *мадет-мат* [Пелих Г. И., 1972, с. 54—56, табл. 33, 2, 3]. Такие жилища на территории Среднего Приобья археологам неизвестны. Они были наиболее характерны в эпоху раннего железа в лесостепном Притоболье.

На территории Нижнего Приобья в эпоху неолита — ранней бронзы известны жилища каркасного типа, полуназемные (наземные), однокамерные и жилища с самонесущими стенами, подземные, большой площади. Последние на данной территории считаются неместными, принесенными с юга [Васильев Е. А., 1986]. В эпоху развитой и поздней бронзы здесь известны постройки каркасного типа, наземные, однокамерные — их значительно меньше. В эпоху раннего железа и раннего средневековья продолжают бытовать постройки полуназемные и наземные, однокамерные, с основанием четырехугольной формы в лесной зоне и овальной в тундре. В эпоху позднего средневековья исследованы такие же, как и прежде, постройки. С XI—XII вв. прослеживаются жилища с самонесущими стенами (срубные по технике), с печами-каменками. Такие постройки были характерны для переселившихся на территорию Нижнего Приобья коми-зырян [Морозов В. М., 1986, с. 105]. Таким образом, в Нижнем Приобье, насколько позволяет современное состояние источников, мы видим на протяжении

нескольких тысяч лет два вливания в местную традицию домостроительства: южное и западное. На протяжении эпохи бронзы южная традиция, видимо, угасает. Западная влилась в местную в развитом средневековье и прослеживается в современном домостроительстве хантов и манси [Соколова З. П., 1960; Морозов В. М., 1986].

Археологическими исследованиями в тундре обнаружены наземные постройки раннего средневековья с основанием овальной формы, а позднего средневековья — многоугольной формы. Других данных для реконструкций нет. Конические постройки в форме чума характерны для тундровых ненцев и кочевых хантов.

Заключая анализ археологических материалов по постройкам Западной Сибири, мы должны отметить следующие закономерности: 1) преобладание полуназемных построек; 2) основание прямоугольной формы в большинстве построек; 3) преобладание до развитого средневековья открытого очага-кострища, расположенного чаще всего в центре жилища; 4) каркасную конструкцию как преобладающую.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Домостроительство как одна из наиболее значительных сторон практической деятельности человека и созданной им культуры давно привлекало внимание исследователей. С активизацией полевого поиска за последние десятилетия был накоплен новый оригинальный материал по древнему и современному традиционному домостроительству.

Монография является первой попыткой сведения воедино данных, накопленных по достаточно обширному региону и отражающих разные хронологические срезы — от палеолита до современности. Совместная работа представителей двух научных дисциплин — археологов и этнологов — создала условия не только для взаимопроверки автономных поисков, но и для перехода от механического объединения материалов в рамках одной книги к исследованию генезиса традиций домостроительства.

В результате проведенной работы выделен один из крупных и древних ареалов, сложившийся в эпохи камня и бронзы на территории лесной и лесостепной зон Западной Сибири. Методом синхронно-диахронного анализа разработана историческая типология построек, в которой за основу взят признак конструкций (точнее, несущей системы). Установлена преемственность в развитии элементов жилой среды от каменного века до современности, что позволяет связывать археологические культуры западно-сибирского региона с предками современных этносов — тюркских, угорских, самодийских. Инновации в поселенческом строительстве коренного населения Западной Сибири отражают воздействие на этот процесс в эпоху бронзы и период раннего железа традиций индо-иранского мира, в средневековье — тюркского и славяно-русского. В ходе исследования предложены новые решения некоторых вопросов, частных на общеисторическом фоне, но важных для понимания конкретных ситуаций и событий не только куль-

турогенеза, но и этногенеза. Таковыми, например, являются: обнаружение связи между постройками с внутренней перегородкой в материалах релкинской культуры, а в последующем у селькупов; наличие центрального опорного столба в части построек позднего средневековья Томского Приобья и тюркского этноса в этнографических источниках; устойчивость традиций в типах построек и их интерьере, прослеживаемая через всю историю населения Западной Сибири; вопросы о северосибирском чуме, о культурно-генетических связях жилища селькупов Среднего Приобья и р. Таз; о происхождении срубной техники и другие. Получены определенные результаты и в такой малоисследованной области, как этническая специфика домостроительных традиций.

Основными общими чертами в поселенческих традициях Западной Сибири являются относительно небольшие, привязанные к водоемам селища и стоянки, большей частью со свободной расстановкой жилищ. Единичные поселения эпохи неолита и развитой бронзы, а также определенная их часть с конца бронзового — начала железного веков имели сравнительно простые укрепления из земли и дерева. Характерно разделение поселений (и соответственно жилищ) на зимние и летние.

Для построек эпох камня и бронзы характерна полифункциональность, то есть использование жилого помещения как мастерской, а также в других хозяйственных, возможно, и культовых целях. В сооружениях железного века обнаруживается их определенная дифференциация на жилые, хозяйственные, культовые и т. д. Для всего изучаемого периода обычным является сочетание преимущественно полуподземных жилищ с различными видами наземных.

По конструкции выделяются каркасные, каркасно-самонесущие (каркасно-столбовые), а для позднего времени — строения с самонесущими стенами. Основным строительным материалом служило дерево. Вход-выход имел две разновидности: обычный проем в стене с навесной «дверью» и проем с дополнительным предвходным сооружением (коридором). Типичны простейшие интерьеры с тремя обязательными элементами: очагом, хозяйственными ямами и лежанками. По археологическим реконструкциям восстановлены формы древних жилищ — конические, пирамидальные и призматические. Они же широко распространены у коренных народов Западной Сибири, знавших, кроме того, и другие формы — сферическую и созданные на основе односкатной кровли. Указанные формы получили свое воплощение и развитие во многих вариантах — вначале при создании собственно построек, а позднее в качестве крыш. В целом следует подчеркнуть богатство и разнообразие домостроительных традиций народов

Западной Сибири. В монографии показано взаимовлияние местного и появившегося позднее русского населения при обживании ими одной и той же природной среды. Это особенно важно для понимания процессов, происходящих при внедрении этноса с иным хозяйственным укладом.

В процессе работы над книгой стали очевидны пробелы и недостатки, присущие современному состоянию исследуемой проблемы. Отсюда вытекают и наиболее актуальные задачи на будущее. Археологам следует сосредоточить усилия на поиске памятников ранних эпох — палеолита, мезолита и неолита. Нужны более масштабные исследования в слабо изученных районах, прежде всего в Нижнем Приобье и к северу от среднего течения Оби. Этнографы уделяли и уделяют слишком мало внимания поселениям народов Западной Сибири, между тем это может стать темой специального большого исследования. Что касается построек, то здесь заметен значительный перевес наших знаний и интересов, относящихся к жилищу, при недостаточном внимании к сооружениям другого назначения.

При анализе материала взаимопонимание авторов осложнялось отсутствием единой терминологии, этот порог, безусловно, следует преодолеть. Наши предложения по унификации понятийно-терминологического аппарата, вероятно, требуют доработки.

Значительно осложнял исследование и другой фактор — неразработанность либо несогласованность методики. Частично это затруднение удалось преодолеть, но еще больше предстоит сделать. Необходимо, в первую очередь, совершенствование методики археологических раскопок и сбора по единой программе этнографических данных. В частности, следует перейти от метода выборочных раскопок отдельных жилищ на множестве поселений к максимально полному изучению отдельного наиболее типичного памятника с обязательным включением в общую сетку раскопа значительных участков оборонительных линий там, где они имеются. В этнографии важно дать описания не только поселений, но и всего обжитого пространства, включая места промыслов, кладбищ, культовых сооружений. Необходим максимально полный учет сведений по всем исследованным поселениям и жилищам при наличии единых принципов систематики и кодировки первичных данных. Их необходимо анализировать посредством формализованных методов, что требует разработки программ для компьютера.

В нашей работе основное внимание было сосредоточено на материально выраженных компонентах жилой среды, а социальный аспект рассматривался лишь частично. Специальное исследование этой важной проблемы — одна из задач будущего.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абдулганеев М. Т., 1985. Работы в горном и лесостепном Алтае// АО 1983 г. М. С. 189.
- Абдулганеев М. Т., 1986. Разведки на Алтае//АО 1984 г. М. С. 165.
- Абдулганеев М. Т., 1987. Поселение Комарово I — новый памятник эпохи раннего металла//Археологические исследования на Алтае. Барнаул. С. 67—80.
- Абдулганеев М. Т., 1987а. Отчет о работе 1987 г.//Архив ЛАЭИ АГУ.
- Абдулганеев М. Т., 1990. Материалы эпохи железа из раскопок у с. Комарово//Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул. С. 143—149.
- Абдулганеев М. Т., Казаков А. А., 1990. Верхнеобские памятники Малого Иткуля//Охрана и использование археологических памятников Алтая: Материалы конференции. Барнаул. С. 104—108.
- Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х., 1982. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая//Археология и этнография Алтая. Барнаул. С. 52—77.
- Абдулганеев М. Т., Шамшин А. Б., 1990. Аварийные раскопки у с. Точильное//Охрана и использование археологических памятников Алтая: Материалы конференции. Барнаул. С. 99—104.
- Абрамов Н. А., 1957. Описание Березовского края//Зап. РАО, СПб, кн. XII. С. 327—448.
- Абрамова З. А., Матющенко В. И., 1973. Новые данные о Томской палеолитической стоянке//Из истории Сибири. Вып. 5. Томск: Изд-во ТГУ. С. 16—23.
- Абрамова М. Б., Стефанов В. И., 1981. Памятники ивбирского типа. (О своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье)// ВАУ. С. 92—96.
- Абрамова М. Б., Стефанов В. И., 1985. Красноозерская культура на Иртыше//Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск. С. 103—130.
- Авдеев И. И., 1936. Песни народа манси. Омск: Омск. обл. гос. изд-во. 127 с.
- Авраменко Г. А., 1963. Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска// Материалы и исследования по археологии, этнографии и антропологии Красноярского края. Археология. Красноярск. С. 105—111.
- Адамов А. А., 1987. Археологические работы в Кольванском районе// Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С. 14—16.

Адамов А. А., 1989. К вопросу об одном из типов жилищ в Новосибирском Приобье в первой половине II тыс. н. э.//Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск. С. 150—151.

Адамов А. А., Гутов Е. А., Колонцев С. В. и др., 1988. Работы Новосибирского пединститута//АО 1986 г. М. С. 212—214.

Адрианов А. В., 1881. Путешествие члена-сотрудника А. В. Адрианова в Кузнецкий край//Изв. РГО. Т. XVII. Вып. 4. С. 39—46.

Адрианов А. В., 1886. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. СПб. 276 с.

Адрианов А. В., 1912. Томская старина//Город Томск. Томск. 83 с.

Александров В. А., 1960. Русское жилище в Восточной Сибири в XVII—нач. XVIII в.//СЭ. № 2. С. 44—56.

Александров В. А., 1964. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука. 303 с.

Алексащенко Н. А., Викторова В. Д., Панина С. Н., 1984. Жилища Андреевского озера (IX участок)//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск. С. 15—32.

Алексащенко Н. А., Паутова Т. П., 1979. Неолитическое жилище на северном берегу Андреевского озера//Вопросы археологии Приобья. Тюмень: ТюмГУ. С. 51—59.

Алексащенко Н. А., 1984. Промысловые стоянки Леуши I//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ. С. 55—61.

Алексеев В. П., 1984. Становление человечества. М.: Политиздат. 462 с.

Алексеева Э. А., Вережагин Н. К., 1970. Охотники на мамонтов в Барабинской степи//Природа. № 4.

Алексеева Э. В., Волков И. А., 1969. Стоянка древнего человека в Барабинской степи (Волчья Грива)//Проблемы четвертичной геологии Сибири. М.: Наука. С. 142—150.

Алексеева Э. В., Матющенко В. И., 1973. О возможности обнаружения палеолита на территории Западно-Сибирской равнины//Вопросы географии Сибири. Вып. 7. Томск: Изд-во ТГУ. С. 135—138.

Алексеев Е. А., 1967. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука. 262 с.

Алексеев Е. А., 1970. Этнографические элементы в кетском фольклоре//Фольклор и этнография. Л. С. 43—50.

Алферова Г. В., 1977. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII вв.//ВИ. № 7. С. 50—67.

Андреев Як., 1860. Сибирская старина//Томские губернские ведомости. № 52.

Адрианов В. В., Чебоксаров Н. Н., 1972. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картирования//СЭ. № 2. С. 3—16.

Андриенко И. К., Хахаев М. И., 1985. Сельские кварталы. Омск: Омск. кн. изд-во. 128 с.

Андроновская культура. 1966. Памятники западных районов. САН. Вып. ЕЗ—2. М., Л.

Антропова В. В., 1961. Лодки//Историко-этнографический атлас Сибири. Л.: АН СССР. С. 107—130.

Анфертьев А. Н., 1984. Об историзме в изучении этнографических истоков фольклора//Фольклор и этнография. У истоков этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л. С. 245—252.

Аполлова Н. Г., 1976. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI—первой половине XIX в. М. 371 с.

Арефьев В. А., 1986. Прочерченно-накольчатая керамика неолитических

поселений Тагильского Зауралья//Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск. С. 28—33.

Архипов С. А., Вдовин В. В., Мизеров Б. В. и др., 1970. Западно-Сибирская равнина. М.: Наука. 279 с.

Архитектура гражданских и промышленных зданий. История архитектуры. 1962. М. 234 с.

Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений. 1970. М. 303 с.

Ащепков Е. А., 1953. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М. 280 с.

Ащепков Е. А., Журин Н. П., 1978. Памятники промышленной архитектуры и инженерного искусства//Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск: Наука. С. 132—143.

Бабаков В. Г., 1973. Манси//ВИ. № 4.

Бабаков В. Г., 1976. К этноисторическому изучению приобских хантов//СЭ. № 6. С. 99—110.

Бабаков В. Г., 1988. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров//СЭ. № 3. С. 36—47.

Бабушкин Н., Кошелев Я., 1961. Легенды голубых озер. Томск: Кн. изд-во. 45 с.

Бадер О. Н., 1947. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г.: Предварительное сообщение//КСИИМК. Вып. 16. С. 139—147.

Бадер О. Н., 1948. Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ Тагила //Первое уральское археологическое совещание. Пермь. С. 37—40.

Бадер О. Н., 1948а. Археологические исследования на Урале в 1946 г.//КСИИМК. Вып. 20. С. 28—81.

Бадер О. Н., 1961. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье//МИА. Вып. 99.

Бадер О. Н., 1970. Уральский неолит//Каменный век на территории СССР. М.: Наука. С. 157—171.

Бадер О. Н., Сериков Ю. Б., 1975. Самая северная палеолитическая стоянка Зауралья//АО 1974 г. М.: Наука. С. 138.

Бадер О. Н., Сериков Ю. Б., 1981. Гаринское палеолитическое местонахождение на Сосьве//СА. № 3. С. 242—248.

Бадер О. Н., Халиков А. Х., 1987. Балановская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. С древнейших времен до средневековья. М. С. 76—84.

Байбурин А. К., 1977. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилья//Фольклор и этнография. Связь фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука. С. 123—130.

Байбурин А. К., 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. 188 с.

Баладин А. Н., 1939. Язык мансийской сказки. Л.: Изд-во Главсевморпути. 80 с.

Баладин С. Н., 1974. Оборонная архитектура Сибири XVII в.//Города Сибири. Новосибирск: Наука. С. 7—37.

Баладин С. Н., 1978. Новосибирск. История градостроительства 1893—1945 гг. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. 133 с.

Баладин С. Н., 1981. Начало русского каменного строительства в Сибири//Сибирские города XVII—начала XX века. Новосибирск: Наука. С. 174—196.

Баладин С. Н., 1987. Эволюция русского деревянного зодчества Сибири с конца XVI до начала XX веков: Автореф. дис. ...докт.archit. М. 46 с.

Баладин С. Н., Вилков О. Н., 1977. Юильский городок на р. Казыме//История городов Сибири досоветского периода (XVII—нач. XX в.). Новосибирск: Наука. С. 168—280.

- Бараба в тюркское время, 1988. Новосибирск: Наука. 176 с.
- Бардина П. Е., 1978. Строительная техника и жилище русского населения Томского района в первой половине XX в. // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск. С. 129—150.
- Бардина П. Е., 1980. Использование бересты русским населением Томской области // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 61—79.
- Бардина П. Е., 1982. Жилище русских старожилов севера Томской области в конце XIX — начале XX в. // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 107—142.
- Бардина П. Е., 1985. Представления и обряды, связанные с жилищем у русского населения Среднего Приобья // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным (Тезисы докладов). Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 27—28.
- Бардина П. Е., 1988. Поселения и жилища русского населения севера Западной Сибири // Материалы по этнокультурной истории Западной Сибири. Томск. С. 146—176. Деп. в ИНИОН № 35180 от 17.08.1988.
- Бардина П. Е., 1991. Обживание нового дома у русского населения Среднего Приобья // Жилище народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 8—15.
- Бартнев В., 1896. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб. 154 с.
- Бахтина И. Л., 1987. Нижнее Приобье в эпоху бронзы. Свердловск. Архив КА УрГУ. Ф. Ш. Д. 297.
- Беликов Д. М., 1896. Старообрядный раскол в Томской губернии по судебным данным // Изд-во Том. ун-та. Кн. 7. Отд. 2.
- Беликова О. Б., 1980. Отчет о полевых исследованиях Среднечулымского отряда археологической экспедиции Томского университета летом 1978 года. Архив МАЭС № 788.
- Беликова О. Б., 1981. Отчет о полевых исследованиях Среднечулымского отряда археологической экспедиции Томского университета летом 1980 года. Архив МАЭС ТГУ, № 832.
- Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983. Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та. 244 с.
- Белов М. И., Старков В. Ф., 1971. Раскопки городища Мангазеи // АО 1970 г. М. С. 221—222.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Ч. II. М.: Наука. 148 с.
- Белявский Фр., 1833. Поездка к Ледовитому морю. М. 259 с.
- Бельтикова Г. В. Отчет о раскопках Гороховского городища в 1975 г. // Архив КА УрГУ Ф. П. Д. 278, 279.
- Бельтикова Г. В., 1977. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 119—133.
- Бельтикова Г. В., 1981. О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. // ВАУ. Вып. 15. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 118—125.
- Бельтикова Г. В., 1986. Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 63—79.
- Бельтикова Г. В., 1988. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 103—117.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н., 1991. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 102—114.

Березовская Н. В., 1989. Отчет о работах археологической экспедиции Томского университета в Кожевниковском р-не Томской обл. в 1988 г. Архив МАЭС ТГУ, № 1024.

Берс А. А., 1930. Прошлое Урала. М. 132 с.

Берс Е. М., 1951. Археологическая карта Свердловска и его окрестностей // МИА. Вып. 21. С. 182—243.

Берс Е. М., 1959а. Отчет о полевых археологических исследованиях Средне-Уральской археологической экспедиции УрГУ в 1958 г. Архив ИА АН СССР. Р—1, №№ 1741, 1741а.

Берс Е. М., 1959б. Отчет по раскопкам СУАЭ в 1959 г. Архив кабинета археологии УрГУ. Ф. П. Д. 18.

Берс Е. М., 1961. Археологические памятники на острове Макуша // УЗ УрГУ. Свердловск. Вып. 39. Ч. I. С. 3—24.

Берс Е. М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Ср.-Ур. кн. изд-во. 116 с.

Бломквист Е. Э., 1930. Постройки бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Материалы комплексного экспедиционного исследования. Вып. 17. Л.: Изд-во АН СССР. С. 193—312.

Бломквист Е. Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // ТрГИЭ. Т. 31. С. 3—458.

Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А., 1967. Типы русского крестьянского жилища сер. XIX—начала XX вв. // Русские. Историко-этнографический атлас. М. С. 131—165.

Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П., 1930. Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л.: Изд-во АН СССР. С. 49—192.

Бобров В. В., 1989. Основные этапы освоения Обь-Чулымского междуречья // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск. С. 6—15.

Бобров В. В., Новгородченкова И. В., 1987. К проблеме валиковой керамики Притоболья // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Скифо-сибирская культурно-истор. общность. Раннее и позднее средневековье. Омск. С. 156—159.

Богатырь двух горных хребтов (эпическая сказка). Зап. и перев. с мансийского яз. М. П. Вахрушевой-Баладиной // Фольклор народов Севера СССР. Л., 1980. С. 76—84.

Борзунов В. А., 1979. К вопросу о гипотезах происхождения гамаюнской культуры // Особенности естеств.-геогр. среды и ист. процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та. С. 97—99.

Борзунов В. А., 1980. Раскопки городищ Уфа VI и у оз. Мелкого // АО 1979. М.: Наука. С. 134—135.

Борзунов В. А., 1981. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень // ВАУ. Вып. 15. С. 112—118.

Борзунов В. А., 1982. Гамаюнская культура. Основные характеристики // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск. С. 78—112.

Борзунов В. А., 1984. Гамаюнская культура (лесное и лесостепное Зауралье на рубеже бронзового и железного веков): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Борзунов В. А., 1986. Сравнительный анализ зауральской и западносибирских культур крестовой керамики // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 47—63.

Борзунов В. А., 1986а. Историография гамаюнской культуры // Урал и проблемы региональной историографии. Феодализм. Первобытнообщинный строй. Свердловск: Изд-во УрО АН СССР.

Борзунов В. А., 1987. Роль миграций в сложении и развитии культур

крестовой керамики//Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск. С. 23—27.

Борзунов В. А., 1989. Становление производящего хозяйства и генезис укрепленного поселения//Становление производящего хозяйства на Урале. Свердловск: Изд-во УрО АН СССР. С. 120—131.

Борзунов В. А., 1990. Генезис и развитие гамаюнской культуры//СА. № 1.

Борзунов В. А., Бельтикова Г. В., 1989. Раскопки городищ Барсов городок 1/3 и 1/20//Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Борзунов В. А., Липский В. И., 1984. Туманские укрепленные поселения-жилища//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 90—105.

Борзунов В. А., Новиченков Н. Н., 1988. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 88—103.

Борзунов В. А., Нохрина Т. И. 1981. Березки II — поселение эпохи раннего железа в горнолесном Зауралье//Проблемы западносибирской археологии. Новосибирск. С. 52—62.

Борзунов В. А., Сосновкин И. Н., 1979. К вопросу о гипотезах происхождения гамаюнской культуры//Вопросы археологии Приобья. Вып. 2. Тюмень. С. 106—117.

Борзунов В. А., Стоянов В. Е., 1981. Некоторые черты развития представлений в раннем железном веке Урала: К методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ//ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 27—40.

Брюсов А. Я., 1926. Жилище: история жилища с социально-экономической точки зрения. Л.: Прибой. 127 с.

Боч С. Г., 1937. Стоянки в бассейне Северной Сосьвы и Конды//Тр. Ком. по изучению четвертичного периода. Т. V. М.

Бочанова Г. А., 1974. Экономическое развитие города Новоиколаевска (Новосибирска) в начале XX в.//Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск: Наука. С. 223—239.

Бояршинова З. Я., 1950. Население Томского уезда в первой половине XVII века. Томск: Труды Томского гос. ун-та. Т. 112. С. 23—210.

Бояршинова З. Я., 1971. Ранние страницы истории Кузнецкого города //Новокузнецк в прошлом и настоящем (Мат. науч. конф., посв. 350-летию осн. Кузнецка). Новокузнецк. С. 12—25.

Бояршинова З. Я., 1979. Основание русского города на Томи (к 375-летию г. Томска)//Томску 375 лет. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 11—20.

Бусыгин Е. П., 1966. Русское население Среднего Поволжья. Казань. 408 с.

Бутанаев В. Я., 1984. Этнический состав кызыльцев в XIX—начале XX вв.//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск. С. 105—107.

Вагнер Г. К., 1987. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М.: Искусство. 287 с.

Вайнштейн С. И., 1961. Тувинцы-тоджинцы. М.: Восточная литература. 218 с.

Вайнштейн С. И., 1976. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии//СЭ. № 4. С. 42—62.

Валеев Ф. Т., 1980. Западносибирские татары. Казань: Татар. кн. изд-во. 232 с.

Варанкин Н. В., 1982. Стоянка Карьер II — памятник эпохи неолита//Археологические исследования севера Евразии. Свердловск: УрГУ. С. 13—17.

Василевич Г. М., 1969. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука. 304 с.

Васильев В. И., 1976. Проблема формирования фратриально-родовой организации сибирских ненцев в этногенетическом аспекте//Из истории Сибири. Томск. Вып. 21. С. 255—262.

Васильев В. И., 1979. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М. 243 с.

Васильев В. И., 1984. Исторические основы некоторых жанров фольклора народов Севера//Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л. С. 137—142.

Васильев Е. А., 1978. Энеолитическое время в бассейне р. Вах//Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск. С. 3—12.

Васильев Е. А., 1979. Исследование памятников эпохи бронзы в таежном Приобье//АО 1978 г. М.: Наука. С. 194—195.

Васильев Е. А., 1980. Работы в Нижнем Приобье//АО 1979 г. М.: Наука. С. 194.

Васильев Е. А., 1981. Исследования в таежном Приобье//АО 1980 г. М.: Наука. С. 168—169.

Васильев Е. А., 1982. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы: Хронология и культурная принадлежность памятников//Археология и этнография Приобья. Томск. С. 3—14.

Васильев Е. А., 1984. Исследования в Нижнем Приобье//АО 1983 г. М.: Наука. С. 193.

Васильев Е. А., 1987. Раскопки поселения Чес-тый-яг//АО 1985 г. М.: Наука. С. 228—229.

Васильев Е. А., 1990. Проблемы реконструкции социальных отношений древних обществ таежной полосы Западной Сибири (неолитическая эпоха)//ПИИАЭИЗС. Томск: Изд-во Томск. ун-та. С. 40—41.

Вдовин И. С., 1970. О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными//Фольклор и этнография. Л. С. 16—24.

Вербичкий В. И., 1983. Алтайские инородцы. М. 221 с.

Вереш П., 1977. К вопросу о происхождении дуально-фратриальной организации обских угров//Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М. С. 43—59.

Визгалов Г. П., 1988. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 47—53.

Визгалов Г. П., Фильчаков Е. Г., 1990. Реконструкция хозяйства древнего населения таежной зоны (по материалам энеолита—бронзы)//Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск. С. 61—62.

Викторов В. П., Борзунов В. А., 1974. Городища эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше//ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 15. С. 19—23.

Викторов В. П., Смирнов Н. Г., 1974. Разведки в Сургутском районе Тюменской области//АО 1973 г. М. С. 188—189.

Викторова В. Д., 1964. Отчет о работе Свердловского отряда Уральской археологической экспедиции за 1963 г. Архив кабинета археологии УрГУ. Ф. П. Д. 57.

Викторова В. Д., 1968. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. //УЗ Перм. ун-та. Пермь. Вып. 191. С. 240—256.

Викторова В. Д., 1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Дис. ...канд. ист. наук. Свердловск. 17 с.

Викторова В. Д., 1970. Этапы развития фигурно-штампованной орна-

ментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды//ПХКПАПЗС. Томск: Изд-во Томск. ун-та. С. 254—270.

Викторова В. Д., 1976. Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского озера у г. Тюмени//ВАП. Тюмень.

Викторова В. Д., 1986. Обоснование программы археологического исследования поселений//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 7—14.

Викторова В. Д., 1986а. Сосновый остров — стоянка неолита и бронзы Среднего Зауралья//СА. № 4.

Викторова В. Д., Кернер В. Ф., 1988. Памятники эпохи железа у оз. Осинового//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск. Изд-во УрГУ. С. 129—141.

Викторова Л. Л., 1980. Монголы. М.: Наука. 224 с.

Вилков О. Н., 1966. К вопросу об экономических связях сибирского города с прилегающей округой в XVII в.//Изв. Сиб. отд. АН СССР. № 1. Сер. общ. наук. Вып. 1. Новосибирск. С. 105—113.

Вилков О. Н., Резун Д. Я., 1981. К истории изучения Ирбита//Сибирские города XVII—начала XX века. Новосибирск: Наука. С. 11—34.

Виноградов Н. Б., 1982. Кулевичи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье//КСИА. Вып. 168.

Витов М. В., 1953. О классификации поселений//СЭ. № 3. С. 27—37.

Волков В. Т., 1898. Таежные углы Томской губернии//Научные очерки Томского края. Томск.

Воскобойников М. Г., 1960. Эвенкийский фольклор. Л.: Учпедгиз. 339 с.

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение населения СССР по национальности и языку, 1990//Вестник статистики. № 10. С. 69—71.

Галкин В. Т., 1985. Разведки по рекам Иртыш и Конда//АО 1984. М.: Наука. С. 172.

Галкин В. Т., 1987. Исследования сузгунской культуры//АО 1985. М.: Наука. С. 234.

Галкин В. Т., 1987а. Новые памятники сузгунской культуры//Источники по истории западной Сибири. История и археология. Омск: ОмГУ. С. 39—45.

Галкин В. Т., 1989. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье//Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень. С. 129—136.

Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Парникова А. С., 1960. Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX—нач. XX вв.)//ТИЗ. Т. 57.

Геденштром М., 1830. Орывки о Сибири. СПб.

Гемуев И. Н., 1987. Формы брака и свадебная обрядность у лесных ненцев//Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск: Наука. С. 33—41.

Генинг В. Ф., 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры//ВАУ. Вып. 4. С. 5—51.

Генинг В. Ф., 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье//ВАУ. Вып. 7. Свердловск—Ижевск. С. 7—84.

Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1967. Поселение Большой Лог у г. Омска//Уральское археологическое совещание. Сыктывкар. С. 145—149.

Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С., 1970. ПерIODизация поселений неолита и бронзового века Среднего Прииртышья//ПХКПАПЗС. Томск: Изд-во ТГУ. С. 12—57.

Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969. Логиновское городище (VI—VII вв. н. э.)//ВАУ. Свердловск. Вып. 8. С. 102—127.

Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969. Старо-Масляное поселение //ВАУ. Свердловск: УрГУ.

Генинг В. Ф., Казаков П. Н., 1972. Кумыские стоянка и могильник //Отчеты Нижневолжской археологической экспедиции. Вып. 1. М. С. 87—104.

Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970. Омское Прииртышье в железном веке//ПХКПАПЗС. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 203—228.

Генинг В. Ф., Петрин В. Т., 1985. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука.

Генинг В. Ф., Позднякова М. К., 1964. Прыговское городище//ВАУ. Вып. 6. Свердловск. С. 34—71.

Генинг В. Ф., Совцова Н. И., 1967. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской общности//Учен. зап. Пермск. гос. ун-та. № 148. Пермь. С. 51—71.

Генинг В. Ф., Стефанов В. И., 1988. Работы уральской археологической экспедиции в Среднем Прииртышье//Источники и историография. Археология и история. Омск. С. 4—18.

Географический энциклопедический словарь, 1983. М.: Советская энциклопедия. 528 с.

Георги И. Г., 1776, 1779. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... СПб. Ч. 2. 4.

Герасимов М. М., 1931. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результаты работы 1928/29 гг. Иркутск. 34 с.

Герасимов М. М., 1935. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. Предварительный отчет о работах 1928/1931 гг.//ГАИМК. В. 118. М. С. 78—124.

Гитерман Р. Е., Голубева Л. В. и др., 1968. Основные этапы развития растительности Северной Азии в антропогене. М.: Наука. 269 с.

Глушков И. Г., 1979. Работы на Крутинских озерах//АО. 1978. М. С. 216—217.

Глушков И. Г., 1983. Бронзолитейный комплекс поселения Крохалева I //Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул. С. 139—143.

Глушков И. Г., 1984. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II)//Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ. С. 33—57.

Глушков И. Г., Петров А. И., 1984. Памятники самусьско-сейминской эпохи в лесном Прииртышье//Проблемы этнической истории тюркских родов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та. С. 21—33.

Голдина Р. Д., 1969. Городище Кучум-гора//ВАУ. Вып. 8. Свердловск: УрГУ. С. 138—158.

Голдина Р. Д., Крижевская Л. Я., 1971. Одно — поселение эпохи ранней бронзы в западно-сибирском лесостепье//КСИА. В. 127. М.: Наука. С. 72—77.

Головнев А. В., 1986. Система хозяйства сибирских тундровых ненцев в конце XIX—начале XX вв.//Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск. С. 180—190.

Гондатти Н. А., 1888. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М. 91 с.

Горбунов В. С., Обьденнов М. Ф., 1983. Жилища Юкалитувского поселения (по раскопкам 1978 года)//Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа. С. 77—103.

Горбунов В. С., Обьденнов М. Ф., Юсупова Г. Т., 1979. Исследования у д. Юкалитулево в северо-восточной Башкирии//АО 1978. М.: Наука. С. 164—165.

Городков Б. Н., 1913. Поездка в Салымский край//ЕТГМ. Вып. XXI.

Городков Б. Н., 1926. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири//Известия РГО. М.—Л. Т. 58. Вып. 2.

Городцов П. А., 1916. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда//ЕТМ. Вып. XXVI. С. 1—65.

Григорьевский Н. П., 1884. Описание Васюганской тундры//Записки Зап.-Сиб. отдела Русск. геогр. об-ва. Омск. Кн. VI.

Григорьев А. Д., 1921. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров//Изв. исследования Сибири. № 6. Труды ист.-этнограф. отдела № 1. Томск. Изд. Том. губ. отдел. гос. изд-ва. 116 с.

Громов В. И., 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР//Тр. Института геологии. Геологическая серия, вып. 64. № 17. М.: Изд-во АН СССР.

Громов Г., 1966. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 118 с.

Громыко М. М., 1965. Западная Сибирь в XVIII в. (Русское население и земледельческое освоение). Новосибирск: Наука. 267 с.

Громыко М. М., 1966. Развитие Тюмени как ремесленного центра в XVIII в.//Города феодальной России. М.: Наука. С. 397—409.

Громыко М. М., 1975. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука. 352 с.

Грязнов М. П., 1926. Доисторическое прошлое Алтая (работы Алтайской экспедиции Гос. Русского музея в 1924—26 гг.)//Природа. № 9—10. С. 97—98.

Грязнов М. П., 1930. Древние культуры Алтая: Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. Новосибирск. 11 с.

Грязнов М. П., 1951. Археологическое исследование территории одного древнего поселка на р. Оби//КСИИМК. Вып. XI. М. С. 105—113.

Грязнов М. П., 1952. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби//КСИИМК. Вып. 48. М. С. 93—102.

Грязнов М. П., 1953. Землянка бронзового века близ хутора Ляticheво на Дону//КСИИМК. Вып. I. М. С. 137—148.

Грязнов М. П., 1956. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири//КСИИМК. Вып. 64. С. 27—42.

Грязнов М. П., 1956. История древних племен Верхней Оби//МИА. № 48. 160 с.

Грязнов М. П., 1960. Археологические исследования на Оби в зоне лова Новосибирской ГЭС//Научн. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Иркутск. С. 22—24.

Грязнов М. П., 1965. О кельтеминарском доме//Новое в советской археологии. М.: Наука. С. 99—102.

Гурвич И. С., 1983. Ареальное изучение эпических произведений народов Северной Сибири и Дальнего Востока СССР//Фольклор и историческая этнография. М. С. 152—169.

Даль В. И., 1955. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.

Данченко Е. М., 1988. К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи раннего железа в лесном Прииртышье//История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Омск, 1988. С. 22—25.

Данченко Е. М., 1989. Памятники богочановского типа в лесном Прииртышье//Памятники истории и культуры Омской области. Омск. Вып. 2. С. 62—65.

Деревянная архитектура Томска. Фотоальбом. 1975. М.: Сов. художник. 181 с. с ил.

Демин М. А., 1978. Археологические исследования Н. С. Гуляева на Алтае//Изв. СО АН СССР № 6. Серия обществ. наук. Вып. 2. С. 126—130.

Демин М. А., 1980. Основные этапы истории археологического изучения Алтая (дооктябрьский период)//Барнаулу 250 лет. Барнаул. С. 57—59.

Динцес Л. А., 1947. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства//СЭ. № 2. С. 67—94.

Дмитриев П. А., 1928. Липчинская неометаллическая стоянка//Труды секции археологии РАНИОН. Вып. 2. М. С. 61—68.

Дмитриев П. А., 1938. Вторая андреевская стоянка//Труды ГИМ. Вып. VIII. М. С. 93—110.

Дмитриев-Садовников Гр., 1916. На Вахе//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXVI. Тобольск. С. 1—15.

Долгих Б. О., 1949. Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа//СЭ. № 4. С. 75—83.

Долгих Б. О., 1952. Старинные землянки на р. Подкаменная Тунгуска//СЭ. № 2.

Долгих Б. О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР. 622 с.

Долгих Б. О., 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука. 270 с.

Долгих Т. Б., 1971. Традиционное жилище лесных ненцев бассейна реки Пур//СЭ. № 4. С. 93—103.

Дочевский И. И., 1898. Охота в Томской губернии//Научные очерки Томского края. Томск. С. 1—33.

Древние поселения Урала и Западной Сибири: Межвузовский сборник научных статей. Свердловск: УрГУ, 1984. 160 с.

Древняя Русь. Город, замок, село//Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М.: Наука. 431 с.

Дульзон А. П., 1952. Чулымские татары и их язык//Уч. зап. ТГПИ. Т. IX. Томск. С. 76—211.

Дульзон А. П., 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар//Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Томск. Т. X. С. 127—334.

Дульзон А. П., 1956. Археологические памятники Томской области: Материалы к археологической карте Среднего Приобья//Тр. ТОКМ. Т. V. Томск. С. 89—316.

Дульзон А. П., 1962. Кетские сказки и другие тексты//Уч. зап. Томск. пед. ин-та. Томск. Т. XX. Вып. 2. С. 144—180.

Дульзон А. П., 1956. Диалекты татар — аборигенов Томи//Ученые записки ТГПИ, т. 15. Томск. С. 297—379.

Дульзон А. П., 1962. Былое расселение кетов по данным топонимики//Вопросы географии, сб. 58. М. С. 50—84.

Дульзон А. П., 1964. Очерки по грамматике кетского языка. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 220 с.

Дульзон А. П., 1966. Селькупские сказки//Языки и топонимия Сибири. Томск № 1. С. 96—158.

Дульзон А. П., 1966а. Кетские сказки. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 165 с.

Дульзон А. П., 1966б. Землянка эпохи бронзы на Средней Оби//УЗ ТГУ. № 60. Томск: ТГУ. С. 52—57.

Дульзон А. П., 1973. Диалекты и говоры тюрков Чулыма//СЭ. № 2. С. 16—29.

Дунин-Горкавич А. А., 1910. Тобольский Север. Т. II. Тобольск. 353+57 с.

Дьяконова В. П., 1986. Роль традиционных народных знаний в животноводстве Тувы и Алтая//Культурные традиции народов Сибири. Л.: Наука. С. 215—236.

Евдокимов В. В., Стефанов В. И., 1980. Поселение Прорва//Археология Прииртышья. Томск: Изд-во Томск. ун-та. С. 41—45.

Евсеев Е. Н., 1981. Тара в свои первые два столетия//Сибирские города XVII—начала XX в. Новосибирск: Наука. С. 78—108.

Елагин В. С., 1989. Лесостепное Приомье в начале I тыс. н. э. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 16 с.

Елькина М. В., 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье//Археологические исследования на Урале и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ. С. 104—118.

Елькина М. В., 1978. Новые данные о поселениях раннего железного века Сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности)//Ранний железный век Западной Сибири. Томск. С. 71—77.

Елькина М. В., 1981. О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной зоны Западной Сибири//ВАУ. Свердловск. Вып. 15. С. 109—112.

Ельницкий К., 1895. Иностранцы Сибири и среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. СПб. 136 с.

Емельянов Н. Ф., 1978. Татары Томского края в феодальную эпоху//Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск. С. 73—87.

Емельянов Н. Ф., 1980. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). (Конец XVI—I пол. XIX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та. 251 с.

Емельянов Н. Ф., 1981. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. (XVII—пер. пол. XIX вв.). Томск: Изд-во Том. ун-та. 180 с.

Етоева З. И., 1977. К проблеме этнического своеобразия традиционного жилища вепсов, карелов и русских Межозерья//СЭ. №№ 1, 4. С. 85—93.

Жеребцов Л. Н., 1982. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами: X—нач. XX в. М.: Наука. 224 с.

Зах В. А., Елагин В. С., Романцова В. Д. и др., 1975. Работы на берегах Обского моря//АО 1974 г. М.: Наука. С. 207—208.

Зах В. А., Соболев В. И., Троицкая Т. Н., 1976. Работы на берегах Новосибирского водохранилища и р. Ини//АО 1975. М.: Наука. С. 242.

Зданович Г. Б., 1983. Основные характеристики петровских комплексов урало-казахстанских степей: К вопросу о выделении петровской культуры//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. С. 48—68.

Зданович Г. Б., 1984. Относительная хронология памятников бронзового века урало-казахстанских степей//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. С. 23—25.

Зданович Г. Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей//Основы периодизации. Свердловск.

Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1985. Оборонительные сооружения поселения Синташта//АО 1983 г. М.: Наука. С. 147—148.

Зданович Г. Б., Хабдулина М. К., 1986. Курган Темир//Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Зданович С. Я., 1981. Новые материалы к истории скотоводства в Зауралье и Северном Казахстане в эпоху финальной бронзы//Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа. С. 44—56.

Знаменский М. С., 1889. Городище на Чувашском мысу близ Тобольска. Тобольск.

Зобнин Ф., 1898а. Усть-Нешынская слобода Тюменского уезда Тобольской губернии//Живая старина. Вып. II. № 2. С. 125—127; № 3—4. С. 320—328, 1899. Вып. III—V.

- Зобнин Ф., 18986. Поездка на Алтай//Живая старина. Вып. 3—4.
- Зыков А. П., 1986. Вооружение обских угров в X—XIII вв.//Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. С. 143—154.
- Зыков А. П., Терехова Л. М., 1983. Металлургические исследования железных изделий городища Барсов Городок IV/I XII—XIII вв.//Использование методов естественных и горных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул. С. 43—45.
- Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М., Федорова Н. В., 1990. Сургутское Приобье в эпоху средневековья//Проблемы изучения археологических культур Урала и Западной Сибири. БАУ. Свердловск. Вып. 20.
- Зырянов А. Н., 1883. Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них//ЗУОЛЕ. Екатеринбург. Вып. 3.
- Иванов В. А., Пшеничнюк Г. Х., 1978. Городище финальной бронзы на р. Миасс//СА. № 4. С. 255—260.
- Иванов В. А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука. 88 с.
- Иванов Г. Е., 1984. Отчет об археологической разведке Западного отряда Алтайской археологической экспедиции, проведенной в 1981 г. в Мамонтовском районе Алтайского края. Архив ЛАЭИ АГУ. № 21.
- Иванов Г. Е., 1986. Отчет об археологической разведке Мамонтовского отряда Алтайской арх. экспедиции Алтайского гос. ун-та, проведенной в 1986 году в Мамонтовском р-не Алтайского края. Архив ЛАЭИ АГУ.
- Иванов Г. Е., 1987. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул. С. 101—104.
- Иванов П. Г., 1927. Томские татары//Труды Об-ва изучения Томского края. Т. I. С. 92—104.
- Лаванов С. В., 1951. Старинное зимнее жилище ульчей//СМАЭ. М.—Л.: АН СССР. Т. 13.
- Изделия остяков Тобольской губернии. Тобольск.
- Историко-этнографический атлас Сибири. 1961//Под ред. Левина М. Г., Потапова Л. П. М.—Л.
- Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. 1966. М.—Л.: Наука. 399 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. 1968—1969. Л.: Наука. Т. 1—5.
- История первобытного общества. 1988/Под ред. акад. Ю. В. Бромляя. М.
- Источники по этнографии Западной Сибири. 1987. Подготовлено к печати Н. В. Лукиной и О. М. Рындиной. Томск: Изд-во Том. ун-та. 282 с.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР. 1973. М.: Статистика. 648 с.
- Кабо В. Р., 1986. Первобытная доземледельческая община. М. 302 с.
- Кадиков Б. Х., 1959. Итоги археологических разведок Бийского музея//Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск. С. 18—19.
- Каралькин П. И. Кумандинцы//КСИЭ. Т. XVIII. 1953. С. 29—38.
- Карлсон Г., Большаков В. В., Каган М. Е., Свенцицкий Г. В., 1952. Деревянные конструкции. М.—Л. 758 с.
- Карцов В. Г., 1929. Материалы к археологии района Красноярска. Красноярск.
- Карцов В. Г., 1970. Хакасия в период разложения феодализма. Абакан. 200 с.
- Кастрен А. М., 1860. Путешествие по Лапландии, Северной Росии и Сибири//Магазин земледения и путешествий. М. Т. 6. 495 с.

Катанаев, 1893. Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа//Записки Зап.-Сиб. Отд. РГО, XV. Вып. 2. Ст. 2. С. 1—24.

Кауфман А. А., 1891. К вопросу о влиянии переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири//Тр. Вольного экономич. об-ва. № 4. С. 12—33.

Кауфман А. А., 1901. Сибирское переселение на исходе XIX века. Историко-статистический очерк. СПб. 103 с.

Кашенко Н. Ф., 1896. О найденном в Томске мамонте, съеденном человеком//Сибирский вестник. № 237.

Кашенко Н. Ф., 1896а. О нахождении останков мамонта около г. Томска//Изв. АН. Т. 5. № 1.

Кашенко Н. Ф., 1899. К вопросу об одновременности существования человека и мамонта//Труды X археологического съезда в Риге. Т. 1. М. 1899.

Кашенко Н. Ф., 1901. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком//Зап. АН. VIII Серия. По физико-математическому отделению. Т. XI. № 7. СПб.

Кернер В. Ф., Пархимович С. Г., 1986. Особенности поселений и жилищ народов Урала XV—XIX вв.//Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск: УрО АН СССР. С. 101—116.

Кимеев В. М., 1986. Этнический состав шорцев//Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Томск. С. 44—55.

Кимеев В., 1989. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во. 189 с.

Кимеев В. М., Притчин А. В., 1990. Жилище и хозяйственные постройки шорцев//Жилище народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 16—30.

Кiryushin Ю. Ф., 1974. Работа в Васюганье//АО 1973 г. М.: Наука. С. 207.

Кiryushin Ю. Ф., 1975. Исследования поселения Тух-Эмтор IV//АО 1974 года. М. С. 211—212.

Кiryushin Ю. Ф., 1976. Поселение Тух-Эмтор IV — памятник Васюганского Приобья//Из истории Сибири. Вып. 19. Томск. С. 3—29.

Кiryushin Ю. Ф., 1976а. Работы в Васюганье//АО 1975 г. С. 224.

Кiryushin Ю. Ф., 1977. Работы в Среднем Приобье//АО 1976 г. М. С. 203—204.

Кiryushin Ю. Ф., 1978. Работы в Васюганье//АО 1977 г. М.: Наука. С. 235.

Кiryushin Ю. Ф., 1979. Отчет о полевых работах Алтайской и Васюганской арх. экспедиций Алтайского гос. ун-та летом 1978 г.//Архив ЛАЭИ АГУ, № 4.

Кiryushin Ю. Ф., 1979а. Работы Алтайской экспедиции//АО 1978 г. С. 228—229.

Кiryushin Ю. Ф., 1980. Работы Алтайской экспедиции//АО 1979 г. М. С. 208—209.

Кiryushin Ю. Ф., 1980. Работы в Васюганье//АО 1979 г. М. С. 209.

Кiryushin Ю. Ф., 1982. Раскопки поселения Тух-Сигат IV//АО 1981 г. Наука. С. 201—202.

Кiryushin Ю. Ф., 1985. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая//Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск. С. 72—77.

Кiryushin Ю. Ф., 1986. Энеолит, ранняя и развитая бронзы Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... док. истор. наук. Новосибирск. 35 с.

Кiryushin Ю. Ф., 1990. Исследование энеолитических памятников Ал-

тая//Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул. С. 35—39.

Кирюшин Ю. Ф., Абдулганеев М. Т., 1990. О создании историко-археологического заповедника на оз. Иткуль. Подготовка свода памятников истории и культуры//Охрана и использование памятников природного ландшафта. Материалы конференции. Красноярск.

Кирюшин Ю. Ф., Абдулганеев М. Т., Шамшин А. Б., 1983. К методике поиска археологических памятников эпохи энеолита и бронзы на Алтае//Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул. С. 146—152.

Кирюшин Ю. Ф., Гальченко А. В., Удодов В. С. и др., 1987. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул. С. 138—142.

Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х., 1980. Итоги исследований археологических памятников на озере Иткуль//Барнаул 250 лет. Барнаул. С. 53—61.

Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1976. Производство орудий труда и типы хозяйства в Васюганье в эпоху бронзы//Из истории Сибири. Вып. 21. Томск. С. 90—110.

Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1979. Бронзовый век Васюганья. Томск. 181 с.

Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1985. Этнокультурная интерпретация археологических памятников Васюганья//Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука. С. 69—72.

Кирюшин Ю. Ф., Посредников В. А., Фирсов Л. В., 1981. Абсолютный возраст некоторых памятников энеолита и бронзы Западной Сибири//Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск. С. 28—32.

Кирюшин Ю. Ф., Удодов В. С., 1989. К методике поиска поселений эпохи развитой и поздней бронзы в Кулунде//Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск. С. 25—27.

Кирюшин Ю. Ф., Удодов В. С., 1990. Экологические факторы и формирование культур эпохи поздней бронзы в Западной Сибири//Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск. С. 53—56.

Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б., 1987. Корчажнинская культура лесостепного алтайского Приобья//Археологические исследования на Алтае. Барнаул. С. 137—158.

Кирюшин Ю. Ф., Шемякина А. С., 1979. Работы на озере Иткуль//АО 1978 г. М. С. 229—230.

Киселев С. В., 1951. Древняя история южной Сибири. М. С. 643.

Ковалева В. Т., 1979. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Ковалева В. Т., 1979а. Андреевская группа памятников в Нижнем Приобье//Вопросы археологии Приобья. Тюмень. С. 60—72.

Ковалева В. Т., 1986. Боборыкинская культура: Итоги изучения//Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск. С. 14—27.

Ковалева В. Т., 1988. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приобья//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск. С. 29—47.

Ковалева В. Т., 1989. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ. 80 с.

Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П., 1984. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск. С. 32—44.

Кокорина О. Б., 1979. Раскопки и разведка на р. Чулыме//АО 1978 г. М. С. 231.

Кокшаров С. Ф., 1991. Хронология памятников бронзового века р. Конды//ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 92—101.

Колмогоров Гр., 1857. Скотоводство и рыболовство в Тарском округе Тобольской губернии//Жур. Мин. внутр. дел. Ч. 33. С. 11—44.

Комарова М. Н., 1956. Неолит Верхнего Приобья//КСИИМК. Вып. 64. М.: Наука. С. 93—103.

Кондратьев О. М., 1974. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г.//ИИС. Вып. 15. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 17—19.

Кондрашенков А. А., 1965. Западносибирский посад в конце XVIII в. //Города феодальной России. М.: Наука. С. 506—511.

Конников Б. А., 1981. Культура таежного Прииртышья VI—XIII вв. н. э. //Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск. 16 с.

Конников Б. А., 1990. Ранние средневековые жилища таежного Прииртышья (Омская область)//Поселения и жилища Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та.

Константинова О. А., 1968. Эвенкийский язык//Языки народов СССР. Л.: Наука. Т. 5. С. 68—87.

Конструкции из дерева и пластмасс, 1986. М.: Стройиздат. 533 с.

Копылов А. Н., 1966. К характеристике сибирского города XVIII в. (по мат. Енисейска)//Города феодальной России. М.: Наука. С. 334—342.

Копылова С. В., 1978. Из истории сооружения Знаменской церкви в Тюмени//Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск: Наука. С. 143—146.

Копылова С. В., 1979. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII—XVIII в. Новосибирск: Наука. 255 с.

Корочкова О. Н., 1983. Отчет о раскопках поселения Ново-Шадрино VII в 1983 г. Архив кабинета археологии УрГУ. Ф. II. Д. 456.

Корочкова О. Н., 1990. Отчет о раскопках поселения Ново-Шадрино VII в Упоровском районе Тюменской области в 1989 г. Архив кабинета археологии УрГУ. Ф. II.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К., 1991. Культура бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ)//ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 70—92.

Корякова Л. Н., 1984. Поселения саргатской культуры Урала и Западной Сибири//Древние поселения. Свердловск. С. 61—79.

Корякова Л. Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск. 241 с.

Корякова Л. Н., Зыков А. П., Морозов В. М., 1991. Археологические аспекты древней истории Зауралья и Западной Сибири (железный век)//

Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ. С. 111—114.

Корякова Л. Н., Кокшаров С. Ф., 1991. Археологические аспекты древней истории Зауралья и Западной Сибири (эпоха камня и бронзы)//

Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ. С. 36—39.

Корякова Л. Н., Морозов В. М., Суханова Т. Ю., 1988. Поселение Иткуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приобье//Материальная культура древнего населения

Урала и Западной Сибири. Свердловск. Вып. 19. С. 117—129.

Корякова Л. Н., Сергеев А. С., 1986. Географический аспект хозяйственной деятельности населения саргатской культуры//Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск. С. 90—98.

- Корякова Л. Н., Стефанов В. И., 1981. Городище Инберень IV на Иртыше//СА. № 2. С. 178—196.
- Корякова Л. Н., Стефанова Н. К., 1986. Исследование на озере Иткуль//АО 1985 г. М.: Наука. С. 246—247.
- Косарев М. Ф., 1964. Бронзовый век Обь-Иртышья//СА. № 3. С. 37—44.
- Косарев М. Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука. 216 с.
- Косарев М. Ф., 1974а. Отчет о раскопках Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции поселения Зимнее I в Знаменском районе Омской области в 1974 году. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 6222.
- Косарев М. Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука. 280 с.
- Косарев М. Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.: Наука.
- Косарев М. Ф., 1987а. Эпоха поздней бронзы в переходное время от бронзового века к железному//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. С. 289—304.
- Косарев М. Ф., 1987б. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха)//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. С. 276—288.
- Косарев М. Ф., 1987в. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. С. 314—317.
- Косарев М. Ф., Студвицкая С. В., Хлобыстин Л. П. и др., 1987. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока//Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. С. 248—430.
- Косинская Л. Л., 1974. Обследование неолитических поселений по Ишиму и Иртышу//ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 15. С. 28—31.
- Косинская Л. Л., 1982. Поздненеолитическая стоянка Артын на Среднем Иртыше//Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: УрГУ. С. 18—27.
- Косинская Л. Л., 1984. Поселение Ир II//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск. С. 45—55.
- Костров Н., 1871. Нарымский край шестьдесят лет тому назад//Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Т. 44. С. 250—260.
- Костров Н., 1875. Женщина у инородцев Томской губернии//Сб. ист.-стат. сведений о Сибири. Т. 1. Вып. 1, 2.
- Костров Н., 1876. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск. 117 с.
- Кочедамов В. И., 1963. Строительство Тюмени в XVI—XVIII вв.//Ежегодник Тюменского обл. краев. музея. Вып. 3. С. 83—106.
- Кочедамов В. И., 1963а. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень: Кн. изд-во. 156 с.
- Кочедамов В. И., 1978. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат. 190 с.
- Крадин М. П., 1974. Неизвестные башни казымского острога (по материалам экспедиций 1969—1972 гг.)//Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Л. Вып. 4. С. 80—89.
- Красноженова М. В., 1914. Из народных обычаев крестьян деревни Покровки (Томской губ.)//Изв. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского РГО. Т. 2. Вып. 6. С. 67—116.
- Крашенинников С. П. В Сибири. Неопубликованные материалы. 1966. М.—Л. 241 с.
- Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. 1983. Новосибирск: Наука. 899 с.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. 1982. Новосибирск: Наука. 564 с. (История крестьянства Сибири. Т. 1).
- Кривоногов В. П., 1985. Изменения в этническом составе хакасов в со-

временный период//Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука. С. 54—65.

Кривцова-Гракова О. А., 1948. Алексеевское поселение и могильник //Труды ГИМ. Вып. XVII. М.: Изд-во ГИМ. С. 57—172.

Кривцова-Гракова О. А., 1951. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.)//МИА. № 21. М.: Наука. С. 152—181.

Крижевская Л. Я., 1977. Раннебронзовое время в южном Зауралье. Л.: ЛГУ. 128 с.

Крижевская Л. Я., 1987. Работы сумпанийского отряда//АО 1985 г. М.: Наука. С. 249—250.

Крылов Г. В., 1961. Леса Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР. 256 с.

Кузнецов Н. И., 1888. Природа и жители восточного склона Среднего Урала//Изв. РГО. Вып. 6. СПб.

Кузьмина Е. Е., 1962. Новые типы андроновского жилища в Оренбургской области//ВАУ. Вып. 2. С. 9—15.

Кузьмина Е. Е., 1988. Две зоны развития домостроительных традиций в Старом Свете//Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск: ЧелГУ. С. 31—45.

Кузьмина Е. Е., 1989. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Новосибирск: Наука. 34 с.

Кузьмина Ф. С., 1970. Хозяйственное освоение Барабинской степи во второй половине XVIII—первой половине XIX в.//Из истории Сибири. Вып. 1. Томск. С. 186—201.

Кулемзин А. М., 1973. Этнокультурная принадлежность некоторых новых археологических памятников Кемеровской области//Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С. 74—75.

Кулемзин А. М., 1987. Раскопки городища Шестаково XI//Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С. 71—74.

Кулемзин В. М., 1972. Медвежий праздник у ваховских хантов (сообщение)//Материалы по этнографии Сибири. Томск. С. 93—98.

Кулемзин В. М., 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 188 с.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977. Васюганско-Ваховские ханты в конце XIX—начале XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та. 225 с.

Кунгуров А. Л., 1981. Отчет о полевых работах Бийского археологического отряда Алтайского госуниверситета летом 1980 г. Архив ЛАЭИ АГУ.

Кунгуров А. Л., 1988. Верхний палеолит предгорий Алтая//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ. С. 16—18.

Куприянова З. Н., 1969. Собрание и изучение фольклора народов Севера в советскую эпоху (угро-самодийская группа)//Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л. С. 3—62.

Курилов В. Н., 1981. О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII в.//Сибирские города XVII—начала XX века. Новосибирск: Наука. С. 109—119.

Кызласов Л. Р., 1963. Хакасская археологическая экспедиция в 1959 г. //Уз Хакасского НИИ ЯЛИ. Т. IX. Абакан. С. 156—164.

Лавонен Н. А., 1977. О древних магических обрядах (по данным карельского фольклора)//Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука. С. 73—81.

Лебедева А. А., 1969. К истории формирования русского населения За-

байкаль, его хозяйственного и семейного быта (XIX—начало XX в.)//Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М. С. 104—188.

Лебедева А. А., 1979. Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII—начало XX в.)//Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—начала XX в. М. С. 63—108.

Лебедева А. А., Липинская В. А., Сабурова Л. М. и др., 1974. Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII—XX вв.)//Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М. С. 22—109.

Лебедева А. А., Сафьянова А. В., 1974. Русское население Курганской области и его хозяйственный быт во второй половине XIX—начале XX века (Материалы к историко-этнографическому атласу)//СЭ. № 1. С. 93—103.

Лебедева А. А., Сафьянова А. В., 1979. Промысел кедрового ореха в Сибири//СЭ. № 4. С. 107—117.

Левашова В. П., 1950. О городищах Сибирского юрта//СА. М.—Л.: Изд-во АН СССР. № 13. С. 341—350.

Легенды и сказки хантов. Зап. введ. и примеч. В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной. 1973. Томск: Изд-во Том. ун-та. 60 с.

Лезова С. В., 1988. К истории жилища северных селькупов//Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск. С. 75—76.

Лепехин И. И., 1805. Дневные записки путешественника... по разным провинциям Российского государства. СПб.

Лепехин И. И., 1814. Дневные записки ...путешественника ...по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб. Ч. 3. 376 с.

Липинская В. А., 1965. Русские поселения в Алтайском крае//СЭ. № 6. С. 102—114.

Липинская В. А., 1968. Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края//СЭ. № 2. С. 96—105.

Липинская В. А., 1969. Поселения, жилище и одежда русского населения Алтайского края//Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука. С. 9—76.

Липинская В. А., 1974а. Русские поселения южной части Тюменской области конца XIX—начале XX в. (по материалам полевых исследований 1968—1969 гг.)//Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М. С. 150—169.

Липинская В. А., 1974б. Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений (по материалам Алтайского края)//Проблемы изучения матер. культуры русского населения Сибири. М. С. 236—280.

Липинская В. А., 1975. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири//СЭ. № 5. С. 31—41.

Липинская В. А., 1979. Заселение Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения//Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XXVII—начала XX в. М. С. 143—187.

Липинская В. А., 1980. Названия сезонных-заимочных поселений Западной Сибири//Народч и языки Сибири. Новосибирск: Наука. С. 236—241.

Липинская В. А., 1983. Некоторые культурно-бытовые преобразования в русских селениях Алтайского края//ПИИЭ. М. С. 21—31.

Липинская В. А., 1987. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII—XX вв.). М.: Наука. С. 224.

Липинская В. А., Сафьянова А. В., 1974. Жилище русского населения южной части Тюменской области (сер. XIX—начало XX в.)//Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М. С. 170—201.

Липинская В. А., Сафьянова А. В., 1979. Жилище русского населе-

- ния восточных районов Алтайского края (конец XIX—начало XX в.)//Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—начала XX в. М. С. 188—222.
- Ложникова Г. В., 1973. Работы в Молчановском и Парабельском районах Томской области//АО 1972 г. М. С. 225—226.
- Лопарев Хр., 1896. Самарово — село Тобольской губернии и округа//Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом с картой, планом и шестью видами. СПб. 244 с.
- Лузин С. Ю., Удодов В. С., 1984. Разведка в Кулундинской степи//АО 1982 г. М. С. 214—215.
- Лукина Н. В., 1985. Исторические формы и преемственность в традиционной культуре восточных хантов: Автореф. дис. ...док. ист. наук. М. 28 с.
- Лукина Н. В., 1985а. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во Том. ун-та 1985а. 364 с.
- Лукина Н. В., 1990. О задачах и методах выявления этноразличительных черт//Проблемы исторической интерпретации археологических и исторических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 147—150.
- Лукина Н. В., Кулемзин В. М., 1976. Новые данные по социальной организации восточных хантов//Из истории Сибири. Вып. 21. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 232—240.
- Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Титаренко Е. М., 1975. Ханты р. Аган//ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та, Вып. 16. С. 130—177.
- Лукина Н. В., Пелих Г. И., 1963. К вопросу о «карагасах» Томской области//Тр. Том. ун-та. Т. 165. Томск. С. 162—173.
- Львов А. С., 1966. Голбец//Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V. М. С. 60—70.
- Львов Ю. А., 1979. Болотный процесс как фактор обитания человека в Западной Сибири//Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск. С. 12—18.
- Львова Э. Л., 1969. Предварительный отчет по этнографической экспедиции на р. Чулым летом 1969 г.//ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 2. С. 150—161.
- Львова Э. Л., 1977. К этнической истории чулымцев//Проблемы археологии и этнографии. Л. С. 111—122.
- Львова Э. Л., 1979. К вопросу о некоторых закономерностях развития этноса и культурно-хозяйственного типа//Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 116—121.
- Львова Э. Л., 1981. Теле-уйгурские компоненты в составе тюркского населения Среднего Приобья//Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск. Вып. 3. С. 67—69.
- Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое//МИА СССР. № 74. 328 с.
- Макарий, иеромонах., 1853. Заметки о верхотурских вогулах, живущих по реке Лозьве//Вестник РГО. Ч. 7.
- Маковецкий И. В., 1971. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII—XX вв.)//Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1. Приангарье. Новосибирск. С. 106—143.
- Максименков В. А., 1970. О культурах эпохи бронзы южной части Сибири//ПХКПАПЗС. Томск. С. 75—85.
- Малахов М. В., 1899. На Чудском городище//Древняя и новая Россия. М.
- Малахов М. В., 1884. Курганы в окрестностях города Екатеринбурга Пермской губернии//Тр. IV Археологического совещания России. Т. 1. Казань.

- Малахов М. В., 1887—1889. О доисторических эпохах на Урале//Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 11. Вып. 1.
- Малахов М. В., 1908. Посмертные записки: 1875—1885. Первая серия/Под ред. О. Е. Клера//ЗООУЛЕ. Т. 27. Вып. 1. Екатеринбург.
- Малахов В. М. Посмертные записки. Вторая серия/Под ред. О. Е. Клера//ЗООУЛЕ. Т. 27. Вып. 2.
- Марков Г. Е., 1979. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М. 304 с.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
- Мартынов А. И., 1966. Лодки в страну предков. Кемерово. 39 с.
- Мартынов А. И., 1973. Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах//СА. № 3. М. С. 163—174.
- Мартынов А. И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск. 208 с.
- Мартынова Г. С., 1985. Таштыкские племена на Кне. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 112 с.
- Материалы по фольклору хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 216 с.
- Максимов В. И., Курбанова Р., Русаковская Р. и др., 1978. Изучение культуры эпохи бронзы низовьев Мурбаба//АО 1977 г. М. С. 546—547.
- Маркин С. В., 1986. Палеолитические памятники реки Томи. Новосибирск: Наука. 176 с.
- Масвина Н. П., 1978. Исследование неолитических поселений в районе Барсовой Горы//АО 1978 г. М.: Наука. С. 258.
- Массон В. М., 1981. Алтын-депе. Л. 175 с.
- Массон В. М., Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. и др., 1982. Энеолит СССР//Археология СССР: С древнейших времен до средневековья. В 20 томах. М. 359 с.
- Матвеев А. В., 1978. Исследование Быстровского поселения//АО 1977 г. М. С. 256—257.
- Матвеев А. В., 1979. Городище бронзового века на Усени//Вопросы археологии Приобья. Вып. 2. Тюмень. С. 91—105.
- Матвеев А. В., 1983. О хозяйственно-функциональной планировке ирменских жилищ Быстровского поселения//Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул. С. 129—131.
- Матвеев А. В., 1985. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск. 21 с.
- Матвеев А. В., 1986. Работы Тюменской экспедиции//АО 1984 г. М. С. 290—291.
- Матвеев А. В., 1988. К вопросу об историко-культурной систематике и хронологии памятников эпохи поздней бронзы Западно-Сибирской лесостепи//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ. С. 98—101.
- Матвеев А. В., Ключикова Т. Н., Колесина Л. И., 1979. Исследования Красноярского и Искитимского отрядов Новосибирской экспедиции//АО 1978 г. М.: Наука. С. 250—251.
- Матвеев А. В., Колесин А. Н., Соболев В. И. и др., 1977. Работы Новосибирской экспедиции//АО 1976 г. М. С. 221—222.
- Матвеев А. В., Сидоров Е. А., 1985. Ирменские поселения Новосибирского Приобья//Западная Сибирь в древности и средние века. Тюмень: ТюмГУ. С. 29—54.
- Матвеева Н. П., 1979. Энеолитическая стоянка в Сургутском Приобье//Научные труды Тюм. ГУ. Т. 64. С. 73—81.

Матвеева Н. П., 1985. Отчет о работах 1-го отряда лесостепной археологической экспедиции Тюменского университета в 1984 г. Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 10578.

Матвеева Н. П., 1987. Ранний железный век Среднего Приоболья. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск. 16 с.

Матвеева Н. П., 1987а. Отчет о работе 2-го отряда Тюменской археологической экспедиции в 1986 г. Архив ИА АН СССР. Ф. Р—1. Д. 11652.

Матвеева Н. П., 1988. О периодизации саргатских поселений Среднего Приоболья//Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск. С. 65—73.

Матвеева Н. П., 1989. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи//Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень. С. 77—103.

Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири: Межвузовский сборник научных статей, 1988. Свердловск: УрГУ. 161 с.

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. 1888—1898. СПб. Вып. 1—22.

Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Т. 1—2. Барнаул, 1898—1900. Т. 1. Вып. 1—2. Барнаул, 1899. Т. 2. Вып. 1—4. Барнаул, 1898—1900.

Материалы по фольклору хантов. 1978. Записи, введение и примечания В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та. 216 с.

Матов В. Н., 1951. В Нарымской тайге//По просторам родины. Очерки и рассказы. М.: Сов. писатель. С. 5—150.

Матющенко В. И., 1963. Отчет о летних полевых работах в Омской области в 1962 году. Архив МАЭС. № 264.

Матющенко В. И., 1964. Отчеты о летних полевых археологических работах музея истории материальной культуры летом 1963 и 1964 гг. Архив МАЭС. № 255, 281.

Матющенко В. И., 1970. О некоторых культурно-хронологических комплексах II тыс. до н. э. в Томском Приобье//ПХКПАПЗС. Томск. С. 86—100.

Матющенко В. И., 1971. Отчет о летних полевых работах в Омской области в 1970 году. Архив ИА АН СССР.

Матющенко В. И., 1972. Раскопки в Томской и Омской областях//АО 1971 г. М.: Наука. С. 274.

Матющенко В. И., 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Неолит и бронзовый век. Верхнеобская неолитическая культура ИИС. Вып. 9. Томск: Изд-во Том. ун-та. 179 с.

Матющенко В. И., 1973а. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Самусьская культура//ИИС. Вып. 17. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 209 с.

Матющенко В. И., 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Андроновская культура на Верхней Оби//ИИС. Вып. 11. Томск: Изд-во Том. ун-та. 150 с.

Матющенко В. И., 1974а. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Еловско-ирменская культура//ИИС. Вып. 12. Томск: Изд-во Том. ун-та. 195 с.

Матющенко В. И., 1983. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях д. Айткулово Тарского района Омской области в 1983 году. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 9506. С. 5—40.

Матющенко В. И., 1986. Об этнической интерпретации самусьско-ростовкинских памятников//Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово. С. 14—18.

Матющенко В. И., Игольникова Л. Г., 1966. Поселение Еловка —

памятник второго этапа бронзового века Средней Оби//Сибирский археологический сборник. Новосибирск. С. 183—195.

Мелетинский Е. М., 1963. Происхождение героического эпоса. М.: Изд-во вост. лит. 462 с.

Мерперт Н. Я., 1978. О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы//Проблемы советской археологии. М. С. 55—63.

Мец Ф. И. Энеолитические памятники бассейна р. Тым (в печати).

Мец Ф. И., 1985. Раскопки поселения Кондрашкино I//АО 1983 г. М. С. 227—228.

Милославский М. Г., 1956. Техника деревянного строительства на Руси в XVI—XVII вв.//Тр. ИИЕТ. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР. С. 44—111.

Миненко Н. А., 1974. Березов и Сургут в XVIII в.—первой половине XIX в.//Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск: Наука. С. 86—109.

Миненко Н. А., 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII—первой половине XIX в. Ист.-этнограф. очерк. Новосибирск: Наука. 308 с.

Миненко Н. А., 1979. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (В XVIII — первой половине XIX в.). Новосибирск: Наука. 351 с.

Миненко Н. А., 1986. По старому Московскому тракту: о первых русских поселениях на территории Новосибирской области. Новосибирск: Ки. изд-во. 118 с.

Мисевич К. Н., 1967. Хозяйственные типы расселения в Ханты-Мансийском национальном округе//Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск. Вып. 16.

Мифологические сказки и исторические предания иганасаи. Зап. и подгот. текстов, введ. и комм. Б. О. Долгих, 1976. М.: Наука. 341 с.

Мифологические сказки и исторические предания энцев. Зап., введ. и комм. Б. О. Долгих, 1961//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. Т. XVI. М. 243 с.

Могильников В. А., 1961. Работы Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции летом 1961 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 2379.

Могильников В. А., 1962. Отчет о работах Иртышского отряда в 1962 г. Архив ИА АН СССР. Р—1/2773.

Могильников В. А., 1964. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I—начале II тысячелетия н. э. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. 18 с.

Могильников В. А., 1964а. Новоникольское IV городище (в связи с некоторыми вопросами древней истории Прииртышья)//СА. № 1. С. 242—248.

Могильников В. А., 1966. Отчет о работе Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции летом 1966 г. Архив ИА АН СССР. Р—1/3325.

Могильников В. А., 1967. Отчет о работе Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции в 1967 г. Архив ИА АН СССР. Р—1/3464.

Могильников В. А., 1968. Культура племен лесного Прииртышья IX—начала XIII вв. н. э.//Труды Камской археологической экспедиции. Пермь. № 191. С. 269—291.

Могильников В. А., 1969. Периодизация культур эпохи железа в Среднем Прииртышье//Материалы конф.: Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск. С. 136—138.

Могильников В. А., 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи железа//ПХКПАЗС. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 172—190.

Могильников В. А., 1972а. К вопросу о саргатской культуре//Проблемы археологии и древней истории угров. М. С. 66—87.

Могильников В. А., 1973. Начало тюркизации населения Притоболья и

- Среднего Приобья//Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С. 82—84.
- Могильников В. А., 1973а. Археологическая разведка на севере Омской области//КСИА. № 136. С. 92—100.
- Могильников В. А., 1979. Отчет о полевых исследованиях 1978 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. Д. 7999.
- Могильников В. А., 1980. Исследования в Притоболье//АО 1979 г. М.: Наука. С. 220—221.
- Могильников В. А., 1983. К состоянию вопроса об этнической интерпретации культур Западной Сибири эпохи железа//Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск. С. 37—39.
- Могильников В. А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Зап. Сибири//Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 163—235.
- Могильников В. А., 1987а. Миграции и процесс тюркизации населения юга Западной Сибири//Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 109—113.
- Могильников В. А., 1988. К этническому составу Омского Прииртышья в раннем железном веке//История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Омск. С. 27—30.
- Могильников В. А., 1989. Некоторые проблемы генезиса и этнической истории культуры раннего железного века в лесостепи Западной Сибири//Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень. С. 62—77.
- Могильников В. А., 1990. К особенностям этнокультурного развития Омского Прииртышья в раннем железном веке//Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск. С. 163—164.
- Молодин В. И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. 174 с.
- Молодин В. И., 1983. Бараба в древности: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Новосибирск.
- Молодин В. И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука.
- Молодин В. И., Глушков И. Г., 1989. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука. 168 с.
- Молодин В. И., Добжанский В. Н., 1978. Археологическое исследование Кызымского острога//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука. С. 191—202.
- Молодин В. И., Полосьмак Н. В., 1978. Венгерово-2 — поселение кротовской культуры//Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 17—29.
- Молодин В. И., Полосьмак Н. В., 1980. Исследование памятника Крохалева-4//Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск. С. 51—68.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Зах В. А. и др., 1979. Раскопки в центральной Барабе//АО 1978 г. М. С. 256.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Елагин В. С., 1983. Городища тюркского времени Барабинской лесостепи//Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск. С. 68—81.
- Молотилов А., 1913. Говор русского старожилого населения северной Барабы (Канского у. Томской губ.). Материалы для сибирской диалектологии //Труды Томского об-ва изучения Сибири. Т. II. Вып. 1. Томск. С. 33—219.
- Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань//МИА. № 49. 228 с. Материалы исследования по арх. древнер. гор. Т. 4.
- Морозов В. М., 1978. Работы в Тюменской области//АО 1977 г. М. С. 264.

- Морозов В. М., 1980. Работы в Нижнем Приобье//АО 1979 г. М. С. 222—223.
- Морозов В. М., 1981. Работы в бассейне Нижней Оби//АО 1980 г. М. С. 199—200.
- Морозов В. М., 1982. Средневековые поселения и жилища на р. Дуван//Археологические исследования севера Евразии. ВАУ. Свердловск. Вып. 16. С. 125—141.
- Морозов В. М., 1983. Работы в Нижнем Приобье//АО 1981 г. М. С. 221.
- Морозов В. М., 1984. Работы в Нижнем Приобье//АО 1982 г. М. С. 224—225.
- Морозов В. М., 1985. Средневековые памятники Нижнего Приобья//АО 1983. М. С. 231—232.
- Морозов В. М., 1986. Работы в Нижнем Приобье//АО 1984 г. М.
- Морозов В. М., 1986а. Отчет об исследовании памятников в районе д. Ниямы в Октябрьском районе и верховьях р. Эсс в Советском районе Тюменской области. Архив кабинета археологии УрГУ. Ф. П. Д. 422.
- Морозов В. М., 1986б. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья//Проблемы Урало-Сибирской археологии. ВАУ. Свердловск. Вып. 18. С. 99—107.
- Морозов В. М., 1987. Отчет об изучении памятников на трассе газопровода «Уренгой—Ужгород» в Октябрьском и Советском районах Тюменской области летом 1986 г. Т. 1. Кабинет археологии УрГУ. Ф. П. Д. 433.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1984. О культурной и этнической принадлежности поселений бассейна р. Тром-Агана//Древние поселения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Свердловск. Вып. 17. С. 145—158.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985. Городище Перегребное I//Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень. С. 89—99.
- Морозов В. М., Сосновкин И. Н., 1976. Городища Среднего Тром-Агана//Вопросы археологии Приобья. ИТ ТюмГУ. Т. 37. С. 89—106.
- Морозов В. М., Стефанов В. И., Федорова Н. В., 1979. Работы Северного отряда//АО 1978 г. М. С. 257—258.
- Морозов В. М., Стефанов В. И., 1989. Исследования в бассейне реки Казым//Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Мошинская В. И., 1953. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде//МИА. № 35. С. 179—220.
- Мошинская В. И., 1965. Археологические памятники Западной Сибири//САИ. Д. 3—8. М. 88 с.
- Мошинская В. И., 1978. Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре Крайнего Севера и Западной Сибири//Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 56—72.
- Мошинская В. И., Чернецов В. Н., 1953. Городище Андрушини Гордок//КСИИМК. М. Вып. 51. С. 93—98.
- Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска//МИА. № 153. С. 27—48.
- Мурьгин А. М., 1985. Поселения бичевнического типа на Печоре и Вычегде и их место в истории североуральского населения//Археологические памятники Северного Приуралья. МАЕСВ. Сыктывкар. Вып. 9.
- МЭП ТГУ 1962 г., Томское Приобье. Рук. Г. И. Пелих. Архив МАЭС.
- МЭЭ ТГУ 1961 г., Нарымское Приобье. Рук. Г. И. Пелих. Архив МАЭС.
- МЭЭ ТГУ 1962 г., Горная Шория. Рук. Г. И. Пелих. Архив МАЭС.
- МЭЭ ТГУ 1963 г., р. Кеть. Рук. Г. И. Пелих. Архив МАЭС. № 255.
- МЭЭ ТГУ, 1965 г., р. Чулым; 1969 г., р. Васюган; 1969 г., рр. Вах и Обь (север Томской обл.); 1969—70 гг., р. Вах; 1970 г., р. Васюган; 1971 г., р. Васюган и Обь (север Томской обл.); 1971—72 гг., р. Вах; 1972 г., р. Аган; 1973 г.,

рр. Юган и Пим; 1974 г., р. Юган; 1975 г., рр. Конда и Тромъеган; 1977 г., р. Обь (устье Лямина); 1978 г., р. Тромъеган; 1980, 1983 гг., р. Юган; 1987 г., Нижняя Обь; 1988 г., р. Сыня и Полярный Урал; 1989 г., Полярный Урал; 1990 г., р. Казым. Все экспедиции под рук. Н. В. Лукиной. Архив МАЭС.

МЭЭ ТГУ 1975—86 гг. под руководством П. Е. Бардиной. Архив МАЭС ТГУ, инв. № 759, 766, 758, 799, 796, 939, 940, 941, 942 и др.

Народы Сибири, 1956. М.—Л.: Изд-во АН СССР. 1083 с.

Нагибеда В. Я., 1927. Нарымский край. Томск. 640 с.

Навротский Н. И., 1981. Отчет за 1980 г. Архив ЛАЭИ АГУ.

Неверов С. В., 1988. История племен сросткинской культуры VIII—XII вв. Автореф. дис. ...канд. истор. наук. М. 17 с.

Нейштадт М. И., 1971. Мировой природный феномен — заболоченность Западно-Сибирской равнины//Изв. АН СССР. Серия географическая. № 1. М.: Наука. С. 21—34.

Неклепаев И. Я., 1903. Поверья и обряды Сургутского края//Записки Зап. Сиб. отдела РГО. Омск. Кн. 30, С. 29—230.

Неразик Е. Е., 1982. Средневековые сельские постройки Хорезма в связи с проблемами формирования некоторых типов жилищ оседлого населения Средней Азии//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М. С. 164—179.

Нефедов Н., 1978. Раскопки городища Ер-Курган//АО 1977 г. М. С. 539—540.

Нечаева Т. А., 1987. Классификация простейших форм жилых сооружений//Жилище и орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1987. С. 2—18. Деп. в ИНИОН 24.07.87. № 89262.

Новоселов А., 1913. Отчет о поездке на Алтай//Изв. Западно-Сибирского отдела РГО. Т. 1. Вып. 2. Омск. С. 1—18.

Новоселов А. Е., 1916. Задачи сибирской этнографии//Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн. 38. Омск. С. 86—104.

Новоселова Л. В., 1980. К вопросу о структуре паремийного фонда народного календаря (по сибирским материалам)//Фольклор и литература Сибири. Омск. С. 86—95.

Носилов К. Д., 1897. Путешествие к вогулам//Естествознание и география. № 6.

ОАК за 1898 г. С. 83—84.

ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.

Оборин В. А., Русанова К. М., Шмиров В. А., 1975. Остатки русского города Пелым и Пелымского поселения//АО 1974 г. М.: Наука. С. 166—167.

Обыденнов М. Ф., 1981. Культура населения Южного Урала в конце бронзового века: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. 18 с.

Обыденнов М. Ф., 1985. Ареал межовской культуры позднего бронзового века и характеристика поселений на Южном Урале//Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. С. 120—141.

Обыденнова Г. Т., 1983. Жилищный комплекс поселения Сауз 1//Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа. С. 3—18.

Овчинникова Б. Б., 1988. Старо-Лыбаевское поселение//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Свердловск. Вып. 19. С. 141—152.

Оглы Б. И., 1978. Формирование планировки и застройки городов Сибири в конце XVIII—первой половине XIX в.//Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука. С. 248—271.

Ожегов С. И., 1968. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия. 900 с.

Ожередов Ю. И., 1985. Отчет о полевых исследованиях Южнотаежного

отряда Археологической экспедиции Томского госуниверситета в 1984 г. в Бакчарском, Колпашевском и Чаинском районах Томской области. Архив МАЭС ТГУ, № 924. 21 с.

Ожередов Ю. И., 1986. Исследования Южнотаежного отряда//АО 1984 г. М.: Наука. С. 197.

Окладников А. П., 1938. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья//ВДИ. № 1. С. 244—260.

Окладников А. П., 1940. Палеолитические находки в Бурети 1936 и 1937 гг.//БКИЧП. №№ 6—7. М. С. 119—121.

Окладников А. П., 1940а. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованию в Бурятии в 1946—1939 гг.)//КСИМК. Вып. 5. М. С. 59—62.

Окладников А. П., Григоренко Б. Г., Алексеева Э. В., 1971. Стоянка верхнепалеолитического человека Волчья Грива//Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 2. Новосибирск: Наука. С. 87—131.

Окладников А. П., Мартынов А. И., 1972. Сокровища Томских писаниц. М. 255 с.

Окладников А. П., Молодин В. И., 1978. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бии)//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука. С. 11—21.

Окладников А. П., Молодин В. И., 1978а. Стоянки каменного века//Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск: Наука. С. 9—19.

Окладников А. П., Молодин В. И., 1980. Новотартасская стоянка — новый палеолитический памятник в лесостепной Барабе//Проблемы археологии Западной Сибири. Ч. 1. Новосибирск: Наука. С. 4—8.

Окладников А. П., Молодин В. И., Волков И. А., 1979. Памятник у с. Малый Атлым на р. Оби//Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. С. 118—126.

Окладникова Е. А., 1987. «Решетчатые фигуры» горы Калбак-Таш (Горный Алтай). Проблемы интерпретации//Жилище и орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1987. Деп. в ИНИОН АН СССР № 29262 от 27.04.87. С. 19—35.

Окунева И. В., 1987. Средневековые поселения Среднего Притоболья//Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. Кемерово. Ч. II. С. 174—176.

Описание Тобольского наместничества, 1982 г. Новосибирск: Наука. 321 с.

Орлова Е. Н., 1926. По Нарымскому краю//Сибирские огни. № 1—2. С. 201—226.

Отчет Алтайского подотдела ЗСОРПГО за 1903 г. 1904 г. Барнаул. С. 27—28.

Очерки истории города Томска (1604—1954), 1954. Томск. 326 с.

Ошаров М., 1936. Северные сказки. Новосибирск. 272 с.

Павлов А., 1878. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень. 165 с.

Павловский В. Вогулы. 1907. Казань. 235 с.

Палашенков А. Ф., 1960. Материалы к археологической карте Омска//Изв. ООГО СССР. Омск. С. 3—23.

Палашенков А. Ф., 1963. Ляпинская крепость//ООГО. Вып. 5. С. 153—159.

Палашенков А. Ф., 1979. Материалы к археологической карте Омской области//История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 85—96.

Паллас П. С., 1786. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб. Ч. 2. 476 с.

- Памятники истории и культуры Сибири. 1978. Новосибирск: Наука. 184 с.
- Панин Л. Г., 1985. Лексика западносибирской деловой письменности XVII—первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука. 205 с.
- Пармузин Ю. П., 1985. Тайга СССР. М.: Мысль. 303 с.
- Пархимович С. Г., 1985. Итоги изучения нового неолитического поселения на Андреевском озере//Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень. С. 16—23.
- Пархимович С. Г., 1986. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI—XVII вв.)//Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск. С. 138—143.
- Патканов С., 1891. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям//Живая старина. СПб. Вып. III. С. 85—116. Вып. IV. С. 67—109.
- Патканов С., 1891а. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб. 74 с.
- Патканов С., 1894. По Демьянке (Бытовой и экономической очерк)//ЗООГО. Т. XVI. Вып. 2 и 3. Омск. С. 1—64.
- Патканов С. К., 1897. Иртышские остяки и их народный эпос. СПб.
- Патканов С., 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании специальной разработки материала переписи 1897 г.). Том 1. Сводные таблицы и краткие выводы. СПб. 1912 г. Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губ. 432 с.
- Пелих Г. И., 1962. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края//Сибирский этнографический сборник. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР. С. 176—196.
- Пелих Г. И., 1963. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов//Труды Том. ун-та. Т. 165. Томск. С. 137—148.
- Пелих Г. И., 1966. Досамодийский тип жилища нарымских селькупов//Уч. зап. Том. ун-та. № 60. С. 94—107.
- Пелих Г. И., 1972. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та. 424 с.
- Пелих Г. И., 1972а. Томские карагасы//Труды Том. ун-та. Т. 226. Томск. С. 3—10.
- Пелих Г. И., 1981. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука. 176 с.
- Петренко А. С., 1989. Культурно-хозяйственный комплекс заболотных татар. Дипл. соч. Томск. 95 с. Архив МАЭС ТГУ. Инв. № 1040.
- Петрин В. Т., 1979. К проблеме освоения человеком Западно-Сибирской равнины в конце плейстоцена//Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 29—31.
- Петрин В. Т., 1983. Об одной особенности обитания на палеолитической стоянке Могочино I//Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука.
- Петрин В. Т., 1986. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука.
- Петрин В. Т., Смирнов Н. Г., 1975. Палеолитический памятник в Шикавке на правом берегу Тобола//ВАУ. № 13. Свердловск: УрГУ. С. 75—85.
- Петров А. И., 1978. Отчет о полевых работах Среднеиртышской археологической экспедиции 1978 г. Архив Музея АЭС ОмГУ.
- Петров А. И., 1979. Разведочные работы в лесном Прииртышье//АО 1978 г. М.: Наука. С. 263—264.
- Петров А. И., 1986. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Кемеровс.
- Петров А. И., 1987. Периодизация и хронология памятников скатеринич-

ской культуры в Среднем Прииртышье//Источники по истории Западной Сибири. Омск.

Петров А. И., Столповская Н. М., 1979. Археологическая деятельность А. Ф. Палашенкова//История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 78—85.

Петропавловская Л. В., 1982а. Лексика финно-угорского происхождения в составе русских говоров Новосибирской области//Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука. С. 49—57.

Петропавловская Л. В., 1982б. Названия построек для скота и домашней птицы в горах Новосибирской области//Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука. С. 78—87.

Петропавловский Н., 1886. Из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири//ЗООГО. Т. VIII. Вып. 1. Омск. С. 1—90.

Пика А. И., 1983. Соседская община в процессе формирования северомансийской этнической общности//Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 151—162.

Плетнева Л. М., 1973. Отчет о полевых исследованиях археологического отряда Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета, проведенных летом 1972 г. Архив МАЭС, № 513.

Плетнева Л. М., 1976. Поселения и городища у д. Могильники//ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 21. С. 214—219.

Плетнева Л. М., 1976а. Работы Томского отряда Среднеобской экспедиции//АО 1975 г. М.: Наука. С. 273.

Плетнева Л. М., 1977. Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та. 141 с.

Плетнева Л. М., 1977а. Работы Томского отряда Среднеобской экспедиции//АО 1976 г. М. С. 232—233.

Плетнева Л. М., 1977б. Отчет об археологических исследованиях Томского отряда Среднеобской АЭ ТГУ в 1976 году. Архив МАЭС, № 714.

Плетнева Л. М., 1978. Отчет об археологических исследованиях Томского отряда Среднеобской АЭ ТГУ 1977 года. Архив МАЭС, № 729.

Плетнева Л. М., 1979. Отчет о полевых исследованиях Томского отряда АЭ Том. ун-та летом 1978 г. Архив МАЭС, № 777.

Плетнева Л. М., 1980. Отчет об археологических исследованиях Томского отряда АЭ Том. ун-та в 1979 году. Архив МАЭС, № 805.

Плетнева Л. М., 1981. Отчет об археологических исследованиях Томского отряда АЭ Том. ун-та за 1980 год. Архив МАЭС, № 834.

Плетнева Л. М., 1985. Отчет об археологических исследованиях Томского отряда АЭ Том. ун-та в 1984 году. Архив МАЭС, № 1039.

Плетнева Л. М., 1987. Взаимодействие культур в период тюркизации в Томском Приобье//Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 97—100.

Плетнева Л. М., 1990. Томское Приобье в позднем средневековье (По археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та. 132 с.

Плетнева Л. М., 1990. Отчет об археологических исследованиях Томского отряда АЭ Том. ун-та в 1989 году. Архив МАЭС, № 1048.

Плотников А. Ф., 1901. Нарымский край. СПб. 366 с.

Полевые материалы Н. Ф. Прытковой. Архив ЛО ИЭ АН СССР. Ф. 18, оп. 1, д. 32/3, 37, 39, 40.

Покровский Н. Н., 1974. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука. 394 с.

Покровский Н. Н., 1975. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в.//Крестьянство Сибири XVIII—начала XX в. Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск: Наука. С. 19—49.

- Полосьмак Н. В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск. 144 с.
- Поляков И. С., 1865. Путешествие по Оби. СПб.
226. Попов А. А., 1961. Жилище//ИЭАС. М.—Л.: Изд-во АН СССР. С. 131—356 с.
- Попов, 1813. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб. Ч. 3.
- Посредников В. А., 1972. Раскопки неолитического поселения на р. Вах//АО 1971. М. С. 261—262.
- Посредников В. А., 1973. Работы на р. Вах//АО 1972 г. М. С. 233.
- Посредников В. А., 1973а. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья//Из истории Сибири. Вып. 5. Томск. С. 64—93.
- Посредников В. А., 1973б. Открытие палеолитической стоянки в Нарыньском Приобье//СА, № 4. С. 236—238.
- Посредников В. А., 1974. Исследование в Сургутском Приобье//АО 1973 г. М. С. 217.
- Посредников В. А., 1978. Керамика эпохи бронзы из Большого Ларьяка//Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск. С. 13—25.
- Потанин Г. Н., 1859. Полгода на Алтае//Русское слово. № 9.
- Потанин Г. Н., 1864. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении//Этнографический сборник. Вып. VI. СПб. С. 1—154.
- Потапов Л. П., 1936. Очерки по истории Шории. М.—Л.
- Потапов Л. П., 1953. Очерки по истории алтайцев. М.—Л.: Изд-во АН СССР. 444 с.
- Потапов Л. П., 1969. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука. 196 с.
- Потапов Л. П., 1972. Тюльберы енисейских рунических надписей//Туркологический сборник. 1971. М.: Наука. С. 145—166.
- Потемкина Т. М., 1964. Большое Бакальское городище//АЭБ. Уфа. Т. II. С. 257—259.
- Потемкина Т. М., 1976. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол//КСИА. Вып. 147. С. 97—106.
- Потемкина Т. М., 1977. Раскопки в таежном Прииртышье//АО 1976 г. М.: Наука. С. 272—274.
- Потемкина Т. М., 1985. Бронзовый век лесостепного Приобья. М.: Наука, 376 с.
- Прибыткова А. М., 1975. Кузнецкая крепость//История СССР. № 1. С. 231—241.
- Приходько Н. П., 1975. Некоторые вопросы истории жилища на Украине//Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука. С. 245—275.
- Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. 1974. М. 296 с.
- Прокофьев Г. Н., 1928. Остяко-самоеды Туруханского края//Этнография. № 2. С. 96—103.
- Прокофьева Е. Д., 1947. Древние жилища на реках Тым и Кеть//СЭ. № 2. С. 199—202.
- Прокофьева Е. Д., 1952. К вопросу о социальной организации селкупов//Труды Ин-та этнографии АН СССР. М.—Л.: Изд-во АН СССР. Т. 18. С. 88—107.
- Пряхин А. Д., 1976. Поселения абашевской общины. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 168 с.
- Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спа-

- фария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. 1884//Зап. Имп. Рус. Геогр. об-ва по отд. этн. Т. X. Вып. 1. СПб. С. 5—186.
- Пушначев В., 1972. Сказки старого Тыма. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во.
- Пюрвеев Д. Б., 1972. Природа и кочевая архитектура//Изв. АН Каз. ССР. Сер. общ. № 6. С. 13—30.
- Рабинович Е. М., 1983. Раскопки поселения Сосновка//АО 1981 г. М.: Наука. С. 228.
- Рабинович М. Г., 1969. Древний ландшафт и жилище. СЭ. № 2. С. 15—23.
- Рабинович М. Г., 1975. Русское жилище в XIII—XVII вв.//Древнее жилище народов Восточной Европы. М. С. 156—244.
- Равнины и горы Сибири, 1975. М.: Наука. 352 с.
- Радлов В. В., 1989. Из Сибири. М.: Наука. 751.
- Раппопорт П. А., 1967. О типологии древнерусских поселений//КСИА АН СССР. Вып. 110. С. 3—9.
- Раппопорт П. А., 1970. Оборонительные сооружения Древней Руси//Вопросы истории. № 11. С. 56—64.
- Раппопорт П. А., 1975. Древнерусское жилище//САИ Е1—32. Л.: Наука. 179 с.
- Расторопов А. В., 1985. Исследования в Кондинском районе Тюменской области//АО 1983. М.: Наука. С. 237—238.
- Резун Д. Я., 1984. Русские в Среднем Причудлырье в XVII—XIX вв. Новосибирск: Наука. 198 с.
- Рейно А. Отчет о работах Яйского разведочного отряда Археологической экспедиции ТГУ в 1988 г. Архив МАЭС ТГУ. № 1001.
- Ремезов А., 1880. Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск. 263 с.
- Рикман Э. А., 1975. Жилище племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья//Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука. С. 50—87.
- Романова М. В., Сухина Л. В., 1974. Городища № 5 и № 7 раннего железного века на Андреевском озере//ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 15. С. 43—46.
- Романцова В. Д., 1972. Жилища поселения Орданское-5//Вопросы археологии Сибири. Новосибирск. С. 60—65.
- Романцова В. Д., 1976. Городища XI—XIII веков в Новосибирском Приобье//Языки и топонимия. Томск. С. 130—133.
- Романцова В. Д., 1978. Городище Седова Заимка//Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск. С. 81—90.
- Ромбандеева Е. И., 1973. Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука. 208 с.
- Руденко С. И. Угры и ненцы Нижней Оби. Архив ЛЧ ИЭ АН СССР. Ф. 4004, оп. 1, д. 66.
- Русаква Л. М., 1982. Традиции и инновации в строительстве жилого комплекса у русских крестьян Сибири (доокт. пер.)//Изв. Сиб. отд. АН СССР. № 1. Сер. общ. наук. Вып. 1. С. 125—132.
- Русские. Историко-этнографический атлас. 1967, 1970. М.: Наука. 310 с.; 206 с.
- Русские говоры Среднего Приобья, 1984. Томск: Изд-во ТГУ. Ч. 1. 208 с.
- Русские старожилы Сибири, 1973. М.: Наука. 190 с.
- Саар Э., 1991. Современный чум северных хантов//Жилище народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 69—77.
- Савенков И. Т., 1886. К разведочным материалам археологии Среднего

- Енисей//Известия Восточно-Сибирского общества ИРГО. Т. XVII. № 3—4. С. 26—101.
- Сабурова Л. М., 1967. Сельскохозяйственные постройки для обработки и хранения зерна//Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука. С. 99—129.
- Сабурова Л. М., 1967а. Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука. 280 с.
- Сабурова Л. М., 1971. Русское население Приангарья//Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1. Приангарье. Новосибирск: Наука. С. 28—77.
- Сальников К. В., 1947. Городище Чудаки в Челябинской области по раскопкам 1937 г.//СА. Вып. IX. С. 221—238.
- Сальников К. В., 1951. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях//КСИМК. Вып. XXXVII. С. 88—96.
- Сальников К. В., 1954. Андроновские поселения Зауралья//СА. № 20. С. 224—226.
- Сальников К. В., 1956. Исетские древние поселения//СА. № 25. С. 189—214.
- Сальников К. В., 1956. Отчет об археологических исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции. Свердловск, 1956. Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 6.
- Сальников К. В., 1957. Кипельское селище//СА. Вып. XXVII. С. 153—208.
- Сальников К. В., 1964. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы//ВАУ. Вып. 6. Свердловск. С. 6—23.
- Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 488 с.
- Сатлаев Ф., 1974. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX—первой четверти XX в.). Горно-Алтайск. 200 с.
- Сафьянова А. В., 1972. Материалы по традиционному жилищу сельского населения Тюменской области//Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. Ч. II. М. С. 232—241.
- Сафьянова А. В., 1974. Разработка материалов подворных переписей населения о сибирском жилище (По данным вопросных листов 1877 г.)//Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М. С. 281—287.
- Сафьянова А. В., 1979а. Этнографическое изучение русского населения Томской области//ПНИЭ. М. С. 28—37.
- Сафьянова А. В., 1979б. Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во втор. пол. XIX—нач. XX в.//Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—начала XX века. М. С. 109—142.
- Свод этнографических понятий и терминов. 1986. М.: Наука. Вып. 1. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. 239 с. 1988. Вып. 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. 223 с.; 1889. Вып. 3. Материальная культура. 222 с.
- Севортян Э. В., 1974. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука. 767 с.
- Селезнев А. Г., 1984. Традиционные типы жилища барабинских татар//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тез. докл. обл. науч. конф. по этнографии. Омск: Изд-во ОмГУ. С. 153—156.
- Селезнев А. Г., 1991. Земляные жилища барабинских татар//Жилище народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1991. С. 78—85.

- Семенова В. И., 1981. Раскопки Урьевских городищ//АО 1980 г. М. С. 208—209.
- Семенова В. И., 1982. Исследования в окрестностях пос. Урьево//АО 1981 г. М. С. 230—231.
- Семенова В. И., 1984. Работа в Сургутском и Нефтеюганском районах Тюменской области//АО 1982. М. С. 229.
- Сергеев А. Д., 1978. Оборонительные сооружения Кольвано-Кузнецкой линии (XVIII в.)//Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск: Наука. С. 43—49.
- Сергеев А. С., 1989а. Отчет об археологических исследованиях в Заводоуковском районе Тюменской области. Свердловск. Архив кабинета археологии УрГУ. Ф. II. Д. 453.
- Сергеев А. С., 1989б. Отчет об археологических исследованиях в Тюменской и Свердловской областях. Т. I. Отчет о раскопках в Заводоуковском р-не Тюменской области. Свердловск. Архив кабинета археологии УрГУ. Ф. II. Д.
- Сериков Ю. Б., 1987. Работы Кондинского отряда //АО 1985 г. М.; Наука. С. 281.
- Сидоров Е. А., 1979. Раскопки у с. Милованово//АО 1978. М. С. 271.
- Сидоров Е. А., 1980. Исследования Миловановского поселения//АО 1979 г. М. С. 231.
- Сидоров Е. А., 1987. Раскопки городища Завьялово//Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С. 8—10.
- Симонова Л. Х., 1883. Лаача. Очерк быта вогуличей. СПб.
- Симченко Ю. Б., 1976. Культура охотников на олене Северной Евразии. М.: Наука. 311 с.
- Сказки народов Севера. М.—Л.: Худ. лит., 1959. 627 с.
- Скандаков И. Е., 1988. Потчевашские жилища на Мурлинском городище//Источники и историография: археология и история. Омск. С. 55—69.
- Славнин Д. П., 1966. Геолого-географические условия самусьского археологического района//УЗ ТГУ. № 60. С. 3—27.
- Славнин В. Д., 1991. Типы жилищ кумандинцев (материалы)//Жилище народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 86—96.
- Словарь русских старожилческих говоров средней части бассейна р. Оби /Под ред. В. В. Палагиной, 1964—1967. Т. 1—3. Томск: Изд-во Том. ун-та.
- Словарь языка мангазейских памятников XVII—первой половины XVIII в. Сост. и авт. Н. А. Цомакион. 1971. Красноярск. 581 с.
- Словарь русских говоров Новосибирской области. 1979. Новосибирск: Наука. 605 с.
- Словцов И. Я., 1887. О находках каменного периода близ Тюмени//Записки ЗС ОРГО. Кн. 7. Вып. 1.
- Словцов И. Я., 1887. Археологические памятники Тобольской губернии. М.
- Смирнов А. П., Мерперт Н. Я., 1954. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья//По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М. С. 9—64.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М. 379 с.
- Советский энциклопедический словарь. 1980. М.
- Соболев В. И., 1978. Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н. э.//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука. С. 179—190.
- Соболев В. И., 1979. Раскопки городища Каменушка I//Сибирь в древности. Новосибирск: Наука. С. 76—80.
- Соболев В. И., 1985. Отчет о работах Барабинского отряда Новосибирской археологической экспедиции Новосибирской области в 1981 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 9799.

- Советский Союз. 1971. Геогр. описание в 22 томах. Российская Федерация. Западная Сибирь. М.: Мысль. 430 с.
- Соколова З. П., 1957а. Обско-угорское жилище и его история: Автореф. дис. ...канд. истор. наук. М.
- Соколова З. П., 1957. К истории жилища обских угров//СЭ. № 2. С. 83—105.
- Соколова З. П., 1959. Обско-угорские дощатые постройки//КСИЭ. Вып. XXI. С. 60—67.
- Соколова З. П., 1959. К вопросу о развитии обско-угорской землянки// Известия ТОКМ. Вып. 1. Тюмень.
- Соколова З. П., 1960а. Современные селения и жилища ваховских хантов//ТИЭ. Т. 56. С. 178—198.
- Соколова З. П., 1960. К вопросу о развитии обско-угорской землянки// Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Вып. 1. С. 9—26.
- Соколова З. П., 1962. Заметки об эвенках бассейна Кети//ТИЭ. Т. 78. С. 165—175.
- Соколова З. П., 1963. Из истории жилища обских угров//Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapestini habitus 20—24, IX.60. S. 335—348.
- Соколова З. П., 1963а. Материалы по жилищу, хозяйственным и культурным постройкам обских угров//ТИЭ. Т. 84. С. 180—233.
- Соколова З. П., 1977. Загадка Юльского городка//СЭ. № 4. С. 129—138.
- Соколова З. П., 1980. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов //Этногенез народов Севера. М.: Наука. С. 89—117.
- Соколова З. П., 1982. Обские угры//Этническая история народов Севера. М.: Наука. С. 8—47.
- Соколова З. П., 1983. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука. 328 с.
- Соколова З. П., Воробьева Т. П., 1956. О казымской экспедиции. Ханты-Мансийск.
- Соловьев А. И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск: Наука. 193 с.
- Соловьева Е. И., 1981. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука. 330 с.
- Сосновский Г. П., 1934. Палеолитические стоянки Северной Азии// Труды II междунар. конференции АИЧПЕ. Вып. 5. Л. С. 246—304.
- Спицын А. А., 1896. Зауральские древние городища//ЗРАО ОРСА. Т. VIII. Вып. 1 и 2. СПб.
- Спицын А. А., 1906. Зауральские древние городища//ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1. СПб.
- Станюкович Т. В., 1969. Поселения и жилища русского, украинского и белорусского населения среднеазиатских республик и Казахстана//Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М. С. 221—274.
- Старков В. Ф., 1975. Неолитические памятники Приобья//Памятники древней истории Евразии. М.: Наука. С. 151—157.
- Старков В. Ф., 1980. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука. 219 с.
- Старков В. Ф., 1981. Культура периода раннего металла в лесном Зауралье//ВАУ. Вып. 15. С. 66—70.
- Старцева Л. М., 1964. Отчет об археологических исследованиях Могилинского отряда Среднеобской археолог. экспедиции ТГУ летом 1963 г. Архив МАЭС, № 226.
- Степанов П., 1886. Путевые заметки, веденные во время поездки летом 1885 г. в верховья рек Тартасы и Тары//ЗСОГО. Кн. VIII. Вып. 1. С. 1—24.

Степанова Г. А., Федорова Н. В., 1989. Исследование средневековых памятников на Барсовой Горе//Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981//Археология СССР. М. 303 с.

Стефанов В. И., 1974. Поселения эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье//Из истории Сибири. Вып. 15. Томск. С. 23—28.

Стефанов В. И., 1991. Неолитическое поселение Дуванское VII//Неолитические памятники Урала. Свердловск (в печати).

Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 1984. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск. С. 79—90.

Стефанова Н. К., 1979. Работы в Среднем Прииртышье//АО 1978 г. М.: Наука. С. 273.

Стефанова Н. К., 1980. Исследования в Кондинском районе//АО 1979 г. М. С. 235.

Стефанова Н. К., 1981. Исследования в бассейне р. Конды//АО 1980 г. М.: Наука. С. 214.

Стефанова Н. К., 1985. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше//Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука.

Стефанова Н. К., 1986. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье//Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск. С. 38—47.

Стефанова Н. К., 1988. Кротовская культура в Среднем Прииртышье//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск. С. 53—75.

Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф., 1988. Поселение бронзового века на р. Конде//СА. № 3.

Стоколос В. С., 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука. 168 с.

Стоколос В. С., 1985. Стоянка бронзового века на р. Коротаихе//Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар. С. 31—54.

Стоколос В. С., 1988. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М. 256 с.

Стоянов В. Е., 1969. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века//КСИА АН СССР. Вып. 119. С. 52—61.

Стоянов В. Е., 1969а. Ранний железный век западносибирской лесостепи: опыт классификации и периодизации: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Свердловск. 17 с.

Стоянов В. Е., 1969. Узловское поселение//ВАУ. Свердловск. Вып. 8. С. 65—89.

Стоянов В. Е., 1970. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века//КСИА. Вып. 119. С. 52—61.

Стоянов В. Е., 1970. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века//ПХКПАЗС. Томск. С. 238—253.

Стоянов В. Е., 1975. Носилово II поселение: О зауральских памятниках начала железного века//ВАУ. Вып. 13. Свердловск. С. 115—136.

Стоянов В. Е., 1989. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи//История Урала: С древнейших времен до 1861 года. М. С. 98—103.

Сулейманов Р. Х., Исханов М., Туребеков М. и др., 1978. Раскопки городища Ер-Курган//АО 1977 г. М.: Наука. С. 539—540.

Суринов В. М., 1974. Производительные силы сельского хозяйства Западной Сибири по материалам историко-этнографических экспедиций (конец XIX—начало XX в.)//Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука. С. 110—149.

- Сыркина И. А., 1980. Исследование Борковского городища//АО 1979 г. М. С. 237.
- Сыркина И. А., 1987. Ипкуль XIII — памятник эпохи неолита, раннего железного века//АО 1985 г.: М.: Наука. С. 285—286.
- Сыркина Л. М., Матющенко В. И., 1969. Раскопки поселения Самусь IV (Предварительное сообщение)//Полевые работы 1969 г. Из истории Сибири. Вып. 2. Томск. С. 45—54.
- Таксами Ч. М., 1961. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалина//ТГИЭ. М.—Л.: Изд-во АН СССР. Т. 64. С. 98—166.
- Талицкая И. А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья//Древняя история Нижнего Приобья. № 35. М. С. 242—357.
- Тарасов В., 1915. Сообщение о поездке на полуостров Ямал//ЕТГМ. Вып. 24. С. 1—31.
- Теплоухов С. А., 1927. Древние погребения в Минусинском крае//Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 2. Л., С. 57—112.
- Теплоухов С. А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении)//МЭ. Т. 4. Вып. 2. Л. С. 41—62.
- Терехова Л. М., Карачаров К. Г., 1989. Раскопки Сайгатинских могильников//Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. 1968. М.: Наука. 376 с.
- Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. 1979. М. 286 с.
- Титова З. Д., 1976. Барабинские татары//Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 19. С. 108—147.
- Титова З. Д., 1989. Источники XVIII в. на западноевропейских языках по изучению коренных народов Сибири и Северо-Востока: Дис. ...докт. ист. наук. Л. 826 с.
- Тихонов С. Н., 1984. Традиционные жилища алтайцев//Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука. С. 55—64.
- Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. 1902. В/II—12, инв. № 6821.
- Толмачев В. Я., 1913. Древности Восточного Урала//ЗУОЛЕ. Т. 32. Вып. 1. Екатеринбург.
- Толмачев В. Я., 1914. Древности Восточного Урала//ЗУОЛЕ. Т. 34. Вып. 2. Екатеринбург.
- Толмачев В. Я., 1927. Древности Восточного Урала//ЗУОЛЕ. Т. 40. Свердловск. С. 55—82.
- Томилов Н. А., 1969. У татар Томской и Новосибирской областей//Из истории Сибири. Вып. 2. Томск. С. 103—145.
- Томилов Н. А., 1972. Изменения в поселениях, жилищах и хозяйственных постройках томских татар в свете этнических процессов//Археология и краеведение Алтая. Барнаул. С. 84—88.
- Томилов Н. А., 1978. Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири//СЭ. № 4. С. 9—21.
- Томилов Н. А., 1978. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Изд-во Том. ун-та. 210 с.
- Томилов Н. А., 1979. Этническая дифференциация тюркского населения Западно-Сибирской равнины//Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск. С. 144—148.
- Томилов Н. А., 1980. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). Томск: Изд-во ТГУ. 200 с.

- Томилов Н. А., 1981. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та. 275 с.
- Томилов Н. А., 1983. Казахи Западной Сибири в конце XVI—первой четверти XIX вв.//Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск. С. 68—86.
- Томилов Н. А., 1983а. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та. 216 с.
- Томилов Н. А., 1986. Этнические процессы и историко-культурные общности тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в XVI—начале XX вв.//Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск. С. 70—86.
- Томилов Н. А., 1987. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск. 80 с.
- Томилов Н. А., 1987а. Чулымские тюрки в конце XVI—первой четверти XIX вв.//Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 145—176.
- Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И., 1975. Новые материалы по этнографии барабинских татар//ИИС. Вып. 16. Томск. С. 178—205.
- Топоров В. Н., 1969. О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов//Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М. С. 126—147.
- Тошачкова Е. М., 1973. Основные типы жилищ алтайских племен до революции//Изв. СО АН СССР. № 6. Сер. общ. наук. Вып. 2. С. 113—119.
- Тошачкова Е. М., 1978. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX—начало XX в.). Новосибирск: Наука. 160 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. 1988. Новосибирск: Наука. 225 с.
- Троицкая Т. Н., 1968. Исследования на берегах Обского моря//АО 1967. М.: Наука. С. 142—143.
- Троицкая Т. Н., 1968. Поселение VII—VI вв. до н. э. у с. Завьялова Новосибирской области//КСИА. Вып. 114. С. 99—104.
- Троицкая Т. Н., 1969. Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции)//Научные труды НГПИ. Вып. 31. Новосибирск. С. 3—20.
- Троицкая Т. Н., 1969а. Отчет о работах Новосибирской археологической экспедиции в 1968 г. Архив ИА. Р—1. № 3705. Альбом Р—1. № 3705а.
- Троицкая Т. Н., 1970. Отчет о работе Новосибирской экспедиции 1969 года. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 4035.
- Троицкая Т. Н., 1972. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1971 г. Архив ИА СССР. Р—1. № 4501. Ч. 1. № 4509. Ч. II.
- Троицкая Т. Н., 1972. Работы Новосибирской экспедиции//АО 1971 г. М.: Наука. С. 249—250.
- Троицкая Т. Н., 1972а. Работы Новосибирской археологической экспедиции//Материалы зонального совещания археологов и этнографов: Тезисы докладов. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 29—30.
- Троицкая Т. Н., 1973. Отчет о раскопках Новосибирской археологической экспедиции 1972 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 4953. 4953а.
- Троицкая Т. Н., 1974. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье//Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск: Наука. С. 32—46.
- Троицкая Т. Н., 1976. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции 1975 года. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 6047.
- Троицкая Т. Н., 1978. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции 1977 года. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 6598.

Троицкая Т. Н., 1978а. Исследования памятников эпохи раннего железа//АО 1977 г. М.: Наука. С. 279—280.

Троицкая Т. Н., 1978. О северной границе распространения большереченских племен//Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 46—55.

Троицкая Т. Н., 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука. 124 с.

Троицкая Т. Н., 1979а. Отчет о работе Кольванского и охранного отрядов Новосибирской археологической экспедиции. Новосибирская область в 1978 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 7238.

Троицкая Т. Н., 1980. К вопросу о Новосибирском варианте большереченской культуры//Скифо-Сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, С. 170—175.

Троицкая Т. Н., 1981. Лесостепное Приобье в раннем железном веке: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск. 38 с.

Троицкая Т. Н., 1981. Единцовская культура в Новосибирском Приобье //Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. С. 101—120.

Троицкая Т. Н., 1984. Отчет о работе Завьяловского отряда Новосибирской археологической экспедиции 1983 года. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 9760.

Троицкая Т. Н., 1985. Отчет о работах Завьяловского отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1984 году. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 10253.

Троицкая Т. Н., 1985а. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири//Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та. С. 54—69.

Троицкая Т. Н., 1987. Раскопки городищ у с. Завьялово//Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С. 10—13.

Троицкая Т. Н., 1988. Верхнеобская культура лесостепного Приобья (V—VIII вв.)//Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск. С. 95—101.

Троицкая Т. Н., Адамов А. А., 1987. Смена археологических культур в Новосибирском Приобье на рубеже I—II тысячелетий нашей эры//Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Ч. II. Кемерово. С. 177—178.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука. 182 с.

Троицкая Т. Н., Зах В. А., Сидоров Е. А., 1989. Новое о завьяловской культуре//Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень. С. 103—116.

Троицкая Т. Н., Сидоров Е. А., 1991. Жилища большереченской культуры в Новосибирском Приобье (вторая половина I тыс. до н. э.)//Жилища народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 97—105.

Труфанов А. Я., 1983. Жертвенное место Хутор Бор I: О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья//Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск. С. 63—76.

Труфанов А. Я., 1984. Материалы к происхождению и развитию краснозерской культуры лесостепного Прииртышья//Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск. С. 57—77.

Труфанов А. Я., 1984а. Работы в лесном и лесостепном Прииртышье//АО 1982. М. С. 234—235.

Труфанов А. Я., 1987. Закрытые комплексы городища Ямсыса VII//Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тезисы докладов областной научной конференции. Омск. С. 127—130.

Труфанов А. Я., 1990. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья. Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 202 с.

Труфанов А. Я., 1990а. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Кемерово.

Туголуков В. А., 1985. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука. 284 с.

Тумашева Д. Г., 1968. Язык сибирских татар. Часть 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 184 с.

Туребеков М., 1981. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда VII—VI вв. до н. э.—VII в. н. э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. 24 с.

Удодов В. С., 1988. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса)//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул. С. 107—110.

Удодов В. С., 1989. Некоторые закономерности развития валиковой традиции на Алтае//Археологические исследования в Сибири. Барнаул. С. 55—57.

Уманский А. П., 1972. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ — «кокуев»//Науч. тр. Новосибир. гос. пед. ин-та. Вып. 38. Вопросы археологии Сибири. С. 47—59.

Уманский А. П., 1980. Телеуты и русские в XVII—XVIII веках. Новосибирск: Наука. 296 с.

Уманский А. П., 1987. Археологические памятники урочища Раздутье//Археологические исследования на Алтае. Барнаул. С. 81—99.

Ураев Р. А., 1956. Дополнение к Археологическим памятникам Томской области//Тр. Томского областного краеведческого музея. Т. 5. Томск. С. 317—328.

Усманова М. С., 1980. Традиционное в современной материальной и духовной культуре бачатских телеутов//Древняя история Алтая. Барнаул. С. 160—174.

Усманова М. С., 1988. Материалы по современному жилищу томских татар//Материалы по этнокультурной истории Западной Сибири. Томск, 1988. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 35180 от 17.08.1988. С. 177—202.

Успенский Г. И., 1908. Поездки к переселенцам (от Казани до Томска и обратно)//Полн. собр. соч. Т. 6. СПб. С. 1—114.

Фальк И. П., 1824. Записка путешествия от Санкт-Петербурга до Томска//Полное собрание сочинений ученых путешествий по России. СПб. Т. VI. 397 с.

Федорова Е. Г., 1978. Элементы нового и традиционного в современной материальной культуре манси//ПИИЭ, М.: Наука. С. 73—79.

Федорова Е. Г., 1986. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси//Культурные традиции народов Сибири. Л.: Наука. С. 139—156.

Федорова Н. В., 1976. Раскопки средневековых городищ в районе Барсолов^{ой} Горы близ г. Своята//АО 75 г. М. С. 283—285.

Федорова Н. В., 1981. Итоги четырехлетнего изучения поселений I тысячелетия н. э. Барсовой Горы//ВАУ. Свердловск. Вып. 15. С. 140—142.

Федорова Н. В., 1984. Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X—XIII вв.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ленинград.

Федорова Н. В., 1985. Импортное серебро в Западной Сибири//Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л. С. 125—133.

Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М. и др., 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья//ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 126—145.

Федорова Н. В., Коротаев В. П., Кордюкова И. К. и др., 1978. Исследования средневековых памятников на Барсовой Горе//АО 1977 г. М. С. 280—281.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М.: Наука. 510 с.

Фольклор казаков Сибири. Сост. Л. Е. Элиасов и И. З. Ярневский. 1969. Улан-Удэ. 364 с.

Фролов В. Н., 1963. Материалы полевых исследований. Архив КА УрГУ. Ф. 1. Д. 70. № 9.

Хабдулина М. К., Зданович Г. Б., 1984. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане//Бронзовый век урало-иртышского междуречья. Челябинск. С. 136—158.

Халиков А. Х., Халикова Е. А., 1963. Васильсурское поселение эпохи бронзы//МИА. № 110. М. С. 239—258.

Харузин Н., 1895. Очерк истории развития жилища у финнов//ЭО. № 1. С. 35—78. № 2. С. 50—104.

Харузин Н. Н., 1896. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России//Этнографическое обозрение. Кн. 28. № 1—3. С. 1—53. Кн. 29—30. № 2—3. С. 1—71.

Хлобыстин Л. П., 1967. Исследования на севере Западной Сибири//АО 1966 г. М. С. 148.

Хлобыстин Л. П., 1968. Липовая Курья — «поселение» андроновской культуры Южного Зауралья//КСИА. Вып. 114. М.: Наука. С. 76—83.

Хлобыстин Л. П., 1974. Жилище и его экономическая и социальная обусловленность//Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л. С. 23—24.

Хлобыстин Л. П., 1976. Поселение Липовая Курья. Л.: Наука. 64 с.

Хлобыстин Л. П., 1977. Работы на севере Западной Сибири//АО 1976 г. М.: Наука. С. 249.

Хлобыстин Л. П., 1980. Раскопки на Сумпанье//АО 1979 г. М.: Наука. С. 219—220.

Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—нач. XX в. 1979 г. Отв. ред. В. А. Александров. М.: Наука. 248 с.

Хомич Л. В., 1966. Ненцы. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука. 329 с.

Хомич Л. В., 1976. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука. 189 с.

Хомич Л. В., 1981. Шаманы у ненцев//Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука. С. 5—41.

Хомич Л. В., 1984. Реальность и фантазия в фольклоре ненцев//Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука. С. 142—149.

Хотинский Н. А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука. 200 с.

Хотинский Н. А., 1985. Радиоуглеродная хронология природных и антропогенных рубежей голоцена//Геохронология четвертичного периода. Таллин. С. 10.

Храмова В. В., 1956. Западносибирские татары//Народы Сибири. М.—Л.: Изд-во АН СССР.

Хынку И. Г., 1975. Жилища на территории Молдавии в X—XVII вв//Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука. С. 88—103.

Цейтлин С. М., 1979. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука. 286 с.

Циркин А. В., 1973. Исследования в районе Ачинска//АО 1972 г. М.: Наука. С. 247—248.

Циркин А. В., 1977. Маринское городище и его место в материальной культуре Обь-Чулымского междуречья//Археология Южной Сибири. Кемерово. С. 68—86.

Чагаева А. С., 1965. Отчет о полевых исследованиях Омского государственного пединститута в 1965 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 3302. С. 1—16.

Чагаева А. С., 1967. Отчет об археологических исследованиях Омского государственного пединститута в 1967 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 3543. С. 1—8.

Чагаева А. С., 1968. Мурлинское городище и его датировка//Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Томск. Т. 2.

Чебакова Т. Н., 1973. Стоянка Красная Горка у г. Омска//АО 1972 г. М.: Наука. С. 248—249.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., 1985. Народы, расы, культуры. М.: Наука. 272 с.

Чемякин Ю. П., 1974. Поселение эпохи бронзы Мирный IV//ИИС. Вып. 15. Томск. С. 50—55.

Чемякин Ю. П., 1979. Городища Барсов городок I/11 и I/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья//Вопросы археологии Приобья. Вып. 2. Тюмень. С. 131—144.

Чемякин Ю. П., 1980. Исследования на Барсовой Горе//АО 1979 г. М. С. 240—241.

Чемякин Ю. П., 1980а. Новый могильник в Сургутском Приобье//СА. № 3.

Чемякин Ю. П., 1981. Городища Барсов городок I/13 и I/14//Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск. С. 62—69.

Чемякин Ю. П., 1981а. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье//ВАУ. Вып. 15. Свердловск. С. 87—91.

Чемякин Ю. П., 1981б. Работы Сургутского отряда//АО 1980 г. М.: Наука. С. 220—221.

Чемякин Ю. П., 1983. Раскопки на Барсовой горе//АО 1981 г. М.: Наука. С. 235.

Чемякин Ю. П., 1984. Работы на Барсовой горе//АО 1982. М.: Наука. С. 236—237.

Чемякин Ю. П., 1989. Сургутское Приобье во II—I тысячелетиях до н. э.//Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Сыктывкар. Т. 1. М.

Чемякин Ю. П., 1989а. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа//Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: Наука. С. 60—74.

Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф., 1984. Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой горе//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск. Вып. 17. С. 115—130.

Чемякин Ю. П., Коротяев В. П., 1976. Многослойное городище Барсов городок I/10 (К периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье//Вопросы археологии Приобья. Тюмень. С. 49—62.

Чемякин Ю. П., Сосновкин И. Н., 1979. Городище Барсов городок I/2 близ г. Сургута//Вопросы археологии Приобья. Вып. 2. Тюмень. С. 118—130.

Чернецов В. Н., 1935. Вогульские сказки. Л.: Худ. лит. 143 с.

Чернецов В. Н., 1935а. Древняя приморская культура на полуострове Ямал//СЭ. № 3—4. С. 109—133.

Чернецов В. Н., 1936. Чум//СЭ. № 6. С. 85—92.

Чернецов В. Н., 1937. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа//СА. Т. III.

Чернецов В. Н., 1939. Фратриальное устройство обско-югорского общества//СЭ. № 11. С. 20—42.

16. Заказ 2170 «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» 241

- Чернецов В. Н., 1941. Очерк этногенеза обских угров//КСИИМК. Вып. IX. М. С. 18—28.
- Чернецов В. Н., 1947. Результаты археологической разведки в Омской области//КСИИМК. Вып. 17. М.—Л. С. 79—91.
- Чернецов В. Н., 1949. Отчет о работе Обь-Иртышской экспедиции в 1949 г. Архив ИА АН СССР. Р—1, № 367.
- Чернецов В. Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья//МИА. № 35.
- Чернецов В. Н., 1953а. Усть-полуйское время в Приобье//МИА. № 35.
- Чернецов В. Н., 1953б. Бронза усть-полуйского времени//МИА. № 35. С. 121—178.
- Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.//МИА. М.: Наука. № 58. 245 с.
- Чернецов В. Н., 1968. К вопросу о сложении уральского неолита//История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука. С. 41—53.
- Чернецов В. Н., 1973. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита//Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука. С. 10—17.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И., 1951. Городище Большой Лог//КСИИМК. № 37. С. 78—87.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А., 1953. Древняя история Нижнего Приобья//МИА. № 35.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И., 1954. В поисках древней родины угорских народов//По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М. С. 165—192.
- Черников С. С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. № 88. 271 с.
- Черных Е. Н., 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. С. 81—99.
- Черняковский Н., 1843. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии//Журнал Мин. вн. дел. Ч. 2. 255 с.
- Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Сем. Ремезовым в 1701 г., 1882. СПб.
- Чиндина Л. А., 1972. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета летом 1972 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 4606.
- Чиндина Л. А., 1973. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского университета летом 1972 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 4744.
- Чиндина Л. А., 1974. Отчет об археологических работах Нарымского отряда летом 1973 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 5012.
- Чиндина Л. А., 1974а. Разведка в верховьях р. Кети//ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 15. С. 139—148.
- Чиндина Л. А., 1974б. Исследования в Нарымском Приобье/АО 1973 г. М. С. 232—233.
- Чиндина Л. А., 1975. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1974 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 5591.
- Чиндина Л. А., 1976. О работах Нарымского отряда//АО 1975 г. М.: Наука. С. 287.
- Чиндина Л. А., 1977. Могильник «Релка» на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та. 190 с.
- Чиндина Л. А., 1977а. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1976 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 6437.
- Чиндина Л. А., 1978. Кулайская культура в Нарымском Приобье//

Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 59—65.

Чиндина Л. А., 1978а. Саровское городище//Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 51—80.

Чиндина Л. А., 1980. Работы Нарымского отряда//АО 1979 г. М.: Наука. С. 241.

Чиндина Л. А., 1980а. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда 1979 г. Архив ИА АН СССР. Р—1. № 7593.

Чиндина Л. А., 1981. Раскопки поселения Малгет//АО 1980 г. М.: Наука. С. 222.

Чиндина Л. А., 1982. Культурные особенности Приобья в эпоху железа//Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 14—22.

Чиндина Л. А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск. 255 с.

Чиндина Л. А., 1985. Проблемы культурно-хронологического определения усть-полуйских памятников//Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск.

Чиндина Л. А., 1985. История Среднего Приобья в V в. до н. э.—IX в. н. э.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Новосибирск. 38 с.

Чиндина Л. А., 1987. Работы Нарымской экспедиции//АО 1985 г. М.: Наука. С. 206.

Чиндина Л. А., 1987а. Факторы культурогенеза в лесном Приобье в эпоху железа//Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 34—36.

Чиндина Л. А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та. 181 с.

Чиндина Л. А., 1989. Этнокультурные процессы в Приобье в эпоху железа//Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Сыктывкар. Т. 1.

Чиндина Л. А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та. 181 с.

Чиндина Л. А., Балакин Ю. В., 1976. Поселения Круглое Озеро I и II//ИИС. Вып. 19. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 45—64.

Чиндина Л. А., Кирюшин Ю. Ф., 1975. Раскопки поселения Малгет//АО 1974 г. М. С. 241—242.

Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И., 1990. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та. 339 с.

Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. 1985. М.: Финансы и статистика. 368 с.

Чисняков Э. Ф., 1986. К вопросу о формировании диалектной системы шорского языка//Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово. С. 55—62.

Чистов К. В., 1970. Фольклор и этнография//Фольклор и этнография. Л. С. 3—15.

Членова Н. Л., 1970. Датировка ирменской культуры//Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск. С. 133—150.

Членова Н. Л., 1972а. Карасукские культуры Сибири и Казахстана и их роль в киммерийско-карасукском мире (XIII—VII вв. до н. э.)//Тез. докл. и сообщений Всесоюзной конференции «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем». Т. III. Новосибирск.

Членова Н. Л., 1972б. Хронология памятников карасукской эпохи. М. Шамаро А., 1959. Кержакские тропы//Наука и религия. № 4. С. 68—76.

Шамшин А. Б., 1980. К археологической карте Причумылья//Древняя история Алтая. Барнаул. С. 52—65.

Шамшин А. Б., 1981. Отчет об археологических исследованиях Западно-

го и Тальменского отрядов Алтайской арх. экспедиции летом 1980 года в Алтайском крае. Архив ЛАЭИ АГУ. № 28.

Шамшин А. Б., 1985. Отчет об археологических исследованиях Приобского отряда Алтайской арх. экспедиции летом 1984 г. в Алтайском крае. Архив ЛАЭИ АГУ. № 61.

Шамшин А. Б., 1985а. Поселение Речкуново III — новый памятник поздней бронзы Верхнего Приобья//Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул. С. 129—146.

Шамшин А. Б., 1986. Работы в Алтайском Приобье//АО 1984 г. М.: Наука. С. 207.

Шамшин А. Б., 1987. Работы в лесостепном Алтайском Приобье//АО 1985 г. М.: Наука. С. 294.

Шамшин А. Б., 1987а. Новые памятники эпохи поздней бронзы и переходного времени в Барнаульско-Бийском Приобье//Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С. 38—40.

Шамшин А. Б., 1988. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул. С. 111—115.

Шамшин А. Б., 1989. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII—VI вв. до н. э.)//Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень. С. 116—129.

Шатилов М. Б., 1927. Остьяко-самоеды и тунгусы Принарымского края //ТТКМ. Т. 1. С. 3—31.

Шатилов М. Б., 1931. Ваховские остяки (Этнографические очерки)//Труды Томского краевого музея. Т. IV. Томск. 193 с.

Шведов С. П., 1889. Очерки Сургутского края//Записки ЗСОРГО. Т. X. Омск. С. 1—87.

Шелегина О. Н., 1981. Жилище русских крестьян Западной Сибири. (Конец XVII—первая половина XIX в.)//Культурная жизнь Сибири XVII—XX вв. Бахрушинск. Чтения 1981 г. Новосибирск. С. 114—118.

Шерр Н. Б., 1903. Из поездки к кумандинцам в 1898 г.//Алтайский сборник. Т. V. Барнаул. С. 82—114.

Шиббаева Ю. А., 1950. Из истории хакасского жилища//КСИЭ. 1950. Вып. 10. С. 40—53.

Шитова С. Н., 1971. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства//Археология и этнография Башкирии. Уфа. С. 174—177.

Шитова С. Н., 1976. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир//Этнография Башкирии. Уфа.

Шитова С. Н., 1983. О древних чертах в строительной технике башкир //Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа.

Шитова С. Н., 1984. Традиционные поселения и жилища башкир. М.: Наука. 252 с.

Шлыгина Н. В., Чистов К. В., 1981. V Международный финно-угорский конгресс в Турку//СЭ. № 5. С. 168—173.

Шнирельман В. А., 1980. Происхождение скотоводства. Культурно-историческая проблема. М. 334 с.

Шнирельман В. А., 1986. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов, собирателей//История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М.

Шнитников А. В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария//Записки Географического общества. Т. 16. М.—Л.: Изд-во АН СССР. 335 с.

- Шнитников А. В., 1969. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. *Л.*
- Штейниц В. К., 1977. Хантыйский (остяцкий) язык//Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.—Л. С. 193.
- Шунков В. И., 1956. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М.: Наука. 432 с.
- Эдинг Д. Н., 1929. Горбуновский торфяник//Материалы по изучению Тагильского округа. Вып. 3. Тагил. 27 с.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР. 1987//Археология СССР. М.: Наука. 471 с.
- Эпические песни ненцев. 1965. М.: Наука. 782 с.
- Эрдниев У. Э., 1957. Городище Маяк//Тр. ТГУ. Томск. Т. 136. С. 197—208.
- Этническое развитие народностей Севера в советский период. 1987. М.: Наука. 223 с.
- Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. 1987. Отв. ред. К. В. Чистов. М.: Наука. 557 с.
- Этнография русского крестьянства Сибири (XVII—середина XIX в.). 1981. М.: Наука. 270 с.
- Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. 1969. М.: Наука. 276 с.
- Этнография восточных славян. 1987//Очерки традиционной культуры. М.: Наука. 558 с.
- Юровская В. Т., 1973. Классификация и относительная хронология археологических памятников на Андреевском озере у г. Тюмени//ВАУ. Вып. 12. Свердловск. С. 3—20.
- Юровская В. Т., 1974. Новые памятники эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени//ИИС. Вып. 15. С. 35—40.
- Юровская В. Т., 1975. Неолитическое жилище на стоянке Козлов мыс //ВАУ. Вып. 13. С. 86—91.
- Ядринцев Н. М., 1881. Об алтайцах и черневых татарах//Изв. РГО. Т. XVII. Вып. 4. С. 220—254.
- Ядринцев Н. М., 1882. Отчет о поездке в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катунь//Зап. ЗСОРГО. Кн. IV.
- Ядринцев Н. М., 1885. Алтай и его инородческое царство//Исторический вестник. Т. 20.
- Ядринцев Н. М., 1891. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб. 308 с.
- Ядринцев Н. М., 1891а. Десятилетие переселенческого дела//Вестник Европы. № 8. С. 790—826.
- Яковлев Я. А., 1979. Отчет о полевых исследованиях на поселении Золотая Горка в Шегарском районе Томской области в 1978 г. Архив МАЭС, № 778.
- Яковлев Я. А., 1980. Отчет о раскопках на поселении Золотая Горка в 1979 году в Шегарском районе Томской области. Архив МАЭС. № 790.
- Яковлев Я. А., 1981. Отчет о работах Томского археологического отряда в Каргасокском районе Томской области. Архив МАЭС, № 824.
- Яковлев Я. А., 1982. Отчет о работах Тымского отряда археологической экспедиции Томского университета летом 1981 г. в Каргасокском и Колпашевском районах Томской области. Архив МАЭС, № 855.
- Яковлев Я. А., 1982а. Работы в бассейне Тыма//АО 1981 г. М.: Наука. С. 237—238.
- Яковлев Я. А., 1983. Работы в Притырье//АО 1982 г. М.: Наука. С. 228.

- Яковлев Я. А., 1983а. Отчет 1982 г. Архив МАЭС ТГУ, № 883.
- Яковлев Я. А., 1984. Исследования в бассейне р. Тым//АО 1983. М.: Наука. С. 252—253.
- Яковлев Я. А., 1986. Работы Тымского отряда//АО 1984 г. М.: Наука. С. 208.
- Яковлев Я. А., 1987. Исследования Тымского отряда//АО 1985 г. М.: Наука. С. 297.
- Яковлев Я. А., 1993. Карбинское городище II — памятник рёлкинской эпохи//Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 61—74.
- Яковлев Я. А., Мец Ф. И., 1993. Селище Золотая Горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н. э.)//Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 129—151.
- Arne T. J., 1935. Barsof Gorodok. Stockholm. 96 S.
- Castren M. A., 1855. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb. 404 S.
- Kannisto A., 1958. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Helsinki/Пер. Р. А. Мосиенко. ГПНТБ СО АН СССР. Пер. № 14382/1. Новосибирск, 1988. 310 с. Рукопись.
- Karjalainen K. F., 1922. Die Religion der Jugra-Völker. Bd. 11. Helsinki-Porvoo. 386 S./Пер. Н. В. Лукиной, 1986. Архив МАЭС ТГУ, № 985.
- Karjalainen K. F., Toivonen J. H., 1948. Ostjakisches Wörterbuch. Helsinki. Bd. 1, 1119 S.
- Kodolányi J., 1963. Speicher der Chanten (Ostjaken) für Opfergegenstände//Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest. S. 111—114.
- Martin F. R., 1897. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm. 45 S.
- Sirelius U. T., 1983. Reise zu den Ostjaken. Helsinki. 350 S.
- Sirelius U. T., 1906, 1907, 1908, 1909, 1911. Veber die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker//Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. 6. S. 74—104; Bd. 7. S. 55—128; Bd. 8. S. 8—27; Bd. 9. S. 17—113; Bd. 11. S. 23—122/Пер. Н. В. Лукиной. Архив МАЭС ТГУ, № 1066, 1067.
- Szokolova Z. P., 1964. Az obi-ugor lakóházak tüzhelyei//Műeltség és haqyomány. T. 6. P. 65—79.

СПИСОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ *

- АБРАМОВО I, селище. Верхнее Приобье. Поздн. средневек. В. П. Левашова, 1927.
- АБРАМОВО II, селище. Верхнее Приобье. Поздн. средневек. В. П. Левашова, 1927.
- АБРАМОВО 10, поселение. Среднее Приобье. Кротовская культура. Молодин В. И., Соболев В. И., 1980.
- АБРАМОВСКОЕ (АБРАМОВО 1), городище. Бараба, р. Омь. Саргатская (?) культура барабинских татар. Е. М. Бессер-Засецкий, 1926; В. П. Левашова, 1927; В. И. Молодин, 1975.
- АБРАШИНО I, городище. Новосибирское Приобье, р. Обь. Ирменская культура. В. Я. Есин, 1966; В. И. Соболев, 1974.
- АБСЕЛЯМОВСКОЕ, поселение (стоянка). Южное Зауралье, оз. Иткуль. Неолит — энеолит, черкаскульская, межовская, иткульская, гамаюнская культуры, средневековые. Н. П. Кипарисова, 1953—1955.
- АКУТИХА I, городище. Барнаульское Приобье. Одицовская культура. А. А. Казаков, 1989.
- АЛЕКСАНДРОВКА VI, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. А. И. Петров, 1978; И. Е. Скандаков, 1988.
- АЛЛАК I, городище. Верхнее Приобье. Поздн. средневек. М. Н. Комарова, 1953; А. П. Уманский, 1968; А. Б. Шамшин, 1984.
- АМНЯ I, городище. Нижнее Приобье. Неолит—энеолит. В. М. Морозов, В. И. Стефанов, 1987—89.
- АНАНЬЕВСКОЕ городище. Среднее Прииртышье. Средневек. В. А. Могильников, 1962.
- АНДРЕЕВСКОЕ I, городище. Зауралье. Молчановский тип. И. Я. Слозцов, 1883; И. А. Талицкая, 1953; В. Н. Чернецов, 1953; З. П. Соколова, 1957; В. И. Мошинская, 1959; В. Д. Викторова, 1968.
- АНДРЕЕВСКОЕ II, городище. Зауралье. Туманский, молчановский, бакальский типы. И. Я. Слозцов, 1883; В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, 1951; В. Д. Викторова, 1969.
- АНДРЕЕВСКОЕ III, городище. Зауралье. Юдинская культура. И. Я. Слозцов, 1883; П. А. Дмитриев, 1928; В. Н. Чернецов, 1955; З. П. Соколова, 1957; В. Д. Викторова, 1969; Л. Н. Корякова, 1977.

* В список включены только те памятники, материалы которых использованы в томе. Названы исследователи и годы раскопок, в некоторых случаях — публикации материалов.

АНДРЕЕВСКОЕ IV, городище. Зауралье. Юдинская культура. П. А. Россомахин, 1928; В. Н. Чернецов, 1957; В. И. Мошинская, 1959; В. Д. Викторова, 1969; В. Ф. Кернер, 1978.

АНДРЕЕВСКОЕ 5 и 7, городища. Среднее Притоболье, оз. Андреевское. Энеолит, гамаюнская, иткульская культуры. Сборы XIX в. л. в. Казимирова, 1968; М. В. Елькина, 1969, 1971, 1972; Л. В. Сухина, 1970.

АНДРЕЕВСКОЕ 8, городище. Среднее Притоболье. Туманский тип. В. Д. Викторова, 1969.

АНДРЕЕВСКОЕ XI, городище. Среднее Притоболье. I полов. I тыс. н. э. С. Г. Пархимович, 1985.

АНДРЕЕВСКОЕ I, поселение. Среднее Притоболье. Андреевская культура; Дмитриев П. А., 1929.

АНДРЕЕВСКОЕ II, поселение. Среднее Притоболье. Андреевская культура; Дмитриев П. А., 1928, 1929.

АНДРЕЕВСКОЕ ОЗЕРО, северный берег, поселение. Среднее Притоболье. Ташковская, липчинская и шапкульская культуры; Юровская В. Т., 1968.

АНДРОНОВСКОЕ, городище. Зауралье. Тынский тип, юдинская культура. В. И. Липский, 1961; В. Д. Викторова, 1969.

АРГЫН, поселение. Прииртышье. Екатерининская, потчевашская культуры; Л. Л. Косинская, Г. Б. Зданович, 1965, 1970.

АТАЧКА I, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. В. А. Могильников, 1962; Б. А. Конигов, 1978; И. Е. Скандаков, 1989.

АТАЧКА III, поселение. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. В. А. Могильников, 1962; В. А. Конигов, 1978; И. Е. Скандаков, 1989.

АТАЧКА IV, городище. Среднее Прииртышье. Ран. средневек. Б. А. Конигов, 1978; И. Е. Скандаков, 1989.

АТАЧКА VIII, городище. Среднее Прииртышье. Первая половина I тыс. н. э. В. И. Матющенко, 1988; И. Е. Скандаков, 1989.

АТАЧКА IX, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская, усть-ишимская культуры. В. А. Могильников, 1962; В. И. Матющенко, 1983; И. Е. Скандаков, 1988.

АТАЧКА XIII, поселение. Среднее Прииртышье. Ран. средневек. В. А. Могильников, 1964; В. И. Матющенко, 1983; И. Е. Скандаков, 1989.

АТЫМЬЯ I, селище. Зауралье. Сайгатинский этап. В. М. Морозов, 1977, 1979; Ю. Б. Сериков, 1982.

АТЫМЬЯ II, селище. Зауралье. Кульминский тип (ран. жел.). С. Ф. Кокшаров, В. Н. Широков, 1982.

АЧИНСКОЕ, городище. Р. Чулым. Тагарская и таштыкская культуры. Г. А. Абраменко, 1950-е; А. В. Циркин, 1972.

АХМЕТОВО I, поселение. Южное Приуралье, р. Белая. Срубная, черкаскульская, межовская культуры. А. П. Шокуров, 1955; А. В. Збруева, 1957—1959.

АЯТЬ, поселение. Свердловская обл., правый берег р. Аять. Неолит, энеолит, эпоха бронзы, железный век. Е. М. Берс, 1956—1959.

БАГАРЯКСКОЕ БЛИЖНЕЕ (Ближне-Багарякское), городище (укрепленное жилище). Южное Зауралье, р. Багаряк. Гамаюнская культура. В. П. Бирюков, 1949; К. В. Сальников, 1953; В. И. Липский, 1963, 1967.

БАГАРЯКСКОЕ ДАЛЬНЕЕ (Дальне-Багарякское), городище. Южное Зауралье, р. Багаряк. Иткульская, гамаюнская, воробьевская культуры. В. П. Бирюков, 1949; К. В. Сальников, 1953; В. А. Борзунов, 1976.

БАЙТОВСКОЕ (ЧУДАКИ), городище. Среднее Притоболье, р. Карашта — старица Тобола. Байтовская культура. Т. Г. Гашева (Бушуева), 1963.

БАКАЛЬСКОЕ БОЛЬШОЕ, городище. Зауралье. А. А. Спицын, 1906. Бакальская культура. К. В. Сальников, 1956, 1961; Сылвенская культура — В. Ф. Генинг, Т. М. Потемкина, 1961, 1964.

БАКАЛЬСКОЕ МАЛОЕ, городище. Зауралье. А. А. Спицын, 1906. Бакальская культура — К. В. Сальников, 1940, 1956. Сылвенская культура — В. Ф. Генинг, Т. М. Потемкина, 1961.

БАЛТАЧЕВСКАЯ, стоянка. Южное Приуралье, р. Сарьязка. Срубная, межовская культуры. А. П. Шокуров, 1957.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/1, городище. Сургутское Приобье. Барсовская, белоярская культуры. Л. Л. Косинская, 1972.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/2, городище. Сургутское Приобье. Неолит, барсовская, белоярская культуры. В. М. Морозов, 1972; Ю. П. Чемякин, 1973.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/3, городище. Сургутское Приобье. Ранний бронзовый век, барсовская, атлымская, белоярская культуры, кулайские и средневековые погребения. В. М. Морозов, 1972; Ю. П. Чемякин, 1973; В. А. Борзунов, 1986—88.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/4, городище. Сургутское Приобье. Атлымская, кулайская культуры. В. М. Морозов, 1972; Ю. П. Чемякин, 1973.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/5, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. В. М. Морозов, 1972.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/6, городище. Сургутское Приобье. Энеолитические погребения, ранний бронзовый век, барсовская, белоярская, калинкинская, кулайская культуры, средневековое святилище. В. М. Морозов, 1972; Ю. П. Чемякин, 1973—74, 1978.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/7, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. В. М. Морозов, 1972.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/8, городище. Сургутское Приобье. Неолит, атлымская, калинкинская, кулайская культуры. Ю. П. Чемякин, 1974.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/9, городище. Сургутское Приобье. Атлымская, белоярская, калинкинская, кулайская культуры. Ю. П. Чемякин, 1973.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/10, городище. Сургутское Приобье. Атлымская, белоярская, калинкинская культуры. Ю. П. Чемякин, 1974.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/11, городище. Сургутское Приобье. Белоярская культура. Ю. П. Чемякин, 1974.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/12, городище. Сургутское Приобье. Белоярская, кулайская культуры. Ю. П. Чемякин, 1974.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/13, городок. Сургутское Приобье. Белоярская, калинкинская культуры. Ю. П. Чемякин, 1974.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/14, городище. Сургутское Приобье. Белоярская, калинкинская культуры. Ю. П. Чемякин, 1974.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/15, городище. Сургутское Приобье. Белоярская, кулайская культуры. Ю. П. Чемякин, 1974.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/16, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. В. М. Морозов, 1972.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/17, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. В. М. Морозов, 1972; М. В. Елькина, 1975.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/18, городище. Сургутское Приобье. Бронзовый век. Белоярская, калинкинская, кулайская культуры. М. В. Елькина, 1975—76.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/20, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура, средневековый клад. Н. В. Федорова, 1978, Г. В. Бельтикова, 1986; В. А. Борзунов, 1988.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/22, городище. Сургутское Приобье. Калинкинская, кулайская культуры. И. К. Кордюкова, Н. В. Федорова, 1978.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/25, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. Л. А. Сухина, 1968; Н. В. Федорова, 1978.

БАРСОВ ГОРОДОК 1/26, городище. Сургутское Приобье. Барсовская, кулайская культуры. Л. А. Сухина, 1968; В. М. Морозов, 1972; Н. В. Федорова, 1978.

- БАРСОВ ГОРОДОК I/30, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. Ю. П. Чемякин, 1974.
- БАРСОВ ГОРОДОК I/31, городище. Сургутское Приобье. Энеолит, кулайская культура; кинтусовский этап. Ю. П. Чемякин, 1973; Н. В. Федорова, 1976.
- БАРСОВ ГОРОДОК I/32, городище. Сургутское Приобье. Энеолит, кинтусовский этап. Н. В. Федорова, Ю. П. Чемякин, 1982.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/1, городище. Сургутское Приобье. Поздн. бронзов. век, зеленогорский этап. А. Ф. Шорин, 1972; Н. В. Федорова, 1973, 1976, 1977.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/2, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. В. М. Морозов, 1972.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/3, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. В. М. Морозов, 1972.
- БАРСОВ ГОРОДОК, II/4, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. В. М. Морозов, 1972; Н. В. Федорова, 1976, 1977.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/5, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. В. М. Морозов, 1972.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/6, городище. Сургутское Приобье. Неолит—энеолит; карымский этап. А. Ф. Шорин, 1972; Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/7, городище. Сургутское Приобье. Карымский этап. А. Ф. Шорин, 1972; Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/8, городище. Сургутское Приобье. Карымский этап. В. П. Виктор, 1972—73.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/9, городище. Сургутское Приобье. Карымский этап. А. Ф. Шорин, 1972; Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/10, городище. Сургутское Приобье. Неолит; карымский этап. А. Ф. Шорин, 1972; Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/11, городище. Сургутское Приобье. Зеленогорский этап. А. Ф. Шорин, 1972; Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/12, городище. Сургутское Приобье. 2 половина I тыс. н. э. А. Ф. Шорин, 1972; А. А. Нифонтов, Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/13, городище. Сургутское Приобье. Зеленогорский этап. А. Ф. Шорин, 1972; А. А. Нифонтов, Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК III/3, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. Ю. П. Чемякин, 1972.
- БАРСОВ ГОРОДОК III/4, городище. Сургутское Приобье. Калининская культура. М. В. Елькина, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК III/5, городище (объект 177). Сургутское Приобье. Кулайская культура. В. М. Морозов, Н. В. Федорова, 1971.
- БАРСОВ ГОРОДОК III/6, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. М. В. Елькина, 1974.
- БАРСОВ ГОРОДОК III/7, городище. Сургутское Приобье. Белоярская культура. М. В. Елькина, 1975.
- БАРСОВ ГОРОДОК IV/1, городище. Сургутское Приобье. Сайгатинский этап. Ю. П. Чемякин, Л. М. Терехова, 1979—80.
- БАРСОВА ГОРА I/1а, селище. Сургутское Приобье. Барсовская, атлымская культуры. Л. Л. Косинская, 1972; Ю. П. Чемякин, 1979.
- БАРСОВА ГОРА, I/3а, стоянка. Сургутское Приобье. Неолит. А. П. Зыков, 1987.
- БАРСОВА ГОРА I/5а, стоянка. Сургутское Приобье. Энеолит. В. М. Морозов, 1972; М. В. Елькина, 1976.
- БАРСОВА ГОРА I/22а, селище. Сургутское Приобье. Бронзовый век (в т. ч. атлымская культура), белоярская, калининская, кулайская культуры. Ю. П. Чемякин, 1978.
- БАРСОВА ГОРА I/40, селище. Сургутское Приобье. Барсовская (жилища 9, 10, 16—18), атлымская (жилища 4—8, 11, 12), белоярская (жилища

- 1—3, 13—15, 19—21, хоз. постройки 1—7) культуры. Ю. П. Чемякин, 1978—82.
- БАРСОВА ГОРА I/43, селище. Сургутское Приобье. Барсовская, калинкинская культуры. Ю. П. Чемякин, 1978, 1980.
- БАРСОВА ГОРА I/50, селище. Сургутское Приобье. Барсовская культура, Ю. П. Чемякин, 1979.
- БАРСОВА ГОРА II/1а, селище. Сургутское Приобье. Барсовская культура, кучминский этап. Н. В. Федорова, 1976, 1977.
- БАРСОВА ГОРА II/6а, стоянка. Сургутское Приобье. Неолит—энеолит. Н. П. Матвеева, 1978.
- БАРСОВА ГОРА II/8, селище. Сургутское Приобье. Неолит, энеолит, бронзовый век, средневековье. А. П. Зыков, 1987.
- БАРСОВА ГОРА II/9, селище. Сургутское Приобье. Неолит—ранний бронзовый век. А. П. Зыков, 1988; А. А. Михалев, 1989.
- БАРСОВА ГОРА II/14, селище. Сургутское Приобье (Первоначально Барсова Гора II/16). Кинтусовский этап. Н. В. Федорова, 1973, 1977; Ю. П. Чемякин, 1982.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/14, городище. Сургутское Приобье. Бронзовый век; 2 половина 1 тыс. н. э. А. Ф. Шорин, 1972; А. А. Нифонтов, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК II/15, городище. Сургутское Приобье. Зеленогорский этап. А. Ф. Шорин, 1972; А. А. Нифонтов, Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВА ГОРА II/16а, стоянка. Сургутское Приобье. Неолит; бронзовый век (в т. ч. барсовская, атлымская культуры). М. В. Елькина, 1976; Н. П. Матвеева, 1978; Ю. П. Чемякин, 1982.
- БАРСОВА ГОРА II/17, стоянка. Сургутское Приобье. Неолит. Н. П. Москвина, 1978; Ю. П. Чемякин, 1982.
- БАРСОВА ГОРА III/1, селище. Сургутское Приобье. Белоярская культура. Ю. П. Чемякин, 1974.
- БАРСОВ ГОРОДОК III/1, городище. Сургутское Приобье. Атлымская, белоярская, калинкинская (объект 317) культуры. М. В. Елькина, 1973—74.
- БАРСОВА ГОРА III/2, селище. Сургутское Приобье (объекты 20, 22—25, 33, 501, 502, 507, 508, 510, 511). Кулайская культура. Г. В. Бельтикова. Н. К. Стефанова, 1972; Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВ ГОРОДОК III/2, городище. Сургутское Приобье. Калинкинская культура. Ю. П. Чемякин, 1972.
- БАРСОВА ГОРА III/3, селище. Сургутское Приобье (объекты 230, 239, 241, 246, 544, 626). Кулайская культура. Ю. П. Чемякин, 1972.
- БАРСОВА ГОРА III/4, селище. Объекты 435, 437, 451, 452, 472, 486 — барсовская культура; 436, 453, 487 — кулайская культура. Л. Л. Косинская, 1972; Н. В. Федорова, 1973.
- БАРСОВА ГОРА III/5, селище (объекты 179, 181). Сургутское Приобье. Кулайская культура. Г. В. Бельтикова, Н. В. Федорова, 1971.
- БАРСОВА ГОРА III/6, селище (объекты 56, 57, 57а, 113, 117). Сургутское Приобье. Кулайская культура. Н. В. Федорова, 1971.
- БАРСОВА ГОРА III/7, селище (объекты 251, 362, 363, 369, 371, 372). Сургутское Приобье. Калинкинская культура. М. В. Елькина, 1973.
- БАРСОВА ГОРА III/8, селище (объекты 267, 271). Сургутское Приобье. Калинкинская культура. М. В. Елькина, 1972—73.
- БАРСОВА ГОРА III/9, селище (объекты 58, 125—127). Сургутское Приобье. Белоярская культура. Г. В. Бельтикова, 1971.
- БАРСОВА ГОРА III/10, селище: жилища 3—5, 11—14, хоз. постройки 1, 4 — белоярская культура; жилища 1, 2, 6, 7, 9, 10, 15, хоз. постройки 2, 3 (?) — кулайская культура. Ю. П. Чемякин, 1981.
- БАРСОВА ГОРА III/11, селище. Сургутское Приобье. Калинкинская культура. В. В. Петров, Ю. П. Чемякин, 1982.

- БАРСОВА ГОРА III/12, селище (объекты 1665, 1668). Сургутское Приобье. Калининская культура. М. В. Елькина, 1975.
- БАРСОВА ГОРА III/13, селище (объекты 1672, 1673). Сургутское Приобье. Калининская культура. М. В. Елькина, 1975.
- БАРСОВА ГОРА III/14, селище (объекты 34—36, 76—78). Сургутское Приобье. Белоярская культура. В. А. Борзунов, Н. В. Федорова, 1971.
- БАРСОВА ГОРА III/15, селище (объекты 91, 95, 532, 533). Сургутское Приобье. Кулайская культура. Г. В. Бельтикова, В. М. Морозов, 1971.
- БАРСОВА ГОРА III/16, селище (объект 50). Сургутское Приобье. Кулайская культура. Г. В. Бельтикова, 1972.
- БАРСОВА ГОРА III/17, селище (объект 52). Сургутское Приобье. Кулайская культура. Г. В. Бельтикова, 1972.
- БАРСОВА ГОРА III/18, селище (объекты 287, 288). Сургутское Приобье. Белоярская культура. М. В. Елькина, 1973.
- БАРСОВА ГОРА III/23, селище (объект 186). Сургутское Приобье. Калининская культура. Н. В. Федорова, 1971.
- БАРСОВА ГОРА III, поселение, объект 107. Сургутское Приобье. Атлымская культура. М. В. Елькина, 1974.
- БАРСОВА ГОРА III, поселение, объекты 21, 215, 240, 291, 1675. Сургутское Приобье. Белоярская культура. М. В. Елькина, 1972—73, 1975; Н. В. Федорова, 1971; Ю. П. Чемякин, 1972.
- БАРСОВА ГОРА III, поселение, объект 109. Сургутское Приобье. Кулайская культура. Г. В. Бельтикова, 1971.
- БАРСОВА ГОРА IV/1, селище. Сургутское Приобье. Сайгатинский этап. Ю. П. Чемякин, 1979—80.
- БАРСОВА ГОРА IV/3, селище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. Ю. П. Чемякин, 1979, 1982.
- БАРСОВА ГОРА IV/4, селище. Сургутское Приобье. Атлымская культура. Ю. П. Чемякин, 1979.
- БАРСОВА ГОРА IV/5, стоянка. Сургутское Приобье. Неолит—энеолит. Н. П. Москвина, 1978; Ю. П. Чемякин, 1979—80.
- БАРХАТОВО-ЗАРЕЧНОЕ (Бархатовское левобережное), поселение. Среднее Притоболье, низовья Исети. Бархатовская, байтовская культуры. К. В. Сальников, 1957—1958.
- БАРХАТОВСКОЕ, городище. Зауралье. Сылвенская культура. К. Голодников, 1879; В. Н. Фролов, 1962.
- БАРХАТОВСКОЕ, поселение (селище). Среднее Притоболье, низовья Исети. Боборыкинская, бархатовская, гороховская, байтовская культуры. К. В. Сальников, 1957—1958; В. Н. Фролов, 1963.
- БАРЦЕВКА IV, селище. Сургутское Приобье. Барсовская культура. Г. В. Бельтикова, 1983; С. Ф. Кокшаров, 1984.
- БАСАНДАЙКА, поселение и городище. Томское Приобье, р. Томь. Ирменская, шеломокская (кижировская), молчановская культуры. Средневековье. М. П. Грязнов, 1924; Д. П. Славин, 1924, 1927, 1956; А. П. Дульзон, 1949; К. В. Иванов, 1954; К. Э. Гриневич, 1944—1946; Л. М. Плетнева, 1970.
- БАСАНДАЙКА IV, городище. Ран. средневековье. Томское Приобье. Л. М. Плетнева, 1978, 1980.
- БАТУРИНО 1, городище. Новосибирское Приобье, р. Уень. Ирменская, молчановская культуры. А. П. Зиновьев, В. А. Дремов, 1962; Т. Н. Троицкая, 1963; А. В. Матвеев, 1975, 1976.
- БАТУРИНО 2, городище. Новосибирское Приобье, р. Обь. Ирменская, шеломокская, большереченская культуры. А. П. Зиновьев, В. А. Дремов, 1962; Т. Н. Троицкая, 1963, 1976.
- БЕЗЫМЯННОЕ I, городище. Среднее Прииртышье. Средневековье. Чернецов В. Н., 1945; В. А. Могильников, 1962.

БЕЗЫМЯННОЕ II, городище. Среднее Прииртышье. Поздняя бронза, ран. железо, ран. средневек. А. В. Ваганов, 1930-е; В. Н. Чернецов, А. Ф. Палашенков, 1945; В. А. Могильников, 1962.

БЕЗЫМЯННОЕ III, городище. Среднее Прииртышье. Усть-шимская культура. В. Н. Чернецов, 1945; В. А. Могильников, 1962; И. Е. Скалдаков, 1989.

БЕЗЫМЯННЫЙ РУЧЕЙ I, селище. Верхнее Приобье. Ран., разв. средневек. Ю. Ф. Кирюшин, 1969.

БЕЛАЯ ГОРА III, поселение. Нижнее Притоболье, р. Ем-Еган — приток М. Сосьвы. Атлымское-гамаюнский тип. С. Ф. Кокшаров, 1987.

БЕЛЫЙ ЯР I, городище. Среднее Прииртышье. Усть-шимская культура. Б. А. Кошиков, 1978; И. В. Морев, 1989.

БЕЛЫЙ ЯР XII, селище. Прииртышье. Гороховинская, саргатская культуры. Потемкина Т. М., 1967.

БЕЛЫЙ ЯР, селище. Среднее Приобье. Ран. желез. век. Ю. Ф. Кирюшин, 1969.

БЕЛЯЙСКОЕ, городище. Чулымское Приобье. Разв., поздн. средневек. В. С. Сняев, 1946; О. Б. Кокорина, 1977.

БЕРГАМАК, поселение. Среднее Прииртышье. XIII—XV вв. н. э. В. А. Могильников, 1962.

БЕРДСКОЕ, городище. Новосибирское Приобье. Поздн. средневек. М. П. Грязнов, 1953.

БЕРЕЗКИ II, поселение. Южное Зауралье, оз. Аргазин. Липчинская, гамаюнская, иткульская, воробьевская, гафурийская культуры. Н. А. Алексащенко, 1972; Н. М. Чаиркина, Т. И. Нохрина, 1976.

БЕРЕЗКИ III, городище. Барнаульское Приобье. Ран. средневек. А. Л. Кунгуров, 1980.

БИЙСКОЕ 2, городище. Барнаульское Приобье. Кулайская культура. А. Л. Кунгуров, 1978.

БИЙСКОЕ 4, городище. Барнаульское Приобье. Одинцовская культура. А. Л. Кунгуров, 1978.

БИЧИЛИ I, стоянка. Прииртышье. Развитый неолит. Крижевская Л. Я., 1985.

БЛИЖНИЕ ЕЛБАНЫ I, селище. Верхнее Приобье. Большереченская культура. М. П. Грязнов, 1925, 1946—1949.

БЛИЖНИЕ ЕЛБАНЫ II, селище. Верхнее Приобье. Конец I—нач. II тыс. н. э. М. П. Грязнов, 1925, 1946.

БЛИЖНИЕ ЕЛБАНЫ XII, селище. Верхнее Приобье. Ран. железо. М. П. Грязнов, 1925, 1946—49.

БОБОРЫКИНО II, поселение. Восточное Зауралье, р. Исеть. Боборыкинская, кошкинская, полуденская, алакульская, черкасульская, межовская, бархатовская, гамаюнская, гороховская культуры. В. Я. Толмачев, 1900-е; К. В. Сальников, 1957—1958; В. Е. Стоянов, 1966; Л. Я. Крижевская, 1968.

БОГАНДИНСКОЕ, селище. Зауралье. Юдинская культура. И. Я. Слоцов, 1887; экспедиция Тюменского музея, 1951; И. А. Талицкая, 1953.

БОГАТЫРСКИЕ БУГРЫ I, городище. Томское Приобье, р. Тым. Кулайская культура. П. И. Кутафьев, 1938; Я. А. Яковлев, 1980—84.

БОГДАНОВСКОЕ, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Саргатская, подчевашская культуры. В. А. Могильников, 1966, 1969, 1977.

БОГОЧАНОВО, городище. Среднее Прииртышье. Ран. железн. век, ран., поздн. средневек. В. А. Могильников, 1980.

БОЕВСКОЕ, городище. Южное Зауралье, р. Багаряк. Гамаюнская культура. В. Я. Толмачев, 1911, 1913—1915; В. П. Бирюков, 1949.

БОЛЬШАЯ НАНОГА (Нанюга I), городище. Южное Зауралье, оз. Большая Нанюга. Иткульская культура, средневек. Д. Н. Анучин, 1887.

БОЛЬШАЯ ПРИСТАНЬ I, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская, усть-ишимская культуры. В. В. Зверев, 1957; В. И. Матющенко, 1963; И. Е. Скандяков, 1988.

БОЛЬШЕДОРОХОВСКОЕ, городище. Чулымское Приобье. Поздн. средне-век. Р. А. Ураев, 1954; О. Б. Беликова, 1978.

БОЛЬШОЙ ИТКУЛЬ IX, городище. Барнаульское Приобье. Ран. средне-век. Б. Х. Кадиков, 1956—1962 (?); М. Т. Абдулганеев, 1987.

БОЛЬШОЙ КОКУЙ II, селище. Барнаульское Приобье. Ран. средне-век., А. Б. Шамшин, 1978.

БОЛЬШОЙ ЛАРЬЯК II, поселение. Среднее Приобье. р. Вах. Неолит, энеолит, бронзов. век, эпоха железа. В. А. Посредников, 1969, 1970.

БОЛЬШОЙ ЛАРЬЯК III, поселение. Среднее Приобье, р. Вах. Разв. бронза. В. А. Посредников, 1972.

БОЛЬШОЙ ЛОГ, городище. Среднее Прииртышье, р. Омь. Большеложский тип, красноозерская, потчевашская культуры, поздн. средне-век. А. Н. Зырянов, конец XIX в.; А. Ф. Палашенков, 1937; В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, А. Ф. Палашенков, 1949; В. Ф. Генинг, 1965.

БОЛЬШОЙ ЧУЛАНКУЛЬ I, городище, селище. Новосибирское Приобье. Поздн. средне-век. В. И. Соболев, 1978.

БОРКОВСКОЕ, городище. Среднее Пришимье, р. Баурсык. Рубеж бронзов. и железн. веков, байтовская (?) культура, ран. средне-век. И. А. Сыркина, 1978.

БОРОВОЕ (Шляпина), селище. Прииртышье. Ран. железн. век (носилово, воробьево). В. Е. Стоянов, 1969.

БОРОВОЕ I, селище. Новосибирское Приобье. Разв. средне-век. А. А. Адамов, 1985.

БОРОВОЕ III, поселение. Бийское Приобье, р. Бия. Елунинская, андроновская, большереченская культуры. М. Т. Абдулганеев, 1986; А. Л. Кунгуров, 1989.

БОРОВЯНКА, поселение. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Сузгунская культура. В. А. Борзунов, 1970.

БОТНИКОВСКОЕ I, поселение. Нижнее Приобье, Средняя бронза, ран. железн. век (байтовский, гороховский типы), Н. П. Матвеева, 1984—1986; В. А. Могильников, 1978.

БОТНИКОВСКОЕ II, городище. Нижнее Приобье, низовья Исети. Гороховская, саргатская культуры. В. А. Могильников, 1978; Н. П. Матвеева.

БУРУНДУКОВО IV, городище. Верхнее Приобье. Ран. средне-век. В. С. Елагин, 1984.

БЫКОВО I, поселение. Барнаульское Приобье, р. Обь. Ирменская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1983, 1984.

БЫКОВО III, поселение. Барнаульское Приобье, р. Обь. Ирменская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1983, 1984.

БЫСТРОВСКОЕ IV, поселение. Верхнее Приобье, р. Атаманиха. Ирменская культура. А. В. Матвеев, 1977.

ВЕНГЕРОВО 5, стоянка. Новосибирское Приобье. Палеолит. А. П. Окладников, В. И. Молодин, 1978, В. Т. Петрин, 1986.

ВЕНГЕРОВО 2, поселение. Среднее Приобье. Кротовская культура. В. И. Молодин, 1973.

ВЕНГЕРОВО 3, поселение. Среднее Приобье. Кротовская, екатерининская культуры. В. И. Молодин, Н. Я. Нечепуренко, 1974.

ВЕРТЕНИС, поселение. Среднее Прииртышье. Екатерининская культура. В. В. Симонов, 1976.

ВЕРТЕНИС, городище. Среднее Прииртышье. Средне-век. В. В. Симонов, 1977.

ВЕРХНЕЕ АКСЕНОВО II, городище. Среднее Прииртышье. Усть-шимская культура. В. И. Мороз, 50-е гг. XX в.; В. А. Могильников, 1961; Б. А. Конилов, 1983, 1985, 1987.

ВЕРХНЕПОЛЕВСКОЕ, городище. Зауралье. IV—II вв. до н. э. В. Я. Толмачев, А. А. Слицин, 1906; И. А. Талицкая, 1953. Бакальская культура — К. В. Сальников, 1956; М. М. Чеснокова, 1961.

ВОЖ-ПАИ, городище. Нижнее Приобье, р. Обь. Усть-полуйская культура, среднеvek. (X—XIII вв.). Сборы краеведов, 1925; А. Ф. Палашенков, В. Н. Чернецов, 1930-е.

ВОЗНЕСЕНСКОЕ, городище, селище. Верхнее Приобье. Разв., позд. среднеvek. И. П. Фальк, 1771—1772; С. М. Чугунов, 1895—1896; В. А. Клодт, А. М. Жихарев, 1925; П. А. Дмитриев, В. П. Левашова, 1926 (1928?); В. И. Соколов, 1974—1976.

ВОЛВОНЧА I, поселение. Кондинская низменность, р. Конда. Неолит, атымьинский, волвончинский, полымьятский, лозьвинский типы. Н. К. Стефанова, 1979.

ВОЛЧЬЯ ГРИВА, стоянка. Новосибирское Приобье. Палеолит. Э. В. Алексеева, И. А. Волков, 1969; Э. В. Алексеева, Н. К. Верещагин, 1970; А. П. Окладников и др., 1971.

ВОРОБЬЕВСКОЕ, городище, селище. Среднее Зауралье, р. Исеть. Носиловский тип, иткульская, воробьевская, гороховская, бакальская (сылвенская) культуры. В. Я. Толмачев, 1910; В. Е. Стоянов, М. М. Чеснокова, 1961; В. Е. Стоянов, 1962; В. Е. Стоянов, Г. В. Бельтикова, 1981—1984; К. В. Сальников, 1940, 1958.

ВОРОНИЙ МЫС, городище. Среднее Приобье. Разв. среднеvek. П. И. Кутафьев, 1939; Я. А. Яковлев, 1987.

ВОРОНОМЫССКОЕ, селище. Среднее Приобье. Разв. среднеvek. П. И. Кутафьев, 1939; Я. А. Яковлев, 1987.

ВОСТРИКОВСКОЕ I, селище. Нарымское Приобье. Поздн. среднеvek. Л. А. Чиндина, 1977; А. И. Боброва, 1977; М. Р. Файзуллина, 1982; С. А. Терехин, 1987.

ВЬЮНЫ XI, городище. Новосибирское Приобье. Ран. среднеvek. В. А. Дремов, 1961.

ВЫСОКИЙ ЯР, селище. Среднее Приобье. Ран. среднеvek. В. А. Посредников, 1970.

ГОЛЫЙ МЫС, селище. Томское Приобье. Поздн. среднеvek. А. П. Дульзон, 1949; В. И. Магюшенко, 1954.

ГАМАЮНСКАЯ, стоянка. Среднее Зауралье, р. Исеть. Гамаюнская культура. П. Л. Драверт, 1895.

ГАРИНСКОЕ местонахождение, правый берег р. Сосьвы. Палеолит. О. Н. Бадер, Ю. Б. Сериков, 1975, 1981.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ III, поселение. Зауралье. Кульминский тип (р. ж. в.). С. Ф. Кокшаров, Ю. П. Чемякин, 1987.

ГИЛЕВО III, поселение. Верхнее Приобье, р. Алей. Андроновская культура. В. А. Могильников, 1972, 1973.

ГИЛЕВО VIII, поселение. Тюменская обл., р. Ук. Неолит. Л. А. Дрябина, С. Ю. Пархимович, 1982—83.

ГЛЯДЕНЬ, городище. Среднее Зауралье, р. Пышма. Ран. железн. век. Ю. М. Кутаков, 1963.

ГОРНАЯ БИТИЯ I, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Саргатская культура. В. П. Левашова, 1926—1927; В. А. Могильников, 1968—1969.

ГОРНАЯ БИТИЯ II, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Саргатская культура. В. П. Левашова, 1926—27; В. А. Могильников, 1968—69.

- ГОРНОСТАЛЕВО, поселение. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. В. Ф. Генниг, 1965.
- ГОРОДИЩЕ 1, городище. Барнаульское Приобье. Кулайская культура. М. Т. Абдулганеев, А. А. Казаков, 1988.
- ГОРОДИЩЕ 2, городище. Барнаульское Приобье. Одинцовская культура. М. Т. Абдулганеев, А. А. Казаков, 1988.
- ГОРОДИЩЕ 3, городище. Барнаульское Приобье. Кулайская культура. М. Т. Абдулганеев, А. А. Казаков, 1988.
- ГОРОДИЩЕ 7, городище. Барнаульское Приобье. Кулайская культура. Б. Х. Кадилов, 1956.
- ГОРОДИЩЕ 8, городище. Барнаульское Приобье. Кулайская культура. Б. Х. Кадилов, 1956.
- ГОРОДОКСКОЕ I, селище. Среднее Приобье. Разв. средневек. О. Б. Беликова, 1977, 1978, 1980.
- ГОРОДОКСКОЕ III, селище. Среднее Приобье. Разв., поздн. средневек. О. Б. Кокорина, 1977.
- ГОРОДОКСКОЕ I, городище. Зауралье. Туманский (прыговский) тип. В. Д. Швечикова, 1963; И. Я. Слопцов, 1887, 1892; В. М. Флоринский, 1894; В. Д. Викторова, 1969.
- ГОРОХОВСКОЕ (Чудаки), городище. Среднее Притоболье, р. Юргамыш. Гороховская, воробьевская, саргатская (?) культуры. К. В. Сальников, 1937—39, 1949; Г. В. Бельтикова, 1975, 1976, 1977.
- ГРИЩИНСКОЕ, селище. Зауралье. I полов. I тыс. н. э. В. Д. Швечикова, 1962; В. Д. Викторова, 1969.
- ГРИШКИНО I, селище. Нарымское Приобье. Ран. средневек. В. Е. Добычин, 1961; Л. А. Чиндина, 1973; Ю. И. Ожередов, 1980.
- ГРИШКИНО II, селище. Нарымское Приобье. Ран. средневек. В. Е. Добычин, 1961; Л. А. Чиндина, 1973; Ю. И. Ожередов, 1980.
- ДАВЫДОВСКОЕ, городище. Зауралье. Кашинский тип. И. Я. Слопцов, 1887; И. Я. Троицкая, 1953; С. Б. Данилевич, 1962; В. Д. Викторова, 1969.
- ДАРВИНО II, городище. Среднее Прииртышье. Средневек. И. Г. Глушков, 1978.
- ДЕНИСОВО, поселение. Кондинская низменность, р. Евра. Лозьвинская, гамаянская (?) культуры. Г. П. Визгалов, 1985.
- ДЕСЯТОВСКОЕ, поселение. Нарымское Приобье, р. Чулым. Еловская, молчановская культуры. Е. М. Пеняев, 1949, М. Ф. Косарев, 1964.
- ДВОРНИКОВСКОЕ, городище. Зауралье. Кашинский, тынский типы. В. Д. Ширинкин, 1957; В. Д. Швечикова, 1962; В. Д. Викторова, 1969.
- ДМИТРИЕВСКАЯ ГРИВА, поселение. Лесостепной Алтай. Березовское время. М. Т. Абдулганеев, 1988, 1989.
- ДУБРОВИНСКИЙ БОРОК I, поселение. Новосибирское Приобье, р. Унь. Ран. железо. В. Я. Есин, 1970; Т. Н. Троицкая, 1970, 1971, 1973.
- ДУБРОВИНСКИЙ БОРОК 2, городище. Новосибирское Приобье, р. Унь. Кулайская культура. В. Я. Есин, Т. Н. Троицкая, 1970; Т. Н. Троицкая, 1971, 1973, 1975.
- ДУБРОВИНСКИЙ БОРОК 3, городище. Новосибирское Приобье, р. Унь. Кулайская культура. Т. Н. Троицкая, 1971, 1974, 1975.
- ДУБРОВИНСКИЙ БОРОК 4, городище. Новосибирское Приобье, р. Унь. Кулайская культура. Т. Н. Троицкая, 1971.
- ДУБРОВИНСКИЙ БОРОК 6, городище. Новосибирское Приобье. Ран. жел. век, ран. средневек. Т. Н. Троицкая, 1971, 1974, 1975.
- ДУВАНСКОЕ I, городище. Среднее Притоболье. Молчановский тип, юдинская культура. В. М. Морозов, 1976, 1977, 1978.
- ДУВАНСКОЕ I, селище. Саргатская культура. Л. Н. Корякова, 1979.

ДУВАНСКОЕ II, поселение. Среднее Приоболье, р. Дуван. Энеолит. Саргатская культура. Л. Н. Корякова, 1980—1982.

ДУВАНСКОЕ V, поселение. Среднее Приоболье, р. Дуван. Козловская и полуденская культуры. Л. И. Ашихмина, 1973; В. И. Стефанов, 1975—1977.

ДУВАНСКОЕ IIIa, селище. Среднее Приоболье. Конец I—начало II тыс. н. э. В. М. Морозов, 1977.

ДУВАНСКОЕ V, поселение. Тюменская обл., правый берег р. Дуван. Неолит, энеолит, эпоха бронзы, железный век. В. И. Стефанов, 1975—1977.

ДУВАНСКОЕ VI, поселение. Саргатская культура, средневек. В. М. Морозов, 1977.

ДУВАНСКОЕ XVII, поселение. Среднее Приоболье, р. Дуван. Эпоха бронзы. О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов, 1978, 1979.

ДУВАНСКОЕ XVIII, поселение. Среднее Приоболье, р. Дуван. Неолит, энеолит, коптяковский тип. В. И. Стефанов, 1976; Т. И. Нохрина, 1977.

ДУМНАЯ ГОРА, городище. Среднее Зауралье, р. Полевая. Иткульская культура. Д. Н. Анучин, 1887; Е. М. Берс, 1949, 1951; Г. В. Бельтикова, В. Е. Стоянов, 1981, 1982, 1983.

ЕВГАЩИНСКОЕ, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Красноозерская, готчевашская культуры. А. Ф. Палашенков, 1960, 1964; В. И. Матюшенко, 1961; В. А. Могильников, 1970.

ЕВСТЮНИХА, поселение. Свердловская обл., при впадении р. Евстюнихи в р. Тагил. Неолит. А. И. Россадович, 1974—1975.

ЕКАТЕРИНИНСКОЕ II, стоянка. Среднее Прииртышье. XVII в. В. Н. Чернецов, 1945; А. И. Петров, 1972, 1976—77; И. Е. Скандаков, 1989.

ЕКАТЕРИНИНСКОЕ III, городище. Среднее Прииртышье. Ран. средневек. В. А. Могильников, 1962; П. Н. Прокопенко, 1968; А. И. Петров, 1972, 1977; И. Е. Скандаков, 1989.

ЕКАТЕРИНИНСКОЕ V, городище. Среднее Прииртышье. XIV—XVI вв. н. э. Тарский р-н, Омская обл. В. Н. Чернецов, 1945; В. А. Могильников, 1962; И. Е. Скандаков, 1989.

ЕЛОВСКОЕ (Еловка), поселение. Томское Приобье, обская протока Симан. Еловская, молчановская культуры. В. И. Матюшенко, Л. В. Александрова, 1959; В. И. Матюшенко, 1960, 1961.

ЕЛОВЫЙ МЫС (мыс Еловый), поселение, металлургический комплекс. Среднее Зауралье, р. Исеть. Энеолит — ранняя бронза, гамаюнская, иткульская культуры. Н. А. Рыжников, 1885; Ю. П. Аргентовский, 1906; Е. М. Берс, 1951, 1952; Т. И. Нохрина, 1980.

ЕРМАКОВО I, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. Н. Г. Смирнов, 1973; В. М. Морозов, 1974; В. М. Морозов, В. И. Семенова, 1980.

ЕРМАКОВО II, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. Н. Г. Смирнов, 1973; В. М. Морозов, 1974.

ЕРМАКОВО 4, селище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. В. М. Морозов, 1974.

ЕРМАКОВО IV, городище. Сургутское Приобье. Белоярская культура. Н. Г. Смирнов, 1973; В. М. Морозов, 1974.

ЕРМАКОВО 5, селище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. В. М. Морозов, 1974; С. Г. Пархимович, В. М. Морозов, 1976.

ЕРМАКОВО V, городище. Сургутское Приобье. Ран. железн. век. Н. Г. Смирнов, 1973; В. М. Морозов, 1974.

ЕРМАКОВО VI, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. Н. Г. Смирнов, 1973; В. М. Морозов, 1974.

ЕРМАКОВО VIII, городище. Сургутское Приобье. Ран. железн. век. В. М. Морозов, 1974; В. М. Морозов, А. А. Нифонтов, 1976.

ЕРМАКОВО XI, городище. Сургутское Приобье. Кинтусовский этап. В. М. Морозов, 1974—76.

ЕРМАКОВО XI, селище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. В. М. Морозов, 1974, 1976.

ЕРМАКОВО 14, селище. Сургутское Приобье. Кучиминский и сайгатинский этапы. В. М. Морозов, 1974; С. Г. Пархимович, В. М. Морозов, 1975.

ЕРМАКОВО XVIII, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. А. А. Нифонтов, 1976.

ЕРМАКОВО XIX, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. А. А. Нифонтов, 1976.

ЕРМАКОВО XX, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. А. А. Нифонтов, 1976.

ЕФИМОВО I, городище. Среднее Приишимье, р. Вавилон, Карьковский тип, саргатская культура. А. В. Матвеев, 1984, 1986.

ЗАВОДОУКОВСКОЕ X, поселение. Среднее Приобье, р. Ук. Ташковская, бархатовская культуры. А. С. Сергеев, 1984, 1988—1990.

ЗАВОДОУКОВСКОЕ XIII, поселение. Среднее Приобье, р. Ук. Ташковская культура. Н. К. Стефанова, 1989.

ЗАВЬЯЛОВО V, городище. Новосибирское Приобье. Большереченская культура. Е. А. Сидоров, 1983, 1984.

ЗАВЬЯЛОВО VI, городище. Новосибирское Приобье. Ран. средневек. В. И. Молодин, 1968; Т. Н. Троицкая, 1983.

ЗАВЬЯЛОВО VII, городище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. В. И. Молодин, 1968; Т. Н. Троицкая, 1983.

ЗАДУВАНСКОЕ, городище. Зауралье. Конец I — начало II тыс. н. э. В. М. Морозов, 1978.

ЗАДУВАНСКОЕ V, городище. Зауралье. Молчановский тип. В. В. Тен, 1978.

ЗАДУВАНСКОЕ VI, городище. Зауралье. I пол. I тыс. н. э. В. В. Тен, 1978.

ЗАКОВРЯШИНО, поселение. Верхнее Приобье. Обское море. Ирменская культура. В. И. Соболев, 1976; А. Б. Шамшин, 1980, 1983—1985.

ЗАМАРАЕВСКОЕ, поселение. Восточное Зауралье, р. Исеть. Федоровская, алакульская, межовская культуры. А. Н. Зырянов, 1950-е; Н. Ю. Зограф, 1878; Ф. А. Уваров, конец XIX в.; К. В. Сальников, Е. М. Берс, 1946; К. В. Сальников, 1958.

ЗАРЕЧНАЯ ГОРКА, городище. Причулымье. Поздн. средневек. Р. А. Ураев, 1953; Н. В. Нашекин, 1961; Л. М. Сыркина, 1970; О. Б. Кокорина, 1977.

ЗЕЛЕНАЯ ГОРКА, поселение. Нижнее Приобье. Усть-полуйский и зеленогорский типы. В. Н. Чернецов, 1946.

ЗИМНЕЕ II, поселение. Среднее Прииртышье. Поздн. средневек. М. Ф. Косарев, 1974.

ЗНАМЕНСКОЕ (Знаменка, Сухоербинское), городище. Енисейско-Чулымское междуречье, р. Камышта — приток Ербы. Тагарская культура. А. И. Мартынов, 1976.

ЗОЛОТАЯ ГОРКА, селище. Томское Приобье. Разв., поздн. средневек. Я. А. Яковлев, 1977—1979.

ЗОТИНСКОЕ II (Нижнее Правобережное), городище. Южное Зауралье, р. Багаряк. Гамаюнская, иткульская, воробьевская культуры. В. П. Бирюков, 1912, 1949; В. А. Борзунов, 1977, 1980.

ЗОТИНСКОЕ III (Левобережное), городище. Южное Зауралье, р. Багаряк. Иткульская, бакальская культуры. В. Я. Толмачев, 1911; В. П. Бирюков, 1949; В. Т. Петрин, Т. И. Нохрина, 1974; В. А. Борзунов, 1977.

ЗОТИНСКОЕ IV, городище. Южное Зауралье, р. Багаряк. Гамаюнская, иткульская культуры, карьковский тип, бакальская культура. В. А. Борзунов, 1976.

ИВАНОВ МЫС V, городище. Среднее Прииртышье. Ран. средневек. И. Г. Глушков, 1980; Г. В. Казакова, 1988.

ИВАНОВСКОЕ 3, городище. Новосибирское Приобье, р. Чингис. Ирменская культура. Т. Н. Троицкая, 1970, 1977.

ИВАНОВСКОЕ 4, городище. Новосибирское Приобье, р. Чингис. Кулайская культура. Т. Н. Троицкая, 1970, 1977.

ИГРЕКОВСКИЙ ОСТРОВ I, стоянка. Среднее Приобье, р. Обь. Энеолит. Г. В. Ложникова, 1971—1972.

ИЛОВСКОЕ, селище. Причулымье. Ран. средневек. О. Б. Беликова, 1978.

ИЛОВСКОЕ II, городище. Причулымье. Разв., поздн. средневек. О. Б. Кокорина, 1978.

ИЛЬЮШИНСКОЕ IV, городище. Северное Зауралье, р. Ильюша. Гамаюнская культура. Е. М. Беспрозрачный, 1989.

ИЛЬТЯКОВСКОЕ, городище. Восточное Зауралье, р. Исеть. Железн. век. К. В. Сальников, 1958.

ИНБЕРЕНЬ, IV, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Пахомовский тип, саргатская культура. Н. К. Стефанова, 1973; Л. Н. Корякова, 1975.

ИНБЕРЕНЬ V, поселение. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Сузгунская, красноозерская культуры. В. И. Стефанов, 1968, 1975, 1976.

ИНБЕРЕНЬ VI, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Красноозерская культура, иткульско-гамаюнский тип. В. И. Стефанов, 1976; Н. К. Стефанова, 1975.

ИНБЕРЕНЬ VII, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Красноозерская культура. В. И. Стефанов, 1975, 1976.

ИНБЕРЕНЬ X, укрепленное поселение. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Екатерининская, кротовская, красноозерская культуры, погребения начала II тыс. н. э. В. И. Стефанов, 1976; Н. К. Стефанова, 1977, 1978.

ИНГАЛИНКА I, поселение. Ран. железн. век (бантово, горохово, саргат). Матвеева Н. П., 1986.

ИПАТОВСКОЕ, городище. Восточное Зауралье, р. Исеть. Гороховская культура. В. С. Стоколос, 1955, 1956.

ИПКУЛЬ XV, селище. Зауралье. Поздний саргат, средневек. В. М. Морозов, 1985.

ИР II, поселение. Среднее Приишимье, р. Ишим. Неолит, пахомовский тип, ран. средневек. Л. Л. Косинская, 1970, 1971.

ИРБИТСКОЕ ОЗЕРО, городище. Среднее Зауралье, оз. Ирбитское. Энеолитическое погребение, гамаюнская, иткульская (?) культуры. Д. Н. Мамин-Сибиряк, 1889; А. И. Геккель, 1890-е; О. Е. Клер, 1898; Е. М. Берс, 1956.

ИРМЕНЬ III, городище. Верхнее Приобье. Ран. средневек. М. П. Грязнов, 1953.

ИРМЕНЬ I (IA), поселение. Новосибирское Приобье, р. Ирмень. Ирменская культура. М. П. Грязнов, 1952, 1953.

ИРМЕНЬ I (IB), городище. Новосибирское Приобье, р. Ирмень. Кулайская культура. М. П. Грязнов, 1952, 1953.

ИРТЯШСКОЕ I («Островки»), городище. Южное Зауралье, оз. Иртыш. Иткульская, гамаюнская, гороховская, петрогромская культуры. Д. Н. Алучин, 1887; В. Г. Дружинин, 1891—1893; П. А. Дмитриев, 1938.

ИСЕТСКОЕ ПРАВОБЕРЕЖНОЕ, поселение. Правый берег р. Исети. Неолит, эпоха железа. В. Ф. Кернер, 1984—1989.

ИСКА, городище. Зауралье. Юдинская культура. В. М. Морозов, 1978.

ИСТОК-3, поселение. Ран. железн. век (кашино). Л. Н. Корякова, 1984.

ИСТОК IV, поселение. Правый берег протоки Исток, соединяющей оз. Ипкуль с р. Иской. Неолит, эпоха бронзы, энеолит, железн. век. Н. К. Стефанова, 1984—1985.

ИТКУЛЬСКОЕ I (Иткульское Большое, Даутовское I), городище. Южное Зауралье, оз. Иткуль. Липчинская, гамаюнская, иткульская культуры, ран. средневек. В. Я. Толмачев, конец XIX в.; Н. П. Кипарисова, 1953; К. В. Сальников, 1954; Г. В. Бельтикова, 1976—1978, 1986.

ИТКУЛЬСКОЕ II (Иткульское Малое, Даутовское II), городище. Южное Зауралье, оз. Иткуль. Иткульская культура. В. Я. Толмачев, конец XIX в.; Н. П. Кипарисова, 1953.

ИТКУЛЬ II, селище. Барнаульское Приобье. Ран. жел. век, ран. средневек. Ю. Ф. Кирюшин, 1981.

КАБАНЬЕ, поселение. Кулунда, р. Бурла, озеро Кабанье. Андроновская и большереченская культуры. В. С. Удодов, 1989.

КАЗЕННАЯ ЗАИМКА, Барнаульское Приобье, р. Обь. Большемысская, андроновская, корчажнинская, ирменская и большереченская культуры. А. Б. Шамшин, 1983, 1984.

КАЗАХБАЕВСКОЕ БОЛЬШОЕ (Больше-Казахбаевское), городище. Южное Зауралье, р. Караболка. Гороховская культура. В. Я. Толмачев, конец XIX в.; В. П. Бирюков, 1949.

КАЗАХБАЕВСКОЕ МАЛОЕ (Мало-Казахбаевское), городище. Южное Зауралье, р. Караболка. Гороховская культура. В. П. Бирюков, 1949.

КАЗЕННАЯ ЗАИМКА, поселение. Барнаульско-Бийское Приобье, р. Обь. Корчажнинская культура, рубеж бронзов. и железн. веков.

КАПСЫ I, городище. Среднее Прииртышье. Усть-ишимская культура. А. У. Станкевич, 1959; В. А. Могильников, 1961; Р. В. Казакова, 1987.

КАКСИНСКАЯ ГОРА I, городище. Нижнее Приобье. Зеленогорский этап. З. П. Соколова, 1956; Ю. Б. Сериков, 1979; В. М. Морозов, 1986—89.

КАКСИНСКАЯ ГОРА III, поселение. Нижнее Приобье. Энеолит, ран. бронза. В. М. Морозов, 1988—89.

КАКСИНСКАЯ ГОРА 4, поселение. Нижнее Приобье. Карымский этап. В. М. Морозов, 1989.

КАКСИНСКАЯ ГОРА 5, поселение. Нижнее Приобье. Кучминский этап. В. М. Морозов, 1989.

КАЛИНОВКА, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. средневек. Г. К. Иванов, 1981.

КАМБАРТ, селище. Нарымское Приобье. Разв. средневек. Ю. Ф. Кирюшин, 1971.

КАЛИНОВКА II, IV, поселения. Верхнее Приобье. Мамонтовские озера. Культура валиковой керамики. Г. К. Иванов, 1986—88.

КАЛИНОВСКАЯ, стоянка. Южное Приуралье, старица р. Демы. Срубная, межовская культуры. Г. А. Матвеева, 1962.

КАЛУГИНО I, городище. Ишимско-Иртышское междуречье, оз. Тенис. Сузгунская культура, культура крестовой керамики. И. Г. Глушков, 1978.

КАМЕННЫЙ МЫС, городище. Новосибирское Приобье. Большереченская, шеломокская культуры. В. А. Дремов, 1961; Т. Н. Троицкая, 1961, 1968—1974.

КАМЕНОГОРСКОЕ, городище. Южное Зауралье, р. Синара. Межовская, гамаюнская, иткульская, гороховская культуры. В. Я. Толмачев, 1897; Ю. П. Аргентовский, начало XX в.; Н. П. Кипарисова, 1953, 1956.

КАМЕНУШКА I, городище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. Т. Н. Троицкая, 1970; В. И. Соболев, 1975; А. А. Адамов, 1987.

КАМЕНУШКА II, селище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. Т. Н. Троицкая, 1970.

КАПОЧСКОЕ, городище. Северное Зауралье, р. Капоч — приток Тавды. Ран. бронза, гамаюнская культура, ран. средневек. В. А. Швечикова, 1962.

КАРАСИИ БОР I, селище. Нарымское Приобье. Ран. средневек. Ю. И. Ожедров, 1981.

- КАРБИНСКОЕ I, городище. Среднее Приобье, р. Кеть. Эпоха раннего железа. Г. И. Гребнева, 1982; Я. А. Яковлев, 1986, 1987.
- КАРБИНСКОЕ II, городище. Среднее Приобье. Ран. средневек. Г. И. Гребнева, 1982; Я. А. Яковлев, 1986, 1987.
- КАРБИНСКОЕ III, городище. Среднее Приобье, р. Кеть. Кулайская культура. Г. И. Гребнева, 1982; Я. А. Яковлев, 1986.
- КАРБИНСКОЕ II, селище. Среднее Приобье. Ран. желез. век. Г. И. Гребнева, 1982.
- КАРБИНСКОЕ IV, селище. Среднее Приобье. Ран. желез. век. Г. И. Гребнева, 1982.
- КАРБОЛИХА II, поселение. Верхнее Приобье, р. Алей. Андроновская культура. В. А. Могильников, 1972, 1973.
- КАРГАНОВСКОЕ, городище. Прииртышье. Ран. жел. век. Могильников В. А., 1965.
- КАРГАТ 4, поселение. Верхнее Приобье. Ран. железо. В. А. Зах.
- КАРЕЛИНСКОЕ I, селище. Среднее Приобье. Разв., поздн. средневек. Г. И. Гребнева, 1982; Я. А. Яковлев, 1986.
- КАРЕЛИНСКОЕ II, городище. Среднее Приобье. Ран. средневек. Г. И. Гребнева, 1982; Я. А. Яковлев, 1986.
- КАРЛУГА, поселение. Прииртышье. Носилово. Г. Б. Зданович, 1967.
- КАРЬЕР II, стоянка. Окрестности г. Тюмени, Андреевское оз., северный берег. Неолит, энеолит, эпоха бронзы. В. Д. Викторова, Н. В. Варанкин, 1975.
- КАТАПИНСКОЕ II, городище. Нарымское Приобье, р. Кеть. Кулайская культура. В. А. Рябцев, 1977.
- КАТАЙСКОЕ, селище. Среднее Прииртышье. Энеолит, гороховская культура. В. Е. Стоянов, 1961.
- КАЧУКОВО IV, поселение. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. А. И. Петров, 1972; И. Е. Скандаков, 1988.
- КАШИНСКОЕ, городище. Среднее Зауралье, р. Кунара. Эпоха средневек. Ю. Ф. Гебауэр, 1879; В. М. Флоринский, 1894; Е. М. Берс, 1960; Н. И. Совио-ва, 1962.
- КАШИНСКОЕ, селище. Среднее Зауралье, оз. Осинное — старица Ницы. Кашинский тип. В. Д. Викторова, 1961, 1962.
- КАШЛАМСКИЙ БОР VI, селище. Новосибирское Приобье. Поздн. средне-век. Е. А. Сидоров.
- КАШЛАМСКИЙ БОР VII, городище. Новосибирское Приобье. Разв. сред-невек. Е. А. Сидоров.
- КИЖИРОВСКОЕ, поселение и городище. Томское Приобье, рр. Томь и Ка-мышка. Шеломокская (кижировская) культура, эпоха средневековья. Н. А. Чер-нышев, 1938; В. И. Матюшенко, 1953, 1962; Л. М. Плетнева, 1972, 1976—1977, 1979.
- КИНДА I, селище. Верхнее Приобье. Поздн. средневек. (?); Н. В. Березов-ская, 1988.
- КИНДА VII, селище. Верхнее Приобье. Разв. средневек. Н. В. Березовская, 1988.
- КИНДИНСКОЕ I, городище. Ран. средневек. (?). Н. В. Березовская, 1988.
- КИНДИНСКОЕ II, городище. Верхнее Приобье. Разв. средневек. Н. В. Бе-резовская, 1988.
- КИРЕЕВСКОЕ I, городище. Томское Приобье. Поздн. средневек. В. И. Ма-тюшенко, 1959; В. А. Рябцев, 1977.
- КИРЕЕВСКОЕ, городище. Томское Приобье, р. Обь. Кулайская культура. В. А. Рябцев, 1977.
- КИП IV, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская, усть-ишимская культуры. И. П. Фальк, 1774; А. Ф. Палашенков, 1959; Б. А. Кошиков, 1979.

КИП II, городище. Среднее Прииртышье. Усть-шимская культура. И. В. Морев, 1987.

КИНО-КУЛАРЫ III, поселение. Среднее Прииртышье. Усть-шимская культура. И. П. Фальк, 1774; А. Ф. Палашенков, 1959, Б. А. Конилов, 1978, 1979, 1982, 1985.

КИРИП—ВИС—ЮГАН, поселение. Нижнее Приобье. Неолит—энеолит. В. М. Морозов, 1989.

КИСЛОР III, городище. Нижнее Приобье. Карымский этап. В. М. Морозов, 1987.

КИСЛОВКА II, селище. Томское Приобье. Ран. среднеvek. Л. М. Плетнева, 1977, 1979.

КИСЛОВКА IV, селище. Томское Приобье. Ран. среднеvek. Г. И. Гребнева и др., 1976.

КИСЛОВКА VII, селище. Томское Приобье. Ран. среднеvek. Л. М. Плетнева, 1977, 1979.

КЛЮЧЕВОЕ, селище. Среднее Приобье. Ран. среднеvek. Л. А. Чиндина, 1972.

КОЗЛОВ МЫС I, стоянка. Андреевское оз., южный берег. Неолит, энеолит, эпоха бронзы, железн. век. В. Н. Чернецов, С. В. Зотова, Л. Я. Крижевская, В. Т. Ковалева, 1955—1956, 1959—1960, 1967.

КОЗЮЛИНСКОЕ II, городище. Томское Приобье, р. Томь. Шеломокская (кижирская) культура. Л. М. Плетнева, 1974, 1980.

КОКОНОВСКОЕ, поселение. Прииртышье. Саргатская культура. В. А. Могильников, 1967.

КОКУП I, поселение. Прииртышье. Екатерининская культура. Р. Д. Голдина, 1969; В. Ф. Геннинг, 1969.

КОЛАРОВСКОЕ, городище. Томское Приобье. Поздн. среднеvek. Л. М. Плетнева, 1977, 1978.

КОЛАРОВСКОЕ II, селище. Томское Приобье. Поздн. среднеvek. Л. М. Плетнева, 1978.

КОЛОВСКОЕ, городище. Прииртышье. Поздн. бронза, железн. век. А. В. Матвеев, 1987.

КОЛПАКОВСКОЕ, городище. Южное Зауралье, р. Багаряк. Гамаюнская, иткульская культура. В. Я. Толмачев, 1911; К. В. Сальников, 1953; В. П. Бириков, 1949; В. А. Борзунов, 1973.

КОМАРОВО I, поселение. Бийское Приобье, озеро Иткуль. Большемысская культура, ирбинский тип, ран. среднеvek. М. Т. Абдулганеев, 1983—1987.

КОМАРОВО V, селище. Лесостепной Алтай. Ран. среднеvek. М. Т. Абдулганеев, 1984, 1987.

КОНДРАШКИНА АККА I, городище. Нарымское Приобье, р. Тым. Кулайская культура. Я. А. Яковлев, 1980, 1986.

КОНДРАШКИНА АККА II, городище. Нарымское Приобье, р. Тым. Кулайская культура. Я. А. Яковлев, 1980.

КОНДРАШКИНА АККА III, городище. Нарымское Приобье, р. Тым. Кулайская, рёлкинская культуры. Я. А. Яковлев, 1980.

КОНДРАШКИНО I, поселение. Среднее Приобье, р. Тым. Энеолит — ранняя бронза, раннее железн. Ф. И. Мещ, 1982, 1983, 1985.

КОНДРАШКИНО IV, селище. Среднее Приобье. Ран. железн. век. Я. А. Яковлев, 1980.

КОНДРАШКИНО V, селище. Среднее Приобье. Ран. железн. век. Я. А. Яковлев, 1980.

КОНДРАШКИНО VI, селище. Среднее Приобье. Ран. среднеvek. Я. А. Яковлев, 1980.

КОНДРАШКИНО VII, селище. Среднее Приобье. Ран. железн. век. Я. А. Яковлев, 1981.

- КРАПИВКА I**, поселение. Прииртышье. Екатерининская культура. А. И. Петров, 1980.
- КОНДРАШОВО I**, городище. Среднее Прииртышье. Ран. средневек. И. В. Морев, 1988.
- КОНЯШИНО**, селище. Зауралье. Кашинский тип. С. Б. Данилова, 1963;
- В. Д. Викторова, 1969.
- КОРОВЬЯ ПРИСТАНЬ I**, поселение. Бийское Приобье, озеро Иткуль. Елунинская культура. Б. Х. Кадилов, 1961. Ю. Ф. Кирюшин, 1978, 1979.
- КОРОВЬЯ ПРИСТАНЬ II**, поселение. Бийское Приобье, озеро Иткуль. Елунинская культура. Б. Х. Кадилов, 1962.
- КОРОВЬЯ ПРИСТАНЬ III**, поселение. Бийское Приобье, озеро Иткуль. Большемеysкая, елунинская, андроновская, корчажнинская и ирменская культуры, средневек. Б. Х. Кадилов, 1961. Ю. Ф. Кирюшин, 1978—80.
- КОРОВЯКОВСКОЕ**, городище. Среднее Зауралье, р. Пышма. Иткульская, гамаюнская, гороховская культуры, ран. средневек. Е. М. Берс, 1946; Ю. П. Ку-таков, Н. И. Савцова, 1962.
- КОРЧАЖКА I**, поселение. Бийское Приобье, озеро Иткуль. Корчажнинская культура. Б. Х. Кадилов, 1962.
- КОРЧАЖКА V**, поселение. Бийское Приобье, озеро Иткуль. Корчажнинская культура. Б. Х. Кадилов, 1961.
- КОСТЕНКОВА ИЗБУШКА**, поселение. Бийское Приобье, озеро Иткуль. Большемеysкая культура (энеолит), елунинская, андроновская, корчажнинская и большереченская культуры, средневек. Ю. Ф. Кирюшин, 1978—1981; Б. Х. Кадилов, 1956—1958.
- КРАПИВКА**, поселение. Среднее Прииртышье. XII—XV вв. н. э. В. А. Могильников, 1962.
- КРАПИВКА IV**, поселение. Среднее Прииртышье. Ран. средневек. И. Е. Скандаков, 1989.
- КРАСНОГОРСКОЕ** (Лизуново), городище. Нижнее Притоболье, низовья Исети. Бархатовская культура, карьковский, нословский типы, бакальская, сылвенская культуры. И. Я. Словцов, конец XIX в.; В. Н. Фролов, 1963; А. В. Матвеев, 1983, 1987.
- КРАСНООЗЕРСКОЕ** (Красноозерка), поселение. Среднее Прииртышье, оз. Красное и Ржавец. Красноозерская культура. В. Н. Чернецов, А. Ф. Палашенков, 1945; В. И. Стефанов, 1965; В. И. Матюшенко, 1970, 1971.
- КРАСНООЗЕРСКОЕ** (Красноозерка), городище. Среднее Прииртышье, оз. Красное и Ржавец. Красноозерская (?) культура. А. В. Ваганов, 1938; В. Н. Чернецов, А. Ф. Палашенков, 1945; Е. М. Шилина, 1964.
- КРАСНОЯРСКОЕ** (Красноярка) II, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Ран. бронза, поздн. бронза (сузгунская культура?), саргатская культура, середина I тыс. н. э., культура иртышских татар. В. А. Могильников, 1961; Т. Н. Чебакова, 1966.
- КРАСНЫЙ КАМЕНЬ** (Зотинское Верхнее Правобережное, Зотинское I), городище. Южное Зауралье, р. Багаряк. Иткульская, гамаюнская, воробьевская (сылвенская) культуры. В. П. Бирюков, 1912, 1949; В. А. Борзунов, 1976.
- КРАСНЫЙ ЯР I**, поселение. Новосибирское Приобье, рр. Чучка и Уень, Ордынский тип, ирменская культура. Т. Н. Троицкая, 1959—1961, 1975; А. В. Матвеев, 1978.
- КРОХАЛЕВКА I**, поселение. Новосибирское Приобье, р. Обь. Самусьская культура. В. И. Молодин, 1977; И. Г. Глушков, 1982.
- КРОХАЛЕВКА IV**, поселение. Верхнее Приобье, протока р. Старый Чаус. Крохалевский тип. В. И. Молодин, 1974, 1977.
- КРЕСТЬЯНКА I**, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, средневек. (?). А. Б. Шамшин, 1979.

- КРЕСТЬЯНКА IX, поселение. Верхнее Приобье, озеро Крестьянское. Ирменская культура. Г. Е. Иванов, 1986.
- КРЕСТЬЯНСКОЕ III, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, средневек. (?); Г. Е. Иванов, 1981, 1986.
- КРЕСТЬЯНСКОЕ V, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, средневек. (?). Г. Е. Иванов, 1982.
- КРЕСТЬЯНСКОЕ VI, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, средневек. (?). Г. Е. Иванов, 1982.
- КРУГЛОЕ ОЗЕРО I, селище. Нарымское Приобье. Ран. средневек. Л. А. Чиндина, 1965, 1966, 1970—1972, 1978.
- КРУГЛОЕ ОЗЕРО II, селище. Нарымское Приобье. Ран. средневек. Л. А. Чиндина, 1965, 1971—1972, 1984, 1987.
- КРУТОБОРКА I, городище. Новосибирское Приобье. Ран. средневек. В. А. Дремов, 1961.
- КРУТОБОРКА II, городище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. В. А. Дремов, Т. Н. Троицкая, 1961.
- КУКУШКИН ЕЛБАН I, поселение. Лесостепной Алтай. Большереченская культура. М. Т. Абдулганеев, А. Б. Шамшин, 1987.
- КУРГАНКА, городище. Среднее Прииртышье.
- КУРЕПКА, поселение. Верхнее Приобье, Мамонтовские озера. Культура валиковой керамики. Г. Е. Иванов, 1986—89.
- КУРЛАПСКОЕ, городище. Барнаульско-Бийское Приобье, р. Бия. Большереченская культура. Г. В. Масленникова, 1983, 1984.
- КУРЕЙКА V, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, ран. средневек. (?). Г. Е. Иванов, 1981.
- КУРЕЙКА VIII, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, ран. средневек. (?). Г. Е. Иванов, 1981.
- КУРЬЯ II, селище. Лесостепной Алтай. Неолит — разв. средневек., С. В. Маркин, 1982 (1983?), Г. С. Мартынова, 1984.
- КУРЬЯ IV, селище. Лесостепной Алтай. Ран. средневек. С. В. Маркин, 1982 (1983?); И. В. Новгородченкова, 1985; В. М. Любченко, 1986.
- КУЧИМИНСКОЕ II, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. Л. В. Сухина, 1968; А. П. Зыков, 1981—1982.
- КУЧИМИНСКОЕ III, селище. Сургутское Приобье. Калининская культура. А. П. Зыков, 1981—82.
- КУЧИМИНСКОЕ IV, селище. Сургутское Приобье. Калининская культура. А. П. Зыков, 1981—82.
- КУЧИМИНСКОЕ IV, городище. Сургутское Приобье. Калининская культура. А. В. Сухина, 1968; А. П. Зыков, 1982.
- КУЧИМИНСКОЕ V, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский и кинтусовский этапы. Л. В. Сухина, 1968; А. П. Зыков, 1982, 1984; Л. М. Терехова, 1983.
- КУЧИМИНСКОЕ VI, селище. Сургутское Приобье. Калининская культура. А. П. Зыков, 1981—82.
- КУЧИМИНСКОЕ IX, селище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. Л. М. Терехова, 1985.
- КУЧИМИНСКОЕ IX, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура, кинтусовский этап. Л. В. Сухина, 1968; А. П. Зыков, 1982; Л. М. Терехова, 1983—85.
- КУЧИМИНСКОЕ X, селище. Сургутское Приобье. Белоярская, калининская культуры. А. П. Зыков, 1984; Л. М. Терехова, 1986—87.
- КУЧИМИНСКОЕ XI, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. А. А. Нифонтов, 1975; А. П. Зыков, Л. М. Терехова, 1982.
- КУЧИМИНСКОЕ XIII, селище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. Л. М. Терехова, 1986.

- КУЧИМИНСКОЕ XIV, городище. Сургутское Приобье. Кучиминский этап. А. П. Зыков, 1981—82.
- КУЧИМИНСКОЕ XVI, селище. Сургутское Приобье. Сайгатинский этап. А. П. Зыков, 1982; Л. М. Терехова, 1985.
- КУЧИМИНСКОЕ XVIII, селище. Сургутское Приобье. Калининская культура. К. Г. Карачаров, 1986.
- КУЧИМИНСКОЕ XIX, городище. Сургутское Приобье. Калининская культура. Л. М. Терехова, 1986, 1988.
- КУЧИМИНСКОЕ XX, селище. Сургутское Приобье. Сайгатинский этап. К. Г. Карачаров, 1986.
- КУЧИМИНСКОЕ XX, городище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. К. Г. Карачаров, 1986.
- КУЧУМ-ГОРА, городище. Среднее Прииртышье, р. Ишим. Культура сугунского типа, карьковского типа, средневек. Р. Д. Голдина, 1963, 1964.
- КУШАЙЛЫ, городище. Среднее Прииртышье. Саргатская культура, средневек. В. А. Могильников, 1967.
- КЫСЫКУЛЬСКАЯ, стоянка. Южное Зауралье, оз. Кысы-Куль. Кысы-кульская и гамаюнская культуры. К. А. Шишковский, 1880-е; К. В. Сальников, 1937.
- ЛАГЕРНЫЙ САД (Лагерное), городище. Томское Приобье, р. Томь. Эпоха бронзы, шеломокская культура. Сборы Д. П. Славина, А. П. Дульзона, В. И. Матюшенко.
- ЛАЙСКОЕ, поселение (металлургический комплекс, «жертвенное место»). Среднее Зауралье, р. Лая. Неолит — эпоха бронзы, иткульская, гамаюнская, петрогромская культуры. А. И. Россадович, 1952, 1954.
- ЛАРЬБЕГАНСКОЕ I, селище. Среднее Приобье. Разв. средневек. В. Д. Славнин, 1966; В. А. Посредников, 1970.
- ЛАРЬБЕГАНСКОЕ II, селище. Среднее Приобье. Разв. средневек. В. Д. Славнин, 1966.
- ЛАРЬБЕГАНСКОЕ III, селище. Среднее Приобье. Разв. средневек. В. Д. Славнин, 1966; В. А. Посредников, 1970.
- ЛЕВА XIII, стоянка. Зауралье. Разв. неолит. Г. П. Визгалов, 1985.
- ЛЕУШИ I, поселение. Кондинская низменность, оз. Леушинский Туман. Боборыкинская культура, эпоха бронзы, лозьвинская, гамаюнская культуры. М. Ф. Косарев, 1976; С. Г. Пархимович, 1980; Н. А. Алексащенко, 1981.
- ЛЕУШИ XIX, стоянка. Зауралье. Разв. неолит. Г. П. Визгалов, 1985.
- ЛЕУШИНСКИЙ ТУМАН, стоянка (Лева VIII). Зауралье. Разв. неолит, боборыкинская культура. Г. П. Визгалов, 1985; Н. А. Алексащенко, 1981.
- ЛИКИНСКИЕ, стоянка и городище. Северное Зауралье, р. Ликинка — приток Лозьвы. Гамаюнская культура, нач. II тыс. н. э. В. П. Викторов, 1962.
- ЛИПОВАЯ КУРЬЯ, поселение. Южное Зауралье, оз. Большое Миассово. Липчинская, аятская, коптяковская, черкаскульская, межовская, гамаюнская, иткульская культуры. Л. М. Цецевинский, 1960; Л. Я. Крижевская, 1961; Л. П. Хлобыстин, 1962, 1963, 1966.
- ЛИПЧИНСКАЯ, стоянка. Среднее Притоболье, р. Липка — приток Туры. Неолит, липчинская, гамаюнская культуры. П. А. Дмитриев, 1925, 1926; А. С. Сергеев, 1989.
- ЛИСТВЕННЫЙ УВАЛ, городище. Среднее Прииртышье. Средневек. В. В. Симонов, 1960.
- ЛИХАЧЕВСКОЕ (Ерзовка), городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Байтовская, воробьевская культуры. В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. Е. Стоянов, 1964; В. Ф. Генинг, 1966.
- ЛОГИНОВСКОЕ, городище. Среднее Приишимье, р. Ишим. Логиновский тип, VI—VII вв. н. э. В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов, 1962, 1963.

- ЛОЖКА IV, селище. Бараба. Ран. железо, ран. средневек. Н. В. Полосьмак, 1987.
- ЛОНГ-ЮГАН I, городище. Нижнее Приобье. Сайгатинский этап. В. М. Морозов, 1979.
- ЛОНГ-ЮГАН 2, селище. Нижнее Приобье. Сайгатинский этап. В. М. Морозов, 1979.
- ЛУЖКИ I, селище. Прииртышье. Эпоха бронзы, ран. желез. век (гороховская культура). В. С. Стоколос, 1956.
- ЛЯПУСТИН МЫС, поселение. Бийское Приобье, озеро Иткуль. Большемысская, елуинская и андроновская культуры. Б. Х. Кадиков, 1962.
- ЛУКЪЯНОВСКОЕ II, жилище. Среднее Приобье, р. Кеть. Разв. средневек. Г. И. Гребнева, 1976, 1980.
- ЛУКЪЯНОВСКОЕ III, жилище. Среднее Приобье, р. Кеть. Разв. средневек. Г. И. Гребнева, 1976, 1980.
- ЛУКЪЯНОВСКОЕ I, селище. Среднее Приобье, р. Кеть. Ран. средневек. Г. И. Гребнева, 1976, 1980.
- ЛУКЪЯНОВСКОЕ II, селище. Среднее Приобье, р. Кеть. Разв. средневек. Г. И. Гребнева, 1976, 1980.
- ЛЫХНА I, поселение. Нижнее Приобье. Сайгатинский этап. В. М. Морозов, 1979.
- МАЙМА I, поселение. Лесостепной Алтай. Березовское время. Б. Х. Кадиков, 1956, 1957.
- МАКСИМКИН ЯР I, селище. Среднее Приобье, р. Кеть. Разв., поздн. средневек. Г. И. Гребнева, 1976.
- МАКСИМКИН ЯР II, селище. Среднее Приобье, р. Кеть. Поздн. средневек. Г. И. Гребнева, 1976.
- МАКСИМКИН ЯР III, селище. Среднее Приобье, р. Кеть. Ран. железн. век. Г. И. Гребнева, 1976.
- МАКСИМОЯРСКОЕ I, городище. Среднее Приобье, р. Кеть. Ран. средневек. А. П. Дульзон, 1952; Г. И. Гребнева, 1976.
- МАКУШИНСКОЕ (Нижняя и Верхняя Макуша), поселение. Среднее Зауралье, р. Исеть. Неолит, энеолит, черкаскульская, гамаюнская, иткульская культуры. Ю. П. Аргентовский, начало XX в.; Е. М. Берс, 1950, 1951.
- МАЛАХОВО, городище. Зауралье. Конец I—нач. II тыс. н. э. Ю. М. Кутаков, 1963; В. Д. Викторова, 1969.
- МАЛАЯ БИЧА III, городище. Среднее Прииртышье. Усть-ишимская культура. В. И. Морозов, 1968; Г. В. Казакова, 1987.
- МАЛГЕТ, поселение. Нарымское Приобье. Неолит — поздн. средневек. В. Е. Добычин, 1961; Л. А. Чиндина, 1964—1985.
- МАЛОЕ КАЗАКБАЕВСКОЕ, городище. Прииртышье. Гороховская культура. К. В. Сальников, 1951.
- МАЛОЕ ЮНГИНО I, селище. Нарымское Приобье. Разв. средневек. (?). Ю. И. Ожередов, 1981.
- МАЛОЕ ЮНГИНО II, селище. Нарымское Приобье. Разв. средневек. (?). Ю. И. Ожередов, 1981.
- МАЛЬКОВО I, городище. Новосибирское Приобье. Поздн. средневек. В. И. Соболев, 1978.
- МАЛЫГИНСКИЙ ЛУЖОК, селище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. М. П. Грязнов, 1953.
- МАЛЫЙ АТЛЫМ I, городище. Нижнее Приобье. Сартыньинская, атлымская культуры. Е. А. Васильев, 1977—79.
- МАЛЫЙ БАРАШЕК, стоянка. Зауралье. Андреевская, липчинская, шапкульская культуры. В. Ф. Старков, 1971.
- МАЛЫЙ ВИШНЕВЫЙ ОСТРОВ, поселение (металлургический комплекс). Южное Зауралье, оз. Аргаиз. Аятская, межовская, иткульская, гафурийская,

гороховская культуры, гороховский курган. А. Ф. Шорин, 1979; Г. В. Бельтикова, В. Е. Стоянов, 1980.

МАЛЫЙ ИТКУЛЬ 1, поселение. Лесостепной Алтай. Кулайская культура. Одицовская культура. М. Т. Абдулганеев, А. А. Казаков, 1989.

МАЛЫЙ ИТКУЛЬ 2, поселение. Лесостепной Алтай. Одицовская культура. М. Т. Абдулганеев, А. А. Казаков, 1989.

МАЛЫЙ ИТКУЛЬ 4, городище. Лесостепной Алтай. Кулайская культура. М. Т. Абдулганеев, А. А. Казаков, 1989.

МАЛЫЙ ИТКУЛЬ 5, городище. Лесостепной Алтай. Одицовская культура. М. Т. Абдулганеев, А. А. Казаков, 1989.

МАЛЫЙ ИТКУЛЬ 6, городище. Лесостепной Алтай. Одицовская культура. М. Т. Абдулганеев, А. А. Казаков, 1989.

МАНЬ-НЯСЛАН-ТУР, городище. Нижнее Приобье. Сайгатинский этап. Е. Н. Чернецов, 1935.

МАРИНСКОЕ, городище. Маринская лесостепь, р. Кия. Культуры крестовой керамики, тагаро-таштыкская. И. И. Баухник, 1961; А. В. Циркин, 1976.

МАТАЙКУЛ (Зубчатое), городище. Южное Зауралье, р. Синара. Эпоха железа. В. Я. Толмачев, 1914; В. П. Бирюков, 1949; В. А. Борзунов, Л. Ю. Богданова, 1977.

МЕЖОВСКОЕ, поселение. Южное Зауралье, р. Межовка — приток Багаряка. Межовская культура, ран. железн. век (?). В. Я. Толмачев, 1911; К. В. Сальников, 1953.

МИАССКОЕ I, городище. Южное Зауралье, р. Миасс. Бархатовская, гамаянская культуры, карьковский (?) тип. В. К. Егоров, 1962; А. Х. Пшеничник, 1964; Н. Б. Виноградов, 1979.

МИЛОВАНОВО 3, поселение. Новосибирское Приобье, р. Обь. Ирменская культура. Е. А. Сидоров, 1974—1981.

МИЛОВАНОВО 3-А, селище. Новосибирское Приобье. Ран. железо (большереченская культура). Е. А. Сидоров, 1984.

МИНОЛГА, селище. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век. Ю. Ф. Кирюшин, 1976.

МИРОНОВ ЛОГ III, поселение. Лесостепной Алтай. Средневек. Г. Е. Иванов, 1986.

МИРОНОВ ЛОГ VII, поселение. Лесостепной Алтай. Средневек. Г. Е. Иванов, 1986.

МОГИЛЬНИЦКОЕ, городище. Томское Приобье. Поздн. средневек. В. И. Матюшенко, Л. М. Старцева, 1959 (1960?), 1962, 1963.

МОГИЛЬНИЦКОЕ I, селище. Томское Приобье. Поздн. средневек. В. И. Матюшенко, 1959, 1962; Л. М. Старцева, 1962, 1963.

МОГИЛЬНИЦКОЕ II, селище. Томское Приобье. Поздн. средневек. В. И. Матюшенко, Л. М. Старцева, 1962, 1963.

МОГИЛЬНИЦКОЕ III, селище. Томское Приобье. Поздн. средневек. В. И. Матюшенко, Л. М. Старцева, 1962, 1963.

МОЛЧАНОВСКОЕ I, городище. Нарымское Приобье. Поздн. средневек. (?). А. П. Дульзон, 1954.

МОЛЧАНОВСКОЕ I, селище. Нарымское Приобье. Поздн. средневек. (?). А. П. Дульзон, 1951.

МОЛЧАНОВСКОЕ II, городище (Остяккая Гора). Нарымское Приобье. Поздн. средневек. А. П. Дульзон, 1954; М. Ф. Косарев, 1961; В. И. Матюшенко, 1963, 1964; Г. И. Гребнева, А. И. Боброва, 1982.

МОЛЧАНОВСКОЕ III, городище. Нарымское Приобье. Поздн. средневек. А. П. Дульзон, 1954.

МОХИРЕВО, городище. Зауралье. Нач. II тыс. н. э. К. В. Сальников, А. И. Россадович, 1953; Ю. М. Кутаков, 1963; В. И. Стефанов, 1981.

- МОХОВОЕ, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, ран. средне-век. (?). Г. Е. Иванов, 1981.
- МУЛАШИНСКОЕ, городище. Зауралье. Молчановский тип. И. Я. Словоцков, 1883; И. А. Талицкая, 1953; В. Д. Викторова, 1969.
- МУРЗИНСКОЕ, городище. Зауралье. VI—VIII вв. н. э. Т. Успенский, 1859; И. А. Талицкая, 1953; В. Н. Фролов, 1962.
- МУРИНСКОЕ, поселение. Среднее Зауралье, р. Леба. Гамаюнская, иткульская культуры. А. И. Россадович, 1958, 1959, 1977.
- МУРЛИНСКОЕ, городище. Среднее Прииртышье. Ранний железный век, потчевашская, усть-ишимская культуры. А. С. Чагаева, 1965; В. И. Матюшенко, 1983, 1985.
- МУРОМЦЕВО I, поселение. Среднее Прииртышье. Потчевашская культу-ра. И. Г. Глушков, 1981.
- МЫЛЬНИКОВСКОЕ I, городище. Зауралье. Бакальская (сылвенская) культура. А. Н. Зырянов, 1863; В. М. Флоринский, 1894; В. Я. Толмачев, А. А. Спицын, 1906; Ю. П. Аргентовский, 1912; П. В. Мещеряков, 1937; К. В. Сальников, 1946.
- МЫЛЬНИКОВСКОЕ II, городище. Зауралье. Бакальская (сылвенская) культура. А. А. Спицын, 1906; К. В. Сальников, 1956.
- МЫСОВАЯ II, селище. Нарымское Приобье. Ран. средневек. Л. А. Чинди-на, 1982, 1984.
- НАГОРНЫЙ ИШТАН, городище. Томское Приобье. Разв. средневек. В. С. Сняев и др., 1947; В. И. Матюшенко, 1954; Л. М. Плетнева, 1974, 1984.
- НАНГАКОРКА, поселение. Нижнее Приобье. Карымский этап. В. М. Морозов, 1982, 1984.
- НЕГОТКА, городище. Среднее Приобье, р. Тым. Ран., разв. средневек. П. И. Кутафьев, 1938; Я. А. Яковлев, 1980—85.
- НЕГОТСКАЯ АККА, селище. Среднее Приобье, р. Тым. Разв. средневек. Я. А. Яковлев, 1983.
- НЕГОТСКОЕ II, селище. Среднее Приобье, р. Тым. Ран. средневек. Я. А. Яковлев, 1980.
- НЕГОТСКОЕ IV, селище. Среднее Приобье, р. Тым. Ран. средневек. Я. А. Яковлев, 1980—1983.
- НИЗЯМЫ I, поселение. Нижнее Приобье. Усть-полуйская, кулайская культу-ры. В. М. Морозов, 1982.
- НИЗЯМЫ II, городище. Нижнее Приобье. Усть-полуйская культура. В. М. Морозов, 1982, 1983.
- НИЗЯМЫ 3, поселение. Нижнее Приобье. Усть-полуйская, кулайская культу-ры, карымский этап. В. М. Морозов, 1982, 1983.
- НИЗЯМЫ IV, городище. Нижнее Приобье. Алтымская, усть-полуйская культуры; зеленогорский этап. В. М. Морозов, 1982—87.
- НИЗЯМЫ V, городище. Нижнее Приобье. Алтымская, усть-полуйская культуры; зеленогорский, кучминский этапы. В. М. Морозов, 1982—85, 87.
- НИЗЯМЫ 7, поселение. Нижнее Приобье. Эпоха бронзы и ран. жел. век. В. М. Морозов, 1982.
- НИЗЯМЫ 8, поселение. Нижнее Приобье. Лозьвинский тип, ран. средне-век. В. М. Морозов, В. Н. Широков, 1986, 87.
- НИЖНИЙ СУЗУН VII, городище. Новосибирское Приобье. Позди. сред-невек. Л. М. Антонова, 1971.
- НИЖНЯЯ МАКУША, поселение. Свердловская обл., правый берег р. Исети. Неолит, эпоха бронзы. Е. М. Берс, 1950—1952.
- НИКОЛЬСКОЕ II, поселение. Среднее Прииртышье. А. Ф. Палашенков, 1959; И. П. Корень, 1980; И. В. Морев, 1989.
- НИКОЛЬСКОЕ IV, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская,

- усть-ишимская культуры. В. А. Могильников, 1961; И. П. Корень, 1980; Г. В. Казакова, 1987; И. В. Морев, 1989.
- НИКОЛЬСКОЕ VII, городище. Среднее Прииртышье. Усть-ишимская культура. В. А. Могильников, 1961; И. В. Морев, 1989.
- НОВАЯ I, стоянка. Среднее Зауралье, р. Исеть. Энеолит — эпоха бронзы. Е. М. Берс, 1947.
- НОВАЯ II, стоянка (поселение). Среднее Зауралье, р. Исеть. Энеолит, черкаскульская, межовская, гамаюнская, иткульская культуры, ран. средневек. Е. М. Берс, 1947, 1956.
- НОВОДЕРЕВНИНСКОЕ, городище. Чулымское Приобье. Поздн. средневек. О. Б. Беликова, 1985.
- НОВОИЛЬИНКА, поселение. Верхнее Приобье, р. Бурла. Культура валиковой керамики. В. А. Могильников, 1974; В. С. Удолов, 1983, 1987.
- НОВОКУСКОВСКАЯ СТОЯНКА, поселение. Среднее Приобье, р. Чулым. Поздний неолит — энеолит. В. И. Матющенко, 1954; М. Ф. Косарев, 1962, 1963.
- НОВОНИКОЛЬСКОЕ I, городище («Голая Солка»). Среднее Прииртышье. Потчевашская, усть-ишимская культуры, поздн. средневек. Н. Н. Бортвин, 1913; В. А. Могильников, 1961.
- НОВОРОЗИНО I, городище. Новосибирское Приобье. Поздн. средневек. В. И. Соболев, 1989.
- НОВО-ТАРТАССКАЯ, стоянка. Новосибирское Приобье. Палеолит. А. П. Окладников, В. И. Молодин, 1980; В. Т. Петрин, 1986.
- НОВОТРОИЦКОЕ, поселение. Прииртышье. Красноозерская культура, гамаюно-иткульский тип. А. Я. Труфанов, 1980.
- НОВО-ШАДРИНО II, поселение. Среднее Приобье, р. Емуртла. Бархатовская культура, баитовский тип, саргатская культура. Т. Г. Гашева (Бушуева), 1963; В. И. Стефанов, В. Т. Петрин, 1976; В. И. Стефанов, 1979.
- НОВО-ШАДРИНО VII, поселение. Среднее Приобье, р. Емуртла. Энеолит, гахомовский тип, бархатовская культура, гамаюно-иткульский тип. О. Н. Корочкова, 1982, 1983, 1989.
- НОВОЧЕКИНО 4, городище. Бараба, р. Тара. Новочекинская культура. В. И. Молодин.
- НОВОЯГОДНОЕ I, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская, усть-ишимская культуры. А. Ф. Палашенков, 1957; В. И. Матющенко, 1963; И. Е. Скандаков, 1988.
- НОВОЯГОДНОЕ II, городище. Среднее Прииртышье. Ран. желез. век. Потчевашская, усть-ишимская культуры. В. И. Матющенко, 1963; А. С. Чагаева, 1963; Б. А. Конилов, 1973, 1974, 1975.
- НОВЫЙ КАТЫШ Ia, поселение. Нижнее Приобье. Кулайская культура. Н. К. Стефанова, 1980.
- НОВЫЙ КАТЫШ Ib, поселение. Нижнее Приобье. Кулайская культура. Н. К. Стефанова, 1980.
- НОВЫЙ СТАН I, II, III, городища. Нарымское Приобье, р. Кеть. Кулайская культура. Ю. И. Ожередов, 1986.
- НОСИЛОВСКОЕ II, городище. Восточное Зауралье, низовья Исети. Носиловский тип, иткульская, гамаюнская, воробьевская, гороховская культуры. В. Я. Толмачев, конец XIX в.; К. В. Сальников, 1957; Н. П. Кипарисова, 1954; В. Д. Викторова, 1957; В. Е. Стоянов, 1961, 1963.
- ОДИНЦОВСКОЕ, городище. Верхнее Приобье. Одинцовская культура. А. Л. Кунгуров, 1978.
- ОЗЕРКИ ВОСТОЧНЫЕ, поселение. Бийское Приобье, озеро Иткуль. Большемысская и елуинская культуры. Б. Х. Кадиков, 1962; Ю. Ф. Кирюшин, 1981.
- ОЗЕРО ЧВОР, селище. Нарымское Приобье. Ран. железн. век. В. И. Матющенко, 1970.

- ОКУНЕВО VII, местонахождение. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура.
- ОКУНЕВСКОЕ, городище. Васюганье, р. Окуневка. Кулайская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1972.
- ОЛЫМЬЯ 3, 4, 8, поселения. Бассейн Конды, р. Олымья. Лозьвинская культура. Г. П. Визгалов, 1989.
- ОРДЫНСКОЕ 1А, 1Б, стоянки. Верхнее Приобье, р. Обь. Ирбинский тип памятников. М. П. Грязнов, 1952, 1953.
- ОРДЫНСКОЕ 2, поселение. Новосибирское Приобье. Эпоха бронзы, ран. железн. век. А. П. Зиновьев, 1965; В. Я. Есин, 1966.
- ОРДЫНСКОЕ 5, селище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. В. Я. Есин, 1966; Т. Н. Троицкая, 1967; А. А. Адамов, 1988.
- ОРДЫНСКОЕ 6, селище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. В. Я. Есин, 1966; Т. Н. Троицкая, 1967; А. В. Новиков, 1986.
- ОРДЫНСКОЕ 9, поселение. Новосибирское Приобье, р. Орда. Большереченская, кулайская культуры. Ран. средневек. Т. Н. Троицкая, 1963, 1965, 1969—1971, 1986.
- ОРДЫНСКОЕ 12, поселение. Новосибирское Приобье, р. Орда. Ордынский тип. В. А. Зах, Т. Н. Троицкая, 1970; В. А. Зах, 1974, 1976.
- ОСЬКИНСКОЕ I, городище. Северное Зауралье, р. Сосьва. Лозьвинская, гамаюнская, сиднейская культуры, зеленогорский этап, погребения VII—VIII вв. н. э. Д. Н. Эдинг, 1927; В. С. Стоколос, 1957; В. А. Могильников, 1962; В. А. Борзунов, 1979.
- ОСТЯЦКАЯ ГОРА, городище. Нарымское Приобье. Поздн. средневек. В. С. Синяев, 1946; А. П. Дульзон, 1954; В. И. Матющенко, 1963, 1964.
- ОСТЯЦКИЙ БОР, городище. Нарымское Приобье. Ран., разв. средневек. Ю. И. Ожередов, 1980, 1984; Л. А. Чиндина, 1980, 1981.
- ОСТЯЦКИЙ ЖИВЕЦ III, селище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. А. П. Зыков, 1982.
- ОСТЯЦКИЙ ЖИВЕЦ IV, селище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. Л. М. Терехова, 1985.
- ОСЬКИНО, селище. Верхнее Приобье. Ран. средневек. Л. А. Чиндина, Я. А. Яковлев, 1977.
- ПАВЛИНОВО, городище. Прииртышье. Саргатская культура. Г. Б. Зданович, Н. О. Иванова, 1982.
- ПАВЛОВКА I, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век — средневек. Ю. Ф. Кирюшин, 1980; А. Б. Шамшин, 1980.
- ПАЛАТКИ II (Пашня Комарова I), поселение. Среднее Зауралье, р. Исеть. Аятская, черкаскульская, межовская, бархатовская, иткульская, гамаюнская, петрогромская культуры. В. М. Раушенбах, 1951; С. Н. Панина, 1978—1990.
- ПАЛКИНСКОЕ (Левобережное) на г. Маленькой, поселение. Среднее Зауралье, р. Исеть. Неолит—энеолит, гамаюнская культура. Е. М. Берс, 1949, 1950.
- ПАЛКИНСКОЕ (Правобережное) на г. Малой, городище (укрепленное жилище). Среднее Зауралье, рр. Решетка, Исеть. Эпоха бронзы, гамаюнская, иткульская культуры, средневек. Находки 1827 г.; С. С. Сигов, 1858; М. В. Малахов, О. Е. Клер, 1874; М. В. Малахов, 1875.
- ПАНОВО II, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. Б. А. Коников, 1988.
- ПАРГАЛЯК I, II, III, городища. Нарымское Приобье, р. Тым. Кулайская культура. Я. А. Яковлев, 1981.
- ПАРГАЛЯК II, селище. Нарымское Приобье. Ран. средневек. Я. А. Яковлев, 1981.
- ПАРГАЛЯК VI, селище. Нарымское Приобье. Ран. железн. век. Я. А. Яковлев, 1981.

- ПАРГАЛЯК VII, селище. Нарымское Приобье. Ран. железн. век. Я. А. Яковлев, 1981.
- ПАХОМОВСКАЯ ПРИСТАНЬ, поселение. Среднее Пришимье, р. Ишим. Пахомовский тип. В. В. Евдокимов, 1962.
- ПАШКИН БОР I, поселение. Кондинская низменность, р. Конда. Атымьинский, волновчинский, полымьятский типы. Н. К. Стефанова, 1980.
- ПЕНЬКИ I, стоянка. Прииртышье. Екатеринбургская культура. Л. А. Чалай, 1969.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ 1, городище. Нижнее Приобье. Вымская культура. В. М. Морозов, 1979—80; С. Г. Пархимович, 1981—83.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ 2, поселение. Нижнее Приобье. Кулайская культура, кучиминский, кинтусовский этапы. В. М. Морозов, 1980, 1982.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ 3, поселение. Нижнее Приобье. Эпоха поздней бронзы; сайгатинский этап. В. М. Морозов, 1980.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ 4, поселение. Нижнее Приобье. Атлымская, усть-полуйская культуры; карымский—кучиминский этапы. В. М. Морозов, 1980—1982.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ VI, городище. Нижнее Приобье. Усть-полуйская культура; зеленогорский этап. В. М. Морозов, 1981, 89.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ VII, городище. Нижнее Приобье. Сайгатинский этап. В. М. Морозов, 1980—81.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ 11, поселение. Нижнее Приобье. Сайгатинский этап. В. М. Морозов, 1981—82.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ 12, поселение. Нижнее Приобье. Зеленогорский этап. В. М. Морозов, 1981—82.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ 16, поселение. Нижнее Приобье. Сайгатинский этап. В. М. Морозов, 1982.
- ПЕРЕГРЕБНОЕ 17, поселение. Нижнее Приобье. Сайгатинский этап. В. М. Морозов, 1982.
- ПЕРЕЕЗД, поселение. Кулунда, р. Бурла. Андроновская культура. В. С. Удодов, 1983, 1990.
- ПЕТРОВСКОЕ, городище. Зауралье. Молчановский тип. В. Л. Швечикова, 1961; В. Д. Викторова, 1969.
- ПЕТРОГРОМ, поселение (металлургический комплекс). Среднее Зауралье. бассейн Исети. Итульская, воробьевская, петрогромская культуры. Сборы конца XIX в.; Е. М. Берс, 1943, 1949.
- ПЕТУХОВО, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, ран. средне-век. (?). Г. Е. Иванов, 1981.
- ПЕРОВ ЧВОР, селище. Нарымское Приобье. Поздн. средневек. Л. А. Чиндина, 1982.
- ПЛЕСИКИ, поселение. Верхнее Приобье, р. Бурла. Культура валиковой керамики. В. С. Удодов, 1983, 1987.
- ПЛЕХАНОВСКОЕ II, городище. Среднее Приобье. Р. Кеть. Разв. средне-век. Л. А. Чиндина, 1970.
- ПОДВЕРЕТЬЕ, селище. Нарымское Приобье. Ран. средневек. Л. А. Чиндина, 1965.
- ПОЛУДЕНКА I, укрепленное (?) поселение. Среднее Зауралье, р. Полу-денка — приток Тагила. Неолит, энеолит, ран. жел. век. О. Б. Бадер, 1944—1946.
- ПОЛЬТУ I (Кедровый мыс), поселение. Среднее Приобье, р. Тым. Степа-новская культура, ран. средневек. Н. М. Зиняков, 1974; Ю. Ф. Кирюшин, 1976; Е. А. Васильев, 1978.
- ПОЛЬТУ 3/4, поселение. Среднее Приобье, р. Тым. Степановская культура, ран. средневек. Ю. Ф. Кирюшин, 1976.
- ПОСЕЛЕНИЕ X Кордон 4. Новосибирское Приобье. Эпоха ран. бронзы, ирменская, большереченская, верхнеобская культуры. Е. А. Сидоров, 1986.

ПОСПЕЛОВО I, поселение. Среднее Притоболье, р. Тобол. Ран. бронза, бархатовская, крестовой керамики, саргатская культуры. Т. Г. Гашева (Бушуба), 1963; В. И. Стефанов, В. Т. Петрин, 1976.

ПРЕОБРАЖЕНКА I, городище. Бараба. Ран. среднеvek. В. П. Левашова, 1927 (1929).

ПРЕОБРАЖЕНКА 3, поселение. Бараба. Кротовская культура. В. И. Молодин, 1970.

ПРЕОБРАЖЕНКА IV, селище. Бараба. Разв., поздн. среднеvek. В. П. Левашова, 1928; В. И. Соболев, 1976.

ПРЕОБРАЖЕНКА VII, городище. Бараба. Ран. среднеvek. В. И. Молодин.

ПРИДУВАНСКОЕ, селище. Зауралье. 2 пол. I тыс. н. э. Л. Н. Корякова, 1979, 1982.

ПРОРВА, поселение. Среднее Прииртышье, р. Прорва. Сузгунская, красноозерская культуры, среднеvek. Е. М. Шилина, 1964; В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов, 1965.

ПРЫГОВСКОЕ, городище и селище. Среднее Зауралье, р. Исеть. Носиловский, воробьевский, прыговский, кашинский типы. К. В. Сальников, 1958; В. Ф. Генинг, М. К. Позднякова, 1961; В. И. Липский, 1962.

ПУТЧИ-УРИИ I, селище. Сургутское Приобье. Кулайская культура. В. М. Морозов, 1975.

ПЫЖЕЙКА I, поселение. Среднее Приобье, р. Тым. Степановская культура. Н. М. Зиняков, 1974; Ю. Ф. Кирюшин, 1976.

ПЫЖЕЙКА II, селище. Нарымское Приобье. Ран. железн. век; Н. М. Зиняков, 1974; Ю. Ф. Кирюшин, 1976.

ПЫЖЕЙКА III, селище. Нарымское Приобье. Поздн. среднеvek. Н. М. Зиняков, 1974; Ю. Ф. Кирюшин, 1976.

РАЗДУМЬЕ IA, городище. Барнаульско-Бийское Приобье, р. Обь. Карасукско-ирменский тип, большереченская культура, II—VIII вв. н. э., XVI—XVII вв., погребения XIII—XVII вв. П. И. Юхневич, 1922; Б. Ф. Неймарк, 1959; Г. А. Саранцев, 1960; А. П. Уманский, 1961, 1965, 1966, 1971; А. Б. Шамшин, 1984.

РАСТРУССКОЕ, поселение. Среднее Зауралье, р. Исеть. Иткульская культура. И. Г. Соколов, 1940-е; Е. М. Берс, 1948.

РАФАЙЛОВСКОЕ, городище. Среднее Притоболье, низовья Исети. Носиловский тип, баитовская, гороховская, саргатская культуры. Н. П. Матвеева, 1982—1987.

РЕЧКИНСКОЕ I, селище. Прииртышье. Ран. железн. век, воробьевский, гороховский, саргатский типы. В. Е. Стоянов, А. Г. Ширяев, 1964.

РЕЧКИНСКОЕ II, селище. Прииртышье. Ран. железн. век. Саргатская культура. В. Е. Стоянов, 1963.

РЕЧКУНОВО III, поселение. Барнаульское Приобье, р. Телеутка. Корчажнинская и ирменская культуры. А. Б. Шамшин, 1979, 1980.

РЕЧКУНОВО IV, поселение. Барнаульское Приобье, р. Обь. Корчажнинская культура, ран. железо (большереченская культура). А. Б. Шамшин, 1979, 1980, 1984.

РОЗАНОВСКОЕ, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Ирменская, саргатская культуры. Г. Б. Зданович, 1965; М. П. Тимофеева, 1966; В. И. Стефанов, 1967.

РОСТОВКА, городище. Среднее Прииртышье. Бронза, потчевашская культура. В. И. Матюшенко, 1966—1969.

САЙТКОВО I, городище. Зауралье. Тынский тип. В. Д. Викторова, 1958, 1969.

САЙТКОВО II, городище. Зауралье. 2 половина I тыс. н. э. В. Д. Викторова, 1969.

- САЙЛАПСКОЕ, городище. Барнаульско-Бийское Приобье, р. Бия. Больше-реченская культура. Б. Х. Кадиков, 1960-е; Г. В. Масленникова, 1983, 1984.
- САМУСЬ IV, поселение. Томское Приобье. Самусьская, молчановская культуры; Матюшенко В. И., 1958, 1959, 1970, 1972; Сыркина Л. М., 1969.
- САРАНИН II, поселение. Прииртышье. Кротовская культура. А. Г. Глушков, 1984.
- САРОВСКОЕ, городище. Нарымское Приобье, р. Саровка. Кулайская культура. А. К. Мергасов, 1957; Л. А. Чиндина, 1971—1974, 1976.
- САРТЫНЬЯ I, стоянка. Нижнее Приобье. Неолит — бронз. век; зеленогорский тип. С. Г. Боч, 1934; В. Н. Чернецов, 1935; Е. А. Васильев, 1979.
- САРТЫНЬЯ III, городище. Нижнее Приобье. Кучиминский этап. С. Г. Боч, 1934; В. Н. Чернецов, 1935.
- САТЫГА, поселение. Кондинская низменность, р. Конда. Кульминский тип. Л. Н. Сладкова, 1989.
- САУРГАЧИ II, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. В. А. Могильников, 1961; И. В. Морев, 1987.
- СЕВЕРНЫЙ БЕРЕГ Андреевского озера, поселение. (СБАО). Ран. жел. век (баитово, саргат), молчановский тип. В. Д. Викторова, 1968.
- СЕДОВА ЗАИМКА, городище. Новосибирское Приобье. Разв. среднев. Т. Н. Троицкая, 1962 (?), 1966; В. Д. Романцова, 1973, 1974.
- СЕМЕНОВСКОЕ, городище. Причудымье. Поздн. среднеvek. Р. А. Ураев, 1954; А. Р. Ким, 1971; О. Б. Беликова, 1980.
- СЕМЕНОВСКОЕ IV, селище. Причудымье. Поздн. среднеvek. (?). О. Б. Беликова, 1980.
- СЕРЕБРЕННИКОВО III, поселение. Верхнее Приобье, озеро Бахматовское. Корчажнинская культура. Г. В. Масленникова, 1980.
- СЕРНЫЙ КЛЮЧ, городище. Южное Зауралье, верховья Уфы. Липчинская, абашеская, гамаюнская, иткульская, гороховская, петрогромская, кара-якуповская, кушнаренокская (?) культуры. В. А. Борзунов, 1981, 1989; В. А. Борзунов, Г. В. Бельтикова, 1990.
- СИБСАРГАТКА (Сибирская Саргатка) I, поселение. Кротовская, федоровская, ирменская, сузгунская культуры. В. А. Овчинников, 1967; О. М. Коидратьев, 1969; Н. К. Стефанова, 1984; Н. К. Стефанова, В. И. Стефанов, 1985; А. Я. Труфанов, 1987.
- СИГРЯНСКОЕ II (Среднее), городище. Южное Зауралье, р. Синара. Иткульская культура. В. П. Бирюков, 1949; В. Я. Толмачев, 1914; В. А. Борзунов, Л. Ю. Богданова, 1977.
- СИДНЕЯ II, селище. Зауралье. Ран. среднеvek. С. Б. Данилевич, 1963; В. Д. Викторова, 1969.
- СКОРОДУМСКОЕ, городище. Зауралье. Нач. II тыс. н. э. Т. Г. Гашева, 1963.
- СКОРОДУМ (Нижнееланское), городище. Среднее Прииртышье. Ран. среднеvek. Т. Н. Чебакова, 1975; Б. А. Конигов, 1988.
- СМОЛОКУРОВОСКОЕ II (Малое), городище. Нарымское Приобье, р. Чулым. Кулайская культура. В. С. Синяев, 1946, 1947; Е. М. Пейяев, 1949; М. Ф. Косарев, 1961, 1966.
- СПЕРАНОВКА I, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. В. А. Могильников, 1966, 1967.
- СПЕРАНОВКА II, поселение. Среднее Прииртышье. Среднеvek. В. А. Могильников, 1966.
- СОГОМСКОЕ, городище. Нижнее Приобье. Яреалинский этап. З. П. Соколова, В. Н. Чернецов, 1948; Л. Г. Шорикова, 1965.
- СОЛОНЦЫ 3, городище. Больше-реченская культура. М. Т. Абдулганеев, 1989.

СОСНОВКА III, селище. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, ран. средневек. Е. М. Рабинович, 1981.

СОСНОВКА IV, селище. Лесостепной Алтай. Ран., разв. средневеков. Е. М. Рабинович, 1981.

СОСНОВЫЙ ОСТРОВ, поселение. Ран., разв. поздн. неолит, андреевская культура; липчинская, шакульская культуры. Г. М. Берс, В. Д. Викторова, 1966.

СОШНИКОВО I, городище. Лесостепной Алтай. Кулайская культура. М. Т. Абдулганеев, А. А. Казаков, 1989.

СТАРО-АЛЕЙКА, городище. Алтай, р. Алей — приток Оби. Большереченская культура. В. Б. Бородаев, 1978.

СТАРО-ЛЫБАЕВСКОЕ, городище. Среднее Приоболье, низовья Исети. Носиловский тип, бантовская, гороховская, саргатская, петрогромская, бакальская (сылвенская) культуры. В. Н. Фролов, 1962; Б. Б. Овчинникова, 1969.

СТАРО-МАСЛЯНСКОЕ, селище. Среднее Пришимвье, р. Ишим. Карьковский тип, саргатская культура. В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов, 1962.

СТАРО-ЯППАРОВСКОЕ I, селище. Южное Приуралье. Срубная, межовская культуры. С. М. Васюткин, В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов, 1973; М. Ф. Обыденнов, В. К. Калинин, 1975.

СТАРЫЙ КАТЫШ, поселение, городище. Нижнее Приобье. Усть-полудская, кулайская, ярсалинская культуры. А. В. Растропов, 1983.

СТЕПАНОВКА I, селище. Нарымское Приобье. Ран. железн. век. Л. А. Чиндина, 1968, 1973, 1978, 1979; Ю. Ф. Кирюшин, 1971.

СТЕПАНОВКА II, селище. Нарымское Приобье. Ран. железн. век. Л. А. Чиндина, 1968, 1971, 1973, 1978.

СТЕПАНОВКА III, селище. Нарымское Приобье. Ран. железн. век. Л. А. Чиндина, 1968, 1971.

СТЕПАНОВКА IV, селище. Нарымское Приобье. Ран. железн. век. Л. А. Чиндина, 1973, 1978, 1979.

СТЕПАНОВСКОЕ, городище. Васюганье, протока Степановская. Кулайская культура. Л. А. Чиндина, 1968, 1971, 1973.

СУББОТИНСКОЕ, городище. Зауралье. XIV—XVII вв. н. э. В. Д. Викторова, 1961, 1969.

СУЗГУН I (Сузге-Тура), городище. Тобольское Прииртышье, р. Иртыш. Сузгунская культура, культура иртышских татар. С. Н. Мамеев, В. К. Имсен, конец XIX в.; В. Н. Чернецов, 1948.

СУЗГУН II, поселение (жертвенное место?). Тобольское Прииртышье, р. Иртыш. Сузгунская культура, сузгунско-лозьвинский тип. В. Н. Чернецов, В. И. Мошнянская, 1948, 1950.

СУМΠΑНЫЯ II, поселение. Зауралье. Боборыкинская культура. Л. Я. Крижевская, 1985, 1986.

СУМПАНЫЯ III, поселение. Зауралье. Ран., разв. неолит, боборыкинская культура. Л. Я. Крижевская, 1985, 1986.

СУМПАНЫЯ IV, поселение. Зауралье. Поздн. неолит, боборыкинская культура. Л. П. Хлобыстин, 1980; Л. Я. Крижевская, 1985, 1986.

СУМПАНЫЯ VI, поселение. Зауралье. Разв. неолит. Л. Я. Крижевская, 1986.

СУСЛОВО I, поселение. Верхнее Приобье, Мамонтовские озера. Культура валиковой керамики. Г. Е. Иванов, 1986—1988.

ТАБОРЫ I, поселение. Среднее Прииртышье. Ран. средневеков. А. И. Петров, 1972; И. Е. Скандаков, 1988.

ТАЛЬЯ, поселение. Ковдинская низменность, р. Талья. Лозьвинская культура. Л. Н. Сладкова, 1987.

ТАНЦЕ-МИГА, городище. Нижнее Приобье. Карымский этап. З. П. Соколова, В. Н. Чернецов, 1948; Л. Г. Шорикова, 1965.

- ТАРАХИНСКОЕ, городище. Среднее Приобье. Разв. среднеvek. О. Б. Белюкова, 1986.
- ТАШКОВО I, поселение. Курганская обл., правый берег р. Исети. Неолит, энеолит. Н. В. Варанкин, В. Т. Ковалева, Н. К. Стефанова, 1977—1979, 1982, 1986.
- ТАШКОВО III, поселение, правый берег р. Исети. Неолит. В. Т. Ковалева.
- ТЕНТИС I, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. А. И. Петров, 1977; И. Е. Скандаков, 1988.
- ТЕНТИС II, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. А. И. Петров, 1977; И. Е. Скандаков, 1988.
- ТИМИРЯЗЕВСКОЕ III, городище. Томское Приобье, р. Томь. Кулайская культура. Л. М. Плетнева, 1974.
- ТИМИРЯЗЕВСКОЕ III, селище. Томское Приобье. Разв. среднеvek. В. И. Матюшенко, 1954; Л. М. Плетнева, 1974.
- ТИМИРЯЗЕВСКОЕ IV, городище. Томское Приобье. Ран. среднеvek. В. И. Матюшенко, 1954; Л. М. Плетнева, 1971.
- ТИМИРЯЗЕВСКОЕ IV, селище. Томское Приобье. Поздн. среднеvek. В. И. Матюшенко, 1954; Л. М. Плетнева, 1974.
- ТИМИРЯЗЕВСКОЕ IX, селище. Томское Приобье. Ран. железн. век. Л. М. Плетнева, 1973.
- ТОВГОР-ЛОП I, поселение. Нижнее Приобье. Усть-полуйская культура. В. М. Морозов, 1987.
- ТОВГОР-ЛОП I, городище. Нижнее Приобье. Зеленогорский этап. Ю. Б. Сериков, 1979; В. М. Морозов, 1987.
- ТОВГОР-ЛОП II, городище. Нижнее Приобье. Зеленогорский этап. Ю. Б. Сериков, 1979; В. М. Морозов, 1987—88.
- ТОВГОР-ЛОП IV, городище. Нижнее Приобье. Ран. жел. век. В. М. Морозов, 1987.
- ТОМСКАЯ СТОЯНКА, г. Томск. Палеолит. Н. Ф. Кашенко, 1896.
- ТОЧИЛЬНОЕ 7, поселение. Лесостепной Алтай. Березовское время. М. Т. Абдулганеев, А. Б. Шамшин, 1987.
- ТОЧИЛЬНОЕ 10, поселение. Лесостепной Алтай. Березовское время. М. Т. Абдулганеев, А. Б. Шамшин, 1987.
- ТРИРЕЧЬЕ, стоянка. Нижнее Приобье. Кулайская культура. В. М. Морозов, 1982, 84.
- ТРИШКИНСКОЕ II, городище. Нарымское Приобье. Ран. среднеvek. Ю. Ф. Кирюшин, 1973.
- ТУМАНСКОЕ I, селище. Северное Зауралье, рр. Тыня, Кульма. Неолит—энеолит, сотниковский тип, дольвинская, гамаюнская культуры, сирийский, кашинский, туманский типы. В. Д. Викторова, 1962, 1963.
- ТУМАНСКОЕ II, селище (стоянка). Северное Зауралье, рр. Тыня, Кульма. Неолит—энеолит, дольвинская, гамаюнская культуры. В. П. Викторов, 1962; В. А. Швечикова, 1965.
- ТУМАНСКОЕ III, селище (стоянка). Северное Зауралье, рр. Тыня, Кульма. Гамаюнская культура, нач. II тыс. н. э. В. П. Викторов, 1962.
- ТУМАНСКИЕ НИЖНЕЕ И ВЕРХНЕЕ, укрепленные поселения — жилища Северное Зауралье, оз. Большой Вагильский Туман. В. П. Викторов, 1962; В. И. Липский, 1963, 1966.
- ТУРБАБИНО I, селище. Нарымское Приобье. Ран. среднеvek. Ю. Т. Мамадаков, Л. А. Чиндина, 1978; Л. А. Чиндина, 1979, 1980.
- ТУРБАБИНО II, селище. Нарымское Приобье. Ран. среднеvek. Л. А. Чиндина, 1977; Ю. Т. Мамадаков, 1978.
- ТУРГАПСКОЕ I, городище. Причулымье. Поздн. среднеvek. В. С. Синяев, 1946; Е. М. Пеняев, 1946, 1948, 1950.
- ТУРУНОВКА I, городище. Новосибирское Приобье. Ран. среднеvek. В. И. Соболев, 1973, 1976.

- ТУРУНОВКА IV, селище. Новосибирское Приобье. Поздн. средневек.
 ТУХ-СИГАТ I, поселение. Среднее Приобье, исток р. Тух-Сигат. Степановская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1972.
- ТУХ-СИГАТ II, поселение. Среднее Приобье, исток р. Тух-Сигат. Степановская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1972, 1977.
- ТУХ-СИГАТ IV, поселение. Среднее Приобье, верховья р. Тух-Сигат. Верхневасюганский локальный вариант среднеиртышской культурной общности, степановская культура, андроновская эпоха, еловская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1976—1981.
- ТУХ-СИГАТ VI, селище. Нарымское Приобье (Васюганье). Ран. железн. век. Ю. Ф. Кирюшин, 1972.
- ТУХ-СИГАТ VII, поселение. Среднее Приобье, р. Тух-Сигат. Еловская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1973.
- ТУХ-СИГАТ VIII, поселение. Среднее Приобье, исток р. Тух-Сигат. Поздний неолит—энеолит и степановская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1973.
- ТУХ-ЭМТОР, городище. Нарымское Приобье (Васюганье). Ран., разв. средневек. Ю. Ф. Кирюшин, 1972, 1973, 1976, 1977.
- ТУХ-ЭМТОР I, поселение. Среднее Приобье, озеро Тух-Эмтор. Еловская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1974.
- ТУХ-ЭМТОР II, селище. Нарымское Приобье (Васюганье). Ран. железн. век. Ю. Ф. Кирюшин, 1972.
- ТУХ-ЭМТОР III, селище. Нарымское Приобье (Васюганье). Ран. железн. век. Ю. Ф. Кирюшин, 1972.
- ТУХ-ЭМТОР IV, поселение. Среднее Приобье, озеро Тух-Эмтор. Степановская, еловская, кулайская культуры. Ю. Ф. Кирюшин, 1973—1977.
- ТЮМЕНСКОЕ, городище. Притоболье. Разв., поздн. средневек. В. П. Левашова.
- ТЮРМИТЯКИ I, поселение. Прииртышье. Екатерининская культура.
- УВАЛ IV, городище. Среднее Притоболье, р. Тобол. Байтовская, саргатская культуры, В. А. Могильников, 1978.
- УВАЛ V, городище. Р. Тобол. Ран. железн. век, В. А. Могильников, 1978.
- УЗЛОВСКОЕ, городище. Зауралье, прыговский тип, М. И. Базь, 1964; В. Е. Стоянов, 1969.
- УЗЛОВСКОЕ, поселение. Зауралье. Байтово, саргатская культура. В. Е. Стоянов, 1964.
- УИДАНОВСКОЕ, гор. Причulyмье. Разв. средневек. В. С. Сияев, 1946; В. А. Дремов, 1974; О. Б. Кокорина, 1977.
- УИДАНОВСКОЕ, селище. Причulyмье, разв. средневек.: О. Б. Кокорина, 1977.
- УК III, поселение. Среднее Притоболье, р. Ук. Ташковская, алакульская культуры, алакульско-федоровский (амангальдинский) тип, пахомовский, носилковский типы. А. С. Сергеев, 1987; Н. К. Стефанова, 1988; Л. Н. Корякова, В. И. Стефанов, 1989.
- УМНА I, поселение. Верхнее Приобье, р. Уень. Ирменская культура. Т. Н. Тронцкая, 1962—1963.
- УМНА IV, городище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. Т. Н. Тронцкая, 1962, 1963.
- У оз. Мелкого, городище. Среднее Зауралье, р. Исеть. Гамаюнская, игкульская, гороховская (?) культуры, IV—VI вв. н. э. В. А. Борзунов, 1979.
- УРЛЮКОВСКОЕ, городище. Причulyмье. Поздн. средневек. Н. Спафарий, 1675.
- УРЬЕВСКОЕ III, городище. Сургутское Приобье. Ран. средневек. В. И. Семенова, 1981.
- УСЕЦ, городище. Томско-Нарымское Приобье, р. Усец. Кулайская, релкинская культуры. Ю. Ф. Кирюшин, 1976.

УСЕЦ I, II, поселение. Среднее Приобье, р. Тым. Степановская культура. Н. М. Зиняков, 1974; Ю. Ф. Кирюшин, 1976.

УСТЬ-АЛЕУС VII, поселение. Верхнее Приобье, р. Обь. Крохалевский тип памятников. В. И. Молодин, 1972; В. В. Симонов, 1975, 1976, 1977.

УСТЬ-ВАГИЛЬСКОЕ, городище (укрепленное жилище). Северное Зауралье, р. Вагиль. Гамаюнская культура, средневек. И. Я. Словцов, 1887; В. Д. Ширинкин, 1957; В. А. Швечикова, 1962; Н. А. Алексашенко, 1968; А. И. Россадович, 1972.

УСТЬ-КАРАБОЛКСКОЕ, городище. Южное Зауралье, р. Караболка. Гамаюнская, бакальская (сылвенская) культуры. В. Я. Толмачев, 1911, 1913—1915; В. П. Бироков, 1949; В. А. Борзунов, 1976.

УСТЬ-КАРАГУЖ, городище. Алтай, р. Карагуж. Большереченская (?) культура. М. Т. Абдулганесв, 1984.

УСТЬ-ЛОСИХА 2, городище. Лесостепной Алтай. Одицовская культура. А. Л. Кунгуров, 1983.

УСТЬ-МАЛАЯ КИРГИЗКА II, селище. Томское Приобье. Разв. средневек. А. Д. Гамац, 1985; Л. М. Плетнева, 1989—1991.

УСТЬ-ПОЛУИ, городище. Нижнее Приобье. Усть-полуйская, кулайская культуры. С. А. Андрианов, 1935—36; В. Н. Чернецов, 1941, 1946—47.

УСТЬ-ТОЛТ, городище. Нижнее Приобье. Карымский этап. С. Г. Боч, 1934; В. Н. Чернецов, 1935.

УСТЬ-УИ III, поселение. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. В. Ф. Старков, 1973; А. И. Петров, 1978; И. Е. Скандаков, 1988.

УТЬМА I, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. Е. М. Данченко, 1983.

УФА VI, городище. Южное Зауралье, верховья Уфы. Липчинская, гамаюнская, иткульская культуры, IV—VI вв. н. э. А. Д. Таиров, 1977; В. А. Борзунов, 1978, 1979.

ФИРСОВО IV, поселение. Барнаульское Приобье, р. Обь. Ирменская культура, раннее железо. А. Б. Шамшин, 1984, 1986.

ФИРСОВО XV, поселение. Барнаульское Приобье, р. Обь. Андроновская культура. А. Л. Кунгуров, 1985, С. Ю. Лузин, 1986, 1990.

ФИРСОВО XVII, поселение. Барнаульское Приобье, р. Обь. Корчажнинская и большереченская культуры. А. Б. Шамшин, 1988, 1989.

ФИРСОВО XVIII, поселение. Барнаульское Приобье, р. Обь. Корчажнинская и ирменская культуры, ран. железо. А. Б. Шамшин, 1987.

ФУНТУСОВСКОЕ, городище. Северное Зауралье, р. Павья — приток Тавды. Гамаюнская, кульминская культуры. Сборы XIX в.; В. Д. Ширинкин, 1955; В. А. Швечикова, 1963.

ХУТОР БОР I, поселение и жертвенное место. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Ранняя бронза, красноозерская культура. А. И. Петров, 1977—1979.

ХУТОР БОР III, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. А. И. Петров, 1977; И. Е. Скандаков, 1988.

ЦЕНТРОПОЛИГОНСКОЕ, городище. Причулымье. Средневек. А. П. Дульзон, 1951; Р. А. Ураев, 1953; В. А. Дремов, 1970; О. Б. Беликова, 1980.

ЦЕНТРОПОЛИГОНСКОЕ, селище. Причулымье. Средневек. О. Б. Беликова, 1980.

ЦЫГАНКОВА СОПКА II, поселение. Бийское Приобье, р. Обь. Ирменская культура. Ю. Ф. Кирюшин, 1986, 1990.

ЧАРЫМОВСКАЯ ЛИСОФЕРМА, городище. Среднее Приобье. Ран., разв. средневек. (?). Я. А. Яковлев, 1985.

ЧАЩИХА, поселение. Свердловская обл., Горбуновский торфяник, северный берег. Неолит, железн. век. В. М. Раушенбах, 1956, 1963.

ЧАРЫШСКОЕ, поселение. Верхнее Приобье, р. Чарыш. Андроновская, корчажнинская и ирменская культуры. В. Н. Владимиров, 1982; А. Б. Шамшин, 1983.

ЧЕБАЧЬЯ РЕЧКА I, поселение. Среднее Приобье, р. Тым. Энеолит, степановская культура. Н. М. Зиняков, 1974; Ю. Ф. Киришин, 1976.

ЧЕБАЧЬЕ, городище. Нижнее Приобье. Карымский этап. В. Н. Чернецов, 1948; Л. Г. Шорикова, 1965.

ЧЕРКАСКУЛЬ I, стоянка. Южное Зауралье, оз. Черкаскуль. Неолит, липчинская, черкаскульская, иткульская культуры. Н. П. Кипарисова, 1953; К. В. Сальников, Н. П. Кипарисова, 1955, 1956.

ЧЕРКАСКУЛЬ II, поселение. Южное Зауралье, оз. Черкаскуль. Липчинская, черкаскульская, межовская, гамаюнская, иткульская культуры. К. В. Сальников, Н. П. Кипарисова, 1955, 1956.

ЧЕРЛАК, поселение. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. Б. В. Мельников, 1985.

ЧЕРНАЯ КУРЬЯ III, поселение. Верхнее Приобье, Мамонтовские озера. Культура валиковой керамики. Г. Е. Иванов, 1986, 1989.

ЧЕРНАЯ РЕЧКА, городище. Среднее Приобье. Ран. средневек. Н. М. Зиняков, 1974; Я. А. Яковлев, 1983.

ЧЕРНАЯ РЕЧКА II, селище. Среднее Приобье. Ран. средневек. Я. А. Яковлев, 1983.

ЧЕРНООЗЕРСКОЕ, городище. Андроновская культура. В. Ф. Генинг, 1968.

ЧЕРНООЗЕРЬЕ IV, поселение. Кротовская культура. В. Ф. Генинг, 1967.

ЧЕРНООЗЕРЬЕ V, городище и селище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Эпоха бронзы, погребение ран. железн. века. В. А. Овчинников, 1967; В. Ф. Генинг, Н. К. Стефанова, 1969; В. Ф. Генинг, В. П. Викторov, В. А. Борзунов, 1970.

ЧЕРНООЗЕРЬЕ II, стоянка. Левый берег Иртыша. У сел. Черноозерье. Палеолит. В. Ф. Генинг, В. Т. Петрин, 1985; В. Т. Петрин, 1986.

ЧЕРНООЗЕРЬЕ VI, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Логиновский тип, кротовская культура, погребения эпохи бронзы, ямочно-гребенчатый комплекс, федоровская культура. В. А. Овчинников, 1967; В. Ф. Генинг, О. М. Кондратьев, 1967—1970; В. Т. Ковалева, 1972; Н. К. Стефанова, 1978.

ЧЕРНООЗЕРЬЕ VIII, поселение. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Ирменская культура, красноозерская культура. В. А. Овчинников, 1967; В. И. Стефанов, 1968; Н. К. Стефанова, 1970.

ЧЕРНЫЙ БОРОК XX, городище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. А. А. Адамов, 1984.

ЧЕРНЫЙ БОРОК XXI, селище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. А. А. Адамов, 1984.

ЧЕРНЫЙ МЫС I, городище. Новосибирское Приобье. Ран. средневек. В. А. Дремов, 1961; Т. Н. Троицкая, 1977, 1978.

ЧЕРНЫЙ МЫС II, городище. Новосибирское Приобье. Ран. средневек. В. А. Дремов, 1961; Т. Н. Троицкая, 1961, 1962, 1968—1976.

ЧЕРНЫЙ МЫС III, городище. Новосибирское Приобье. Ран. средневек. Т. Н. Троицкая, 1962.

ЧЕРНЫЙ МЫС VI, городище. Новосибирское Приобье. Ран. средневек. Т. Н. Троицкая, 1969.

ЧЕРНЫЙ МЫС 7, городище. Новосибирское Приобье. Кулайская культура, находки I—II тыс. н. э. В. Я. Есин, 1968.

ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ, городище. Новосибирское Приобье, р. Каменка. VII—VI вв. до н. э., культура чатских татар XVI—XVII вв. Случайные сборы.

ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ, поселение, металлургический комплекс. Среднее Зауралье, бассейна Исети. Гамаюнская, иткульская, петрогромская культуры. С. И. Сергеев, 1890; В. Я. Толмачев, 1914; Е. М. Берс, 1943.

ЧЕСНОКОВСКАЯ, стоянка. Южное Приуралье, р. Берсианка. Срубная, межовская культуры. Г. И. Матвеева, 1965.

- ЧЕСНОКОВСКАЯ МЕЛЬНИЦА, городище. Южное Зауралье, р. Синара. Иткульская культура. В. Я. Толмачев, 1897.
- ЧИЛИМКА 9, городище. Кондинская низменность, р. Чилимка. Атлымская культура. И. Г. Глушков, 1989.
- ЧИНГИС 3, городище. Новосибирское Приобье, р. Обь. Кулайская культура. В. Я. Есин, 1966; Т. Н. Троицкая, 1967.
- ЧИНЯЕВСКОЕ, городище, селище. Бараба. Разв., поздн. средневек. В. П. Левашова, 1927, 1929.
- ЧИСТЫЙ ЯР, селище. Нарымское Приобье. Ран. средневек. Л. А. Чиндина, 1965.
- ЧИСТЮНЬКА, поселение. Верхнее Приобье, р. Алей. Андроновская и корчажнинская культуры. Г. В. Масленникова, 1980.
- ЧУДАЦКАЯ ГОРА, стоянка. Верхнее Приобье, устье р. Касмала. Большемысская, елунинская и верхнеобская культуры. М. П. Грязнов, 1926, 1930.
- ЧУДСКАЯ ГОРА, городище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш. Кротовская, сузгунская, красноозерская культуры. М. Ф. Косарев, 1974; Т. М. Потемкина, 1976.
- ЧУПИНО, поселение. Среднее Приишимье, р. Ишим. Сузгунская (?) культура, карьковский тип. В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов, 1964.
- ЧУПИНСКОЕ, городище. Прииртышье. Поздн. бронза, ран. железн. век (саргатская культура), средневек. В. Ф. Генинг, 1964.
- ЧУЧКА V, городище. Новосибирское Приобье. Разв. средневек. В. А. Дремов, 1961.
- ЧУЧКА VII—A, городище. Новосибирское Приобье. Ран. средневек. В. А. Дремов, 1961; Т. Н. Троицкая, 1962.
- ЧЭС-ТЫЙ-ЯГ, поселение. Нижнее Приобье. Неолит. С. Г. Боч, 1934; В. Н. Чернецов, 1935; В. Ф. Старков, 1968; Е. А. Васильев, 1985.
- ШАЙДУРИХИНСКОЕ (Шайдуриха), поселение. Среднее Зауралье, р. Аят. Межовская, гамаюнская, иткульская, гороховская, петрогромская культуры. М. В. Малахов, Н. А. Рыжников, 1873; Е. М. Берс, 1959, 1960.
- ШАЙТАНСКОЕ, городище. Р. Кеть. Молчановская культура. М. Ф. Косарев, 1968.
- ШАТОВО III, поселение. Лесостепной Алтай. Ран. железн. век, ран. средневек. (?). Г. Е. Иванов, 1981.
- ШАЛТОВ I, поселение. Зауралье. Екатерининская культура. В. Ф. Старков, 1974.
- ШАЛТОВ II, поселение. Зауралье. Екатерининская культура. В. Ф. Старков, 1974.
- ШАПКУЛЬ I, поселение. Притоболье. Липчинская и шапкульская культуры. В. Ф. Старков, 1971; В. Д. Викторov, 1962.
- ШЕЛОМОК II, поселение. Томское Приобье, р. Томь. Шеломокская культура. Л. М. Плетнева, 1971—1973, 1975, 1976.
- ШЕРКАЛЫ I, селище. Нижнее Приобье. Кулайская культура. Е. А. Курлаев, 1979.
- ШЕРКАЛЫ I, городище. Нижнее Приобье. Ран. жел. век, кулайская, вымская культуры. И. С. Поляков, 1865; В. Н. Чернецов, 1948; Л. Г. Шорикова, 1965; В. М. Морозов, 1979—80, 82; Л. М. Терехова, 1980; С. Г. Пархимович, 1982—83.
- ШЕРКАЛЫ II, городище. Нижнее Приобье. Кучиминский тип. Е. А. Курлаев, 1979.
- ШЕРКАЛЫ III, селище. Нижнее Приобье. Кулайская культура, кучиминский тип. Е. А. Курлаев, В. М. Морозов, 1979.
- ШЕРКАЛЫ III, городище. Нижнее Приобье. Эпоха ран. средневек. В. М. Морозов, 1978; Е. А. Курлаев, 1979.

ШЕРКАЛЫ IV, городище. Нижнее Приобье. Кучминский тип. В. М. Морозов, 1978; Е. А. Курлаев, 1979.

ШЕРКАЛЫ V, селище. Нижнее Приобье. Атлымская культура, ран. жел. век. В. М. Морозов, 1978; Е. А. Курлаев, 1979.

ШЕРКАЛЫ VI, городище. Нижнее Приобье. Рубеж ран. жел. века — средневековье. Кинтусовский этап. Е. А. Курлаев, 1979.

ШЕРКАЛЫ VII, городище. Нижнее Приобье. Кинтусовский этап. Е. А. Курлаев, 1979.

ШЕРКАЛЫ VIII—X, селища. Нижнее Приобье. Ран. жел. век. Е. А. Курлаев, 1979.

ШЕРКАЛЫ XII, городище. Нижнее Приобье. Конец ран. жел. века (кулайская культура); зеленогорский этап. Е. А. Курлаев, 1979.

ШЕСТАКОВСКОЕ I, городище. Марининская лесостепь, р. Кия. Тагарская, таштыкская культуры. А. И. Мартынов, Г. С. Мартынова, А. М. Кулемзин, 1971; М. Б. Абсаямов, 1973; А. И. Мартынов, 1972, 1974—1979.

ШЕСТАКОВСКОЕ XI, городище. Марининская лесостепь, р. Кия. Тагарская, таштыкская культуры, раннее средневековье. А. М. Кулемзин, 1976, 1979—1983.

ШИГИРСКОЕ, городище. Среднее Зауралье, оз. Шигирское. Иткульская культура. Д. Н. Эдинг, 1930.

ШИКАЕВКА II, местонахождение, у дер. Шикаевка Курганской обл. Палеолит. В. Т. Петрин, Н. Г. Смирнов, 1975; В. Т. Петрин, 1986.

ШИШИМСКОЕ, селище. Зауралье. (Таборинское гор.?). 2 полов. I тыс. н. э. И. Я. Слобцов, 1887, 1892; В. М. Флоринский, 1894; И. А. Талицкая, 1953; Е. М. Берс, 1959; В. Д. Швечикова, 1963; В. Д. Викторова, 1969.

ШЛЯПОВО, поселение. Верхнее Приобье, р. Обь. Андроновская культура. М. П. Грязнов, 1952.

ШЕЛГАНУШКА I, городище. Новосибирское Приобье, р. Шелганушка — приток р. Уени. Большереченская культура, нач. II тыс. н. э. В. А. Дремов, 1961; Т. Н. Троицкая, 1962; А. А. Адамов, 1983.

ЭБАРГУЛЬ, городище. Среднее Прииртышье. Усть-ишимская культура. В. А. Могильников, 1961; Б. А. Коников, 1979; Г. В. Казакова, 1987.

ЭССКОЕ Iб, селище. Зауралье. I полов. I тыс. н. э. В. М. Морозов, 1987.

ЮАО V. (Южный берег Андреевского оз.), поселение. Окрестности г. Тюмени. Неолит, энеолит, эпоха бронзы, железный век. В. Д. Викторова, 1967, 1969—1970.

ЮАО (Южный берег Андреевского озера), поселение. Среднее Притоболье. Уч. VI, раскоп 4, саргатская культура. В. Д. Викторова.

ЮАО VI, поселение. Среднее Притоболье. Боборыкинская, андроновская культуры. В. Т. Юрская, 1968, 1970.

ЮАО IX—X, поселение. Среднее Притоболье, оз. Андреевское. Боборыкинская, ташковская культуры. В. Т. Ковалева, 1970, 1972, 1974; Л. И. Ашихмина, 1973; В. Д. Викторова, 1973, 1974, 1976; Н. А. Алексашенко, С. Н. Панина, 1976.

ЮАО XII, поселение. Среднее Притоболье, оз. Андреевское. Кошкинская, боборыкинская культуры. Н. А. Алексашенко, Н. В. Варанкин, В. Д. Викторова, В. Т. Ковалева, 1974—1976.

ЮАО XV, поселение. Среднее Притоболье, оз. Андреевское. Кошкинская, боборыкинская культуры. В. Т. Ковалева, 1976.

ЮДИНСКОЕ, городище. Среднее Зауралье, оз. Осинное — старица Ныцы. Липчинская, шапкульская, иткульская к-ры, речкинский, кашинский, прыговский, молчановский, юдинский, макушинский типы. В. Д. Викторова, 1961, 1962, 1985; В. Ф. Кернер, 1985.

ЮДИНСКОЕ, селище. Зауралье. Прыговский, молчановский типы. В. Д. Викторова, 1960; В. Д. Викторова, В. Д. Швечикова, 1961.

ЮДИНСКОЕ, селище. Среднее Зауралье, оз. Осинное. Байтовская культура. В. Д. Викторова, 1981, 1982.

ЮКАЛИКУЛЕВСКОЕ, поселение. Южное Зауралье, р. Ай. Черкаскульская, межовская культуры, ран. железн. век, XVIII в. Ю. А. Морозов, 1967; В. С. Стоколос, 1970; В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов, 1978.

ЮРТ-АКБАЛЫК I, городище. Новосибирское Приобье. Ран. средневек. А. П. Зиновьев, 1962; Т. Н. Троицкая, 1963—1964.

ЮРТ-АКБАЛЫК V, городище. Новосибирское Приобье. Ран. средневек. А. П. Зиновьев, 1962; Т. Н. Троицкая, 1963, 1975.

ЮТОР I, городище. Нарымское Приобье. Ран., разв. средневек. Л. А. Чиндина, 1965, 1970, 1972, 1974, 1986, 1987.

ЮТОРСКОЕ II, селище. Нарымское Приобье. Разв. средневек. (?). Ю. И. Ожередов, Л. А. Чиндина, 1980.

ЮРТЫ I, городище. Среднее Прииртышье. Бронза, средневек. В. Т. Галкин, 1981.

ЮРТЫ II, городище. Среднее Прииртышье. Бронза, ран. железн. век, потчевашская культура. В. Т. Галкин, 1981.

ЮРТЫ IV, городище. Среднее Прииртышье. Железо. В. Т. Галкин, 1981.

ЮРЬИНСКАЯ, стоянка. Свердловская обл., Юрьинское оз., южный берег. Неолит, эпоха бронзы, железный век. А. И. Россадович, В. Ф. Старков, 1955, 1957, 1960, 1964.

ЯГОДНОЕ I, городище. Причulyмье. Поздн. средневек. А. Рейно, 1988.

ЯГОДНОЕ II, городище. Причulyмье. Поздн. средневек. А. Рейно, 1988.

ЯМСЫСА I, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. А. И. Петров, 1978; И. Е. Скандаков, 1988.

ЯМСЫСА IV, поселение. Среднее Прииртышье. Екатерининская культура. А. И. Петров, 1980.

ЯМСЫСА VII, городище. Среднее Прииртышье, р. Ямсыса. Журавлевский тип. А. Я. Труфанов, 1986.

ЯМСЫСА VIII, поселение. Среднее Прииртышье. Екатерининская культура. А. И. Петров, 1980.

ЯМСЫСА XII, поселение. Среднее Прииртышье. Екатерининская культура. А. И. Петров, 1980.

ЯМСЫСА XIV, городище. Среднее Прииртышье. Потчевашская культура. И. Е. Скандаков, 1988.

ЯМСЫСА XVII, поселение. Среднее Прииртышье. Ран. средневек. И. Е. Скандаков, 1988.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АЭ ТГУ	— Археологическая экспедиция Томского государственного университета
БКИЧП	— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВИ	— Вопросы истории
ВСОРГО	— Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ЗРГО	— Записки Русского географического общества
ЗСОРГО	— Западно-сибирский отдел Русского географического общества
ЗУОЛЕ	— Записки Уральского общества любителей естествознания
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИИС	— Из истории Сибири
ИИФФ СО АН СССР	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР
ИЭ АН СССР	— Институт этнографии Академии наук СССР
КА ТГУ	— Кабинет антропологии Томского государственного университета
КА УрГУ	— Кабинет археологии Уральского государственного университета
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
КЯ ТГПИ	— Кабинет языкознания Томского государственного педагогического института
ЛАЭИГАГУ	— Лаборатория археологических и этнографических

ЛОИА АН СССР	— исследований Алтайского государственного университета
МАЕСВ	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАР	— Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАЭ ОмГУ	— Материалы по археологии России
МИА	— Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
МЭ	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Материалы по этнографии
ООГО	— Отчет археологической комиссии
ПИИЭ	— Омский отдел географического общества СССР
ПХКНАПЗС	— Полевые исследования Института этнографии
РАО	— Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири
РГО	— Русское археологическое общество
СА	— Русское географическое общество
САИ	— Советская археология
СМАЭ	— Свод археологических источников
СОРГО	— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
СЭ	— Сибирский отдел русского географического общества
ТГПИ	— Советская этнография
ТГУ	— Томский государственный педагогический институт
ТИЭ	— Томский государственный университет
ТОКМ	— Труды института этнографии
ТРИИЕТ	— Томский областной краеведческий музей
ТТОКМ	— Труды института истории естествознания и техники
Хак НИИ ЯЛИ	— Труды Томского областного краеведческого музея
УЗ ТГПИ	— Хакасский научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории
УЗ ТГУ	— Ученые записки Томского государственного педагогического института
ЦГИА	— Ученые записки Томского государственного университета
	— Центральный государственный исторический архив

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

бронзов.	— бронзовый
гор.	— городище
железн.	— железный
жил.	— жилище
нач.	— начало
позд.	— поздний
полов.	— половина
посел.	— поселение
постр.	— постройка
разв.	— развитый
ран.	— ранний
сел.	— селище
сред.	— середина
средневек.	— средневековье
тыс.	— тысячелетие
четв.	— четверть

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть третья. Поселения и постройки периода XVIII—XX вв.	5
Глава 8. Поселения и постройки дорусского населения	7
8.1. Краткая история изучения (Н. В. Лукина)	7
8.2. Поселения северо-западной Сибири по фольклорным источникам (Я. А. Яковлев)	10
8.3. Поселения Западной Сибири по этнографическим данным (Н. В. Лукина, П. Е. Бардина)	21
8.4. Постройки (Н. В. Лукина, П. Е. Бардина)	32
8.5. О современных изменениях в поселениях и жилищах (Е. Г. Федорова)	90
Глава 9. Русские поселения, жилища и другие постройки (П. Е. Бардина)	101
9.1. История изучения	101
9.2. Поселения	106
9.3. Постройки	119
9.4. Крестьянская усадьба	153
9.5. Особенности городской жилой среды	156
9.6. Сравнительный анализ	160
Часть четвертая. Генезис традиций в домостроительстве (Л. М. Плетнева)	165
Заключение	198
Источники и литература	201
Список археологических памятников	247
Список основных сокращений	282
Список принятых в томе сокращений	284

ОЧЕРКИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
НАРОДОВ ЗАПОДНОЙ СИБИРИ

ТОМ 1

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Книга II

Редактор *Т. В. Зелева*
Технический редактор *Р. М. Подгорбунская*
Корректор *В. Г. Лихачева*

Сдано в набор 22.11.93 г. Подписано в печать 17.05.94 г.
Формат 60×84¹/₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура Литературная.
Печать высокая. Печ. л. 18. Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 18,52:
Тираж 1000 экз. Заказ 2170. С 27.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография изд-ва «Красное знамя», Томск, пр. Фрунзе, 103.

